

ISSN 0042-8779

ИВЛ

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**

6

2014

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

6/2014 ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

12+

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

- Н.И. Горская** — Правовое государство и цели судебной реформы 1864 г. 3

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

- Е.М. Лупанова** — Иоганн Бакмейстер 18

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

- А.Ю. Ватлин** — Финансовая политика советских властей Баварии в 1919 г. 38

СООБЩЕНИЯ

- П.В. Петров** — Краснознаменный Балтийский флот в конце 1930-х — начале 1941 г. 50

- С.С. Войтиков** — «Как нам реорганизовать Рабкрин»... 59

- В.В. Волков** — Артельный наем в промышленности России в конце XIX — начале XX в. 72

- Ю.В. Шахин** — «Охота на ведьм» в Югославии в конце 40-х — начале 50-х гг. XX в. 86

Выходит
с 1926 года

ООО
РЕДАКЦИЯ
ЖУРНАЛА
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
МОСКВА

ДИПЛОМАТИЯ В ИСТОРИИ

- С.М. Гасратян** — Отношения между Израилем и Иорданией в контексте арабо-израильского конфликта 105

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

- Л. Дугаржав, С.А. Филин** — Генерал Р.Ф. Унгерн-Штернберг и восстановление независимости Монголии 116

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

- В.В. Ишутин** — К вопросу о первом российском торговом корабле в США 126
- И.В. Ковтун** — Путешествие и открытия Д.Г. Мессершмидта на р. Томи 131
- Е.В. Климов** — Географический фактор христианизации Древней Руси. Конец X — середина XIII в. 137
- В.О. Шпаковский** — К вопросу о достоверности источников информации о прошлом 142

ИЗ ИСТОРИИ РЕЛИГИЙ

- О.В. Терёшина** — Православная церковь в годы Великой Отечественной войны 147

ИСТОРИОГРАФИЯ

- И.Б. Белова** — Военнопленные Четверного союза в России 160
- П.В. Фёдоров** — Т.И. Трошина. Великая война и Северный край: Европейский Север России в годы Первой мировой войны 170
- Б.В. Петелин** — Н. Бломе. Ангела Меркель — нерешительность как искусство; Ф. Ресинг. Машина канцлера: как функционирует ХДС 173

Выпуск издания осуществляется при финансовой поддержке
Федерального Агентства по печати и массовым коммуникациям.

Правовое государство и цели судебной реформы 1864 г.

Н.И. Горская

Судебная реформа 1864 г., наряду с отменой крепостного права, является вершиной преобразовательной эпохи Александра II. Она привела к созданию в императорской России современной, демократической судебной системы, пробудила общественный интерес к вопросам права, правовой культуры, защиты прав личности. Некий универсализм судебных институтов и процедур, а также восприимчивость монархии в вопросах суда и права к опыту европейских государств придали судебной реформе образ самой западной из всех нововведений в России после петровских преобразований. Вокруг новых судов сразу же развернулась борьба их сторонников и противников, потому что реформа затрагивала политические проблемы организации власти и полномочия русской бюрократии.

Советская историческая наука, хотя и мало внимания уделяла судебной реформе, тем не менее, сохранила идущую от либеральной дореволюционной историографии характеристику данной реформы как самой последовательной и прогрессивной из всех реформ Александра II¹. Ситуация стремительно изменилась, начиная со второй половины 1980-х гг., когда под воздействием возросшего интереса к правовой тематике и расширения контактов с западными историками² изучение реформы продвинулось далеко вперед³.

Вместе с тем, обнаружились крайние позиции в фундаментальных вопросах: о причинах и своевременности реформы в России, о ее значении и возможности торжества законности в условиях абсолютизма. Здесь крайние позиции демонстрируют Й. Баберовский и Б. Миронов. Первый говорит о «ненужности» реформы в отсталой России, второй — о «нормальности» исторического пути страны, о постепенности развития, в котором судебная реформа 1864 г. утратила свой революционный характер, но сохранила значение фактора, преобразующего Россию в «правомерную монархию»⁴. Наметилась тенденция к переосмыслению судебной реформы «с точки зрения, прежде всего, юридической науки», выхода «за рамки политической истории и истории революционного движения» и оценки ее эффективности «в свете правовой социологии»⁵.

Однако при всех достижениях и новых подходах, недостаточно изученной остается сама судебная реформа, ее общая концепция и характеристики, содер-

жание Судебных уставов и значимость общих принципов для функционирования судебных институтов. Какие цели преследовала судебная реформа, и какую роль в определении целей реформы сыграл Александр II? Выходили ли они за рамки унитарных задач переустройства судов? Каково было соотношение национальных и европейских начал в пореформенной судебной системе?

В поисках ответа на эти вопросы следует учитывать два момента. Во-первых, по авторитетному мнению Л.Г. Захаровой, сформулированной программы преобразований у Александра II и «либеральной бюрократии» не было, но общие ее контуры, связь реформ, отчетливо осознавались реформаторам. История подготовки Великих реформ, «параллельного» создания законодательных актов, определявших их содержание, подтверждает этот вывод ⁶.

Во-вторых, судебная реформа осуществлялась, употребляя терминологию Р. Уортмана, в рамках «национального и общеевропейского мифов» российской монархии, то есть в рамках восприятия Александром II европейских традиций и использования европейского опыта для модернизации страны ⁷. Такой подход в той или иной степени объясняет поиски реформаторами «основных начал» судебной реформы в западной культуре и почти полный разрыв со старой судебной системой на той территории, где вводились Судебные уставы 20 ноября 1864 года.

Известно, что вступление на престол Александра II и поражение в Крымской войне 1853—1856 гг. вызвали в русском обществе ожидание кардинальных перемен, сопряженных с тревогой по поводу сложности предстоящих преобразований: «Мы пришли к такому положению, — писал одинаково близкий к “западникам” и “славянофилам” кн. Д.А. Оболенский, — что по необходимости разом поднимается множество важнейших вопросов и отложить разрешение их невозможно, а, между прочим, при настоящей обстановке всего правительственного организма нельзя предположить, чтобы правительство могло действовать разумно и последовательно». На фоне социальных и политических проблем, переживаемых монархией, увеличивались «опасения за общественное спокойствие в случае каких-либо неудачных мер», или «бездействия правительства», которое также «могло вызвать неудовольствие и беспорядки» ⁸. В такой ситуации только что вступивший на престол Александр II обязан был действовать, «заявляя о себе как о героическом поборнике общего благоденствия — о спасителе России, чье царствование знаменует эпоху обновления» ⁹.

К началу царствования у Александра II сложилась убежденность в необходимости судебной реформы и имелись, пусть и самые общие, представления о ее целях. Об этом было заявлено раньше, чем о необходимости отмены крепостного права или каких-либо других реформ, — в Манифесте 19 марта 1856 г. «О прекращении войны». В нем говорилось: «правда и милость да царствуют в судах, и каждый под сенью законов, для всех равно справедливых, всем равно покровительствующих, да наслаждается в мире плодом трудов невинных» ¹⁰. Заявление носило программный характер. 20 ноября 1864 г. в указе Сенату император напоминал, что оно было одним «из первых наших желаний» ¹¹. Следовательно, с момента вступления на престол Александр II предполагал реформировать суд, устроить его справедливым и милостивым, утвердить равенство подданных перед законом. По существу, целью всех преобразований было, может быть до конца не осознанное, импульсивное «желание» Александра II создать правовое государство, аналог некоего царства справедливости. Чем же объясняется приоритетное внимание царя к вопросам суда и законности? Под влиянием каких факторов оно сформировалось?

В XVIII—XIX вв. верховная власть понимала необходимость использования правовых регуляторов для рационального устройства государства и ограни-

чения «чиновников жесткими рамками закона»¹². Со времен Петра I и Екатерины II она заимствовала на западе некоторые элементы судов, пыталась систематизировать архаичное законодательство и использовать правовые идеи Просвещения для укрепления абсолютизма, придав ему вид эффективного политического режима, действовавшего во имя «общего блага». Поэтому неслучайно изучение законодательства было включено в программу обучения будущего царя-освободителя.

Довольно широкое образование, осуществлявшееся под руководством В.К. Жуковского — «просвещенного консерватора европейского типа» — и постоянным наблюдением отца Николая I, самым непосредственным образом включало европейские и национальные мотивы¹³. Система Жуковского имела целью, прежде всего, воспитать будущего императора в духе ответственности за страну «перед богом и совестью». Бесспорное влияние на цесаревича, на формирование его политических и правовых воззрений оказал М.М. Сперанский. Он готовил наследника к присяге в день его шестнадцатилетия, а с 12 октября 1835 г. по апрель 1837 г. читал лекции, которые «обнимали всю совокупность государственного законодательства и управления»¹⁴. Взгляды выдающегося юриста в тот момент импонировали Николаю I и Жуковскому. Недаром за преподавание наследнику Сперанский получил от царя алмазные знаки ордена св. Андрея Первозванного.

Сперанский преподавал право блестяще, раскрывая его механистическую, монархическую сущность, трактуя законы как выражение воли императора. Трудно было подыскать лучшего знатока русского и западноевропейского законодательства и юриста, проводившего прямую связь между правом и нравственностью. Объясняя наследнику различие между неограниченной монархией и самовластием, Сперанский наставлял: «Слово неограниченной власти означает то, что никакая другая власть на земле, власть правильная и законная, ни вне, ни внутри империи не может положить пределов верховной власти русского самодержца. Но пределы власти, им самим поставленные, извне государственными договорами, внутри словом императорским, суть для него должны быть непреложны и священны. Всякое право, а следовательно, и право самодержавное постолику есть право, но колику оно основано на правде. Там, где кончается правда, и где начинается неправда, кончится право и начнется самовластие. Ни в коем случае самодержец не подлежит суду человеческого; но во всех случаях он подлежит, однако же, суду совести и суду Божию»¹⁵.

Лекции Сперанского, видимо, были хорошо усвоены наследником, и он долго сохранял память о своем учителе. Узнав о смерти Сперанского будучи за границей, он писал оттуда Николаю I: «Смерть нашего почтенного М.М. Сперанского меня крайне огорчила; я любил и уважал его от всего сердца, и всегда буду помнить его наставления»¹⁶. Спустя десятилетия, 31 декабря 1871 г., Александр II с членами императорской семьи присутствовал на панихиде по Сперанскому в связи со столетней годовщиной со дня рождения выдающегося государственного деятеля¹⁷.

Образование наследника завершилось весьма показательно, двумя путешествиями: по России, названного Жуковским «венчанием с Россией», и по Западной Европе, что позволило будущему императору сравнивать Россию и Запад и уже в юности воспринимать Родину как часть европейского мира. Этому способствовали и наставления Николая I перед отправлением Александра Николаевича в Европу: «Мы должны всегда сохранять нашу национальность, наш отпечаток и горе нам, если от него отстанем; в нем наша сила, наше спасение, наша неподражаемость. Но чувство сие не должно отнюдь тебя делать равнодушным или еще менее пренебрегающим к тому, что в каждом государстве или крае любопытно или отличительно. Напротив, вникая, знакомясь и

потом сравнивая, ты много увидишь и узнаешь полезного, и часто драгоценного тебе в запас для возможного подражания»¹⁸.

Из путешествия по России будущий император вынес свои первые непосредственные впечатления о правоохранительной системе. В соответствии с программой, написанной Николаем I, он посещал богадельни, смиренные дома, остроги, которые находил, то «в большом порядке», то «ветхом положении»¹⁹. В Екатеринбурге Александр Николаевич приказал дать «особенное денежное награждение солдатам за поимку разбойника», в Сибири убедился в необходимости «строже поступать со ссыльными»²⁰. В Западной Европе русский цесаревич слышал о суде присяжных, посетил английский парламент в момент отставки правительства Мельбурна, сам «удивляясь, что попал сюда в столь важную политическую минуту, ибо перемена министерства влечет за собой перемену всего». Он осмотрел Тауэр, Паддингтонскую и Ньюгейтскую тюрьмы в Лондоне, выкупив в одной из них заключенных, содержащихся там за долги²¹.

Ко времени вступления на престол наследник обогатил свои знания новым жизненным опытом и участием в государственных делах. Он был знаком с запиской соратника Сперанского М.А. Балугьянского «Рассуждения об учреждении губерний». Начальник Второго отделения с.е. и. в.к. проводил идею «естественного права» о разделении властей как основы «законного правосудия» и эффективного управления. «Необходимость отделения судебных дел от правительственных, — писал он, — не подлежит в нашем веке никакому сомнению. Всякий чувствует, что там, где губернатор может дать повеление судьям судить то или другое, пересматривать их приговоры, остановить исполнение, там не закон царствует, а произвол. В целой Европе без всякого изъятия, да и у Римлян и в древней Греции, судная часть была отделена от правительственной и не только, чтобы начальники сей последней могли остановить или пересматривать их решения, они обязаны исполнять их приговоры беспрекословно»²².

Став царем, Александр II первое время стремился к преемственности в политике. «Изумительная картина беспорядков и злоупотреблений» Петербургского надворного суда, дело Баташевых, тянувшееся около двадцати лет, заставили и Николая I признать «неудовлетворительность правосудия»²³. По его указанию во Втором отделении императорской канцелярии под руководством Д.Н. Блудова началась разработка процессуальных уставов. Александр II знал о намерениях отца внести изменения в судебную систему и явно разделял то отрицательное отношение к русским судам с их «неправдой черной», которое в то время господствовало в обществе. «Молодые император и императрица, — писала в 1855 г. фрейлина его жены А.Ф. Тютчева, — еще будучи наследником и наследницей были более доступны голосам извне, чем император. Правда легче и быстрее доходила до них, они были более осведомлены об общественном мнении и, они знали, что Россия от них ожидает и что желает»²⁴.

Нельзя исключать и того факта, что в основе преобразования судебной системы, как и в основе отмены крепостного права, лежали не только рациональные начала, «историческая необходимость», но и моральный аспект, осознание «образованным обществом» несправедливости и несвободы как зла «в нравственном отношении». Такое понимание необходимости судебной реформы было не чуждо и Александру II. Современники отмечали его одушевленность «самыми благими намерениями», его мягкость, доброту и чистосердечие, «благодущие» по отношению к людям «совершенно противоположенных направлений и даже готовность к самопожертвованию»²⁵. Накануне подписания Манифеста об освобождении крестьян, 18 февраля 1861 г., кн. Д.А. Оболенский записал в своем дневнике: «Говоря об оппозиции, государь сказал раз Ланскому: “Народ

все-таки будет доволен, ему будет лучше, а дворяне могут меня убить, я на то готов, но дело все-таки останется”. “Не знаю”, — добавил князь, — этими ли именно словами он сказал это, но мысль, говорят, та»²⁶. Таким образом, «первое желание» Александра II преобразовать суды сложилось под влиянием воспитания, характера, первого административного опыта и было результатом того воодушевления, которое двигало его «по пути реформ»²⁷. Но поиски милостивого и справедливого суда оказались долгими. Цели и содержание судебной реформы вызрели и оформились в течение ее длительной подготовки, растянувшейся на семь лет (1857—1864 г.).

8 июня 1857 г., вскоре после создания Секретного комитета по крестьянскому делу (3 января 1857 г.), в который входил и Д.Н. Блудов, проект одного из процессуальных уставов, разработанный во Втором отделении под его руководством, уже был внесен на рассмотрение Госсовета. Однако внимание царя и «просвещенной бюрократии» в тот момент было приковано «к главному вопросу царствования» — отмене крепостного права. Эта первоочередность крестьянской реформы была вполне объяснимой: сначала необходимо было уравнивать подданных в личных и имущественных правах, а затем создать процедуры для обеспечения этих прав. Первый, самый длинный, но во многом результативный, этап подготовки судебной реформы — 15 ноября 1857 г. — 19 октября 1861 г. — как раз совпал с разработкой и обнародованием крестьянской реформы²⁸. Параллельно Госсовет обсуждал процессуальные проекты II Отделения. Эти 14 законопроектов представляли собой «блудовский компромисс между судопроизводственными нормами, практиковавшимися в Западной Европе, и российской традицией правосудия»²⁹. Большое место в них занимали идеи С.И. Зарудного, яркого представителя либерально настроенных европеизированных юристов, работавшего одновременно в нескольких комиссиях по подготовке реформ. Корень зла Зарудный видел в слиянии властей: «суд получает дело, испорченное полицией, отсюда смещение властей, бесконечные споры, трата денег и времени»³⁰. Материалы по подготовке судебной реформы убеждают, что Блудов, работая в тесном контакте с Зарудным, оказался человеком весьма восприимчивым к новациям. Дальновидный и опытный администратор в деле подготовки судебной реформы проявил себя сторонником разделения властей, он соглашался с необходимостью организации мировых судов, с упразднением судов сословных, с уничтожением канцелярской тайны и введением «устности» и гласности. Вместе с тем, он стоял за «русское начало выборности» всех судей и главное — не за французскую, а за восточноевропейскую модель организации судов, при которой принцип отделения суда от администрации действовал на уровне следствия, исполнения решений и при рассмотрении гражданских дел, но не распространялся на дела уголовные. «Только в административной власти он усматривал залог спокойствия в государстве»³¹. На таких началах можно было усовершенствовать гражданский процесс, отделить следственную часть от процессуальной, но нельзя было создать суды, которые бы получили самостоятельность и отвечали задачам, провозглашенным Александром II в начале царствования.

По мере того, как чаша весов склонялась в пользу освобождения крестьян с земель, и определились основные принципы земской реформы (всесословность и самостоятельность в делах местного хозяйства)³², Александр II принял решение изменить направление работ по судебной реформе: не прекращая подготовки новых процессуальных кодексов, приступить к созданию проекта судостройства. К этому следует добавить, что при разработке крестьянской реформы либералы добились победы над сторонниками силового обеспечения преобразований. С октября 1858 г. Александр II отказался от идеи усиления военно-полицейских сил и «повсеместного учреждения генерал-губернаторов»³³. Опира-

ясь на поддержку реформаторов, он решил сделать ставку не на карательные силы государства, а на суд, закон и право. Это был отказ от методов полицейского государства, которое широко использовало военную бюрократию для декларируемых целей правового государства. Требовалось реализовать новые принципы социальной жизни, провозглашенные реформами, — равенство и всесловность. По сути, речь шла об изменении методов управления, о широком использовании правовых регуляторов, свойственных правовому государству. Старые суды, по мнению реформаторов, для новых задач не подходили. «Слава наших прежних судов столь невыгодная, — утверждал член комиссии по разработке Судебных уставов К.Г. Репинский, — что едва ли на них можно положиться в делах нового рода, требующих беспристрастия в высшей степени по связи сих со спокойствием целой половины государства»³⁴. 21 октября 1859 г. царь отдал распоряжение Блудову о создании устава судоустройства, требуя увеличения «числа судебных мест» (имелся в виду мировой суд) и применения европейского опыта при формировании судебного корпуса, то есть назначения судей³⁵.

Решительный шаг в направлении кардинального разрыва с прошлым был сделан после отмены крепостного права. К этому обязывала новая ситуация. Этого требовали конкретные задачи реализации крестьянской реформы. Институт мировых посредников, судебно-административный орган, имевший много общего с английскими мировыми судами, но созданный только на время проведения крестьянской реформы, предполагалось заменить независимыми мировыми судьями. Общественные настроения явно благоприятствовали решительным изменениям в сфере судебных преобразований. «После того как крепостники потерпели поражение, и крепостное право перестало существовать, им не из-за чего было особенно выступать против хорошего и правильного судоустройства. Скорее, напротив: с отменой крепостного права они почувствовали, что все отношения в государстве изменились и, что надо кому-нибудь эти отношения наладить», — отмечал исследователь начала XX века³⁶.

К чести Блудова следует отметить, что он сам осознал необходимость выработки общей концепции судебной реформы с участием юристов, которых не было во Втором отделении и которые, в отличие от его коллег-администраторов, были лучше подготовлены к предстоящим работам. Об этом он написал императору в отчете «после предварительных совещаний» с госсекретарем В.П. Бутковым 19 октября 1861 года³⁷. 23 октября 1861 г. царь согласился с его предложениями. Комиссия Госканцелярии во главе с Бутковым пришла к выводу о невозможности извлечь из «блудовских проектов» общие начала, по крайней мере, в короткие сроки. Александр II «после совещания» с председателем Департамента законов, бывшим крепостником, но последовательным сторонником судебной реформы П.П. Гагариным, принял историческое решение о выработке тех начал, «несомненное достоинство которых признано в настоящее время наукой и опытом европейских государств»³⁸. Комиссия Буткова, куда входили выдающиеся юристы, «отцы» судебной реформы (А.М. Плавский, Н.А. Буцковский, Н.И. Стояновский, Д.П. Шубин, С.И. Зарудный, П.Н. Даневский, К.П. Победоносцев, Д.А. Ровинский, А.П. Вилинбахов) разработала «Основные положения преобразования судебной части в России». Символично, что Александр II подписал их 29 сентября 1862 г., сразу после возвращения из Новгорода, где состоялись торжества по случаю тысячелетия России. Основные положения включали в себя западноевропейские принципы судопроизводства и судоустройства, объединенные в цельную систему. Опираясь на Основные положения, расширенная комиссия Буткова и создала Судебные уставы, утвержденные царем 20 ноября 1864 г. (Учреждение судебных установлений, Устав

уголовного судопроизводства, Устав гражданского судопроизводства, Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями).

Перед обнародованием Судебных уставов, в указе Сенату, Александр II провозгласил цели реформы: 1) создать суд «скорый, правый, милостивый и равный»; 2) «возвысить судебную власть, дать ей надлежащую самостоятельность» и 3) «утвердить в народе... то уважение к закону, которое должно быть постоянным руководителем действий всех и каждого от высшего до низшего». Далее говорилось: «Призывая благословение всевышнего на успех этого великого дела, мы радостно выражаем надежду, что намерения наши осуществляются при ревностном содействии наших верноподданных, как каждого отдельно, в кругу личной его деятельности, так и в совокупном составе обществ, сословий и земства, ныне, по воле нашей, на новых началах образуемого»³⁹.

В этом Манифесте, в отличие от Манифеста начала царствования, основной задачей независимого суда провозглашалось утверждение правопорядка, при котором «каждый» в своей деятельности руководствуется законом. Четкие формулировки Манифеста показывали, что опыт первых лет царствования, студенческие волнения, польское восстание 1863—1864 гг. наложили свой отпечаток на осознание целей реформы. Суд объявлялся не инструментом царства справедливости, а инструментом повседневной законности. И Манифест, и сами Уставы «декларировали» иное понимание правового государства, чем то, которым верховная власть руководствовалась до эпохи преобразований. «Несомненно, что государственная власть в эпоху монархического абсолютизма служила общему благу, интересам подвластного общества и даже признавала такого рода служение своей обязанностью, но обязанностью религиозной или нравственной, которую носители верховной власти почитали себя связанными перед Богом или перед совестью. Юридической обязанности по отношению к подвластным, которой соответствовали бы субъективные права последних, носители власти не признавали»⁴⁰. Обнародвав Судебные уставы, царь возложил на себя юридические обязанности по отношению к подданным. С этого момента он признавал их субъективные права на правосудие, равенство перед судом и законом, на защиту от произвола администрации посредством суда. Более того, император призывал «каждого отдельно», общество, сословия и земства к активному участию в реформе, к содействию преобразованиям, подчеркивая тем самым их национальный характер. При новом понимании правового государства, которое демонстрировали царский манифест и новые процессуальные кодексы, граждане получали «право на участие во власти, право на свободу от власти и право на содействие власти»⁴¹. Конечно, эти права были ограничены. Судебная реформа не могла предоставить политические права, и по большому счету — «участие во власти». Но это был решительный шаг в сторону потенциального признания политических прав в будущем. Зато «право на свободу от власти и содействие власти» предполагалось обеспечивать вполне конкретно — через новые суды.

Дополнительные характеристики, отвечающие ожиданиям населения, приобрел и суд. К нему предъявлялось требование быть не только справедливым и милостивым, но скорым и равным. Главным принципом всей судебной системы провозглашалась независимость судебной власти, а сами суды становились инструментом правового государства. В Судебных уставах удалось сочетать технико-юридический и социальный аспекты и в условиях сохранения сословного строя провести нормы, соответствовавшие принципам гуманизма, равенства, демократизма: «правосудия для народа и, по возможности, посредством народа»⁴².

Реформа вводила хорошо продуманную и гармоничную в своем единстве систему судов и процедур, имевших место сразу и в англо-саксонском праве и на континенте, главным образом, во Франции. Несогласованность этих «ис-

ходных начал» была преодолена за счет внутреннего единства Уставов — каждый элемент служил целям реформы и был приспособлен к российским реалиям. Судебные изменения вводились не постепенно, а «разом»⁴³. Имеется в виду не территориальное распространение Уставов, а то, что они были частями одного целого, причем ранее неизвестного России. В XIX в. судебные реформы проходили во многих странах Европы, но нигде они не знаменовали собой полный разрыв с предыдущей системой и потому не казались столь революционными и значимыми. Но в России, как и во всей Европе, обвинительный процесс с его запутанной и сословной системой формальных доказательств ушел в прошлое, уступив место независимому, устному, гласному и состязательному суду.

Две ветви судов: коронные — общие судебные места (окружной суд и судебная палата) и выборные — мировые (участковые и почетные судьи и их съезды), каждая из которых состояла из двух инстанций (для рассмотрения дела по существу только дважды), объединялись кассационными департаментами Сената, куда подавались жалобы на предмет нарушения закона или процедуры. Социальным стержнем системы были принципы всесословности (по составу судей и подсудности дел) и равенства. Дела распределялись между судами не по сословности, как это было ранее, а по объему подсудности, что давало возможность вывести довольно значительную часть крестьянских дел из-под юрисдикции волостных судов и направлять их в мировые суды. В окружных судах, где рассматривалась основная масса наиболее сложных дел, действовал суд присяжных заседателей. Гласность и состязательность обеспечивались прокурорами, адвокатами и следователями. По мере возрастания цены иска и тяжести уголовного преступления усложнялись и процедуры.

Из Англии были заимствованы мировые суды (единоличный судья — первая инстанция, уездные съезды судей — вторая) и институт присяжных заседателей. Из Франции пришли принцип разделения судебной и исполнительной властей, единый кассационный суд, ограничение права апелляции вторыми инстанциями, двойной допрос обвиняемого (судебным следователем и на суде в присутствии присяжных заседателей), роль прокурора и адвоката в состязательном процессе, «способ заключения прений путем резюме председателя, обращенного к присяжным заседателям», и многое другое⁴⁴.

Однако каждый из институтов и каждая из процедур судебной реформы имела в западной правовой культуре «только корни». При обсуждении Основных положений и создании Судебных уставов институты и процедуры обсуждались с точки зрения их эффективного функционирования в российских условиях⁴⁵. Прогрессивность тех или иных норм Уставов определялась их соответствием тем качествам суда, которых предполагалось достигнуть. Исследователи Судебных уставов отмечали, что иногда выбор был в пользу русской судебной системы, иногда, отступая от западных примеров, реформаторы допускали ошибки и просчеты. Так, в пользу русской системы говорил тот факт, что председатель суда в России, обращаясь к присяжным, должен был выразить свое мнение и показать присяжным как факты, подтверждающие обвинение, так и факты, которые говорят в пользу подсудимого, тогда как во Франции в обязанности председателя входила поддержка прокурора. Хорошо известно, что буквально выполнив свою миссию, А.Ф. Кони способствовал оправданию В.И. Засулич. Некоторые элементы новых судов, так или иначе, ранее присутствовали и в русских судах, но они были переработаны в соответствии с целями реформы и ее принципами. Н.И. Стояновский утверждал, что суд присяжных вел начало от сословных заседателей и даже сенаторов старых судебных департаментов. Именно они, являясь судьями фактической стороны

дела, решали вопрос о виновности, а наказание выносилось «коронным элементом» в лице канцелярии ⁴⁶.

Одной из самых замечательных характеристик реформы, по большому счету не соответствующей духу времени, был ее демократический характер, который во многом и предопределил неприятие реформы со стороны консерваторов во власти и в обществе.

Судебная реформа, как и земская, первоначально была введена в губерниях, где до 1861 г. действовало крепостное право, и где вчерашние крепостные крестьяне и помещики были вовлечены в преобразования. В целом, состав новых судебных учреждений, где лидирующие позиции заняли дворяне, отражал сословную организацию российского общества. Однако самый демократический институт реформы — суд присяжных заседателей — не мог существовать только за счет образованных элементов. Их, по разным причинам, явно не хватало для массы уголовных дел, рассматриваемых присяжными. «Суд улицы», суд толпы, как порой называли его юристы, в провинциальных губерниях в 1883 г. более чем наполовину состоял из крестьян (57, 4%) ⁴⁷, с участием которых рассматривалось ежегодно более 70% уголовных дел (73,6% в 1879—1883 гг.) ⁴⁸. При этом крестьяне-присяжные проявляли больше ответственности при исполнении своих обязанностей, чем представители других сословий.

Демократичность этого института была еще в том, что именно суд присяжных позволял рассматривать приговор как выражение внутреннего убеждения, продиктованного совестью, а не формальными уликами. В отличие от суда шеффенов (выборных заседателей) в Германии, в России он составлял отдельную коллегия, имеющую свою задачу (вопрос о виновности), а в отличие от Франции — не распространялся на гражданские дела и не имел большого жюри. В Англии восторжествовало правило, применяемое во всех странах: «всякий обвиняемый», предстоящий пред судом присяжных, должен иметь защитника.

Критика в отношении присяжных заседателей всегда сводилась к трафаретным обвинениям, указывающим на неграмотность русского крестьянина, на отсутствие у него каких-либо представлений о законе и суде, наконец, на его снисходительность по отношению к преступникам. Действительно, присяжные вносили в свои «приговоры» собственные представления о справедливости, но они чтили и закон. Неграмотные крестьяне, обладатели имущественного ценза, «строго» судили дела о собственности, о конокрадстве и, наоборот, были, как и в Западной Европе, «снисходительны» по отношению к преступникам, в делах которых чувствовали политический или религиозный подтекст ⁴⁹.

Известно, что первоначально простые люди восприняли судебную реформу с большим воодушевлением и надеждами. Как свидетельствовали полицейские города Рославля Смоленской губернии, население, ожидая введения новых судов, не желало «судиться по-старому»: «все требуют разбирательств по закону, который изучают даже в лавках и такое сутяжничество принадлежит преимущественно мелким торговцам» ⁵⁰. Многие положения реформы предназначались исключительно для несостоятельных и неграмотных слоев населения. Значительно облегчились возможности обращения в суд, особенно по мелким делам. Они не были ограничены никакими формальностями и обеспечивали доступ в суд лиц любого возраста, социального положения и уровня грамотности. Например, мировой судья не только сам начинал дело, когда был «очевидцем» правонарушения, но и принимал жалобы от частных лиц в любое время и в любом месте. Жалоба писалась на простой бумаге, а в случае неграмотности подателя мировой должен был оформить жалобу сам ⁵¹.

Демократический состав института присяжных заседателей, общественный характер адвокатской корпорации, бесплатность гражданского процесса

(до 1877 г.), выборный характер судебного-мирового института, «привязанность» цензов присяжных заседателей и мировых судей к земскому земельному цензу для привлечения к судебной деятельности «местных» жителей — все это создавало общую картину тех позитивных изменений, которые были результатом судебной реформы.

Деятельность новых судов была бы невозможна без участия в ней земских учреждений, вот почему в своем Указе от 20 ноября 1864 г. император особо говорил о «содействии» земства. Земство составляло списки присяжных заседателей, до 1872 г. назначало им денежное пособие, выплачивало прогонные и суточные судебным следователям и прокурорам, избирало мировых судей, финансировало деятельность этого института, строило и содержало арестные дома в уездах, без наличия которых мировые не смогли бы применять такую меру наказания, как арест⁵². Земство первым осознало необходимость оказания юридической помощи населению и гуманного отношения к заключенным⁵³. Земские учреждения, со своей стороны, получили, пусть и ограниченные, судебные гарантии своей хозяйственной деятельности в качестве субъектов гражданского права — в качестве юридических лиц.

Однако реализовать провозглашенные цели и решить поставленные задачи в полном объеме в условиях абсолютной монархии, которая к тому же утрачивала свой «реформаторский потенциал», оказалось невозможным. Опасения, высказывавшиеся наиболее дальновидными представителями либеральной бюрократии, оправдывались⁵⁴. Препятствия, мешавшие воплощению в жизнь прогрессивных положений реформы, были связаны с общими условиями развития страны (сословный строй и политический уровень экономического и культурного развития страны, степень развитости инфраструктуры провинции, организационные и идеологические противоречия и т.п.) и с несовершенством правовой системы.

Судебные уставы первые вводили в российское законодательство понятие судебной власти, что соответствовало представлениям императора о качественно новом месте суда в системе государственного управления. Ст. 1 «Учреждения судебных установлений» определяла: «Власть судебная принадлежит мировым судьям, съездам мировых судей, окружным судам, судебным палатам и правительствующему Сенату — в качестве верховного кассационного суда»⁵⁵. За императором осталось только право помилования. Александр II понимал такое положение вещей, как возвышение судебной власти, при которой монарх остается верховным судьей. В представлении царя «современное судоустройство цивилизованных стран вполне сочеталось с самодержавной системой правления»⁵⁶. Отмена крепостного права, доступ крестьян в земства и суды, включение крестьян в «публичные царские церемонии» указывало на желание Александра II укрепить «связи монарха с русским народом»⁵⁷. Для этого использовались и новые суды. Правовое государство должно было обеспечивать легитимность абсолютной монархии. Напутствуя председателей съездов мировых судей, министр юстиции Д.Н. Замятнин, принимавший деятельное участие в реформе, говорил в 1867 г. «что судебная власть, составляя твердый оплот государственного устройства, должна подтвердить то уважение к верховной власти и установленным ею судебным и административным властям и лицам, без которого невозможно государственное благосостояние»⁵⁸.

Между тем, первая статья «Учреждения судебных установлений» противоречила существовавшему законодательству об абсолютном и божественном происхождении императорской власти. Она ставила Россию в ряды стран, где независимая судебная власть символизировала торжество принципа разделения властей, являясь атрибутом республик и ограниченных монархий. Судебные уставы затрагивали и законодательные прерогативы царя. Наряду с законами,

от «самодержавной власти исходящих», получили значение и такие источники права как толкование и правовой обычай. Обычай (помимо крестьянских судов) применялся в гражданском судопроизводстве, а толкование — в деятельности всех судов, потому что далеко не все отношения были урегулированы законом. Судебные уставы, как и положено в правовом государстве, требовали решать дела «на основании существующих законов, не останавливая решения под предлогом неполноты, неясности, недостатка или противоречия закона»⁵⁹. Более того, во время обсуждения Уставов и порядка их введения реформаторы постоянно сталкивались с проблемой определения закона. Его основной признак — распоряжение, исходящее от верховной власти, уже считался недостаточным, от закона требовалось нормативное содержание. Речь шла о субъекте правотворчества (монарх или другие субъекты) и содержании (норма, обязательная для всех, или инструкция для исполнения закона). А поскольку в пореформенной России обязательными становились нормативные распоряжения губернаторов, городских дум, губернских земских собраний, то «эти субъекты правотворчества» «ограничивали» императорскую власть.

Однако позитивистская юриспруденция, господствовавшая в русских университетах, продолжала обосновывать абсолютный характер царской власти: «и в законодательстве, и в управлении, он одинаково неограничен, одинаково полновластен»⁶⁰. Ее представители критиковали школу «естественного права». Ш. Монтескье с его теорией разделения властей не подходил русским позитивистам, потому что строгое разграничение функций «не может устранить злоупотреблений»; взгляды Б. Константа и Г. Гегеля, рассматривавших судебную и исполнительную власти «как подразделения одной и той же власти», противоречили Судебным уставам⁶¹. Современные исследования показывают, что «правовое сознание государственных чиновников, готовивших проект реформы 1864 г., носило гораздо менее позитивистский и релятивистский характер, чем академическая юриспруденция второй половины XIX века»⁶². Метафизические теории «естественного права» были направлены на поиски обеспечения свободы; позитивистские построения русских либеральных юристов — на обоснование правового государства, в котором царь, действуя в соответствии с новым законом, сохранял всю полноту власти.

Администрация на местах, в отличие от верховной власти, реально поступилась властными полномочиями с представителями судебной власти. Она утратила административные рычаги воздействия на принятие или обжалование судебных решений. За полицией остались незначительные «вспомогательные» обязанности, которые сводилась к производству дознания и исполнению отдельных поручений судебных органов. До 1876 г. за неисполнение распоряжений судьи полицейские получали от него «предостережение», а губернатор свидетельствовал на суде как частное лицо — его показания не имели силы доказательства⁶³. Наряду с этим существовали институты и процедуры, свойственные не правовому, а полицейскому государству. Так, за независимыми судьями вплоть до 1880 г. осуществлялся негласный надзор со стороны III Отделения, а затем — со стороны Судебного отдела департамента полиции МВД. В эти ведомства стекались жалобы губернаторов на судей и прокуроров⁶⁴.

Конфликты между «судейскими» и администрацией были весьма распространенным явлением вплоть до конца 1870-х годов. Они отражали нежелание местной администрации делиться властными полномочиями и «подчиняться» судебной власти. И хотя со временем они теряли свою остроту, а полиция все активнее сотрудничала с судебными «чинами»⁶⁵, все же противоречия между судом и администрацией не были изжиты окончательно.

Одним из ключевых моментов в отношениях властей на местах являлась судебная ответственность административных лиц за должностные преступле-

ния. По предложению К.П. Победоносцева, в России был принят довольно сложный порядок, по которому, как и во Франции, для предания должностных лиц суду требовалось «разрешение своего начальства». Уголовная статистика говорит, что это отнюдь не спасало правонарушителей от судебного преследования. Служебные преступления оказывались самими трудными для следствия, они обычно занимали больше времени, чем действия по другим видам преступлений. Но и здесь около половины дел (48,6%) расследовалось довольно быстро — до 2 месяцев; 31,7 % дел — от 2 до 6 месяцев и 19,7% — более полугода (более года расследовался только 1 % всех преступлений вообще). Но самое примечательное заключалось в том, что «начальство» почти всегда соглашалось с заключением прокурора о виновности подозреваемого. Так, из 1000 преступлений по должности в 1874—1878 г. только в пяти делах оно выразило несогласие, а в 1884—1888 гг. — только в двух ⁶⁶.

Настоящим ударом по Судебным уставам был закон 1889 г., ликвидировавший выборных мировых судей и передавший их судебные функции администрации в лице земских начальников и надзорных органов. Это нанесло большой урон законности и правопорядку в широком смысле слова. Разделение властей было отменено для самой многочисленной категории судебных дел. Земские начальники, принимая судебные решения, ошибались значительно чаще, чем мировые судьи. В первое десятилетие XX в. кассационные департаменты Сената признали неправильными 77% окончательных постановлений земских начальников и уездных съездов ⁶⁷. В деревне в юридическом смысле утвердилось настоящее беззаконие.

Судебные уставы, этот «цельный и совершенно самостоятельный памятник», «всецело плод убеждений, созданный и взлелеянный наукой», заняли особое место в российском законодательстве. «Цельность и самостоятельность» Уставов была столь существенной, что, предпринятая в 1876 г. попытка внести их в Свод законов Российской империи, закончилась полной неудачей. Второе Отделение так и не смогло инкорпорировать их в российское законодательство — разбить «по соответствующим томам свода законов», для этого понадобилось создать XVI том свода, куда и были включены Уставы ⁶⁸.

Существовало глубокое противоречие между современным процессуальным правом Уставов и во многом архаичным материальным правом, что значительно осложняло работу пореформенных судов. А.Ф. Кони вспоминал, как однажды ни С.И. Зарудный, ни К.П. Победоносцев, известные знатоки гражданского права, к которым он обратился за разъяснением одного гражданско-правового термина, не смогли ему помочь. А словарь, в котором он нашел разъяснение интересовавшей его юридической дефиниции, был очень дорог и имелся в стране «в крайне ограниченном числе экземпляров» ⁶⁹. Академическая наука и юристы-практики остро осознавали «необходимость нового органического гражданского и уголовного законодательства, в замену пестрого свода законов» ⁷⁰.

В российском законодательстве существовало множество пробелов, число которых увеличивалось по мере развития жизни. Кассационным департаментам Сената приходилось проделывать колоссальную работу, чтобы на основе компаративного толкования русских законов, принять правильное правовое решение. Судьи руководствовались в своей деятельности законом, обычаем, решениями кассационных департаментов Сената. Эти источники дополняли друг друга, но в целом правовая система страдала несогласованностью и противоречивостью ее элементов. Характеризуя правотворческую деятельность Сената в области гражданского права, сенатор Н.Э. Нольде писал в начале XX в., что «правовая система, образующаяся путем нарастания отдельных казуистических решений, получивших ввиду отсутствия закона, силу равную ему, не может представлять законченной стройности и планомерной разработки» ⁷¹.

Самым несовершенным из четырех Уставов считался «Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями», поскольку был рассчитан на мировых судей, которым по закону не требовалось юридическое образование, и «отцы» судебной реформы постарались дать универсальное пособие, включавшее процессуальные нормы и нормы материального права. Здесь практически не было общей части, юридических определений и дефиниций⁷². «Невыдержанность и бедность юридических терминов ставили судебную практику в неоднократные затруднения при толковании уставов», судьям мешали как «бедность общих положений, так и частые повторения»⁷³. Поскольку ни один закон не охватывал всех отношений, мировые, как и судьи общих судебных мест, должны были руководствоваться старым «Уложением о наказаниях уголовных и исправительных» (1845 г.), где сохранялся принцип сословности. Он противоречил положению о равенстве перед законом: «за преступление самое тяжкое простолюдины наказывались строже, чем преступники из высших классов, за преступления менее тяжкие, напротив, гораздо строже наказывались последние, так что за вину, за которую крестьянин или мещанин подлежали тюремному заключению, дворянин или почетный гражданин подвергался вечной ссылке»⁷⁴.

Материальное право Российской империи так и не было приведено в соответствие с Судебными уставами 1864 года. Это символизировало неспособность монархии, несмотря на все увеличивавшееся число квалифицированных юристов, провести правовую реформу, наподобие той, которая имела место во времена Сперанского. С другой стороны, несмотря на всю критику Судебных уставов, их якобы «инородность» в ткани русской жизни, несоответствие политическому режиму и т.п., монархия так и не решилась на их кардинальную ревизию. Суды, созданные реформой 1864 г., продолжали действовать до революции 1917 года. Но они не могли разрешить острых конфликтов начала XX в., потому что являлись только условием правового государства, формирование которого осложнялось острыми социальными проблемами, неспособностью монархии адекватно реагировать на вызовы времени и проводить крупномасштабные социально-политические преобразования.

Примечания

1. ДЖАНШИЕВ Г. Эпоха Великих реформ. М. 1896; ГЕССЕН И.В. Судебная реформа. СПб. 1904; ГОГЕЛЬ С.К. Судебные уставы 1864 г. Значение их в истории русской культуры. СПб. 1904; КОНИ А.Ф. Отцы и дети судебной реформы: К пятидесятилетию судебных уставов. М. 1914; ВИЛЕНСКИЙ Б.В. Судебная реформа и контрреформа в России. Саратов. 1969; КОРНЕЕВА Н.М. Судебные преобразования в пореформенной России в советской историографии. — Правоведение. 1985, № 4, с. 81—91.
2. БОЛЬШАКОВА О.В. Власть и политика в России XIX—начала XX века: американская историография. М. 2008, с. 145—148.
3. КОРОТКИХ М.Г. Самодержавие и судебная реформа 1864 г. в России. Воронеж. 1989; ЕГО ЖЕ. Судебная реформа в России: Сущность и социально-правовой механизм формирования. Воронеж. 1994; ТАРАНОВСКИЙ Т. Судебная реформа и развитие политической культуры царской России. Великие реформы в России. 1856—1874. М. 1992; КАЗАНЦЕВ В.А. История царской прокуратуры. СПб. 1993; ПРАВИЛОВА Е.А. Законность и права личности: Административная юстиция в России (вторая половина XIX в. — октябрь 1917 г.). СПб. 2000; МИРОНОВ Б.Н. Социальная история России периода империи (XIII — начало XX в.): генезис личности, демократического общества и правового государства. Т. 2. СПб. 2003, с. 9—98; УОРТМАН Р.С. Властители и судии: Развитие правового сознания в императорской России. М. 2004.
4. УОРТМАН Р.С. Ук. соч., с. 38—44.
5. ТАКАХАСИ К. К переосмыслению судебной реформы. В кн.: История России. М. 2001, с. 31—42.
6. ЗАХАРОВА Л.Г. Самодержавие и реформы в России 1861—1874 (К вопросу о выборе пути развития). Великие реформы в России. 1856—1874. М. 1992, с. 24—43; LINCOLN B. The Great reforms: Autocracy, bureaucracy and the politics of change in imperial Russia. DeKalb. 1990.

7. УОРТМАН Р.С. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. Т. 2. М. 2004; ЗАХАРОВА Л.Г. Крестьянская реформа 1861 г. в исторической перспективе (к проблеме Россия и Запад — выбор пути развития). ЕЕ ЖЕ. Александр II и отмена крепостного права в России. М. 2011, с. 602—622.
8. Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского. 1855—1879. СПб. 2005, с. 165.
9. УОРТМАН Р.С. Сценарии власти, т. 2, с. 24.
10. ПСЗ-II, т. 31, отд. 1, № 30276. с. 132.
11. ТАТИЩЕВ С.С. Александр II. Его жизнь и царствование. СПб. 2006, с. 411.
12. МИРОНОВ Б.Н. Ук. соч., с. 149.
13. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М. 2000, с. 143; ТАТИЩЕВ С.С. Ук. соч., с. 30—90.
14. ТАТИЩЕВ С.С. Ук. соч., с. 36, 54, 62.
15. Там же, с. 61.
16. Переписка цесаревича Александра Николаевича с императором Николаем I. 1838—1839. М. 2008, с. 319.
17. Там же, с. 16.
18. Там же, с. 31.
19. Венчание с Россией. Переписка великого князя Александра Николаевича с императором Николаем I. 1837 год. М. 1999, с.29, 31, 35, 50, 61, 79, 90, 95 и др.
20. Там же, с. 51, 53—54.
21. Переписка цесаревича, с. 37, 409—411, 611, 612.
22. Цит. по: Министерство юстиции за сто лет. СПб. 1902, с. 108.
23. Там же, с. 100—101.
24. ТЮТЧЕВА А.Ф. При дворе двух императоров. Воспоминания. Дневник. М. 2000, с. 136.
25. ЧИЧЕРИН Б.Н. Воспоминания. Московский университет. М. 1929, с. 131; ТЮТЧЕВА А. Ук. соч., с. 236, 346; ФЕОКТИСТОВ Е.М. За кулисами политики и литературы. Воспоминания (1848—1896). Л. 1929, с. 119; УОРТМАН Р.С. Сценарии власти, т. 2, с. 42.
26. ОБОЛЕНСКИЙ Д.А. Записки, с. 187.
27. ЗАХАРОВА Л.Г. Александр II и отмена крепостного права, с. 691.
28. КОРОТКИХ М.Г. Самодержавие и судебная реформа в России; ОР РНБ, ф. 208 (А.В. Головнин), ед. хр. 295, л. 1—17.
29. УОРТМАН Р.С. Властители и судии, с. 279.
30. Материалы по судебной реформе. Т. 9 (1857—1859). О Значении мирового судьи и словесного порядка гражданского судопроизводства, с. 29.
31. УОРТМАН Р.С. Властители и судии, с. 284.
32. Материалы по земскому общественному устройству. Т. 1—2. СПб. 1884—1885, с. 2.
33. МОРОЗОВА Е.Н. У истоков земской реформы. Саратов. 2000, с. 121—129.
34. ОР РНБ (К.Г. Репинский), ф. 637, д. 292, л. 9.
35. Судебные уставы с изложением рассуждений, на коих они основаны. Учреждение судебных установлений. Ч. 3, с. I—II.
36. ТИТОВ А.А. Реформы Александра II и их судьба. М. 1910, с. 81.
37. Центральный исторический архив Москвы (ЦИАМ), ф. 1650 (А.Д. Ровинский), оп. 1, д. 57. 1861, л. 8.
38. Журнал соединенных департаментов законов и гражданских дел о преобразовании судебной части в России (28 апреля — 30 июня 1862 г.). СПб. 1862, с. 10.
39. ПСЗ-II, т. 39, отд. 2, № 41473, с. 180.
40. ТАРАНОВСКИЙ В.Ф. Энциклопедия права. Берлин. 1929, с. 398. Цит по: МИРОНОВ Б.Н. Ук. соч., с. 114.
41. МИРОНОВ Б.Н. Ук. соч., с. 114.
42. ФОЙНИЦКИЙ И.Я. Курс уголовного судопроизводства Т. 1. СПб. 1884, с. 156.
43. КОВАЛЕВСКИЙ М.М. Очерки по истории политических учреждений в России. СПб. Б. г., с. 190.
44. Там же, с. 188—189.
45. См., например: ЦИАМ, ф. 1650, оп. 1, д. 60.
46. Энциклопедический Словарь Брокгауза и Эфрона. Т. 32. СПб. 1901, с. 3—12.
47. АФАНАСЬЕВ А.К. Присяжные заседатели в России. 1866—1885. Великие реформы в России. 1856—1874. М. 1992, с. 192.
48. Итоги русской уголовной статистики за 20 лет (1871—1891). СПб. 1899, с. 36. (Приложение к Журналу Министерства юстиции. 1899, № 7).
49. КОВАЛЕВСКИЙ М.М. Ук. соч., с. 191.
50. Судебно-статистические сведения и соображения о введении в действие Судебных уставов 20 ноября 1864 г. (Смоленская губерния). СПб. 1866, с. 2.
51. Устав уголовного судопроизводства: ПСЗ-II, т. 39, отд. 2, № 41476, ст. 42—46.

52. Временные правила для подвергаемых аресту по приговорам мировых судей. Сборник правительственных распоряжений по делам, до земских учреждений относящихся. Т. 1. СПб. 1868, с. 21—27.
53. ГЕССЕН И.В. Юридическая помощь населению. СПб. 1904.
54. «Ноябрь 1864 года ознаменовался новой великой реформой, которая наряду с освобождением крестьян останется навеки памятником царствования императора Александра II. Но, к сожалению, очевидна была для всех совершенная невозможность покончить разом с отжившим старым порядком и перейти вдруг к новому. Переход этот представлял своего рода задачу, решение которой требовало различных соображений и немалых денежных средств», — писал военный министр Д.Н. Милютин. (Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина 1863—1864 гг. М. 2003, с. 489—490).
55. ПСЗ-II, т. 39, отд. 2, № 41475, ст.1.
56. ЗАХАРОВА Л.Г. Александр II. Российские самодержцы. 1801—1917 гг. М. 1994, с. 190.
57. УОРТМАН Р.С. Сценарии власти, т. 2, с. 31—32.
58. Сборник циркуляров и инструкций Министерства юстиции с 1 января 1865 г. по 1 мая 1870 г. СПб. 1870, с. 24.
59. Устав уголовного судопроизводства: ПСЗ-II, т. 39, отд. 2, № 41476, ст. 10; Устав гражданского судопроизводства: ПСЗ-II, т. 39, отд. 2, № 41477, ст. 13.
60. КОРКУНОВ Н.М. Лекции по общей теории права. СПб. 2004 (по изд. 1914), с. 375.
61. Там же, с. 322—325.
62. ТАРАНОВСКИ Т. Ук. соч., с. 308.
63. РГИА, ф. 1284, оп. 233, д. 4, л. 50—51.
64. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 109 (III отделение), оп. 1. 1868, д. 236.
65. Количество дел, начатых у мировых судей, по сообщению полиции и других административных властей, постоянно возрастало. В 1872 г. оно составляло 31 % от общего числа дел, в 1888 г. — 52, 1%. (ГОРСКАЯ Н.И., УВАРОВ И.А. Взаимодействие местной полиции и мирового суда во 2-й половине XIX в. — Вестник Московского университета МВД России. 2005, № 3, с. 149).
66. Итоги русской уголовной статистики, с. 15, 22.
67. История Правительствующего Сената за 200 лет. 1711—1911. СПб. 1911, с. 281.
68. ФОЙНИЦКИЙ И.Я. Ук. соч., с. 166, 174.
69. КОНИ А.Ф. Собр. соч. Т. 1. М. 1966, с. 241—243.
70. КАВЕЛИН К.Д. Собр. соч. Т. 4. Этнография и правоведение. СПб. 1900, с. 702.
71. История Правительствующего Сената, с. 432.
72. В Уставе, по сравнению с «Уложением о наказаниях уголовных и исправительных», была гуманизирована система наказаний: исключены телесные наказания, работные дома, увеличилось число случаев, за которые полагались выговоры и замечания.
73. ФОЙНИЦКИЙ И.Я. Ук. соч., с. 179.
74. Судебные уставы с изложением рассуждений, на коих они основаны. Ч. IV. СПб. 1966, с. 2—3.

Иоганн Бакмейстер

Е.М. Лупанова

В 2014 г. отмечается трехсотлетней юбилей Кунсткамеры — первого российского музея, наследником которого является Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН. Сегодня Кунсткамера — один из ведущих в стране научно-исследовательских центров — сохраняет при этом функцию центра просветительского. Посредством коллекций, представленных в залах, каждый, кто приходит в музей, знакомится с культурой и бытом народов мира, а также с историей русской науки.

Важнейшим источником по истории Кунсткамеры XVIII в. является «Опыт о начале и нынешнем состоянии находящегося при Санкт-Петербургской императорской Академии наук Кабинета редкостей и истории натуральной» И. Бакмейстера, впервые опубликованный в 1776 г. на французском языке. Пожалуй, ни одна серьезная работа, в которой так или иначе затрагивается ранний период существования Кунсткамеры, не обходится без ссылок на Бакмейстера. Для широких кругов название, возможно, мало о чем говорит. Однако эта книга, написанная легким для восприятия, красивым литературным языком была бы интересна и для современного широкого читателя.

«Опыт о Библиотеке и Кабинете редкостей» Бакмейстера — первый путеводитель по музею, первая попытка написания его истории и подведения итогов развития. Автор стремился рассказать о Библиотеке и Кунсткамере, представить собственное видение коллекций и их систематизации, увлечь читателя, пробудить желание увидеть «курьезы» собственными глазами, подготовить к посещению или, по крайней мере, дать возможность составить собственное представление о музее. Для XVIII в. значение книги было огромным. Публикация дала толчок дальнейшему изучению собрания¹. Особенно высоким стало значение книги после закрытия широкого доступа к музейным коллекциям в 1785 году. В «Реестре журналам» записано: «Как ея сиятельством вчерашнего числа по полудни в 5 часов усмотрено, что в академическую Кунсткамеру для смотра редкостей впущены были разного звания посторонние люди, а от ея сиятельства словесно уже было приказано, чтоб без доклада ея никого не впус-

Лупанова Евгения Михайловна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера). Санкт-Петербург.

кать, ключи же все от Кунсткамеры должны храниться у г-на библиотекаря или унтер-библиотекаря, но ими донесено, что те ключи были оставлены для нужных случаев камисару, то оного камисара призвав в канцелярию объявить, чтоб впредь в помянутую Кунсткамеру отнюдь без повеления никого не впускать»². Следует особо отметить, что признанный неправомерным впуск посетителей произошел летом, во вторник, то есть в тот день и в то время, когда Кунсткамера бывала обычно открыта для осмотра. Этот документ является важной архивной находкой. В широко известной книге по истории Кунсткамеры Т.В. Станюкович пишет, что музей открывался для всех желающих в теплое время года два раза в неделю (по вторникам и четвергам) с 9 до 11 и с 14 до 18 часов. По данным этого исследования такой порядок сохранялся вплоть до начала XIX в., когда «классовая политика дворянско-помещичьего государства» стала более откровенной. В объявлениях в Санкт-Петербургских ведомостях появился пункт о том, что «ливрейные слуги и чернь совсем не будут впускаемы»³. Обнаруженный документ показывает, что, возможно, в 1803 г. речь шла об открытии музея для посетителей вновь. Предположительно временное закрытие доступа в музей было продиктовано тем обстоятельством, что в музее находилось множество неразобранных ящиков с материалами академических экспедиций, «присылок» губернаторов, частных лиц и корреспондентов академии наук. Парадный музей выглядел уже не так роскошно как задумывалось, требовалась большая работа по разбору коллекций, их систематизации и экспонированию.

Изданию «Опыта о Библиотеке и Кабинете редкостей» предшествовала публикация «*Musei Imperialis Petropolitanae*» — каталога Кунсткамеры на латинском языке, замечательного по своей полноте и объему информации памятника, который, однако, был доступен только узкому кругу высокообразованных людей и имел характер справочного издания. В отличие от него, книга Бакмейстера написана в форме повествования, живым языком. Таким образом решалась задача популяризации информации о музее. Кроме того, новая книга представляла новую экспозицию — результат длительного и трудного процесса восстановления музея после пожара 1747 года.

Ставший давно классическим труд не переиздавался с XVIII века. При широкой известности в среде специалистов и активном его использовании он остался в тени источниковедческих исследований. Только две статьи были посвящены этой книге, притом в обеих основное внимание уделялось разделу о Библиотеке⁴.

Дошедшие до наших дней сведения о жизни Иоганна Фольфрата (в русской традиции — Ивана Григорьевича) Бакмейстера отличаются скудностью, что довольно характерно для многих деятелей русской культуры XVIII века. Однако работа с документами, хранящимися в Санкт-Петербургском филиале Архива Академии наук, позволяет внести ряд уточнений и пролить свет на биографию этого замечательного человека, авторитетного специалиста, коллекционера, большого энтузиаста, вокруг которого сосредотачивалась культурная и интеллектуальная жизнь немецко- и франкоязычного Санкт-Петербурга.

Бакмейстер родился 9 июля 1732 г. в Ганновере, в семье юриста Георга Арнольда Бакмейстера и Сары Хедвиг Маргаретты, дочери тайного канцлера. Он был третьим из шестерых детей. Иоганн Фольфрат получил образование в Гёттингенском университете, где изучал богословие, иностранные языки и историю зарубежных стран. Он получил прекрасное образование, овладел несколькими европейскими, а также арабским языком. После окончания университета получил приглашение от графа П.Г. Чернышова, русского посла в Лондоне. Приняв данное предложение, он стал гофмейстером посольства. Таким образом судьба связала его с Россией. В 1755 г. Чернышов был отозван из

Лондона, примерно в то же время (а по некоторым данным раньше, по делам посольства) Бакмейстер оказывается в Москве, где получает приглашение от секретаря Академии наук в Санкт-Петербург. 4 ноября 1756 г. датирована записка И. Тауберту: «по определению канцелярии Академии наук, а по доношению ганноверского уроженца Иоганна Конрада Бакмейстера велено быть ему в службе академической адъюнктом. 3 жалованием по двести рублей в год из академической суммы и отправлять ему дела при Библиотеке и Кунсткамере под ведомством вашего высокоблагородия»⁵. Неясность вносит документ 1764 г., в котором К.Г. Разумовский пишет: «обретающийся при императорской библиотеке адъюнкт Бакмейстер... представил мне, что находится он при оной библиотеке уже шестой год...», то есть сам Бакмейстер по каким-то причинам считал годом начала своей службы в Академии наук 1759⁶. Вероятно, он приступил к исполнению обязанностей по каким-то причинам не сразу после принятия предложения, а значительно позже. В пользу этого предположения говорит тот факт, что имя Бакмейстера в промежутке между 1756 и 1759 гг. не встречается больше в академических документах, и дела, касающиеся принятия на хранение предметов в Кунсткамеру и Библиотеку, продолжали поступать Тауберту⁷. В более поздние годы эти дела находились в компетенции Бакмейстера. Невзирая на то, что срок его фактической службы в Кунсткамере и Библиотеке Академии наук, по всей видимости, меньше принятого в литературе, не подлежит сомнению значительный вклад этого человека в изучение коллекций. Особенно ценным специалистом он был в области нумизматики. В Кунсткамере нашли применение и его знания арабского языка. В Академии наук Бакмейстер, не меняя должности, проработал более четверти века. В документе 1766 г. зафиксированы требования, предъявлявшиеся к сотрудникам: «в помощники при Библиотеке и Кунсткамере неотменно требуется человек здорового и крепкого сложения, а при том трудолюбивой, при должности безотлучной и о... книгах доподлинное сведение имеющий»⁸. Нет сомнений в том, что и герой данной статьи соответствовал этим ожиданиям.

Весь штат Императорского Кабинета редкостей и Библиотеки состоял из библиотекаря, унтер-библиотекаря, двух помощников (помощник по Библиотеке и помощник по Кунсткамере), двух переводчиков, аптекаря и художника («маляр зверей и птиц») — всего восемь человек в соответствии со штатами 1747 года. Таким образом, не очень высокая должность (чин адъюнкта соответствовал всего VIII классу по «Табели о рангах») предполагала высокую степень ответственности, унтер-библиотекарь оказывался вторым по старшинству человеком после библиотекаря. Большую часть времени работы Бакмейстера должность библиотекаря занимал Тауберт (с 1761 по 1771 г.). До него (с 1724 по 1761 г.) во главе стоял И.Д. Шумахер. Бакмейстер проявил себя как человек очень трудолюбивый, добросовестный, знающий. В академических документах было отмечено: «положенную на него должность отправляет со всяким усердием и прилежанием»⁹. Кабинет унтер-библиотекаря находился в восточном крыле здания Кунсткамеры (между библиотечным залом, с одной стороны, и переплетными мастерскими и складом академических изданий — с другой). Над ним, этажом выше, был кабинет библиотекаря. Другие сотрудники музея и библиотеки не имели собственных кабинетов.

В мае 1771 г., когда скончался Тауберт, встал вопрос о назначении нового руководителя Библиотеки и Кабинета редкостей. Первым человеком, о котором вспомнили в этой связи члены комиссии Академии наук, был Бакмейстер. В протоколе заседания от 7 мая 1771 г. записано: «смотрение над Библиотекою и Кунсткамерою до будущего об оных нового распоряжения поручить на время

адъонкту Бакмейстеру и находящиеся в оных вещи велеть ему хранить в том же порядке, в каком они расположены по сочиненным при последней оных ревизии описям. Чего ради здать ему на руки от оных палат ключи, также и всем принадлежащим к ним служителям быть в послушании его Бакмейстера». Следует обратить внимание на то, что решение не было окончательным, в документе указывалось на временность положения, и полномочия академического асессора ограничивались следующим образом: «минеральный, минц-кабинет оставить по-прежнему запечатанными до будущего рассуждения о них от его сиятельства Академии наук господина директора графа Владимира Григорьевича Орлова приказания, а находящиеся от оных в доме покойного статского советника Тауберта ключи взять в комиссию и хранить при оной». Вместе с тем, Бакмейстеру предписывалось найти и представить комиссии каталоги этих двух кабинетов, а также «и все прочие к оному кабинету принадлежащие каталоги»¹⁰.

Бакмейстер недолго возглавлял Библиотеку и Кунсткамеру, хотя факт пусть даже и кратковременного занятия столь высокой должности свидетельствует о его большом авторитете, доверии и уважении к нему. Предположительно, временное назначение не было затем закреплено потому, что музей, содержащий богатые естественнонаучные коллекции, решено было передать математику С.К. Котельникову. Бакмейстер же, как специалист в области гуманитарных наук, остался на должности унтер-библиотекаря. С другой стороны, если исходить из приоритетов естественнонаучных коллекций Кунсткамеры перед Библиотекой, логично было бы передать бразды правления естествоиспытателю, а не специалисту в области математики, имеющей дело с абстракцией. Достойные кандидаты в лице, например, профессора анатомии и физиологии К.Ф. Вольфа работали на тот момент в Кабинете редкостей, имели достаточно большой опыт и авторитет. Однако опыта и авторитета было недостаточно. Необходимо было утверждение позиций русской науки. После громкого дела И.Д. Шумахера, при расследовании которого много говорилось об ущемлении прав русских и привилегиях немцев, пользующихся преимуществами только по праву рождения¹¹, после патриотических выступлений М.В. Ломоносова, было чрезвычайно важно, чтобы новым «надсмотрителем» стал «природный русский».

Борьба русской и немецкой «партий» в Академии наук — явление XIX века. В XVIII в. еще не сформировались группировки в узком кругу академических ученых. Не был достаточно мощным и круг русских по национальности сотрудников Академии. Тем не менее, определенное противостояние ощущалось, как и необходимость преодоления «комплекса неполноценности» русских ученых, необходимость прочного утверждения русской науки. На следующее заседание Канцелярии 12 мая 1771 г. явился президент Академии наук В.Г. Орлов и распорядился: «смотрение над Библиотекою и всею Кунсткамерою, так как и над принадлежащими к оной минеральным и минц-кабинетом, поручить академику Котельникову с такою же властью, какую имел при оных покойный статский советник Тауберт, и в следствие того адъонкту Бакмейстеру, так же и прочим всем находящимся при сем департаменте служителям, быть у его г. Котельникова в совершенном послушании и поступать во всем по его приказаниям»¹².

Граф Орлов на посту директора Академии наук проявил себя как человек, радевший за авторитет русской науки в противовес иностранному влиянию. Он пытался заменить практику ведения протоколов академических заседаний на латинском языке русским делопроизводством. Однако эта попытка была неудачной. Преобладающее число немецких ученых, составлявших академию, настаивало на том, что латынь должна быть заменена не русским языком, а немец-

ким. Котельников был единомышленником Ломоносова по борьбе против немецкого засилья в Академии наук. Он читал курс математики в Университете на русском языке. Большую аудиторию собирали его публичные лекции. Во время болезни Ломоносова, он замещал его по части организационной работы в Гимназии и Университете. Когда Таберт, пользуясь отсутствием Ломоносова, попытался подчинить себе учебную часть Академии, Котельников отправил в Канцелярию следующее официальное извещение: «Рапорту о состоянии Университета и Гимназии г. коллежского советника Михаила Васильевича Ломоносова и от него приказы принимаю. Его высочородие мне объявил, что дирекции Университета и Гимназии оставить не намерен»¹³. Котельников возглавлял Библиотеку и Кунсткамеру до 1797 года. Его авторитет в исторической перспективе затмил авторитет Бакмейстера. Т.В. Станюкович пишет в своей книге об «Опыте...» Бакмейстера: «Несомненно, что составление каталога, снабженного научными данными, могло быть выполнено лишь при участии и помощи научного руководителя музея Семена Кирилловича Котельникова»¹⁴.

Не умаляя заслуг Котельникова, его тесного сотрудничества с Бакмейстером, следует признать такую точку зрения неверной. Бакмейстер был достаточно образованным и опытным музейным сотрудником, чтобы стать автором самостоятельного оригинального труда. Что касается Минц-кабинета (собрания монет и медалей), то в течение 10 лет, до августа 1781 г., проводилось «освидетельствование» его коллекций. В состав комиссии по его проведению входили кроме Котельникова, К.Ф. Вольф, Г.В. Крафт, Бакмейстер. После завершения этой работы канцелярия Академии наук распорядилась «как теперь г. академик Котельников до помянутого кабинета более дела иметь уже не обязан, то для ведения комиссии истребовать от показанных трех персон известие, в каком состоянии оный кабинет ими принят и все ли в нем сохранено», а затем, укрепив замки и двери, запереть «впредь до приказа и до будущей в нем надобности»¹⁵. Таким образом, выясняется еще один важный аспект значения книги Бакмейстера «Опыт о начале и нынешнем состоянии...» — рассказ не только о коллекциях, доступных для осмотра посетителям музея, но и о тех предметах, которые по тем или иным причинам находились, выражаясь современным языком, в фондах (в скобках заметим, что деление музея на фонды и экспозицию не было принято в XVIII в.; музейные коллекции были достаточно малы и, как правило, все они были доступны для осмотра посетителям). Минц-кабинету посвящен последний и довольно подробный раздел книги. Богатство закрытого для глаз посторонних кабинета предстало перед читателями во всем своем разнообразии. Здесь же следует упомянуть и о том, что книга давала возможность ее обладателю наслаждаться сокровищами Кунсткамеры, вспоминать или представлять себе их в любое удобное время.

Летом 1764 г. Бакмейстер просил об увеличении жалования, так как «определенным ему жалованьем по двести рублей в год пристойно себя содержать ни коим образом не в состоянии и от чего впал в немалые долги, а... прочие при академическом корпусе адъюнкты получают по триста шестидесяти рублей». Прошение это было поддержано Разумовским, и жалование было увеличено до 300 руб. в год¹⁶. В 1770 г. жалование Бакмейстера было доведено до уровня других адъюнктов Академии наук с формулировкой «за усердие его и прилежность, с которою он отправляет положенную на него должность»¹⁷. Судя по документам выдачи жалования, эта сумма была впоследствии еще увеличена. В 1778—1781 гг. Бакмейстеру каждые два месяца выплачивалось по 82 руб. 50 копеек¹⁸. Таким образом, его годовое жалование составляло 495 руб. (возможно остаются необнаруженными документы о повышении жалования между 1770 и 1778 годами). С 1 марта 1784 г. жалование было повышено еще на 100 руб. в год. Теперь унтер-библиотекарь получал по 600 руб. ежегодно.

Снова звучала формулировка «за рачительное исправление его должности и других препоручаемых ему по Академии дел»¹⁹.

Бакмейстер принимал непосредственное участие в организации экспозиции, подготовке и размещении этикетаж. В журнале канцелярии Академии наук за 1777 г. читаем следующую запись: «ему же фактору Лыкову наказать, чтоб он сделанных по приказанию.... Академии наук директора Сергея Герасимовича Домашева унтер-библиотекарем Бакмейстером на российском и французском языках надписей для приложения на хранящихся в Кунсткамере натуральные вещи напечатал столько экземпляров и на такой бумаге, на какой он Бакмейстер ему Лыкову покажет; и по напечатании отдал бы ему Бакмейстеру»²⁰. В 1784 г. Бакмейстер получил из типографии Академии наук 506 номеров «для наклеивания в Кунсткамере на банки»²¹.

Унтер-библиотекарь показывал коллекции Кунсткамеры и академической Библиотеки почетным уважаемым гостям. В 1777 г. ему вместе с Котельниковым была объявлена благодарность от Академии «за старание их и труды, которые они приложили в порядочном распоряжении и показании августейшему графу готландскому в бытность его в императорской Библиотеке и Кунсткамере»²². 11 августа 1778 г. он показывал коллекции известному берлинскому астроному и математику академику И. Бернулли. Ученый был серьезно заинтересован коллекциями и записал свои впечатления в путевых заметках. Большое внимание в них он уделил и книге Бакмейстера о музее и библиотеке. Естественно, что он знакомился с ней на своем родном языке²³.

Имя Бакмейстера регулярно встречается в документах, касающихся различных закупок и заказов для Кунсткамеры «как то на платеж разным людям за сделанные ими несколько сот пьедесталов для поставления на оных зверей, птиц и других вещей, на покупку перцу, канфары, пронизок и охлопков для набивания разных животных чучел, на покупку зеленой тафты, шнуров шелковых и колец... и на исправление других надобностей». При этом деньги выдавались каждый раз по запросу самого Бакмейстера, то есть в его компетенцию входило определение необходимых расходов по Кунсткамере и Библиотеке²⁴. Он же по мере необходимости распоряжался о печати билетов для посетителей²⁵.

Большую работу Бакмейстер провел в ходе возвращения коллекций библиотеки и музея в здание Кунсткамеры, восстановленное после пожара 1747 года. Эти работы велись в 1761—1766 годах²⁶. Одновременно с возвращением предметов Бакмейстером вместе с академическим писарем И.В. Люрзениусом велась сверка возвращаемых вещей с составленными до пожара каталогами, уточнялись сведения об утратах и сохранившихся предметах, велся поиск аналогов утраченных изданий в книжных лавках и у частных лиц и по возможности организовывалось их приобретение для Академии. В июне—сентябре 1768 г. Бакмейстер провел вторую сверку, на этот раз совместно с профессором истории И.Э. Фишером. Итогом стал новый систематический 30-томный каталог, подготовленный в 1771 г. и заверенный Котельниковым, Таубертом и Бакмейстером²⁷. Впоследствии велась постоянная работа по пересмотру, обновлению, переписке каталога²⁸. Еще одним итогом этой работы было выявление дублетных экземпляров книг, подготовка отдельного их каталога, который, по распоряжению канцелярии Академии наук, был опубликован весной 1769 г. тиражом 300 экземпляров для последующей продажи дублетов. Подготовкой этого издания также занимался Бакмейстер²⁹. После проведения сверки, Бакмейстер начал активно участвовать в работах по пополнению книжного фонда³⁰.

Несмотря на всю эту колоссальную работу, Е.Р. Дашкова, возглавив Петербургскую Академию наук, обратила внимание на Библиотеку и выразила недовольство ее состоянием. По ее мнению «в библиотеке царил полный беспорядок. Она с каждым днем увеличивалась, и для книг не было больше места.

Книги были все перепутаны»³¹, старые книги выдавались на дом посторонним людям и не возвращались, а новые не поступали. Новый директор Академии распорядилась составить списки книг и периодических изданий, которыми необходимо пополнить Библиотеку. Важное событие в истории русской культуры, связанное с работой Бакмейстера в академической библиотеке, — появление идеи и начало реализации положения об обязательном экземпляре. Инициативу Дашковой³² указ 23 февраля 1783 г. повелевал «из всех казенных и вольных типографий всякой в печати издаваемой книги по одному экземпляру доставлять в Библиотеку императорской Санкт-Петербургской академии наук»³³.

Продолжалось пополнение и фонда рукописей, в первую очередь, за счет материалов академических экспедиций. Иногда силами сотрудников Библиотеки и Кунсткамеры производилось «совершенствование» поступавших на хранение предметов. Так, в 1774 г. при принятии на хранение журнала экспедиции С.Г. Гмелина Бакмейстеру было выдано 10 руб. на покупку красок для «раскрашивания двадцати семи таблиц»³⁴.

В 1785 г. Бакмейстер провел работу по подготовке и публикации «на будущий 786 год немецкого ординарного календаря», за что ему было выдано 20 экземпляров этого издания³⁵.

В начале 1787 г. «в помощь г-ну унтер-библиотекарю Бакмейстеру для письменных дел» был назначен И.Х. Даль³⁶.

Унтер-библиотекаря регулярно спрашивали о наличии или отсутствии тех или иных книг в Академии наук, консультировали при приобретении новых³⁷. Бакмейстер следил за состоянием коллекций Кунсткамеры. В июне 1788 г. он представил на списание 36 предметов Кунсткамеры, «кои б со временем заразительно своею гниlostию могли причинить неминуемый вред и другим соседственным вещам». Среди этих предметов было шесть чучел зверей (лев, дикая лошадь, кабарга, белка, хорек), два предмета из этнографических коллекций (бурятская женская парка и самоедская шапка), остальные — чучела птиц. Список был утвержден президентом Академии наук Дашковой и советником канцелярии Академии В.А. Ушаковым, после чего предметы были исключены из музейного собрания³⁸. Решение о списании двух экспонатов тератологической коллекции в августе того же года принималось Бакмейстером не лично, а по представлению профессора Вольфа, определившего их как «негодные и ничего не содержащие достопамятного». Документов о том, что это решение было утверждено, не обнаружено³⁹. Вольфу же передавались дела о принятии на хранение новых поступлений тератологической коллекции⁴⁰. Как правило, Вольф следил за состоянием анатомических и тератологических препаратов, производил периодическую смену спирта в банках. Когда по каким-то причинам исполнение этих обязанностей профессором анатомии было невозможно, эту работу выполнял Бакмейстер. Через унтер-библиотекаря же шли и дела, касавшиеся новых поступлений для других коллекций. Иногда он принимал решения о приобретении музейных предметов за свой счет, надеясь на последующую компенсацию понесенных расходов.

19 декабря 1784 г. Бакмейстер стал членом Вольного экономического общества⁴¹. В том же году по его инициативе было организовано Общество любителей чтения на французском языке литературных новинок. Членом этого кружка состояла сама императрица, но начинание не имело успеха. Кружок практически не привлек к себе внимания образованного общества и через год прекратил свое существование.

С 1777 г. Бакмейстер был одним из авторов и редакторов «St. Petersburgischen Journal», а с 1785 г. — его главным редактором. В журнале публиковались распоряжения правительства, указы Сената, описания приемов при дворе. Важ-

ное место занимала литературная часть. Здесь публиковались произведения А.П. Сумарокова, переводы сказок Екатерины II, «Тетради» и «Письма» Петра I, другие документы по русской истории, обозрения книжных новинок на русском и немецком языках, небольшие отрывки из рецензируемых книг, баллады, басни. Состав подписчиков был весьма разнообразен. Среди них были государственные чиновники, дипломаты, адвокаты, нотариусы, медики, ученые, представители духовенства, купцы, переводчики, учителя, военные. Особой популярностью журнал пользовался среди прибалтийских аристократических семей⁴².

В 1778 г. Бакмейстер начал выпускать еженедельный «Листок» на немецком языке тиражом 100—150 экземпляров⁴³. Издание осуществлялось за собственный счет в типографии Академии наук. Первый месяц выпуска обошелся в 130 руб., не считая стоимости бумаги; то есть цена значительно превысила жалование за два месяца. Судя по тому, что в документах канцелярии Академии наук сохранились записи только по январским выпускам 1778 г., издание это оказалось невыгодным и недолговечным⁴⁴. Через год Бакмейстер финансировал публикацию «Дополнения...» доктора И.Г. Ениша к его работе о пользе оспопрививания⁴⁵.

1778 год принес Бакмейстеру горькую утрату. Он овдовел. Надгробная речь на память его супруги была опубликована в издательстве И.Я. Вейтбрехта. Через некоторое время унтер-библиотекарь женился вторично.

На досуге Бакмейстер коллекционировал гравюры и эстампы. Порядок в его частной коллекции соблюдался не менее строгий, чем в музейном хранении. Коллекционер вел каталог. Со временем собрание стало столь значительным, что у него возникло желание опубликовать каталог. Хотя предполагалось, что это издание будет производиться за свой счет, академическая типография через некоторое время возвратила ему рукопись со словами «за множеством имеющихся теперь... дел напечатать вскоре невозможно». Тем не менее, Бакмейстер настаивал на своем, и спустя три недели получил каталог, отпечатанный в академической типографии форматом $\frac{1}{4}$. Кроме нервов и времени, потраченных на реализацию этой мечты, каталог частной коллекции обошелся Бакмейстеру в 1 рубль⁴⁶. В 1786 г. он предпринял публикацию каталога своей коллекции эстампов. На этот раз проблем не возникло. Как и предыдущий, этот каталог вышел на французском языке. Один экземпляр его был передан на хранение в академическую Библиотеку, в соответствии с действовавшим уже тогда правилом⁴⁷.

О любви Бакмейстера к изобразительному искусству, о том, что в свободное время вокруг него собирались и другие немцы, ценившие живопись, гравюры, эстампы, свидетельствует и тот факт, что в 1787 г. он опубликовал за свой счет речь пастора Грота на погребение Л.К. Фандцельта, реставратора и помощника придворного живописца. Речь была опубликована на немецком языке тиражом 200 экземпляров и обошлась энтузиасту в 22 рубля. Годом раньше он также за свой счет опубликовал некую речь на немецком языке тиражом 150 экземпляров⁴⁸.

16 (иногда ошибочно вместо даты смерти указывают дату подачи рапорта — 18) сентября 1788 г.⁴⁹ Бакмейстер скончался, овдовевшая Анна Бакмейстер «за долговременную и беспорочную службу помянутого ее мужа» получила положенное ему годовое жалование в размере 300 рублей⁵⁰. На должность унтер-библиотекаря был назначен И.Г. Буссе, преемник которого О.П. Беляев продолжил дело Бакмейстера в составлении путеводителя по коллекциям Кунсткамеры. Его перу принадлежит замечательный трехтомник с подробным описанием коллекций по состоянию на последние годы XVIII века⁵¹.

Книга «Опыт о Библиотеке...» — первая в библиографии Бакмейстера. Она была написана на французском языке и опубликована в 1776 г.⁵², на

следующий год вышло аналогичное издание на немецком языке — сначала в третьем номере «Санкт-Петербургского журнала», выпускавшегося на немецком языке⁵³, а затем — в виде книги⁵⁴, а в 1779 и 1780 гг. состоялось два издания на русском языке в переводе В.Г. Костыгова. Сам факт выпуска одной книги на трех языках в течение пяти лет — явление экстраординарное для издательской деятельности Академии наук XVIII века. Он свидетельствует об исключительном значении, которое придавалось этой книге, высокой ее оценке в среде ученых и стремлении сделать ее доступной как можно более широкому кругу читающей публики. Следует упомянуть также о том, что это было предложение, порожденное спросом. Крепнущая Российская Империя в XVIII в. возбуждала большой интерес в Западной Европе. О России много писали, много было ошибочных суждений, стереотипов, которые необходимо было исправить, что осознавалось не только «природными русскими», но и европейцами, имевшими возможность ближе познакомиться с нашей страной.

В 1782 г. вышла в свет работа Бакмейстера о доставке в Санкт-Петербург «гром-камня» — пьедестала для Медного всадника, об истории создания памятника Петру I скульптором Э.-М. Фальконе. Статья была первоначально опубликована на немецком языке в журнале «Neues St. Petersburgisches Journal»⁵⁵, а в 1783 г. вышла отдельным изданием⁵⁶. Через несколько лет было осуществлено русское издание в переводе Н. Карандашева⁵⁷. Также в 1783 г. Бакмейстер осуществил за свой счет переиздание некоего книжного каталога на французском языке. Переиздание осуществлялось на качественной плотной любской бумаге тиражом 50 экземпляров⁵⁸. В 1778—1780 гг. он опубликовал ряд статей исторического содержания в «St. Petersburg Journal»: «О первом в России прибытии англичан и о заведении ими в одной торговле», перевод на немецкий язык исследования М. М. Щербатова о старинных русских монетах. Отдельно был напечатан перевод на немецкий язык изданного О.П. Козодавлевым «Жития святейшего патриарха Никона» (1784).

Следует также отметить работу «О первом в России прибытии англичан и о заведении ими торговли», опубликованную в переводе М. Костина в № 5—6 «Санкт-Петербургского вестника» за 1780 год. В 1778—1784 гг. он публикует ряд статей компилятивного характера в «St. Petersburgischen Journal», например, о происхождении цыган по Гризелинусу (1778), о судебных поединках и выбрасывании новорожденных детей (1779), русские анекдоты с примечаниями (1780) и т. д. Там же публиковались и его переводы на немецкий язык исследования М.М. Щербатова «Опыт о древних российских монетах», П. Родионова о г. Торопце, греческого архиепископа Арсения об учреждении патриаршей власти в России. О том, что унтер-библиотекарь занимался составлением придворных календарей, мы узнаем из документа 1784 г., свидетельствующего о неудаче Бакмейстера в его широкой профессиональной сфере. Документ этот гласит: «Как во французском придворном календаре пропущены некоторые господа сенаторы, то учинить издателю оногo г. унтер-библиотекарю Бакмейстеру выговор и тот лист на его счет в книжной типографии перепечатать»⁵⁹.

Публикация «Опыта о Библиотеке и Кабинете редкостей» была приурочена к 50-летию юбилею Академии наук, отмечавшемуся в 1776 году. Годы существования Академии в XVIII—XIX вв. было принято отсчитывать с 7 января 1726 г., когда Екатерина I устроила торжественный прием ученым, и было объявлено о торжественном открытии Академии, а не с указа Петра I 28 января 1724 г. об основании Академии, как это принято сейчас. Такое предпочтение объяснялось не чем иным, как неудобством праздновать первый полувек юбилей Академии в условиях русско-турецкой войны 1768—1774 годов. Екатерина II вполне резонно сочла неуместной организацию торжеств в истощенной войной стране и распорядилась о перенесении празднования юбилея на декабрь

1776 года. Эта традиция сохранялась до тех пор, пока Академия наук имела статус императорской⁶⁰. К юбилею Академии в 1776 г. было отремонтировано здание Кунсткамеры, организованы торжественные приемы и визиты, писались стихи, была отчеканена памятная медаль и серебряный жетон⁶¹. Г.Ф. Миллеру было поручено написание истории Академии наук. Предполагалось, что труд будет опубликован в «Новых комментариях», выпускавшихся Академией с 1750 года. Миллер с энтузиазмом принялся за работу и прислал в Академию несколько тетрадей, но, в силу обстоятельств, он довел свой труд только до 1733 года. Незавершенная работа осталась неопубликованной⁶². Историей Академии в преддверии юбилея интересовались не только в России. Свидетельство тому — рукопись очерка на французском языке «Abrege de l'Histoire anecdote de l'Académie Impedes sciences de St.-Petersbourg». По сведениям А.А. Куника, неизвестный автор этого сочинения тайком собирал сведения в самом Петербурге по поручению некоего важного английского сановника⁶³.

Бакмейстер указывает на условность принятой даты основания Академии наук: «Начало Санкт-Петербургской императорской Академии наук надлежит относить к 1714 году, ибо тогда Шумахеру, бывшему в Медицинской канцелярии секретарем при отправлении иностранных переписок, поручено было от лейб-медика Арешкина привести в порядок книги, которые были собраны в Курляндии и в завоеванных провинциях и незадолго прежде привезены в Санкт-Петербург», — писал он⁶⁴.

Одним из переводчиков «Санкт-Петербургских ведомостей» был В.Г. Костыгов. По поручению Академии наук он следил за «чистотой слога» при издании Л.И. Бакмейстером ч. 2—4 «Топографических известий, служащих для полного географического описания Российской империи» (1772—1774), а также перевел сочиненную им «Краткую Российской империи географию» (1773). В 1773 г., когда было предпринято издание словаря Французской академии, Костыгов подготовил для него перевод статей на букву «В». Однако был издан только первый выпуск, который составили статьи на букву «А» (в переводе С.И. Волкова). В 1773 г. он перевел также «Прибавление» к ч. 1 «Путешествия по разным провинциям Российской империи» П.С. Палласа, а в 1777 г. принял участие в переводе ч. 2 «Введения в историю знатнейших европейских государств» С. Пуффендорфа. Важной вехой в его переводческой деятельности в 1770-е гг. стала книга Бакмейстера о Библиотеке и Кабинете редкостей Академии наук. В 1788 г. Костыгов в качестве переводчика участвовал в издании «Санкт-Петербургского еженедельного сочинения, касающегося до размножения домостроительства и распространения общепользных знаний». По сведениям Бакмейстера, Костыгов перевел материалы первых девяти номеров и статью И.-К. Лафатера в № 21—23, остальные номера были подготовлены Д.М. Лодыгиным.

Переводы XVIII в. носят довольно специфический характер. Сравнение переводных текстов с оригиналами дает богатую почву для историко-филологических исследований. Серьезную проблему представлял перевод терминов. «В сем роде у нас почти ничего еще не написано и не переведено; у нас даже не введены многие для сего содержания нужные слова, хотя некоторые казалось и возможно было общим согласиём усилить, почему должно занимать чужие, кои сверх того, что не ясны не знающим языков, всегда неприятно слышатся и делают несносную пестроту в слоге», сетовал современник и коллега Костыгова А.А. Палицын. Труд Бакмейстера содержал большое количество специальной терминологии из различных областей знаний о мире — зоологических, анатомических, ботанических, нумизматических и др. Красивое логичное повествование, написанное хорошим русским литературным языком — результат большого труда Костыгова, памятник жизни, труда и творчества как автора, так и переводчика.

Кроме того, переводчики считали свой труд служением своей стране и подчеркивали его значимость в многочисленных предисловиях к своим переводам. Они видели задачу в том, чтобы просвещать соотечественников, улучшать нравы, создавать новую литературу. В XVIII в. перевод приобрел в русской культуре высокий статус. Он стал рассматриваться как вид творчества, столь же заслуживающий уважения, как создание оригинальных художественных произведений. Переводчик выступал в роли соперника автора оригинала, а порой он ставил перед собой более честолюбивую цель и стремился превзойти оригинал по художественным достоинствам. На фоне данной общей тенденции перевод Костыгова выглядит очень близким к оригиналу. Дополнения, изменения текста были очень незначительны.

Возвращаясь к «Опыту о начале и нынешнем состоянии...», следует отметить, что история и описание двух основных учреждений России XVIII в. — Библиотеки и Кунсткамеры — издавались не в академической типографии (равно как и другие работы Бакмейстера). Французское и немецкое издания были осуществлены в частной фирме «Вейтбрехт & Шнор» в Санкт-Петербурге, а русское — в типографии Морского кадетского корпуса. Для ответа на вопрос, почему было принято такое решение, следует обратиться к истории академических изданий в Санкт-Петербурге. Основатель типографии, в которой осуществлялась публикация труда Бакмейстера на французском и немецком языках, Иоганн Якоб Вейтбрехт был приглашен в Петербургскую Академию наук для заведывания иностранной книжной лавкой. Это был потомственный книгопродавец, на которого возлагались надежды, связанные с оживлением деятельности академической иностранной книжной лавки, переписки с европейскими книготорговцами, книгообмену, пресечению злоупотреблений. Так в русской столице оказался деятельный человек, коммерсант, основатель одной из первых частных типографий в России. Практически сразу после вступления в должность заведующего иностранной книжной лавкой Академии наук Вейтбрехт стал причастным и к издательской деятельности. Он начинал составлять каталоги книг, нотных изданий, за собственный счет заказывал издания в академической типографии, а со временем пришел к мысли о целесообразности передачи книгопечатания и торговли в частные руки. Это позволило бы шире проявлять собственную инициативу, улучшить книгообмен с зарубежными комиссионерами, избавиться от мелочной опеки академической Комиссии и избавить Академию от финансовых затруднений, связанных с тем, что книжная лавка не приносила доходов казне, а была убыточна. В сентябре 1768 г. Вейтбрехт открыл собственную лавку на набережной Мойки, а вскоре там развернулась и издательская деятельность.

С 1776 г. компаньоном Вейтбрехта был И.К. Шнор, арендовавший до этого типографию Артиллерийского и инженерного кадетского корпуса, и организовавший в 1781 г. собственную типографию⁶⁵. Самостоятельная издательская деятельность Вейтбрехта натолкнулась на некоторые проблемы, в результате которых издатель существенно задолжал казне⁶⁶, и в результате 1784 г. на базе типографии Вейтбрехта была образована Императорская, а с владельцем заключен контракт, предполагавший выполнение заказов государственных учреждений, возможность выполнения договорных работ и издания книг за собственный счет. В период существования типографии Вейтбрехта как самостоятельной, шел активный обмен между ней и типографией Академии наук. Став частным издателем, он оставался академическим комиссионером по распространению изданий (в том числе за рубежом), продолжал закупки бумаги для типографии Академии, выполнял ее заказы, публиковал речи ученых. Вейтбрехт принимал решения о печати тех или иных изданий за собственный счет и их последующей продаже. Его коммерческие расчеты оказывались верными, и

предприятие приносило существенный доход. По всей видимости, публикация книги Бакмейстера виделась им как выгодное предприятие. По мнению Г.А. Фафурина, публикация «Опыта о начале и нынешнем состоянии...» на французском и немецком языках была осуществлена в рамках издания «St. Petersburgischen Journal»⁶⁷. Бакмейстера и Вейтберха связывала совместная деятельность по изданию этого журнала (напомним, что первый был автором публиковавшихся в нем материалов и редактором), работа, связанная с Академией наук, договорные отношения и личные связи. Не случайны факты публикации речи на смерть жены Бакмейстера в типографии Вейтбрехта, поручения унтер-библиотекаря вместе с академиками А. Эйлером и Г.В. Крафтом произвести расчеты с издателем за полученные от него Академией книги и за академические сочинения, отправленные на продажу в Лейпциг⁶⁸.

Издание на русском языке в типографии Морского шляхетного кадетского корпуса также, видимо, осуществлялось как коммерчески выгодный заказ, который не следует обременять бюрократической процедурой издания в академической типографии. В 1760—1770-е гг. типография Морского кадетского корпуса имела многочисленных заказчиков. Помимо издания учебной литературы, она выпускала продукцию для Адмиралтейств-коллегии, Вольного экономического общества, Академии наук, ряда частных лиц. Корпусная типография славилась высоким качеством при невысокой цене⁶⁹.

В отделе рукописей Библиотеки российской Академии наук сохранилась корректорская правка, сделанная рукой Бакмейстера на первом оттиске немецкого издания. Наибольшее количество дополнений и замечаний относилось к вводной части, особенно касающейся XII—XIII вв. в истории России: были добавлены сведения о значимых событиях, о «Русской Правде», цитаты из источников⁷⁰. Однако правка эта не была учтена в дальнейшем. Тем не менее, публикация стала событием в жизни Академии наук. В январе 1778 г. Бакмейстер был удостоен памятной золотой медали юбилея Академии⁷¹. Вместе с ним были награждены академики П.С. Паллас и К.Г. Лаксман «за приложенные ими труды, тщание и искусство в расположении и установлении натуральных вещей в Кунсткамере»⁷². При этом в документах особо выделялась именно роль Бакмейстера, говорилось, что медаль вручается «за его речение к должности, а паче за сочинение описания библиотеки, сочинение коего у нас не доставало и которое всегда было нужно и которого не всякой мог сделать, за приложенные ими труды, тщание и искусство в распорядке к установлению натуральных вещей в Кунсткамере»⁷³. Золотые медали изготавливали по особому заказу Академии на Монетном дворе в Петербурге по образцу юбилейных 1776 г., общая стоимость этого заказа составила 262 руб. 40 $\frac{1}{4}$ копейки⁷⁴. После выхода в свет первого издания книги на русском языке, Бакмейстер получил премию в размере 100 руб. «за отменное его старание и трудолюбие в порядочном содержании Библиотеки и Кунсткамеры»⁷⁵.

Издание книги на трех языках делало ее доступной для владеющих французским, немецким и русским. Кроме того, книга была адресована аудитории с различными интересами и читательскими приоритетами. Как показывает опыт исследования частных книжных собраний XVIII в., русских читателей, предпочитавших французскую литературу, привлекали идеи, воплощенные в слово. Люди, читавшие на немецком языке, отличались практичностью. Их интересовали проблемы хозяйственной деятельности, производства, администрации и науки⁷⁶. «Опыт о начале и нынешнем состоянии...» должен был оказаться одинаково познавательным и интересным обеим категориям читающей публики.

Сегодня в отделе истории Кунсткамеры и отечественной науки XVIII в. (Музее М.В. Ломоносова) МАЭ РАН хранится экземпляр книги Бакмейстера на русском языке 1779 г. издания и на французском — 1776. Первый находит-

ся в фондах, второй — на экспозиции «М.В. Ломоносов и Академия наук XVIII в.». Книга на русском языке была приобретена в 1947 г. при формировании музея Ломоносова в магазине «Академкнига». Вторая также поступила в музей до его открытия в январе 1949 г., но другим путем — в составе дара академика С.И. Вавилова.

Книга Бакмейстера делится на введение, в котором дается краткий обзор русской истории, и две части — «Опыт о начале и нынешнем состоянии находящейся при Санкт-Петербургской императорской академии наук Библиотеки» и «Опыт о начале и нынешнем состоянии находящегося при Санкт-Петербургской императорской академии наук Кабинета редкостей и истории натуральной».

Пафос вступления к «Опыту о начале и нынешнем состоянии...» — традиция русской самобытной культуры на протяжении всей истории. Бакмейстер пишет о том, что русские в своем развитии не уступали другим народам Европы. При том в духе модного в XVIII в. учения меркантилистов, высокий культурный уровень Древней Руси связывается с военными успехами, развитием торговли и благосостоянием государства: «...известно, что избыток и торговля одобряют рачение и раждают великолепие и щедрость, а щедрость приводит в совершенство». Широко распространенные среди европейцев во времена Бакмейстера взгляды на Россию как на варварское государство автор объясняет невежеством сторонников такой точки зрения: «Что же некоторые в Европе противные об России подали мнения, сие приписать должно недовольному их сведению о сем государстве, ни о его языке, ни же истории. Пускай они раскроют домашние российские летописи, то увидят тут тысячу геройских подвигов, почтение и награду отменных дарований, а отвержение и презрение невежества»⁷⁷. Таким образом, автор, немец по происхождению, выступает патриотом своей второй родины, оспаривая взгляды «норманистов» и аргументируя свою точку зрения фактами русской истории на основе знакомства с летописями, трудами В.Н. Татищева, М.М. Щербатова, сообщениями иностранцев о русском государстве XVI—XVII вв. и зарубежной историографией. Позицию Бакмейстера в спорах о норманнской и антинорманнской теориях нельзя назвать исключительной и совершенно нетипичной для ученого нерусского происхождения. Даже Г.Ф. Миллер, считающийся основоположником и наиболее ярким защитником позиций норманизма, увлекался этими идеями лишь в юности, со временем его взгляды претерпели изменения и в итоге он отказался от главных постулатов этой теории⁷⁸.

Почти все события русской истории, о которых Бакмейстер пишет в вводной части, описываются с позитивной окраской. Даже деятельность Лжедмитрия в период Смуты освещается как часть процессов вестернизации и модернизации. Автор книги пишет о том, что в период его правления русская армия в строевой выучке уже не уступала регулярной, в Москве ездили кареты, выступали ансамбли музыкальных инструментов, устраивались придворные балы и светские развлечения. С горестью Бакмейстер пишет только об установлении монголо-татарского ига на Руси: «нашествие татар на Россию, притеснив науки, заточило их в монастыри...». Но и в этом он ухитряется найти свои плюсы: «Хотя сие оплакивания достойное и бедствия преисполненное было время..., однако российское мужество при всем том являлось неоднократно во всем блеске».

Центральное понятие в системе дворянского менталитета второй половины XVIII в. — представления о чести. Как правило, они связывались с воинской службой, верностью царю, отечеству, роду войск, с личной отвагой, физической силой⁷⁹. Бакмейстер несколько раз использует слово «честь» в нетипичном для своего времени контексте. Он пишет о «чести изобретения», а «Поучение...» Владимира Мономаха называет «приносящим честь просве-

шеннейшим векам»⁸⁰. Одно из базовых понятий дворянской культуры приобретает совершенно особые коннотации в его тексте, оказывается связанным с наукой и просвещением. Несмотря на усилия, направленные на популяризацию науки и повышение престижа ученых, приложенные во второй половине XVIII и XIX в., это значение так и не привилось, и понятие чести устарело раньше, чем успело приобрести новые смысловые оттенки.

Два других раздела написаны уже не столько на основе изучения литературы и источников, сколько на личных наблюдениях за многие годы работы в Академии наук и устных свидетельствах представителей старших поколений.

Разделу о Библиотеке, как уже говорилось, были посвящены специальные исследования, в отличие от части «Опыт о начале... Кабинета редкостей и истории натуральной».

Раздел, посвященный Кунсткамере, в свою очередь условно делится на две части — история музея и описание современного состояния коллекций. Несмотря на деление книги, для Бакмейстера Кунсткамера и Библиотека были единым организмом.

Предваряя рассказ о музее, Бакмейстер пишет о значимости естественно-научных коллекций и интересе, который они должны вызывать у посетителей: «Великолепное естественных вещей хранилище, представляет нам картину, на которую воззрев усматриваем в едино мгновение ока все, что ни есть в ней прелестнейшего, редчайшего и дивнейшего. Кто может быть столь нечувствителен, чтоб смотря на несчетные природы богатства не вознесся духом превыше себя и не подвинулся бы к благоговейнейшему почтению сотворившего оные всевышнего существа». Автор акцентирует внимание на значении коллекционирования и музейных собраний для развития наук о природе. «Не хранилищам ли естественных вещей сия наука должна тем степенем совершенства, до которого она ныне достигла?», — задает он риторический вопрос⁸¹.

Тема гордости за Россию, богатство и уникальность собраний первого в стране музея звучит лейтмотивом в третьей части сочинения Бакмейстера, постоянно подчеркивающего, «что в нашем хранилище находится не только все то, что в иностранных кунсткамерах считается редчайшими и ценнейшими экспонатами, но и такие вещи, каких больше нет нигде»⁸².

Патриотические чувства посетителя, по мысли автора, должны также возбуждать вещи из кабинета Петра Великого — шпага и седло, простреленное во время Полтавской битвы, и предметы одежды, которые «невзирая на простоту их, показывают истинного героя, вызывают у зрителя удивление и заслуживают внимания потомства»⁸³.

Описание музея, представленное Бакмейстером в его книге, показывает, что в новой экспозиции музея были созданы те же разделы, что существовали в Кунсткамере до пожара 1747 года. Порядок расположения залов, представляемый по книге Бакмейстера, в целом соответствует картине 1740-х гг. в соответствии с описанием и альбомом гравюр под общим названием «Палаты Санкт-Петербургской Академии наук, Библиотеки и Кунсткамеры»⁸⁴. Вместе с тем, состав коллекций изменился. В круглом зале третьего этажа вместо сгоревшего Готторпского глобуса стояло два других — один «сделан в 1650 году наследниками славного географа Вильгельма Блео. Сей шар считался тогда за самый большой и был подарен царю Алексею Михайловичу. Сначала он стоял на колокольне Ивана Великого, а потом на Сухаревой башне, где служил к наставлению, преподаваемому профессором Фергусоном Морской школе»; второй «о 3 футах в поперечнике, сочиненный во Пскове дяконом Карпом Максимовым, заслуживает внимания, потому что этот шар впервые, как имоверно, сделан был в России». Здесь же были представлены армиллярные сферы, физические и чертежные инструменты (более 450 предметов), модели кораблей. Многие

из этих предметов относились к Мемориальному историческому кабинету и в его составе впоследствии были переданы в Эрмитаж⁸⁵.

Из круглого зала третьего этажа был открыт выход на галерею, где располагались этнографические коллекции: «Смотря тут на одеяния, уборы и скраб столь многообразных азиатических народов, подумавшись, будто бы ты вдруг перенесся в восточные области. На одной стороне видны одеяния и другие вещи китайские и персидские, а на другой мордовские, самоедские, остяжские, киргизские, бурятские, тунгусские, якутские, ламушские, татарские, монгольские, чукотские, камчадалские, курильские и алеутские. Тут каждый народ отличается вкусом, соображающимися с его нуждами или единственными прихотями вкусом.»

На втором этаже располагалась коллекция птиц и животных. Большая же часть его помещений была занята библиотекой. На первом этаже — анатомическая коллекция Ф. Рюйша, тератологическая коллекция (аномалии развития), рептилии, насекомые, животные, гербарии, минералогическая коллекция и Минц-кабинет.

На протяжении всего текста автор обращает особое внимание на то, что собрания Кунсткамеры — результат большого труда многих людей. Приводимые им примеры упорной, длительной работы явно носят характер наставления. «Удивляемся не столько искусству художника, сколько неутомимой деятельности монарха, который среди несчетных трудов своих умел улучшать время на упражнения, требующие не меньше прилежания, чем искусство в делах государственных», — пишет он об увлечении Петра I токарным ремеслом. «Не щадил ни времени, ни трудов, ни денег...», — призывает он удивиться упорству Ф. Рюйша⁸⁶.

Текст «Опыта о начале и нынешнем состоянии...» демонстрирует прекрасное знание автором коллекций музея, широкую образованность, начитанность, уважение к читателю. Встречаются цитаты из первоисточников (летописи, письмо Рюйша), даются ссылки на литературу — иногда в сноске, иногда прямо в тексте, иногда называя фамилию автора, иногда такие формулировки как «Монтфоконова калеорафия». Тем не менее, ссылки часто присутствуют и позволяют судить о том, что Бакмейстер тщательно изучал как ставшие классическими к середине XVIII в. труды, так и современные для него научные работы.

При написании книги Бакмейстер стремился представить Кунсткамеру в наилучшем виде. Это своего рода «реклама», пропаганда первого в России общедоступного музея, богатейших его собраний. Именно такой образ Кунсткамеры стремились создавать в европейском научном сообществе сотрудники музея и дипломатической службы. При этом осознавалось, что далеко не у каждого есть возможность или желание отправиться в далекий Петербург и лично осмотреть коллекции. Но все должны были знать о богатстве и уникальности собранных в российской столице предметов. Как правило, это работало. Но порой приукрашение действительности вело к разочарованию при посещении Кунсткамеры. Так, С.Г. Гмелин (младший) вскоре после прибытия в Россию писал: «жалостнее еще сего, что мне сколько известно из описаний, издаваемых в Санкт-Петербурге о здешнем собрании минералов, которое надеялся я здесь все сполна увидеть, но несколько в том обманулся. Сухие же растения, которые недавно я видел, едва уже узнать можно»⁸⁷. Удручающее впечатление на него произвело и состояние натур-кабинета: «Что ж до натурального кабинета, которой я вчера видел, то весьма сожалительно, что такой кабинет, которой может быть больше стал, нежели все знатные вещи в свете, поныне от неразумного смотрения в такое худое состояние привел, что едва оной исправить возможно будет», критике подвергся и порядок расположения коллекций: «ибо ежели б Линней летучею мышь по ея зубам почел за весьма подобную

человеку, то и сие легко сделаться может, что незнающей ящерицы с обезьянами, обезьян с сурками, а их с насекомыми...»⁸⁸. Во время, когда работал Бакмейстер, и в последующие десятилетия сотрудники Кунсткамеры регулярно сообщали в конференцию Академии наук об экспонатах, пришедших в негодность, а в 1802 г. Н.Я. Озерецковский представил подробный отчет о значительных утратах, произошедших вследствие незащищенности от сырости, света и насекомых.

Об условиях хранения музейных предметов может свидетельствовать тот факт, что при выделении Зоологического музея из состава Кунсткамеры «только самая малая часть ее оказалась пригодной и достойной хранения»⁸⁹. Проблемы сохранности на протяжении всего XVIII в. оставались чрезвычайно острыми для всех существовавших в то время музеев и в особенности — для естественнонаучных коллекций⁹⁰. Но проблемы не должны были упоминаться в публичном описании музея. Цель Бакмейстера — прославление музея, его коллекций, представление их в самом лучшем свете.

Бакмейстер не только обращает внимание на наиболее редкие и ценные экспонаты, формирует отношение к ним читателя, но также выступает в роли просветителя. На протяжении всего повествования автор любит экспонатами музея, подчеркивая эстетическую ценность не только произведений искусства, но и «несчетных природы богатств». Эпитетов «изящный» («преизящный»), «прекрасный», «прекрасный» удостаиваются как произведения искусства, так и редкие птицы, раковины, минералы. Теми же словами, с подчеркнутым восхищением описываются коллекции — и связанные с именами собирателей (Р. Арескина, Я.В. Брюса, Д.Г. Мессершмидта), и объединенные по тематическому принципу (например, коллекция ящериц). Говорится и об эстетической ценности анатомической коллекции Рюйша. С другой стороны, тератологическая коллекция, жабы, пауки и скорпионы характеризуются как омерзительные. Через эстетические оценки во время творчества Бакмейстера происходила постепенная специализация музейных коллекций. Процесс этот шел не только по более или менее очевидной линии становления той или иной науки. В период формирования первых коллекций петровской Кунсткамеры все без исключения экспонаты были прекрасны, диковины, достойны удивления и восхищения. Современники Петра I восхищались в равной степени произведениями искусства, предметами, привезенными из экзотических стран, и разнообразием мира природы. В первую группу органично вписывались «медицинские художества», из последней не исключалась ни одна «тварь божия»⁹¹. Бакмейстер при всей любви к первому в России музею уже не совсем разделяет такие идеи.

Здесь проявляется характерное для XVIII в. отношение к музейным коллекциям и приоритет эстетической ценности композиции перед научной классификацией экспонатов. Стремление к оригинальности экспозиции, характерное, в принципе для европейских «кабинетов натуральной истории» того времени, приводило к тому, что, например, в коллекции обезьян один экземпляр держал в руках африканского скорпиона, а другой — ящерицу⁹². Предметы часто не были атрибутированы или атрибуция сводилась к таким характеристикам как «редкий», «диковинный», «древний», «драгоценный». Этот принцип много критиковался в XIX—XX вв., но сейчас вновь привлекает к себе внимание и переживает возрождение. Современная экспозиция музея «Первые естественнонаучные коллекции Кунсткамеры» является попыткой реконструкции музея XVIII в., где в одной витрине Natur-кабинета могли соседствовать художественная композиция из засушенных насекомых, чучело млекопитающего, анатомический препарат здорового органа и пример аномалии развития. Музей антропологии и этнографии, наследник петровских коллекций, тем самым не выделяется, а встраивается в общеевропейскую тенденцию восстановления пер-

воначальных экспозиций в первых центрах собирания редкостей, где важной задачей считалось привлечение внимания посетителей, популяризация научного знания, апелляция к чувствам удивления необычайным видом и многообразием представляемых на музейных экспозициях предметов⁹³.

Примечания

1. АЛЕКСЕЕВА Т.И., ЛЕВШИН Б.В. Музеи Российской Академии наук: история и современность. Альманах. 1999. Музеи Российской Академии наук. М. 2000, с. 3—46; ИТС Р.Ф. Первые китайские коллекции в России. Кунсткамера. Этнографические тетради. Вып.1. СПб. 1993, с. 102—113; РУДЕНКО С.И. Сибирская коллекция Петра I. М.-Л. 1962; СТАНЮКОВИЧ Т.В. Кунсткамера Петербургской Академии наук. М.-Л. 1953.
2. Реестр журналам императорской Академии наук. 11 июня 1785 г. Санкт-Петербургский филиал Архива Академии наук (ПФ АРАН), ф. 3, оп. 1, д. 557, л. 254—254об.
3. СТАНЮКОВИЧ Т.В. Ук. соч., с. 162—163, 198—199.
4. КНЯЗЕВ Г.А., ШАФРАНОВСКИЙ К.И. История Библиотеки Петербургской академии наук И. Бакмейстера. 1776 г. Труды Библиотеки Академии наук СССР и Фундаментальной библиотеки общественных наук АН СССР. Т.VI. М.-Л. 1962, с. 251—264; ГРИГОРЬЕВ Ю.В. Иван Григорьевич Бакмейстер (к 200—летию со дня смерти). — Научные и технические библиотеки СССР. 1988, № 8, с. 25—29; Книга И. Бакмейстера оценивается как одно из первых библиографических сочинений также в общих работах. Например: Книга в России. Ч. 1. Русская книга от начала письменности до 1800 года. М. 2008, с. 240; ФАФУРИН Г.А. К истории академической книжной торговли в России в эпоху Екатерины II. Деятельность Иоганна Вейтберхта в Санкт-Петербурге. СПб. 2010, с. 193—195.
5. Рушников — И. Тауберту. 4 ноября 1756 г. ПФ АРАН, ф. 3, оп. 1, д. 845, л. 179.
6. Разумовский К.Г. В канцелярию Академии наук. 14 июня 1764 г. Там же, д. 282, л. 332.
7. Например: [О принятии на хранение в Кунсткамеру монстра]. 7 марта 1757 г. Там же, д. 527, л. 118; Рушников — И. Тауберту. [О принятии на хранение в Кунсткамеру мамонтовой кости]. 10 октября 1757 г. Там же, д. 845, л. 201.
8. Копия записки. [О смерти помощника архивариуса Богданова и открывшейся в Академии вакансии]. 5 октября 1766 г. Там же, д. 300, л. 12.
9. Летопись Библиотеки Российской Академии наук. Т.1. 1714—1900. СПб. 2004, с. 131, 141.
10. Журналы Канцелярии Академии наук. 7 мая 1771 г. ПФ АРАН, ф. 3, оп. 1, д. 542, л. 149.
11. Материалы для истории императорской Академии наук. Т.V. (1742—1743). СПб. 1889, с. 378—379, 465, 580—581, 596.
12. Журналы Канцелярии Академии наук. 12 мая 1771 г. ПФ АРАН, ф. 3, оп. 1, д. 542, л. 150.
13. КУЛЯБКО Е.С. Замечательные питомцы Академического Университета. Л. 1977, с. 110—111.
14. СТАНЮКОВИЧ Т.В. Ук. соч., с. 158.
15. Журналы Канцелярии Академии наук. 23 августа 1781 г. ПФ АРАН, ф. 3, оп. 1, д. 552, л. 381—381об.
16. Копия [выписки из журнала канцелярии Академии наук]. 14 июня 1764 г. Там же, д. 282, л. 333.
17. Журналы канцелярии Академии наук. 26 марта 1770 г. Там же, д. 541, л. 96.
18. Там же. 1778—1781 гг. Там же, д. 549, л. 100об., 244об., 268об., 305об., 370; д. 550, л. 53, 93об., 171об., 225об., 289, 394; д. 551, л. 50, 133об., 180, 261об., 367об., 428об., 512об.; д. 552, л. 140об., 221, 302, 391об., 497об.
19. Там же, 13 февраля 1784 г. Там же, д. 556, л. 143об.—144.
20. Там же, 29 мая 1777 г. Там же, д. 548, л. 172.
21. Там же, 17 мая 1784 г. Там же, д. 556, л. 277об.
22. Там же, 5 июля 1777 г. Там же, л. 220.
23. СЛУХОВСКИЙ М.И. Отношение Европы к первому русскому гражданскому книгохранилищу: опыт обзора зарубежных отзывов о Библиотеке Академии наук в XVIII веке. Библиотечно-библиографическая информация библиотек Академии наук СССР и академий наук союзных республик. 1973, № 4(89), с. 107—108; ЛЕОНОВ В.П. Судьба библиотек в России. Роман-исследование. СПб. 2000, с. 116.
24. Копия с журнала Академической комиссии. 27 июля 1777 г. ПФ АРАН, ф. 3, оп. 8, д. 22, л. 18. О заказе полок и коробок см.: Рапорт академика С.К. Котельникова о приеме в Кунсткамеру минералогического кабинета Генкеля. 15 октября 1774 г. Там же, д. 21, л. 10б.; [О закупке бумаги и свеч по запросу Бакмейстера. 22 декабря 1769 г.]. Там же, д. 540, л. 355; [О выдаче И. Бакмейстеру 50 руб. для платы вольнонаемным мастерам]. 17 декабря 1770 г. Там же, д. 541, л. 176об.; [О выдаче по запросу Бакмейстера на исправление разных мелоч-

- ных надобностей при Кунсткамере и Библиотеке]. 13 февраля 1772 г. Там же, д. 543, л. 68об.; [О выдаче И. Бакмейстеру 50 рублей на мелочные расходы по Кунсткамере и Библиотеке]. 19 апреля 1773 г. Там же, д. 544, л. 148об.; 20 января 1774 г. Там же, д. 545, л. 45об.; 31 марта 1777 г. Там же, д. 548, л. 121об.; 17 августа 1778 г. Там же, д. 549, л. 240об.; 31 июля 1780 г. Там же, д. 551, л. 245об.; О выдаче унтер-библиотекарю Бакмейстеру на дело коробочек для положения штуфов купленного Генкелева минерального кабинета 100 р. Там же, л. 617; [О выдаче И. Бакмейстеру 30 рублей на мелочные расходы по Кунсткамере и Библиотеке]. 29 мая 1777 г. Там же, д. 548, л. 172; [О выдаче И. Бакмейстеру 25 рублей на мелочные расходы по Кунсткамере и Библиотеке]. 1 сентября 1777 г. Там же, д. 548, л. 157; О выдаче г. унтер-библиотекарю Бакмейстеру на платежи мастерам за лакированные разных постаментов и на другие расходы 50 руб. 28 сентября 1777 г. Там же, д. 619, л. 60об.; [О выдаче И. Бакмейстеру 100 р. на мелочные расходы по Кунсткамере и Библиотеке]. 26 августа 1779 г. Там же, д. 550, л. 283об.
25. Сообщение о правилах посещения Кунсткамеры. 13 мая 1779 г. Там же, д. 33; Печатные билеты в Кунсткамеру были введены после 1775 г., когда вследствие большого количества желающих осмотреть музей, караульный солдат С. Корабельщиков самовольно стал брать с посетителей плату. После этого случая администрация распорядилась печатать в типографии билеты для бесплатной раздачи в конторе Академии.
26. СТАНЮКОВИЧ Т.В. Ук. соч., с. 136—140.
27. Летопись Библиотеки..., с. 143—151.
28. [О выдаче И. Бакмейстеру голландской бумаги для переписки каталога]. 19 января 1784 г. ПФ АРАН, ф. 3, оп. 1, д. 556.
29. Журналы Канцелярии Академии наук. 31 марта 1769 г. ПФ АРАН, ф. 3, оп. 1, д. 540, л. 136.
30. Например: [О покупке 2-й части «Литовской истории»]. 31 августа 1769 г. Там же, л. 252; [О подписке на каталог Грейфсвальдской библиотеки по представлению Бакмейстера]. 21 июня 1772 г. Там же, д. 543, л. 146об.; [О покупке номеров журнала «Утренний свет»]. 27 октября 1777 г. Там же, д. 548, л. 310; [О выдаче Бакмейстеру 11 рублей на приобретение по его предложению] анатомической на латинском и немецком языках книги для Библиотеки. 21 февраля 1780 г. Там же, д. 551, л. 105об.—106.
31. ДАШКОВА Е.Р. Рапорт о состоянии, в котором находилась императорская Академия наук, когда я вступила в управление ею в 1783 г. и в котором она находится ныне в 1786 г. ДАШКОВА Е.Р. О смысле слова «воспитание». Сочинения, письма, документы. СПб. 2001, с. 317.
32. ПАВЛОВА Г.Е. Е.Р. Дашкова — директор Петербургской академии наук. — Природа. 1983, № 4, с. 94.
33. Именной объявленный Сенату генерал-прокурором о доставлении из всех казенных и вольных типографий по одному экземпляру всякой издаваемой книги в Библиотеку Санкт-Петербургской академии наук. 23 февраля 1783 г. Полное собрание законов Российской Империи. СПб. 1833, № 15 671; [О снятии копий с указа о присылке книг из всех типографий в Библиотеку]. 6 марта 1783 г. ПФ АРАН, ф. 3, оп. 1, л. 133—133об.; [О присылке книг в Библиотеку Академии наук]. 13 июля 1783 г. Там же, д. 555, л. 71об.
34. Журнал исходящим делам по Комиссии Академии наук 1774 г. Там же, д. 617, л. 42об.
35. Реестр журналам императорской Академии наук. 3 декабря 1785 г. Там же, д. 557, л. 445об.
36. [Об определении Иогана Христиана Дала в помощь Бакмейстеру с жалованием 100 руб. в год]. 18 января 1787 г. Там же, д. 559, л. 90об.
37. ФАФУРИН Г.А. Ук. соч., с. 36, 70.
38. БАКМЕЙСТЕР И. [Доклад] в Академию наук. 30 июня 1788 г. ПФ АРАН, ф. 3, оп. 1, д. 367а, л. 9—10. Копия с журнала июля 3 дня 1788 года. Там же, л. 11; Реестр журналам императорской Академии наук. 1 июля 1788 г. Там же, д. 560, л. 325—327об.
39. БАКМЕЙСТЕР И. [Доклад] в Академию наук. 2 августа 1788 г. Там же, д. 367а, л. 136; Реестр журналам императорской Академии наук. 3 августа 1788 г. Там же, д. 560, л. 366об.
40. Например: [О присылке в Кунсткамеру двухголового телянка]. 6 марта 1772 г. Там же, д. 543, л. 76; [О присылке двух сросшихся мальчиков]. 17 марта 1772 г. Там же, л. 90; [О присланных в Кунсткамеру двух человеческих монстрах]. 23 августа 1781 г. Там же, д. 552, л. 378об.
41. Список членам Вольного экономического общества в Санкт-Петербурге. СПб. 1793, с. 34—35.
42. ДАНИЛЕВСКИЙ Р.Ю. Немецкие журналы Петербурга в 1770—1810 гг.: характеристика литературных позиций. Русские источники для истории зарубежных литератур. Л. 1980, с. 62—105.
43. При первом упоминании издания (когда оно планировалось) говорится о тираже 100 экземпляров, при втором (по факту выпуска) — 150.

44. Журналы канцелярии Академии наук. 10 января, 9 февраля 1778 г. ПФ АРАН, ф. 3, оп. 1, д. 549, л. 49об., 82об.
45. ФАФУРИН Г.А. Ук. соч., с. 106.
46. Журналы канцелярии Академии наук. 28 августа 1784 г. Там же, л. 382; 16 сентября 1784 г. Там же, л. 398.
47. Реестр журналам императорской Академии наук. 23 июля 1786 г. Там же, д. 558, л. 325об.
48. Реестр журналам императорской Академии наук. 27 января 1787 г. Там же, д. 559, л. 108об.—109; 15 сентября 1786 г. Там же, д. 558, л. 370.
49. В Императорскую Академию наук рапорт. 18 сентября 1788 г. Там же, д. 367а, л. 313—315; Летопись Библиотеки..., с. 172.
50. Копия с дневной записки. 29 сентября 1788 г. ПФ АРАН, ф. 3, оп. 1, д. 367а, л. 316—317.
51. БЕЛЯЕВ О.П. Кабинет Петра Великого. Отд.1—3. СПб. 1800.
52. BACMEITER J.V. Essai sur la bibliothèque et le cabinet de curiosités et d'histoire naturelle de l'academie des sciences de Saint-Petersbourg. St.Pb. 1776.
53. Сводный каталог книг на иностранных языках, изданных в России в XVIII веке. 1701—1800. Т. I. Л. 1984, с. 78.
54. BACMEITER J.V. Versuch über die Bibliothek und das Naturalien- und Kunst-Kabinet der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften in St. Petersburg. St.Pb. 1777.
55. Neues St. Petersburgisches Journal. 1782, IV, S. 1—71.
56. BACMEISTER J.V. Historische Nachricht von der metallenen Bildsäule Peter des Grossen. Gesammelt von Johann Bacmeister russ. kaiserl. Assessor und Unter-Bibliothecarius bey der Kaiserl. Academie der Wissenschaften. St. Pb. 1783.
57. Историческое известие о изваянном конном изображении Петра Великого, сочиненное коллежским асессором и библиотекарем императорской Академии наук Иваном Бакмейстером. Переведено Николаем Карандашевым. СПб. 1786.
58. О напечатании французского каталога на счет унтер-библиотекаря Бакмейстера. 3 августа 1783 г. ПФ АРАН, ф. 3, оп. 1, д. 555, л. 123.
59. Об учинении выговора Бакмейстеру за ошибки в придворном календаре. 13 января 1784 г. Там же, ф. 3, оп. 1, д. 556, л. 86.
60. АЛФЁРОВ Ж.И., ТРОП Э.А. В каждом институте — сенсационные исследовательские результаты. — Вестник Российской академии наук. Т. 69. М. 1999, № 5, с. 449.
61. КОМКОВ Г.Д., ЛЕВШИН Б.В., СЕМЁНОВ Л.К. Академия наук СССР. Краткий исторический очерк. Т.1. 1724—1917. М. 1977, с. 117—119; [БОГДАНОВИЧ И.Ф.] Стихи на случай, когда... Павел и Мария Федоровна... удостоили посетить Академию наук в октябре 1776 года. [СПб. 1776]; ЕГО ЖЕ. Станс на торжество пятидесятилетнего юбилея Санктпетербургской Академии наук, удостоенного высочайшим присутствием декабря в 29 день 1776 г. [СПб. 1776]; Два письма Фридриха Великого к директору Академии Домашневу и к старшему академику Эйлеру, в коих благодарит Академию за доставление медали, выбитой в 1776 г. на случай юбилея Академии. Портфели Г.Ф. Миллера. М. 1899; [Об отчеканенной в 1776 г. медали и жетоне на юбилей Академии наук]. ПФ АРАН, ф. 3, оп. 1, д. 548, л. 102об.
62. Два портфеля, содержащие историю Санкт-Петербургской Академии Наук. Портфели Г.Ф. Миллера, с. 160.
63. КУНИК А.А. Почему ныне еще невозможна история Академии наук в XVIII столетии. Деятели русской науки XIX—XX веков. Вып.4. СПб. 2008, с. 508—509.
64. БАКМЕЙСТЕР И. Опыт о начале и нынешнем состоянии находящегося при Санкт-Петербургской императорской Академии наук Кабинета редкостей и истории натуральной. СПб. 1779, с. 32—33.
65. ФАФУРИН Г.А. Ук. соч., с. 1—250.
66. ДАШКОВА Е.Р. Ук. соч., с. 310.
67. ФАФУРИН Г.А. Ук. соч., с. 1—250.
68. Реестр журналам по императорской Академии наук. 7 марта 1788 г. ПФ АРАН, ф. 3, оп. 1, д. 560, л. 170.
69. РУДНЕВ Д.В. Заказчики типографии Морского кадетского корпуса во второй половине XVIII в. (1752—1803 гг.). Триста лет печати Санкт-Петербурга. Материалы международной научной конференции. СПб. 2011, с. 90—97.
70. Отдел рукописей Библиотеки Российской Академии наук, F 291, инв. № 8332.
71. О выдаче унтер-библиотекарю Бакмейстеру золотой медали за сочинение описания Библиотеки. 16 января 1778 г. ПФ АРАН, ф. 3, оп. 1, д. 620, л. 4об.; ЛЕОНОВ В.П., САВЕЛЬЕВА Е.А. Бакмейстер Иоганн Фольврат. Научное сообщество Санкт-Петербурга XVIII — начало XXI в. СПб. 2013, с. 44.
72. Журналы канцелярии Академии наук. 10 января. 1778 г. ПФ АРАН, ф. 3, оп. 1, д. 549, л. 47об.

73. Копия с комисской резолюции генваря 1-дня 1778 года. Там же, ф. 3, оп. 8, д. 32, л. 1.
74. Государственной Берг-коллегии из монетного департамента в учрежденную при Императорской Академии наук комиссию. 23 марта 1778 г. Там же, л. 4.
75. [О награждении И. Бакмейстера] 30 декабря 1779 г. Там же, ф. 3, оп. 1, д. 550, л. 488об.
76. ХОТЕЕВ П.И. Немецкая книга и русский читатель в первой половине XVIII века. СПб. 2008, с. 310.
77. БАКМЕЙСТЕР И. Ук. соч., с. 10—11.
78. ХОФМАНН П. М.В. Ломоносов и «норманнская теория». Историографическое исследование. В кн.: Г.Ф. Миллер и русская культура, с. 72—73; МЕРКУЛОВ В.И. Эволюция взглядов Г.Ф. Миллера по варяжскому вопросу. Там же, с. 77—83.
79. КОЛЛМАНН Н.С. Соединенные чество. Государство и общество в России раннего нового времени. М. 2001; ЛОТМАН Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). СПб. 1994; МАРАСИНОВА Е.Н. Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII в. (по материалам переписки). М. 1999; МУРАВЬЁВА О.С. Как воспитывали русского дворянина. СПб. 2001; ЧЕРНАЯ Л.А. «Честь»: представления о чести и бесчестии в русской литературе XI—XVII вв. Древнерусская литература. Изображение общества. М. 1991, с. 56—84; HATCH E. Theories of Social Honor. — *American Anthropologist*. 1989, vol. 91, p. 341—353.
80. БАКМЕЙСТЕР И. Ук. соч., с. 7, 151.
81. Там же, с. 107.
82. Там же, с. 141.
83. Там же, с. 121.
84. Палаты Санкт-Петербургской Академии наук, Библиотеки и Кунсткамеры. СПб. 1741. Второе издание: СПб. 1744.
85. АЛЕКСЕЕВА Т.И., ЛЕВШИН Б.В. Музеи Российской Академии наук: история и современность. Альманах. 1999. Музеи Российской Академии наук. М. 2000, с. 3—46.
86. БАКМЕЙСТЕР И. Ук. соч., с. 151.
87. [Гмелин С.Г.] . В учрежденную при Академии наук комиссию рапорт. 19 апреля 1767 г. ПФ АРАН, ф. 3, оп. 1, д. 309, л. 244об.
88. Там же, л. 244об.
89. ШТРАУХ А. Зоологический музей императорской Академии наук. Пятидесятилетие его существования. Обзор основания, постепенного расширения и современного состояния музея. СПб. 1889, с. 59, 147.
90. MACGREGOR A. Curiosity and Enlightenment. London-New Haven. 2007, p. 143.
91. СОСНИНА О.А. Восковая персона. Проблема иллюзионизма в пластике эпохи барокко. Эпоха барокко. М. 1994, с. 180—181.
92. НОВИКОВ П.А. Зоологический отдел Петербургской Кунсткамеры в его историческом развитии. Труды Института истории естествознания и техники. Т. 14. М. 1957, с. 331.
93. КИСЛЯКОВ В.Н. Некоторые соображения о судьбах первых европейских музеев. Курьер Петровской Кунсткамеры. Вып. 6—7. СПб. 1997, с. 132.

Финансовая политика советских властей Баварии в 1919 г.

А.Ю. Ватлин

Победоносные революции в Европе нового и новейшего времени ассоциируются с установлением жесткого политического режима, репрессиями по отношению к представителям «старого мира», строительством собственных вооруженных сил и обороной революционных завоеваний от посягательства извне (а иногда и ведением наступательной войны во имя идеалов светлого будущего). В тени остаются финансовые мероприятия революционеров: захват и «перенастройка» банковской системы, введение в оборот новых денег, решение проблемы внутренних и внешних долгов государства. Специальные научные исследования нередко рассматривают их изолированно от ежедневно менявшейся политической конъюнктуры тех лет, от доступного революционным властям объема экономических знаний. Для исторической журналистики интерес представляют лишь отдельные яркие факты, такие как масштаб финансовых экспроприаций, коррупция в верхушке новой власти, денежная подпитка со стороны зарубежных соратников. Объединить частные события и процессы в общую картину, насытить ее живыми образами и не упустить важных деталей обещает «микроистория» — методологический подход, разлагающий прошлое на молекулы и атомы обыденных поступков конкретных людей.

Применим ли такой подход к революционной эпохе — судить читателю настоящей статьи. Речь в ней пойдет о финансовой политике революционеров, пришедших к власти с программой немедленных социалистических преобразований. В качестве объекта исследования взята Баварская советская республика (БСР) — явление столь же уникальное, сколь и незаслуженно забытое. Несмотря на то, что ее существование по историческим меркам продолжалось меньше мгновения, а подконтрольная ей территория занимала меньше половины Баварии, опыт БСР дает достаточную почву для размышлений о таких глобальных проблемах современной эпохи, как, например, соотношение идейной доктрины и научного знания, убеждения и насилия в процессе экономических реформ.

Вопрос о том, в какой мере баварская революция 1918—1919 гг. являлась частью общегерманской, а в какой — самостоятельным политическим процессом, до сих пор не получил однозначного ответа. Революционные события в

Баварии, как и во всей Германии, были predeterminedены поражением страны в первой мировой войне, но зашли гораздо дальше, вплоть до установления власти рабочих советов, за которыми стояли вначале левые социалисты и анархисты (первая БСР, 7—13 апреля), а затем — коммунисты (13—27 апреля 1919 г.). Хотя проведение параллелей с российской революцией выходит за рамки авторского замысла, многие задачи, стоявшие перед мюнхенскими революционерами, равно как и алгоритм их решения, демонстрируют поразительное сходство с тем, что происходило в Петрограде на протяжении 1917 года.

Провозглашение Советской Баварии. Отто Нейрат. О необходимости «второй революции» в Баварии заговорили сразу после убийства руководителя революционного правительства левого социалиста Курта Эйснера 21 февраля 1919 г., когда тот шел на первое заседание только что избранного земельного парламента — ландтага. Независимая социал-демократическая партия Германии (НСДПГ), которую возглавлял Эйснер, проиграла выборы в ландтаг, и от ее лидера ожидали заявления об отставке. Удавшееся покушение вновь смешало все карты, на политическую авансцену во второй раз после ноября 1918 г. выдвинулись радикальные силы. Ситуация в Мюнхене на протяжении марта отчасти напоминала известный период «двоевластия» в ходе российской революции 1917 года. С одной стороны, настроенные на продолжение социально-экономических преобразований рабочие и солдаты ориентировались на созданный после убийства Эйснера Революционный Центросовет. С другой — никто не отменял полномочий ландтага, на который сделали ставку представители буржуазно-либеральных партий Баварии и умеренные социалисты (СДПГ).

Поставив на повестку дня вопрос о власти, Центросовет не смог ни заручиться поддержкой Всебаварского съезда рабочих и солдатских советов (который проходил в Мюнхене 25 февраля — 8 марта 1919 г.), ни сосредоточить в своих руках необходимые финансовые ресурсы и рычаги административного управления. Беспомощность его лидеров высмеивал бывший полпред Советской России в Германии Адольф Иоффе, пообщавшийся с посланцем из Мюнхена в начале марта: «Он, например, сообщил, что у них денег нет, и они боятся национализировать банки, но когда я его спросил, взяли ли они Государственный Банк в свои руки, то оказалось, что и это еще не сделано. Очевидно, они не только трусят и боятся принимать решительные меры, но и не знают, что им делать»¹. Высокомерные оценки Иоффе опирались на опыт большевистской партии в финансовой сфере до и после захвата власти. Как известно, большевики не отличались излишней щепетильностью в денежных вопросах.

Период баварского «двоевластия», которое в гораздо большей степени являлось безвластием, закончился 17 марта 1919 г., когда собравшийся на свое второе заседание ландтаг при молчаливом согласии Центросовета избрал правительство во главе с Иоганном Гофманом. Социал-демократ Гофман начал политику лавирования между радикальными требованиями социальных низов, которые находили свое выражение в пропаганде местных «независимцев» (НСДПГ), коммунистов (КПГ) и пестрой группы анархистов, и сторонниками скорейшего сворачивания революции.

На стороне последних, вошедших в историю как «буржуазный лагерь», выступало и имперское правительство в Берлине (Германская республика продолжала именовать себя «рейхом»), успешно расправившееся с попытками левых радикалов (их называли «спартаковцами» по имени «Союза Спартака», преобразованного в КПГ) взять власть в свои руки по образцу Октябрьского восстания в России. Окончательно запутывало политическую ситуацию в Мюнхене наличие огромного военного гарнизона, солдаты которого не имели ясной политической программы и были склонны поддержать тех политиков, которые обещали поддержку им лично. Немалую роль играли и заметно усилившиеся

сепаратистские настроения, порожденные надеждами на то, что самостоятельной Баварии удастся выторговать для себя более мягкие условия мира, нежели для остальной Германии.

Беспринципное лавирование, пустые обещания и мелкие подачки быстро завели правительство Гофмана в тупик, к концу марта оно лишилось поддержки и слева, и справа. Сторонники ландтага попытались взять ситуацию под свой контроль, объявив о возобновлении его работы. Это вызвало резкие протесты рабочих и солдатских представительств по всей Баварии — 4 апреля из Аугсбурга в Мюнхен пришло требование местного совета о скорейшем провозглашении Баварской Советской республики. Инициатива попала на благоприятную почву — лидеры Центросовета и левых политических партий тут же занялись подготовкой соответствующего воззвания и распределением между собой руководящих постов². 6 апреля, в день провозглашения БСР, ландтаг и правительство Гофмана отправились в добровольное изгнание в город Бамберг, находящийся в Северной Баварии. Проводя параллели с Россией, можно сказать, что это было больше похоже на опричнину, чем на получившее четкие географические очертания двоевластие. Так или иначе, баварская революция вступала в новую, самую острую фазу.

Прошедшие к этому моменту пять месяцев с момента свержения монархии Виттельсбахов в полной мере выявили «узкое место», общее для революционных преобразований в любой стране, — дефицит политических деятелей и управленцев, способных перевести в практическую плоскость стратегические установки новой власти. Контуры «светлого будущего», сформулированные этой властью под давлением социальных низов, включали в себя помимо утверждения принципов парламентской демократии (что было достигнуто на первом этапе революции) радикальный выход за рамки капитализма. Новый социально-экономический строй в Баварии, равно как в России и других странах Центральной Европы, находившихся в революционном потоке, представлялся социалистическим и даже коммунистическим, хотя его конкретное воплощение являлось предметом острых идейных и партийно-политических споров.

Если российские большевики сделали ставку на реализацию собственных программных установок, отказавшись в ходе гражданской войны от привлечения потенциальных союзников извне и установив жесткую партийную диктатуру в советском оформлении, то конгломерат левых социалистических движений в Баварии, не имевший явного и признанного лидера (но имевший перед своими глазами опыт большевистской диктатуры в России), пошел весной 1919 г. иным путем. В Мюнхен были приглашены известные ученые-экономисты из Германии и сопредельных стран, от которых ожидали делового и «надпартийного» решения задач, стоявших перед революционными силами. Вероятно, свою роль здесь сыграло и характерное для немцев преклонение перед силой науки и ее передовых представителей, облеченных докторской степенью и профессорским званием.

Как правило, это были люди, либо лично знакомые лидерам советского движения в Баварии, либо широко известные благодаря трудам, привлечшим внимание общества своей оригинальностью и радикализмом. Маргиналы в мире экономической науки, они пламенно мечтали проверить на практике собственные теоретические построения. Первым представителем «научного десанта» в революционной Баварии оказался австриец Отто Нейрат. В годы войны он занимался планированием военных поставок в Австро-Венгрии, работал приват-доцентом у Макса Вебера, а в первые месяцы германской революции консультировал саксонские власти³. В Мюнхен он был приглашен еще правительством Гофмана, олицетворяя собой готовность последнего к компромиссу с политическими силами, стоявшими левее СДПГ.

26 марта Нейрат возглавил Центральное экономическое ведомство при баварском Министерстве торговли, ремесел и промышленности. Ведомству было поручено в кратчайшие сроки разработать план социализации ключевых отраслей экономики. В те дни краткий визит в Мюнхен нанес Вальтер Ратенау, один из творцов системы военно-бюрократического хозяйствования в годы мировой войны. Он встречался с Нейратом, благосклонно отнесся к его планам и впоследствии признал, что его австрийский собеседник разделял общее для той эпохи романтическое стремление «одним скачком перескочить из старого в новый мир. У русских при их этнически определенном догматизме и оппортунизме это стремление привело к формированию системы, которая, вероятно, просуществует еще несколько лет и надолго останется самым интересным объектом при изучении экономических экспериментов»⁴.

С точки зрения Нейрата, являвшегося одним из ведущих представителей «венского кружка экономистов», суть проблемы заключалась не в самой процедуре обобществления, а в организации постоянного контроля над производством. Залогом успеха считалось «внедрение качественно новой системы сбора статистических данных, а также введение безналичного обращения в производственной сфере, что сделает невозможным накопление наличных денег и уклонение от уплаты налогов»⁵. При планировании производства Нейрат предлагал оперировать натуральными величинами, подчеркивая, что это принципиально важно для организации гармоничных отношений между индустриальным и аграрным секторами экономики. Специально для Баварии его концепция предполагала сведение отдельных крестьянских хозяйств в кооперативы, которые объединялись в «особое ведомство, распределяющее удобрения, сельхозмашины, обувь, одежду» в зависимости от количества произведенных и сданных государству продуктов⁶.

2 апреля 1919 г. в газете «Мюнхенер пост» появилась пространная статья Нейрата «Социализм, коммунизм и солидаризм», исходным тезисом которой было признание бесповоротного краха капитализма. На смену ему идет плано-управляемая экономика, способная в полной мере раскрыть свои преимущества только после обобществления ключевых средств производства. Явные заимствования из марксистской теории перемежались ссылками на христианские заповеди. Статья завершалась призывом «деполитизировать» неизбежные реформы — антикапиталистическим силам следовало отбросить идейные разногласия, сосредоточившись на практических шагах в построении новой социально-экономической системы.

Акцент Нейрата на полный учет и централизованное распределение финансовых и материальных ресурсов, имевшихся в распоряжении баварских властей, выдавал влияние опыта военно-бюрократического регулирования экономики, в котором Германия преуспела гораздо больше, нежели Австро-Венгрия. В статье не содержалось конкретной программы перевода предприятий в общественную собственность, однако еще до ее появления на свет в предпринимательских кругах Баварии приглашение Нейрата и создание Центрального экономического ведомства вызвали состояние, близкое к панике. Союзы торговцев и промышленников выступили с протестами, которые прусский посланник в Мюнхене граф Юлиус фон Цех-Буркерсрода тотчас же переправил в Берлин. Дипломат кайзеровской эпохи, которому еще предстояло сыграть одну из ключевых ролей в разгроме Советской Баварии, увязал популярность «туманных мечтаний о социализации, охвативших широкие массы», с баварским сепаратизмом, который пытается опередить «унитарные устремления» Национального собрания в Веймаре⁷.

Провозглашение в Баварии Советской республики стало для Нейрата сигналом к практической реализации своих теоретических разработок. Уже 7 апре-

ля Центросовет опубликовал постановление о выборах в «местные советы по отраслям», которым и предстояло заняться социализацией. Этот документ подчеркивал недопустимость самовольного захвата собственности «снизу», призывая советские органы на местах проводить единую линию, которая в ближайшее время будет определена Центральным экономическим ведомством Баварии⁸.

Преобразования в банковской сфере. Эмиль Мэннер. В первые дни апреля из-за распространения слухов о предстоящем провозглашении Советской республики начался настоящий шторм мюнхенских банков частными вкладчиками, которые обналичивали свои сбережения или переводили их в другие регионы Германии. Проблема оттока денежных средств из-за политической нестабильности в Баварии существовала и ранее. Ввиду того, что пост министра финансов в правительстве Гофмана оставался вакантным, инициативу в этой сфере взял на себя Нейрат, которому пришлось отставить на второй план разработку системных реформ и взяться за «ручное управление» финансовыми потоками.

Еще в марте 1919 г. в Центральном экономическом ведомстве был разработан законопроект, ограничивавший движение наличности: платежи от 5 тыс. марок должны были осуществляться только безналичным путем, а в случае перевода за пределы Баварии, требовалось одобрение соответствующих ведомств. 6 апреля Нейрат провел совещание с руководителями крупнейших частных банков Мюнхена, по итогам которого те согласились с предложенным законопроектом⁹.

Постановление, названное «Против оттока капитала», было принято и опубликовано в первый день существования БСР¹⁰. Но уже на следующий день в печати появилась его новая редакция, радикально ужесточившая финансовый контроль. Согласно второму варианту постановления, каждый вкладчик мог снять со своего вклада только 100 марок в день, и то при условии, что в соответствующем банке имелись наличные деньги. Исключение делалось для средств, снимаемых со счетов с целью выдачи зарплаты и покрытия производственных расходов, но необходимость подобных расходов должен был в каждом случае подтверждать соответствующий фабрично-заводской комитет. Изъятие наличности из банковских ячеек могло происходить под контролем фабзавкома соответствующего банка в тех же масштабах — не более 100 марок в день и 700 марок в неделю¹¹.

Практически одновременное появление двух различных директив не являлось чем-то исключительным в условиях ведомственного хаоса первых дней существования БСР, однако оно требует своего объяснения. Жесткий вариант контроля над движением наличных денег был предложен Революционным банковским советом — органом, речь о котором пойдет ниже. Нейрат, несомненно, удивился столь радикальным предложениям, однако оспаривать их не стал, ибо они соответствовали его представлениям о необходимости максимально ограничить денежное обращение. Именно Нейрат вынес второй, более жесткий, вариант на ближайшее заседание Центросовета и добился его принятия без обсуждения по существу¹². Тем самым был отвергнут курс на сотрудничество с руководителями частных мюнхенских банков, олицетворением которого стало совещание 6 апреля.

8 апреля банки не работали. Очевидно, их руководство успело провести необходимые консультации со своими собственными служащими, вошедшими в Ревбанксовет, и убедить их в том, что второе постановление приведет к полному параличу финансовой сферы. Уже 9 апреля появился третий, компромиссный вариант постановления об ограничении оборота наличных денег, на сей раз в виде «Инструкции финансовым институтам», подписанной членами Ревбанксовета. Сохраняя структуру предшествующего документа, он в шесть

раз повышал максимальный размер ежедневного изъятия денег со счета того или иного вкладчика¹³. После падения Советской Баварии банкиры в один голос утверждали, что даже с внесенными поправками данное постановление нанесло непоправимый ущерб хозяйственной жизни Мюнхена¹⁴. Но в дни существования первой БСР оно было лишь одним из звеньев непрерывной цепи декретов, постановлений и прокламаций, радикализм которых компенсировался отсутствием механизма проверки их исполнения.

Трехкратная трансформация постановления об ограничении наличного обращения в течение первых трех дней существования БСР наглядно показывает, что различные концепции и взгляды сторонников новой власти не только сталкивались, но и существовали параллельно друг другу. В целом доминировала тенденция движения влево, ко все более радикальным и бескомпромиссным решениям. Выступая на собрании фабзавкомов 10 апреля, Нейрат заявил, что после установления контроля над оборотом наличных денег и сырьевых ресурсов «для проведения социализации достаточно произнести всего лишь одно слово... Я хотел бы подчеркнуть, что вы должны сердечно поблагодарить за это смелых молодых людей, которые образовали Революционный банковский совет и денно и ночно работали в данном направлении»¹⁵. Кем же были эти «смелые молодые люди», заставившие Нейрата забыть об осторожности и о договоренностях, достигнутых с руководителями крупнейших банков?

3 апреля 1919 г. группа молодых служащих частных банков Мюнхена, разделявших идеи «второй революции», провела собрание, в ходе которого было решено выработать собственную стратегию социалистических преобразований в банковской сфере. Этот шаг не только отвечал доминирующим настроениям в революционной Германии, но и диктовался пониманием того, что финансовая жизнь в городе зашла в тупик. Сотрудники банков по долгу службы ежедневно сталкивались как с оттоком крупных капиталов, так и с паникой среди мелких вкладчиков. Слухи о предстоящем провозглашении Советской республики будоражили воображение, заставляли думать о реализации собственных политических и карьерных амбиций. Образовавшиеся повсеместно советы и фабзавкомы представлялись зародышами не только новой власти, но и нового устройства хозяйственной жизни. Большинство из начинающих банковских работников имело за плечами военный опыт, который стимулировал протест против реставрации капиталистической системы довоенного образца. И в то же время они стремились не допустить срыва революционного процесса в «русскую колею», что означало бы силовой захват банков и утверждение там власти некомпетентных «рабочих комиссаров».

7 апреля 1919 г. состоялось учредительное заседание Революционного совета сотрудников банков (*der revolutionäre Rat der Bankbeamten-Angestellten*), который в дальнейшем стал более звучно и кратко именоваться Ревбанксоветом (*der revolutionäre Bankrat*). Заседание открылось в пять часов вечера в пивной «Красный петух», когда Советская Бавария стала уже свершившимся фактом. На него были приглашены банковские работники, являвшиеся активистами СДПГ и НСДПГ, члены фабзавкомов банков, молодые сотрудники баварского Министерства финансов. Нет никаких данных о том, что идея создания Ревбанксовета пришла «сверху», от руководителей БСР. Напротив, это был один из многочисленных примеров проявления инициативы снизу, разбуженной революционным процессом. В ходе дискуссий на заседании 7 апреля вновь говорилось о том, что переход банковской сферы под контроль компетентных лиц позволит избежать вмешательства в нее извне, как это произошло в Советской России и Венгрии.

Важной чертой революционного процесса является оперативное принятие решений. Делегация Ревбанксовета сразу же отправилась в Виттельсбахский

дворец и около 11 час. вечера получила широкие полномочия для контроля банковской деятельности на территории БСР. Уже на следующий день во всех финансовых институтах следовало избрать уполномоченных (Bankrate), без подписи которых не являлись действительными административные распоряжения и денежные переводы. Именно на них возлагалась борьба с оттоком капиталов и наличных денег из Мюнхена ¹⁶.

Формальных выборов в Ревбанксовет вечером 7 апреля не состоялось. Инициатор собраний 3 и 7 апреля, сотрудник отделения Пфальцского Банка в Мюнхене Эмиль Мэннер был признан их участниками своим неформальным председателем ¹⁷. Его коллеги по банку Виктор Зандман и Вильгельм Май, а также сотрудники «Дойче Банк» Людвиг Раммлер и Луи Брицено (колумбиец по национальности) составили костяк руководящей группы в Ревбанксовете.

Эмиль Мэннер, которому исполнилось на тот момент 25 лет, остается одной из самых загадочных фигур в истории БСР, хотя он принимал в ней самое активное участие от первых до последних часов, более того — стал инициатором отстранения от власти коммунистов. В отличие от остальных лидеров Советской Баварии никаких данных о Мэннере нет даже на специальном сайте, посвященном истории баварской революции ¹⁸. Это связано с тем, что в отличие от подавляющего большинства баварских коммунаров, убитых в ходе военной операции по «зачистке» Мюнхена или осужденных позже, Мэннеру удалось скрыться, и его дальнейший жизненный путь до сих пор остается неизвестным.

В политической публицистике 1919 г. и опирающейся на нее научной литературе сложился образ Эмиля Мэннера как умеренного и искреннего социалиста, противостоявшего «большевистским тенденциям» в руководстве БСР. Этот образ требует как минимум серьезной корректировки. Предлагавшиеся им финансовые меры отнюдь не отличались умеренностью, хотя и носили системный характер в отличие от необоснованных экспромтов КПП, ориентированных исключительно на перенесение в Баварию опыта Советской России. Во второй БСР после изгнания приглашенных профессоров Мэннер оказался самым компетентным из десятка народных уполномоченных, составлявших революционное правительство.

Уникальную информацию о его личности и действиях дает доклад, который 31 мая представил военным властям его коллега и соратник по Ревбанксовету Карл Риттер фон Груни ¹⁹. Этот обширный документ был составлен в рамках кампании по поиску бежавших революционеров, и, как можно предположить, стал индульгенцией, освободившей самого Груни от судебного преследования. Психологическая характеристика Мэннера, с которой начинался доклад, была типичной для целого поколения немцев, которое, все еще оставаясь для окружающих молодым, попало в категорию ветеранов войны.

Итак, «ничем не выделявшийся скромный банковский клерк» под воздействием фронтового опыта и военных потрясений стал радикальным социалистом, вступив в ряды НСДПГ. Своим товарищам он рассказывал, что был избран в солдатский совет оккупированного немцами бельгийского города Льеж и участвовал в организации отступления германской армии ²⁰. На первом этапе революции, в конце 1918 — марте 1919 г., Мэннер работал в ведомстве народного просвещения, созданном при правительстве Эйснера. Там он проявил себя «талантливым оратором, склонным к театрализации своих докладов и выступлений, обладавшим острой реакцией и способностью учитывать мимолетные настроения» аудитории. С искренней надеждой на приход новой эпохи Мэннер встал в ряды идеалистов, «мечтающих улучшить мир и осчастливить народ». Его психологический портрет Груни завершил фразой самого Мэннера, который заявил как-то, что «чувствует себя в большей степени коммунистом, нежели радикальным социалистом» ²¹.

Выступая от имени Ревбанксовета, 8 апреля 1919 г. Мэннер провел общее собрание сотрудников мюнхенских банков, на которое пришли в основном избранные в тот день уполномоченные (по своему статусу они были приравнены к представителям фабрично-заводских комитетов). Ему пришлось столкнуться с оппозицией осторожно настроенных банковских служащих, которые выступили против обобществления финансовых институтов и ограничивали задачу Ревбанксовета только тем, чтобы «спасти то, что еще можно спасти». Мэннеру так и не удалось убедить собравшихся поддержать провозглашение Советской республики в Баварии²². В резолюции собрания особо отмечалось, что сотрудники банков окажут доверие новому органу только в том случае, если он «будет заниматься своими профессиональными задачами, не проявляя политических стремлений и склонности к террору»²³.

Потерпев тактическое поражение, Мэннер не умерил своих личных амбиций, потребовав от руководства первой БСР предоставить созданной им организации широкие полномочия, а его самого — включить в состав Центросовета. «Ревбанксовет требует, чтобы все значительные мероприятия в банковской сфере предварительно согласовывались с ним. В противном случае не исключена угроза того, что реакционные функционеры и директора банков, исходя из своих антисоциалистических установок, смогут провести в комиссиях (то есть министерствах БСР. — *А.В.*) решения, служащие интересам капитала»²⁴. Сторонникам Мэннера удалось заручиться безоговорочной поддержкой лидера баварской НСДПГ Эрнста Толлера, который фактически руководил первой Советской республикой в Баварии. Отто Нейрат не только высоко оценил активность «смелых молодых людей», но и принял участие в заседании Ревбанксовета 9 апреля, поддержав его линию на максимальное ограничение наличных выплат вкладчикам банков²⁵.

Народный дом финансов. Сильвио Гезель. Пост народного уполномоченного по экономике в первой БСР был предложен министру финансов в правительстве Эйснера профессору Эдгару Яффе (НСДПГ), но тот отказался его принять. Экономическими вопросами продолжало заниматься ведомство Нейрата, которое пользовалось полным доверием Толлера. Ввиду появления Ревбанксовета, расположившегося в здании бывшего министерства (переименованного в Народный дом финансов) назначение специального уполномоченного по финансам представлялось как минимум необязательным.

Однако члены Центросовета Густав Ландауэр и Эрнст Никиш настояли на предоставлении этого поста ученому Сильвио Гезелю, который в день провозглашения БСР оказался в Мюнхене проездом из Берлина в Швейцарию. Наполовину немец, наполовину валлонец, Гезель значительную часть своей жизни провел в Аргентине, где сколотил солидное состояние и, вернувшись в Европу, поселился в Швейцарии. Его оригинальные взгляды на перспективы экономического развития получили достаточно широкое распространение в годы первой мировой войны²⁶. Разделяя антикапиталистические настроения, Гезель видел корень зла в денежной системе, которая давала возможность владельцам капитала (рантье) получать прибыль без приложения собственного труда.

В качестве альтернативы он предлагал ввести «отрицательный процент» — своеобразный налог на пользование деньгами, без уплаты которого они теряли свою функцию всеобщего эквивалента. Понятие «свободных денег», утвердившееся в политэкономии с подачи Гезеля, как раз и подразумевает деньги, свободные от перспективы увеличения собственной стоимости за счет банковских дивидендов на капитал. Ученые-экономисты давно уже не относятся всерьез к концепции «отрицательного процента»²⁷, однако на протяжении первой половины XX в. предпринимались неоднократные попытки реализовать ее на

практике в локальном масштабе, причем в таких благополучных странах, как Австрия и Швейцария.

Получив назначение накануне, утром 8 апреля Гезель появился в стенах бывшего Министерства финансов. Собрав чиновников, он пообещал им не нарушать привычный ход бюрократического процесса²⁸. Он и его помощники — профессор экономики из Грейфсвальда Карл Поленске и швейцарский ученый Теофил Христен — погрузились в научно-практическую работу по подготовке введения «свободных денег», заявив, что их совершенно не интересует дальнейший ход революции²⁹. Как справедливо заметил Эрнст Никиш, выгораживая своего соратника после падения БСР, «в политике Гезель являлся абсолютным ребенком, он был не в состоянии оценить реальное политическое положение»³⁰.

Однако большая политика напомнила о себе уже на следующий день — берлинский Рейхсбанк издал распоряжение о прекращении денежных переводов в Баварию до тех пор, пока там сохраняется власть советов. В ответ Гезель направил в Правление Рейхсбанка телеграмму, в которой объявил о планах санации денежной системы путем перехода от «бессистемной экономики бумажных денег к абсолютной валюте»³¹. Ответ председателя Рейхсбанка Рудольфа Хавенштайна был максимально кратким («Никаких экспериментов!») и олицетворял собой полный разрыв между Берлином и Мюнхеном в финансовой сфере.

Хотя Гезель старался не вмешиваться в работу вверенного ему министерства, все же ему приходилось давать разрешения на выдачу значительных сумм по запросам советских властей. 10 тыс. марок были выданы председателю Крестьянского союза Карлу Гандорферу для пропаганды в деревне (хотя Центросовет запрашивал сумму в десять раз большую), 20 тыс. марок получило Центральное экономическое ведомство на оплату весьма раздутого штата своих сотрудников³². Наиболее острая ситуация сложилась с выплатой пенсий инвалидам войны. 10 апреля к Гезелю явилась их делегация, и он торжественно пообещал зарезервировать необходимые средства на три ближайших месяца. Расписка, предоставленная инвалидам, выдавала в нем не столько оторванного от жизни ученого, сколько человека с поэтической душой: «До тех пор, пока у последнего гражданина Баварии будет хотя бы один пфенниг, я ручаюсь за своевременную выплату пенсий инвалидам войны»³³.

Насыщение хозяйственного оборота доступными деньгами в полной мере соответствовало экономической концепции Гезеля, и в этом смысле трудно было найти более неподходящую кандидатуру на пост уполномоченного по финансам. Уже находясь под следствием, Гезель в интервью швейцарской прессе подчеркивал, что по его инициативе огромные суммы наличности развозились в местности, находившиеся под контролем советских властей, чтобы наполнить пустые городские и коммунальные кассы. И это происходило в тот момент, когда ведомство Нейрата делало все возможное для того, чтобы ограничить отток денежных средств из Мюнхена³⁴.

Противоположные курсы финансового и экономического ведомств первой БСР как нельзя лучше отражали неразбериху, царившую в ее административном аппарате. Как часто бывает в профессорском мире, Нейрат и Гезель попросту игнорировали друг друга. Первый в своих воспоминаниях о работе в Баварии ни разу не упомянул второго. В свою очередь швейцарский сотрудник ведомства Гезеля не преминул отметить, что «продукты духовной работы бюрократа Нейрата были мне в высшей степени несимпатичны, так как он пытался регулировать всю хозяйственную жизнь полицейскими запретами»³⁵. Еще одной вершиной в этом отнюдь не любовном треугольнике являлся Ревбанксовет. Содержательные разногласия усугублялись личной неприязнью отдельных лидеров первой БСР. Мэннер считал Гезеля фантазером, случайно оказавшим-

ся в Баварии, Толлер совершенно игнорировал реформаторские планы народного уполномоченного по делам финансов ³⁶.

Тем не менее, благодаря поддержке Ландауэра и Никиша последний получил разрешение Центросовета на выпуск в обращение «свободных денег» в размере 100 млн марок ³⁷. Сохранился их эскиз — на одной стороне печатался номинал банкноты и все необходимое оформление, на другой — оставлялось место для специальных марок, которые следовало покупать на почте. Новая марка наклеивалась на банкноту еженедельно, без нее деньги не принимались к оплате. Таким образом, по мысли Гезеля, население платило налог за пользование деньгами и было вынуждено как можно скорее избавляться от наличности (сданная в банк, она сохраняла свою номинальную стоимость без каких-либо удержаний).

Мюнхенская публика не уставала удивляться политэкономическим новациям Гезеля, которые практически ежедневно появлялись в прессе и зачастую выглядели как самореклама. Народный уполномоченный по финансам превозносил инфляцию («Понижая цены, социальное государство задушит самого себя» ³⁸), громил несознательных горожан, пытавшихся изъять свои сбережения из банков (деньги — это кровь, которая не должна застаиваться. «Тот, кто занимается их накоплением, является самым опасным хищником» ³⁹). Рабочих Гезель успокаивал тем, что им должно быть безразличен рост цен, если он в полной мере будет компенсирован повышением зарплаты, на которое капиталистам придется пойти под давлением пролетарского государства ⁴⁰.

Его команда подготовила план масштабного изъятия собственности на территории БСР для того, чтобы советские власти смогли выполнить свои масштабные социальные обещания. Собственность размером от 10 до 300 тыс. марок облагалась прогрессивным налогом, а выше этой планки — подлежала конфискации в пределах суммы, превышавшей 300 тыс. марок. План подавался как меньшее зло. Если состоятельные граждане начнут саботировать данное мероприятие, «пролетариат окончательно потеряет терпение, он будет все больше и больше прибегать к насилию, и тогда никакая правительственная власть не сможет противостоять долговременному и всеобщему разрушению общественного устройства» ⁴¹.

Типография, взявшаяся печатать деньги нового образца, выставила срок в 4—6 недель, что Гезель расценил как чистый саботаж. Пока изготавливались «свободные деньги», он предложил наклеивать марки на старые банкноты. Соответствующее обращение в Центросовет было датировано воскресеньем, 13 апреля и стало последним документом, который Гезель подготовил, находясь на посту народного уполномоченного ⁴². В этот день ранним утром все ключевые позиции в городе были заняты заговорщиками, устроившими при поддержке из Бамберга военный переворот. История первой БСР закончилась, большинство членов ее правительства было арестовано. Гезель, Поленски и Христен были схвачены в Народном доме финансов и препровождены в здание Главного вокзала, где находился штаб путчистов. «Тройка» в очередной раз проявила политическую инфантильность, направив телеграмму Гофману с предложением продолжить сотрудничество в создании новой денежной системы ⁴³ — Гезель и его соратники двигались к поставленной цели с упорством подлинных фанатиков.

Однако баварская история сделала еще один крутой поворот, оставив за бортом «научный десант» в его полном составе. Вечером того же дня вооруженные рабочие отряды выбили из города путчистов, реставрация старого порядка была отложена еще на некоторое время. К власти пришли мюнхенские коммунисты во главе с Евгением Левинэ, который стал председателем Комитета действия и одним из четырех членов его Исполкома. Две недели их правления получили название второй Советской республики. Ночью Гезеля и других за-

ложников освободили, но на следующий день в министерский кабинет его уже не пустили. «Тройка» еще несколько дней пыталась вести устную и печатную пропаганду на свой страх и риск, так и не поняв, насколько радикально изменилась политическая ситуация в Мюнхене ⁴⁴.

Лидерам баварской КПГ не нужны были «буржуазные экономисты», да еще и скомпрометировавшие себя участием в первой БСР, которую коммунистическая пресса называла не иначе как «мнимой». Кредо Левинэ и его однопартийцев на словах подавалось как ортодоксальный марксизм, на деле являлось точной копией опыта российских большевиков. И здесь профессорские попытки поставить экономическую политику советской власти на научный фундамент были как минимум неуместны.

Оказавшись не у дел, приглашенные в Мюнхен специалисты не жалели черной краски в описании мероприятий второй БСР. «Лидеры коммунистов считали, что им нечего терять и пошли ва-банк, без зазрения совести поставив на кон жизни своих сторонников». В то же время доверие к ним пролетарских масс было следствием неоднократного предательства последних со стороны умеренных вождей социал-демократии, утверждал швейцарец Христен ⁴⁵.

Следует отдать должное наблюдательности Отто Нейрата, который увязывал догматизм и безрассудство баварских коммунистов, непонимание и недоверие ко всему, что не исходило из их узкой среды, с опытом гражданской войны в Советской России. Сделав ставку на борьбу с сопротивлением старого мира, они оттолкнули от себя интеллигенцию и чиновников, безжалостно разрушили государственный аппарат, казавшийся им исключительно буржуазным. «Итогом стал максимум власти в руках вождей, минимум власти у следовавших за ними масс при сохранении внешнего облика прямого народоправства» ⁴⁶. Так или иначе, с приходом коммунистов на руководящие посты в БСР время кабинетных ученых прошло, их сменили политики новой формации, не боявшиеся самых жестких решений. Бавария неотвратимо приближалась к собственной гражданской войне.

(Окончание следует)

Примечания

1. Письмо А. Иоффе В. Ленину о положении в Баварии от 5 марта 1919 г. Коминтерн и идея мировой революции. Документы. М. 1998, с. 137.
2. О предыстории Советской Баварии см. подробнее: MITCHELL A. Revolution in Bavaria 1918—1919. The Eisner Regime and the Soviet Republic. Princeton. 1965; SELIGMANN M. Aufstand der Rate. Die erste Bayerische Räterepublik vom 7 April 1919. Grafenau. 1989.
3. Научную биографию Нейрата см.: NEMETH E. Otto Neurath und der Wiener Kreis. Revolutionäre Wissenschaftlichkeit als politischer Anspruch. Frankfurt am Main. 1981.
4. Письмо Вальтера Ратенау в военно-полевой суд от 26 мая 1919 г. (Bayerisches Staatsarchiv. München. (StaB). Staatsanwaltschaft. 2139). В большинстве судебных дел отсутствует сплошная нумерация листов, в таком случае приводится только архивный номер самого дела.
5. NEURATH O. Bayerische Sozialisierungserfahrungen. Wien. 1920, S. 4.
6. Ibid., S. 12.
7. См. доклад Цеха в Берлин от 1 апреля 1919 г.: Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes. Berlin (PAAA). 2732.
8. Betriebsräte, Fachräte, Kontrollrat. GERSTL M. Die Münchener Räte-Republik. München. 1919, S. 21.
9. См. показания свидетеля Йозефа Беема, возглавлявшего мюнхенский филиал «Дойче Банк», в судебном деле Отто Нейрата: StaB. Staatsanwaltschaft. 2139.
10. Gegen die Kapitalabwanderung. GERSTL M. Op. cit., S. 22.
11. An alle Banken, Bankgeschäfte, Sparkassen, Postscheckämter und Geldinstitute! Ibid., S. 25—26.
12. NEURATH O. Op. cit., S. 23—24.
13. Weisungen an Geldinstitute vom 9 April 1919. StaB. Staatsanwaltschaft. 2139, 2885. Опубликовано в книге: SELIGMANN M. Op. cit., S. 372—374.

14. См. переписку следственных органов и руководителей мюнхенских банков в судебном деле Отто Нейрата: StaB. Staatsanwaltschaft. 2139.
15. Показания свидетелей в судебном деле членов Ревбанксовета. Ibid., 2885.
16. Постановление было опубликовано от имени Ревбанксовета. GERSTL M. Op. cit., S. 21.
17. Из свидетельских показаний сотрудника мюнхенского отделения «Дрезднер Банк» Богнера. StaB. Staatsanwaltschaft. 2885.
18. <http://www.bayerische-landesbibliothek-online.de/bayern1918>.
19. Доклад объемом в 24 страницы, к которому было приложено около десятка постановлений, подписанных Мэннером, сохранился в судебном деле членов Ревбанксовета. При дальнейшем цитировании дается внутренняя нумерация листов этого документа. StaB. Staatsanwaltschaft. 2885.
20. Ibid., S. 2.
21. Ibid., S. 6.
22. SELIGMANN M. Op. cit., S. 371.
23. StaB. Staatsanwaltschaft. 2885.
24. Обращение Мэннера, Брицено и Адама к члену Центросовета Зольдману от 8 апреля 1919 г. Ibidem.
25. Показания Луи Брицено в судебном деле членов Ревбанксовета, протокол допроса Отто Нейрата от 16 мая 1919 г. Ibid., 2139, 2885.
26. GESELL S. Die natürliche Wirtschaftsordnung durch Freiland und Freigeld. Rehbrücke bei Berlin. 1920 (первое издание книги вышло в 1916 г.).
27. Развернутую критику теории Гезеля дал Дж.М. Кейнс в 23-й главе своего знаменитого труда «Общая теория занятости, процента и денег». Работы Гезеля, написанные в период Советской Баварии, изданы в 10-м томе его собрания сочинений. GESELL S. Gesammelte Werke. Bd. 10. 1916—1919. Lütjeburg. 1991. Воспоминания его соратников по работе в Мюнхене опубликованы Р. Энгертом. Silvio Gesell in München 1919. Erinnerungen und Dokumente aus der Zeit vor, während und nach der ersten bayerischen Räterepublik. Münden. 1986.
28. См. доклад о деятельности Гезеля, подготовленный для следственных органов сотрудником Министерства финансов 5 июня 1919 г. StaB. Staatsanwaltschaft. 2017. Bl. 90—92.
29. 9 апреля Гезель пригласил еще четырех своих соратников в Мюнхен для работы в финансовом ведомстве. Его телеграммы были доставлены адресатам, но узнавший о них прусский посланник в Баварии потребовал не допустить приезда в Мюнхен лиц, получивших приглашение. Телеграмма Цеха в Берлин от 10 апреля 1919 г.: PAAA. 2733.
30. Протокол допроса Эрнста Никиша от 21 мая 1919 г. StaB. Staatsanwaltschaft. 2107. Bl. 97.
31. Silvio Gesell stemmt sich der Geldpapierflut entgegen (11 April 1919). An Alle! Das proletarische Finanz- und Wirtschafts-Programm des Volksbeauftragten der bayerischen Räterepublik Silvio Gesell. Den deutschen Arbeitern und Bauern dargestellt von Gesells Rechtsbeirat Karl Polenske. Berlin. 1920, S. 11.
32. StaB. Staatsanwaltschaft. 3023. Bl. 17, 18.
33. Ibid., 2017. Bl. 314.
34. Die Revolution in München. Ein Interview mit S. Gesell. Die Freistadt (Bern). 31 Mai 1919.
35. CHRISTEN TH. Aus den Münchner Revolutionstagen. Zürich. 1919, S. 5.
36. В своих постановлениях, касавшихся финансовой сферы, Толлер неизменно апеллировал к Центральному экономическому ведомству, которое возглавлял Нейрат. GERSTL M. Op. cit., S. 38.
37. Die Revolution in München. Ein Interview mit S. Gesell.
38. GESELL S. Revolutionierung des Geldwesens. Zur Aufklärung über die Währung. — Münchner Neueste Nachrichten. 10 April 1919.
39. Die Revolution in München. Ein Interview mit S. Gesell.
40. Die Währung. 9 April 1919. An Alle! S. 7—8.
41. Silvio Gesells proletarisches Aktionsprogramm. 15 April 1919. Ibid., S. 18—21.
42. An den Zentralrat. 13 April 1919. Ibid., S. 15.
43. CHRISTEN TH. Op. cit., S. 8.
44. Гезель и его соратники успели напечатать 500 экземпляров «Пролетарской программы действий» и раздавали ее на собрании фабзавкомов 15 апреля, но она не нашла отклика у новых властей. После объявления всеобщей стачки они попытались наладить печатание агитационных материалов в Аугсбурге, а потом Карл Полenske отправился в Бамберг. Вместо переговоров с правительством Гофмана там его ожидала тюрьма. StaB. Staatsanwaltschaft. 2017. Bl. 194—200; CHRISTEN TH. Op. cit., S. 14—16.
45. CHRISTEN TH. Op. cit., S. 10—11.
46. NEURATH O. Op. cit., S. 26—27.

Краснознаменный Балтийский флот в конце 1930-х — начале 1941 г.

П.В. Петров

Среди личного состава Краснознаменного Балтийского флота в условиях массовых репрессий 1937—1938 гг. царил нервозность и подозрительность. Член Военного Совета и начальник Политуправления КБФ дивизионный комиссар Я.В. Волков в своем докладе от 14 июня 1937 г., направленном наркому обороны СССР К.Е. Ворошилову и первому секретарю Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) А.А. Жданову и написанном по «горячим следам» после июньского процесса над маршалом М.Н. Тухачевским, командармами 1-го ранга И.Э. Якиром, И.П. Уборевичем и другими военачальниками (этот политический процесс получил официальное название «Дело контрреволюционной фашистской правотроцкистской организации в Красной Армии»), с пафосом писал, что «в своих выступлениях на митингах, принятых резолюциях и высказываниях краснофлотцы и командиры выражали свое возмущение подлым предательством, жгучую ненависть и презрение к этим троцкистским последышам, врагам народа и требовали их расстрела». А приговор Верховного Суда СССР по делу военных, по словам Волкова, «был встречен личным составом единодушным одобрением»¹.

Понятно, что личный состав флота должным образом подготавливался командованием для «нужного» восприятия событий; шла интенсивная обработка сознания людей для формирования у них определенных политических воззрений. Так, из доклада Волкова следует, что 1 июня в частях и на кораблях начала проводиться разъяснительная работа среди личного состава в связи с самоубийством начальника Политуправления РККА армейского комиссара 1-го ранга Я.Б. Гамарника, 8 июня была доведена информация до командиров и начальников политотделов соединений КБФ и даны соответствующие указания, 9 июня весь руководящий начальствующий состав — командиры и комиссары частей — был проинформирован по поводу текущих событий и, наконец, 10 июня всему личному составу Краснознаменного Балтийского флота был оглашен приказ наркома обороны СССР № 072 «Обращение к армии по поводу раскрытия НКВД предательской контрреволюционной военно-фашистской организации в РККА»².

Петров Павел Владимирович — кандидат исторических наук, ведущий архивист Государственного музея-заповедника «Петергоф». Санкт-Петербург.

В вышеупомянутом приказе наркома обороны Ворошилова сообщалось, что Наркоматом внутренних дел СССР была «раскрыта» контрреволюционная военная организация, «которая, будучи строго законспирированной, долгое время существовала и проводила подлую подрывную, вредительскую и шпионскую работу в Красной Армии»³. Ворошилов, пребывавший во время этих событий в явном смятении, отмечал в заключительной части приказа, что «нельзя быть уверенными, что эти заклятые враги трудящихся полностью рассказали все» и что «нельзя верить тому, что они выдали всех своих единомышленников и сообщников», хотя и выразил при этом слабую надежду на то, что «главные организаторы, руководители и шпионы» уже разоблачены советским правосудием⁴. Данный приказ вызвал большое замешательство среди командиров и краснофлотцев, которые были явно не готовы к столь внезапному повороту событий и поэтому задавали большое количество недоуменных вопросов политработникам КБФ. Среди них прозвучал и такой вопрос: «Имели ли они (то есть осужденные. — П.П.) своих вредителей на флоте?»⁵. К сожалению, последующие события показали, что репрессии среди комсостава, которые тогда еще только начинались, скоро докатятся и до Морских Сил РККА.

Уже 11—12 июня 1937 г. на кораблях и в частях КБФ, в связи с опубликованием сообщения Прокуратуры СССР «о предании суду изменников родины и приговора над ними», были проведены митинги личного состава. Среди выступавших командиров и краснофлотцев были сильны обличительные и агрессивные настроения в духе того времени: «Мы приветствуем приговор Военной коллегии Верховного суда над подлыми наймитами фашизма... Тухачевский и прочая сволочь пробралась и вредила в нашей Красной Армии. Они являются злейшими врагами рабочих и крестьян. Фашистским собакам — собачья смерть», «Жаль, что для таких мерзавцев у нас нет наказания выше расстрела, они заслуживают большего», «Шпионы и диверсанты просчитались, не быть фашизму на Советской земле, от души приветствую приговор суда и рады блестящей работе тов. Ежова», «Меч пролетарской диктатуры достигнет каждого из врагов, какой бы маской он не прикрывался», «Сама история предписала гибель врагам нашего народа», «Зарядить бы их телами наши пушки, да выстрелить в подарок Троцкому»⁶.

В то же время, среди части командиров и краснофлотцев Краснознаменного Балтийского флота имели место определенные сомнения и колебания относительно правильности приговора, возникли растерянность и даже панические настроения: «...Сомневаюсь, что большинство — 50—60% командного состава не замешаны во вредительстве. Чем докажем, что сам военком говорит хорошо, а за ним ничего нет», «После такого факта трудно верить и помполиту, когда он будет проводить у нас политинформацию», «На кого сейчас надеяться, если такие высокие командиры изменники», «Раз верхушка оказалась врагами народа, то нельзя верить, что и наши командиры тоже не враги», «Нам теперь военную тайну можно не хранить, ее и так все знают, раз такие головки оказались»⁷.

Более того, среди определенной части личного состава Краснознаменного Балтийского флота появились и более опасные для властей, так называемые «враждебные» настроения, сводившиеся к положительной оценке осужденных и весьма острой критике существовавшей политической системы страны и советских вождей: «...Скоро и Сталин окажется троцкистом, сейчас вскрыт Гамарник, потом вскроют Ворошилова, а там и Сталин окажется троцкистом, кому теперь верить», «Из членов ЦК ВКП(б) человек трех надо оставить, а остальных расстрелять...», «...Ну и вождь, кому же теперь верить. Что-то среди вождей это стало частым явлением, тут дело темное...», «...Я теперь ничего не понимаю, я сбился с толку, сколько же у нас надежных — это Сталин, Кагано-

вич и Молотов... Я сейчас не уверен, кто прав — троцкисты или ЦК. Рабочие и крестьяне — это бараны, куда их пошлют, туда они и идут. Во всем я согласен с Конституцией, но в деревне слишком круто взяли...», «...Выходит, что верить никому нельзя, можно верить одному Сталину, но а если и у него окажется что-нибудь в этом роде, тогда что?...»⁸ и прочее. Необходимо отметить, что командиры и краснофлотцы, высказывавшие такие мысли, сразу же проверялись лично военными частями и начальниками политотделов на благонадежность, после чего представлялись к изъятию из рядов РККА. Попутно шла проверка вышеуказанных лиц и по линии Особого отдела КБФ, который в зависимости от обстоятельств принимал меры по их аресту.

Однако была еще одна негативная сторона в этой обстановке репрессий и всеобщего страха. Командиры и краснофлотцы становились все более подозрительными в отношении своих сослуживцев, среди них установилась практика написания доносов на лиц, которые по тем или иным причинам вызывали сомнения в их политической благонадежности. К примеру, от ряда командиров и политработников поступили заявления на некоторых лиц: «...Александрова — слушателя Особого курса командиров миноносцев при СККС, проходящего сейчас стажировку на миноносце “Володарский”. Александров является родственником Колчака, но фамилию сменил. В свое время Александров был демобилизован из флота, но неизвестно как попал вновь во флот. Также неясно, как Александров пробрался из Финляндии в СССР во время немецкой оккупации», «...Ладинского — слушателя того же курса, проходящего стажировку на миноносце “Володарский”. Есть сомнения в правильности его фамилии, кроме того, имеются еще непроверенные сведения о том, что он состоял в ВКП(б), но неизвестно когда и по каким причинам выбыл»⁹.

Кроме того, военнослужащие отныне стали относить к фактам вредительства и диверсиям любые случаи элементарной недисциплинированности и разгильдяйства, нарушения личным составом действующих уставов, приказов, наставлений и инструкций. Любой негативный эпизод из повседневной деятельности флота, приводивший к серьезным последствиям, отныне мог означать сознательное вредительство со стороны военнослужащих. Например, среди командиров и политработников участились такие разговоры: «...Командир БЧ-2 Рудаков, подлодка “Ерш” рассказал, что пушка, полученная для установки на лодке с арсенала Морского завода от Главного артиллериста Порта, с такими запасными частями, которые к ней не подходят. Запасные части для этих пушек изготавливает Ленинградский завод имени Калинина. Этот факт проверяется», «...Пом. командира ВСОИ “Смольный” Кушнаренко указал, что на учебный дивизион подлодок заводом была выслана секретная радиоустановка, эта установка вместо того, чтобы попасть на дивизион, попала в Ораниенбаумский магазин № 7 Военторга, где и была вскрыта. По приказанию Комфлота расследование этого факта производит флагманский связист Штаба КБФ» и так далее¹⁰.

В своем следующем докладе Ворошилову и Жданову, от 17 июня 1937 г., Волков вновь обратился к теме настроений среди личного состава флота. Упомянув в привычном ключе многочисленные примеры «правильных» высказываний с осуждением расстрелянных военачальников со стороны командиров и краснофлотцев КБФ, Волков в то же время обратил особое внимание на то обстоятельство, что далеко не все военнослужащие разделяют подобные настроения. Оказалось, что «на фоне крепкого и здорового реагирования личного состава флота на судебный процесс над изменниками Родины, все еще имеют место отдельные отрицательные контрреволюционные настроения клеветнического характера, дискредитирующие политику нашей партии и правительства, восхваляющие врагов народа». Любопытно, что среди краснофлотцев и

младших командиров КБФ имели место более чем критические, опасные высказывания в адрес советских властей: «...Тухачевского прогнали, скоро, наверное, и Сталина прогонят», «...Может быть, в самом деле политика Советской власти неправильна. Ведь такие люди как Гамарник, разбираются в высшей материи, так может быть и прав Гамарник», «...Партия и комсомол для того и созданы, чтобы укреплять власть, подождем, может и Сталин еще застрелится», «Ну все, правительство у нас свихнулось», «Мощь СССР держится на расстрелах»¹¹.

Впрочем, среди личного состава КБФ, в том числе краснофлотцев, раздавались еще более опасные заявления, касавшиеся не только существовавшего порядка службы на флоте, но и вообще политического устройства СССР: «...Мне тюрьма не страшна, это мой дом родной, тюрьмы боятся трусы, а мне все равно, служить на корабле или работать в концлагере, условия всюду одинаковы», «...Служба во флоте равносильна каторге, я знаю, что за мои выступления буду арестован, но это меня не страшит», «...В учениях Ленина-Сталина нигде не сказано прямо о возможности построения социализма в одной стране, а нам политуки и комиссары твердят об этом. Я придерживаюсь теории Троцкого, он был прав, доказывая о невозможности построения социализма в одной стране»¹².

На этом общем мрачном фоне дисциплина среди личного состава стала стремительно падать. Авторитет командиров и начальников заметно поколебался, потому что на них теперь стали смотреть, как на потенциальных «врагов народа» и скрытых «оппозиционеров». Причем, это находило такую форму, когда краснофлотцы, выражая свое недовольство и несогласие с теми или иными приказами командиров по поводу различных работ, выполняемые на кораблях, говорили окружающим следующее: «...Работайте, работайте, вас за это орденами наградят», «...Вам хомут оденут скоро, тогда узнаете, что такое благодарность», «На кой черт мне ваши занятия, это никому не нужное дело», «А таких, как вы с командиром отделения ... мы в военное время будем за борт бросать» и прочее¹³. Зачастую подобные высказывания не встречали должного отпора со стороны командиров и политработников, которые иногда не знали, как следует отреагировать на них, и насколько это будет небезопасно для них самих.

Впрочем, не только Политическое управление КБФ занималось сбором сведений об отрицательных настроениях среди личного состава флота: этому же была посвящена и деятельность специального органа — Особого отдела КБФ. Любопытно, что в «Справке об отрицательных настроениях и антисоветских высказываниях в Краснознаменном Балтийском флоте в апреле 1938 г.», составленной начальником 2-го отделения ОО КБФ лейтенантом госбезопасности И.Я. Бабичем, на первом месте фигурируют различные проступки и высказывания политработников и военкомов. В основном, последние подвергались критике за слабую воспитательную и разъяснительную работу среди краснофлотцев, формальное исполнение своих обязанностей, недостаточный контроль за «вредными» настроениями личного состава и неправильные высказывания по разным поводам. Далее внимание Особого отдела КБФ привлекли «антисоветские» заявления, преимущественно, политического характера. Здесь фиксировались, как правило, очень резкие и «политически опасные» высказывания краснофлотцев и старшин.

Представляют немалый интерес для понимания внутренней обстановки в стране следующие высказывания краснофлотцев и младших командиров, из которых видно, что они зачастую понимали смысл происходившего вокруг и были даже озлоблены на окружающую их действительность: «...Нечего сказать, у нас демократия свободная, кто правду скажет, завтра будет арестован органами НКВД...», «Советы не защищают рабочих, а притесняют их на каждом шагу», «“Правда” — это сборник московских сплетен, никогда действительного положения этот орган не отражал», «У Вас здесь такой же беспорядок, как при

социализме», «Колхозники теперь так же эксплуатируются Сов. властью, как и раньше помещиками, им насильно дают трактора, а потом за это у них отбирают хлеб»¹⁴.

Значительное место занимали жалобы и недовольство краснофлотцев тяготами военной службы и несправедливым отношением к ним командиров и начальников: «...Служба в Красной Армии тяжела, все равно, что в концлагерях», «Служить на военной службе год от года становится тяжелее, наши командиры ничем не отличаются от бывшего офицерства», «Командование с краснофлотцами не считается, гоняет как собак, нужд краснофлотцев не учитывает, скорее бы отслужить, да вырваться на свободу», «Когда с нас снимут кабалу, каждый день стоим на вахте, половину свободного времени проводим в уборках, надо куда-нибудь сбежать», «Запросы сверхсрочников не удовлетворяются, я не советую никому оставаться на сверхсрочной службе», «Заставляют работать, пока не сдохнешь, а заболеешь, не лечат»¹⁵ и прочее.

Даже, казалось бы, такой далекий от политики вопрос, как снабжение личного состава продовольствием и обмундированием вызывал подчас бурную реакцию со стороны краснофлотцев и младших командиров и мог спровоцировать их на весьма нелестные для советской власти высказывания: «Дожили, что кирпичами стали кормить», «Говорят, что жизнь улучшается, а у нас обеды становятся все хуже и хуже», «Бедные матросы, все ходят с подтянутыми животами, Советская власть не может их вдоволь накормить, вот пообедали, а есть хочется», «Советская власть заставляет ходить бойцов оборванными, видимо не в состоянии снабдить их», «Говорят, что у нас всего много, что качество прекрасное, а в самом деле обстоит иначе, раньше обмундирование выдавали лучшего качества, потому что все привозили из-за границы, а теперь вырабатывают в СССР брак...»¹⁶.

Конечно же, внимательнее всего Особый отдел КБФ прислушивался к тем разговорам личного состава, которые касались прокатившихся по стране репрессий, причем больше всего сотрудников госбезопасности интересовало личное отношение моряков к личностям репрессированных. Следует признать, что высказывания краснофлотцев и старшин по поводу тех или иных репрессированных лиц носили иногда нейтральный, а иногда сочувственный, оправдательный характер: «Замечательный был человек, органы НКВД арестовали его зря», «В дивизионе со стороны многих краснофлотцев проявляется интерес к врагам народа Троцкому и Бухарину», «Бухарин талантливый человек, не зря его поставили редактором "Известий", Троцкий также большая величина, старый мировой оратор...», «На наших глазах гибнут лучшие люди»¹⁷ и прочее.

Репрессии среди командно-начальствующего состава флота и возникшие негативные настроения среди моряков, а также боязнь командиров реакции на свои действия, имели следствием общее падение дисциплины среди личного состава. Причем, стоит заметить, что и до репрессий состояние дисциплины в Морских Силах РККА оставляло желать лучшего. В конце 1930-х гг. статистика показывала устойчивое увеличение количества дисциплинарных проступков в Морских Силах РККА, причем не только среди краснофлотцев и старшин, но и среди командиров, начальников и политработников. На заседании Военного Совета при наркомате обороны СССР 21 ноября 1937 г. член Военного Совета КБФ дивизионный комиссар А.А. Булышкин подчеркнул в своем докладе, что на флоте «слаба дисциплина». Он заметил, что плохой личный пример в этом отношении подают сами командиры и начальники, которые к тому же не проявляют должной требовательности к своим подчиненным¹⁸.

Серьезной проблемой в Вооруженных силах, и в частности в РККФ, стало массовое пьянство, которое с 1938 г. приобрело значительный размах. Дело дошло до того, что в январе 1939 г. нарком ВМФ командарм 1-го ранга М.П.

Фриновский был вынужден издать приказ № 002, специально посвященный этому явлению, где с тревогой констатировал, что «пьянство среди личного состава РККФ за последнее время приняло угрожающие размеры и такой характер, что стало бичем флота». По неполным данным военных советов флотов и флотилий, всего за 8 месяцев 1938 г. было наложено 7440 дисциплинарных взысканий за пьянство среди личного состава. Причем нарком особо отмечал, что наблюдалось «немало безобразных случаев, сопровождавшихся возмутительными дебошами и хулиганством, доходящими до совершения тягчайших преступлений»¹⁹.

Характерно, что соответствующие примеры подавали, прежде всего, сами командиры и военкомы соединений и частей КБФ, которые не блистали высокой воинской дисциплиной. Одним из вопиющих случаев нарушения воинской дисциплины на КБФ в 1938 г. стала история с пьянством команды эсминца «Сокрушительный», сопровождавшей военный груз из Москвы в Ленинград в сентябре 1938 г., за что командиру 2-го дивизиона эсминцев КБФ и командиру корабля были объявлены выговоры, а комиссар эсминца был уволен из рядов РККФ²⁰.

В 1939 г. положение с состоянием воинской дисциплины в соединениях и частях Краснознаменного Балтийского флота продолжало оставаться неутешительным. Из доклада начальника организационно-инструкторского отдела Политического Управления РККФ полкового комиссара Д.П. Лощакова начальнику Политуправления РККФ корпусному комиссару И.В. Рогову от 11 апреля 1939 г., посвященному отрицательным явлениям на КБФ, следовало, что количество дисциплинарных взысканий, наложенных на личный состав флота за 2 месяца (с января по февраль 1939 г.) характеризует не только низкий уровень состояния дисциплины на флоте, но, главное, «низкий уровень состояния воспитательной работы среди личного состава со стороны командиров и политработников, низкий уровень борьбы партполитаппарата за укрепление воинской дисциплины и борьбы с проявлениями извращения дисциплинарной практики»²¹.

Всего за два первых месяца 1939 г. на КБФ было наложено сразу 5573 дисциплинарных взыскания, что составляло 10,5% к личному составу флота. Из них: за неисполнение приказаний — 129 взысканий, за самовольные отлучки — 202, за пьянство и дебош — 829, уход с поста — 37, сон на посту — 186, за прочие — 4180 взысканий. Причем, 52% всех взысканий приходились на коммунистов и комсомольцев флота²². В некоторых соединениях и на кораблях количество дисциплинарных взысканий было крайне велико. Например, на линкоре «Марат» за первый квартал 1939 г. имелось сразу 324 взыскания, которые были наложены на 292 чел., из них комсомольцев — 168 чел., беспартийных — 124 чел. (52 — за пьянство)²³. Довольно высоким оставалось дезертирство среди личного состава. За 1938-й год на КБФ было 25 случаев дезертирств со службы, а за три месяца 1939 г. на флоте произошло уже 4 случая дезертирства. Как следствие низкой дисциплины, высоким оставался уровень аварийности на флоте. В 1938 г. на Балтике произошло 11 катастроф и 157 аварий самолетов, кораблей и автомашин. За январь-февраль 1939 г. на КБФ была 1 катастрофа самолета, 4 аварии самолетов и 10 аварий автомашин²⁴.

Даже во время боевых действий в период советско-финляндской войны 1939—1940 гг. дисциплина на Краснознаменном Балтийском флоте продолжала оставаться на недопустимо низком уровне. Причем, отрицательные примеры поведения показывали личному составу, прежде всего, представители командно-начальствующего состава флота. В частности, командир Отряда легких сил КБФ капитан 1-го ранга Б.П. Птохов в начале января 1940 г. самовольно уехал в Ригу, где пьянствовал несколько дней и сорвал очередной боевой поход

Отряда легких сил, за что был снят с занимаемой должности и понижен в звании²⁵. В военно-морской базе Либава в ночь на 1 января 1940 г. командование 1-й бригадой подводных лодок КБФ организовало коллективную пьянку, в которой активно участвовал военный комиссар бригады полковой комиссар А.П. Байков. В результате, все командиры на подлодке оказались пьяными, а подлодка фактически была небоеспособна. В дальнейшем, бывший начальник штаба бригады капитан 2-го ранга В.Г. Якушкин и военком бригады Байков были сняты с занимаемых должностей²⁶. После этих событий Якушкин был уволен из рядов ВМФ и исключен из партии²⁷.

На банкете в советском полпредстве в Риге 23 февраля 1940 г., по случаю 22-летней годовщины РККА, как сообщал полпред СССР в Латвии И.С. Зотов, «некоторые из присутствовавших на приеме моряков ... вели себя непристойно», а «некоторые из них, и особенно командир крейсера “Киров” были в сильной степени пьяны»²⁸. Коллективная пьянка командиров была также устроена в 23-м дивизионе 3-й бригады подлодок в ночь на 23 февраля 1940 года. В ней приняли участие командиры ПЛ «М-74» старший лейтенант Д.М. Сазонов, ПЛ «М-76» старший лейтенант Г.А. Жаворонков, дивизионный штурман 23-го ДПЛ лейтенант Фролов и другие командиры²⁹. За систематическое пьянство и разложение личного состава на корабле в 1940 г. был снят с должности, исключен из партии и осужден на 8 лет командир подлодки «Щ-320» капитан-лейтенант Т.Г. Мартемьянов³⁰. А в 84-м отдельном зенитном артиллерийском дивизионе, расположенном в Либаве, обнаружилось безобразное положение с дисциплиной. Рядовой и начальствующий составы 84-го ОЗАД пьянствовали, процветало дезертирство и панибратство³¹. К сожалению, подобных явлений на Балтике было очень много, и продолжались они и в дальнейшем.

Количество дисциплинарных проступков среди личного состава КБФ росло из года в год, достигнув в 1940 г. рекордных показателей. По данным, которые привел в своем докладе на декабрьском совещании 1940 г. нарком ВМФ Н.Г. Кузнецов, Краснознаменный Балтийский флот прочно удерживал первое место среди всех флотов по количеству дисциплинарных взысканий — 59 тысяч³². Если в I квартале на Краснознаменном Балтийском флоте имело место 11 426 дисциплинарных проступков, то во II квартале их было уже 19 365, а в III достигло рекордных 28 315³³.

Интересно посмотреть, каким же образом распределялись нарушения воинской дисциплины на Краснознаменном Балтийском флоте по категориям личного состава: в III квартале на комсостав приходилось 29,1% нарушений, на политический состав — 14,8%, на младший начальствующий состав сверхсрочной службы — 23%, на младший начальствующий состав срочной службы — 26% и на рядовой состав — 26,6%. Таким образом, наибольшее количество проступков приходилось на командиров и политработников, что свидетельствовало о явно неблагоприятном положении на Балтике. В итоге, многие командиры, по словам командующего Балтфлотом вице-адмирала В.Ф. Трибуца, «вместо того, чтобы насаждать железную воинскую дисциплину и большевистский порядок на корабле, части нередко сами являются образцом расхлябанности и воинской недисциплинированности»³⁴.

За совершенные проступки в течение десяти месяцев 1940 г. Военным трибуналом КБФ было осуждено 1283 чел., причем 1091 — за период с 1 мая по 1 июля, то есть за два месяца. Причиной увеличения осужденных летом 1940 г. стало опубликование Указа Президиума Верховного Совета СССР о повышении мер наказания за самовольные отлучки. Наиболее характерными дисциплинарными нарушениями среди личного состава были: побег и самовольные отлучки — 67%, неисполнение приказов командиров — 18%, халатное отноше-

ние к службе — 7% и кражи — 6%³⁵. В IV квартале за разные дисциплинарные проступки было осуждено 439 человек³⁶.

Как следствие низкой дисциплины, в соединениях и частях надводных кораблей и Военно-Воздушных сил КБФ наблюдался крайне высокий уровень аварийности. Так, в надводных силах КБФ было потеряно 2 корабля, а также имелось 24 аварии³⁷. В течение 1940 г. в авиационных частях КБФ было зафиксировано 139 летных происшествий, из них 13 катастроф, 24 аварии, 55 поломок и 47 вынужденных посадок. Такое большое количество летных происшествий, как считал военный прокурор КБФ, происходило вследствие «недисциплинированности и разболтанности личного состава в ряде частей ВВС, нарушения последовательности и методичности обучения летного состава и крайне плохой работы политорганов по воспитанию чувства ответственности и дисциплины в воинских частях»³⁸.

В следующем, 1941 г., ситуация с дисциплиной на Балтике не улучшилась, а оставалась на прежнем невысоком уровне. В частности, в марте 1941 г. командующий КБФ в своем приказе отмечал большое количество случаев пьянства на эскадренных миноносцах «Смелый» и «Суровый» и плавбазе «Вирония», за что на командиров кораблей были наложены взыскания³⁹. Всего лишь за I квартал 1941 г. Военным трибуналом КБФ было осуждено 494 военнослужащих. Среди воинских преступлений преобладали самовольные отлучки (42%), пьянство (20%) и неисполнение приказаний (11%)⁴⁰.

Таким образом, к началу Великой Отечественной войны личный состав Краснознаменного Балтийского флота испытывал очень серьезные проблемы с воинской дисциплиной. Причем данное отрицательное явление охватило не только краснофлотцев и младших командиров, но и широкие слои командно-начальствующего состава флота. Это было следствием общей морально-психологической атмосферы в Вооруженных Силах страны, сложившейся в конце 1930-х годов.

Примечания

1. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб), ф. 24, оп. 2в, д. 2515, л. 26.
2. Там же, л. 25.
3. Военный Совет при народном комиссаре обороны СССР. 1—4 июня 1937 г.: Документы и материалы. М. 2008, с. 458.
4. Там же, с. 459—460.
5. ЦГАИПД СПб, ф. 24, оп. 2в, д. 2515, л. 36—39.
6. Там же, л. 26—28.
7. Там же, л. 28—29; КУТУЗОВ В.А. О численности репрессированных командных кадров Красной Армии накануне Великой Отечественной войны. В кн.: Великая Отечественная войны: Правда и вымысел. Сборник статей. СПб. 2000, с. 34.
8. ЦГАИПД СПб, ф. 24, оп. 2в, д. 2515, л. 31—32.
9. Там же, л. 33.
10. Там же, л. 34.
11. Российский государственный архив Военно-Морского Флота (РГА ВМФ), ф. Р-34, оп. 6, д. 663, л. 18—19.
12. Там же, д. 733, л. 17—18.
13. Там же, л. 19.
14. Там же, л. 50—52.
15. Там же, л. 53—54.
16. Там же, л. 54—56.
17. Там же, д. 733, л. 57—58, д. 663, л. 7—8.
18. Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. Ноябрь 1937 г.: Документы и материалы. М. 2006, с. 141.
19. РГА ВМФ, ф. Р-1678, оп. 1, д. 67, л. 8.

20. Библиотека РГА ВМФ. Секретные приказы наркома ВМФ за 1938 г. Приказ наркома ВМФ № 0281 от 28 сентября 1938 года.
21. РГА ВМФ, ф. Р-1549, оп. 1, д. 13, л. 33.
22. Там же.
23. Там же, л. 52.
24. Там же, л. 35—37.
25. Там же, ф. Р-1678, оп. 1, д. 142, л. 339—340.
26. Там же, ф. Р-34, оп. 6, д. 928, л. 14—15.
27. Там же, ф. Р-961, оп. 1, д. 346, л. 157.
28. Там же, ф. Р-1678, оп. 1, д. 177, л. 7.
29. Там же, ф. Р-107, оп. 3, д. 78, л. 26.
30. РГА ВМФ, ф. Р-961, оп. 1, д. 346, л. 157; Русский архив: Великая Отечественная: Накануне войны: Материалы совещаний высшего руководящего состава ВМФ СССР в конце 1940 года. Т. 12 (1—2). М. 1997, с. 471.
31. Русский архив: Великая Отечественная: Накануне войны: Материалы совещаний высшего руководящего состава ВМФ СССР в конце 1940 года. Т. 12 (1—2), с. 471.
32. Там же, с. 497.
33. РГА ВМФ, ф. Р-961, оп. 1, д. 346, л. 155.
34. Там же, л. 156—157.
35. Там же, л. 158—159.
36. Центральный Военно-Морской архив (ЦВМА), ф. 161, оп. 2, д. 1, л. 588.
37. Русский архив: Великая Отечественная: Накануне войны, т. 12 (1—2), с. 463—464.
38. ЦВМА, ф. 161, оп. 2, д. 1, л. 249—250.
39. Там же, ф. 161, оп. 6, д. 147, л. 208.
40. Там же, оп. 2, д. 1, л. 588—589; ГРИБОВСКИЙ В. Ю. Балтика 1941 г. Начальный период войны. Труды научно—исследовательского отдела Института военной истории. Т. 3. СПб. 2012, с. 37.

«Как нам реорганизовать Рабкрин»...

С.С. Войтиков

Судьба так называемого «Политического завещания» основателя большевистской партии и председателя советского правительства — Совета народных комиссаров — не перестает привлекать внимание исследователей. В 2000-х гг. ленинские работы анализировали О.Г. Назаров¹, С.А. Павлюченков² и другие специалисты по истории большевистской партии. На основе скрупулезного источниковедческого анализа документов, составляющих «Политическое завещание» вождя, В.А. Сахаров доказал сомнительность подлинности отдельных документов³. В настоящей работе на основе материалов Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) и Центрального архива общественно-политической истории Москвы (ЦАОПИМ) предлагается еще одна трактовка ленинских статей «Как нам реорганизовать Рабкрин» и «Лучше меньше, да лучше», подлинность которых в историографии не оспаривается.

Изменения во власти после создания в марте 1919 г. Политбюро ЦК РКП(б) очень точно описал В.В. Осинский в марте 1923 г.: «...в эпоху Гражданской войны... была надобность в быстрых и смелых решениях. Тогда не могло существовать шестнадцатиголовое правительство, нужна была подвластная Директория (берем это слово отнюдь не как одиозную кличку, а как технический термин) из трех-пяти человек. Форма для нее была под рукой — Политбюро, которое может все решить. Другой ее ипостасью стал Совтрудоборона как малый военный кабинет. С тех пор положение целиком изменилось (с нэпом. — С.В.), а старые формы и навыки остались. С каждым годом «пожарная» структура становилась все [менее] пригодной для систематического планомерного строительства. Если она могла держаться, то только потому, что личный фактор колоссальной силы, присутствие исключительно гениального и исключительно сильного по характеру и по воле человека (Ленина. — С.В.) преодолевало сопротивление допотопного аппарата, преодолевало нарушение простейшей логики организационной структуры. Но какого напряжения, какой потери сил ему это стоило? Не раз говаривал он на заседаниях СНК, что у него голова кругом идет от советской вермишели (второстепенных вопросов. —

Войтиков Сергей Сергеевич — кандидат исторических наук, главный специалист Центрального государственного архива г. Москвы.

С.В.) и «ведомственной драчки». Во имя чего? Нужно ли было ему, чтобы центральный аппарат был построен именно так? Ведь он-то и при всяком другом построении, при всяких обстоятельствах был бы единственным руководителем. На него инерция аппарата, инерция положения в аппарате не могли действовать. Но эта инерция сильнее всего действовала на его ближайших помощников»⁴. В ходе дискуссии на Девятой всероссийской конференции РКП(б) в сентябре 1920 г. И.В. Сталин едва не настоял на поиске виновных в польской катастрофе (а виноват был основатель партии, который настоял на наступлении в большевистском ЦК⁵). Ленин окончательно убедился в том, что солирование на заседаниях Политбюро не обеспечивает ему безусловный властный приоритет.

В течение последующего года Ленин провел серьезное ослабление Политбюро ЦК РКП(б) как властного центра, чему немало способствовали постоянные раздоры с Л.Д. Троцким. По воспоминаниям В.М. Молотова, с лета 1921 г. Ленину с Троцким «невозможно уже стало работать»⁶. В июле 1921 г. Ленину, правда, удалось серьезно ограничить влияние Троцкого, пригрозив ему отправкой на Украину, а в сентябре 1921 г. в очередной раз нейтрализовать зарвавшегося «Бонапарта» Сталиным. Фактически с осени Троцкий не мог решать ключевых вопросов в собственной вотчине — Наркомвоене, поскольку в ЦК РКП(б) курировать его правую руку — Э.М. Склянского — стал непосредственно Сталин. Заседания Политбюро Троцкий демонстративно посещал с английским словарем⁷, от которого изредка отрывался для произнесения очередной колкости. Этот орган объективно стал решать все меньше важных вопросов.

В данном контексте внимание основателя партии все больше притягивал старый властный центр — Совет народных комиссаров, который превратился, как справедливо заметил Осинский в 1923 г., в гигантскую бюрократическую машину, нуждающуюся в срочном приведении в порядок. Ленину предстояла масштабная работа по восстановлению дееспособности советско-хозяйственного механизма, от руководства которым он постоянно должен был отвлекаться для направления деятельности Политбюро с марта 1919 как минимум по сентябрь 1920 года. Система советско-хозяйственного руководства была необыкновенно сложной и разветвленной. Согласно более позднему (1923 г.) заявлению Троцкого, в Советском государстве стояла «вавилонская башня... хозяйственной иерархии»⁸. Совет народных комиссаров, Малый СНК, решавший второстепенные вопросы с последующим утверждением в СНК, Совет труда и обороны как постоянная комиссия СНК, а также вспомогательный аппарат этих органов стали настолько бюрократическими учреждениями, что личное вмешательство вождя в организацию их работы оказалось неизбежным. Позднее, 25 апреля 1923 г., Ф.Э. Дзержинский, характеризуя деятельность советского аппарата, заметил: «Тов. Рыков мог бы сказать, что очень часто бывает [неизвестной судьба] те[х] поручени[й], которые были даны СТО. Назначается следствие, но следствие идет целыми месяцами и в результате виновных нет». Хуже того — аппараты советских органов «сделались самоцелью для кормления тех», кто не желал заниматься «непосредствен[ым] физическим трудом»⁹. Такое положение, несомненно, сложилось в самом начале 1920-х гг., поскольку именно в 1921 г. Ленин развернул активную борьбу с бюрократией в обоих высших правительственных органах — СНК и СТО РСФСР¹⁰.

После принятия решения о переходе к нэпу следовало повысить дееспособность правительства как властного центра. Добившись легализации нэпа в декабре 1921 г. сначала на XI Всероссийской конференции РКП(б), а затем на IX Всероссийском съезде Советов, между 9 и 12 января 1922 г., Ленин составил и направил соратникам проект директивы Политбюро, в котором предусматривалось «...все усилия приложить, чтобы ее (новую экономическую политику. —

С.В.) как можно быстрее и шире испробовать на практике. Всякие общие рассуждения, теоретизирования и словопрения на тему о новой экономической политике надо отнести в дискуссионные клубы, частью в прессу. Из Совнаркома, Совета труда и обороны и всех хозяйственных органов изгнать все подобное беспощадно. Всякие комиссии свести до минимальнейшего минимума, заменяя комиссионную работу требованием письменных поправок и контрпроектов от всех заинтересованных ведомств в кратчайшие сроки (1—2 дня)». Высшей экономической комиссии было предложено запретить «комиссионное обсуждение» экономических правительственных актов и всецело сосредоточить свои усилия на кодификации уже принятых решений; Наркомату финансов РСФСР — срочно повысить налоги и представить соответствующие поправки к общему бюджету ¹¹. От всех своих наркомов Ленин предлагал Политбюро «безусловно» потребовать максимума быстроты, энергии, устранения бюрократизма и волокиты в практическом испытании новой экономической политики»; «перевода на премию возможно большего числа ответственных лиц за быстроту и увеличения размеров производства и торговли, как внутренней, так и внешней». Прежде всего это касалось Наркомата внешней торговли, Госбанка в целом и его торгового отдела в частности, Центросоюза и Высшего совета народного хозяйства. После принятия постановления Ленин предлагал объявить его «под расписку всем членам коллегий всех наркоматов и всем членам Президиума ВЦИК» ¹². 12 января 1922 г. Политбюро приняло ленинский проект за основу постановления, окончательный текст которого был утвержден на заседании 16 января 1922 года ¹³.

Особого внимания заслуживает оставшийся неопубликованным набросок «Постановления о работе заводов» председателя СНК (апрель 1922 г.), в разработке которого под руководством Ленина участвовали его заместители в советском правительстве А.И. Рыков и А.Д. Цюрупа. В случае принятия этого документа на заместителей председателя СНК возлагалось, в том числе, наблюдение в других высших как советских, так и партийных органах, а именно: Президиуме ВЦИК, Полит- и (что особенно важно) Оргбюро ЦК РКП(б) за тем, чтобы решение советских вопросов происходило «не иначе, как с ведома и участия заводов» ¹⁴. В случае принятия проекта он должен был стать первым шагом к установлению обратного контроля — советского правительства над высшим большевистским руководством. Но пока Ленин был в добром здравии, он с рокировкой не торопился. Течение событий ускорила болезнь вождя, который, переставая быть первым среди равных, терял все.

11 сентября 1922 г. Ленин писал Сталину как секретарю ЦК РКП(б): Рыков получил отпуск до возвращения 20 сентября Цюрупы; сам Ленин должен был вернуться к практической работе в Совнаркоме не ранее 1 октября. Под предлогом невозможности взвалить работу на одного Цюрупу, Ленин предлагал «назначить еще двух заводов (заместителя председателя СНК и заместителя председателя СТО)», а именно Троцкого и Л.Б. Каменева, и распределить между ними работу при участии «моем и, разумеется, Политбюро как высшей инстанции», прямо заявляя о собственном приоритете. Троцкий, который не желал быть чьим-либо заместителем, отказался. За предложение Ленина голосовали Сталин (понимая, что Троцкий будет против), Рыков, М.И. Калинин; воздержались М.П. Томский и Каменев. Политбюро «с сожалением» констатировало «категорический отказ» Троцкого и предложило «приступить к исполнению обязанностей заместителя до приезда» Цюрупы Каменеву ¹⁵.

Таким образом, Ленин начал реализацию своих планов по возврату реального центра власти в советское правительство. Команда, которую вождь собрал в Совете труда и обороны, — член Политбюро Каменев, член ЦК Рыков, кандидат в члены ЦК Г.Л. Пятаков и ленинские наркомы Цюрупа и прини-

мавший участие в организации Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» Г.М. Кржижановский — на удивление слаженно реализовывала экономическую политику. О создании без преувеличения единого хозяйственного фронта в Совете труда и обороны свидетельствует неотправленное письмо Дзержинского Сталину от 3 августа 1923 года. С сентябрьской рокировки Ленина 1922 г. прошел почти год, Каменев и Рыков вполне успешно председательствовали на заседаниях СТО¹⁶. Созданная Лениным четверка политических деятелей достойно справлялась с роль второго властного центра.

Вскоре Ленин, в связи с тяжелой болезнью, был вынужден вернуться в Горки и оказался в полной политической изоляции. 19—23 января 1923 г. он продиктовал окончательный вариант статьи «Как нам реорганизовать Рабкрин (Предложение XII съезду партии)», в котором обосновывал необходимость серьезного расширения компетенции ЦКК и ее уравнивания в статусе с ЦК РКП(б), с одной стороны, и слияния ЦКК с Наркоматом РКИ РСФСР под эгидой последней — с другой: «Нарком Рабкрин может, по моему мнению, остаться наркомом (и должен им остаться), как и вся коллегия, сохраняя за собой руководство работой всей Рабоче-крестьянской инспекции и в том числе всеми членами ЦКК, которые будут считаться «откомандированными» в его распоряжение. 300—400 служащих Рабкрин, которые остаются, по моему плану, будут... исполнять чисто секретарские обязанности при других членах Рабкрин и при добавочных членах ЦКК, [будучи при этом служащими] высококвалифицирован[ными], особо проверен[ными], особо надежны[ми], с высоким жалованьем, вполне избавляющим их от нынешнего, поистине несчастного (чтобы не сказать хуже), положения чиновника Рабкрин. Я уверен, что понижение числа служащих до указанной мной цифры (то есть резкое сокращение аппаратчиков на фоне стремительного увеличения авторитетных партийцев. — С.В.) улучшит во много раз и качество работников Рабкрин, и качество всей работы, дав в то же время возможность наркому и членам коллегии сосредоточиться всецело на организации работы и на том систематическом, неуклонном повышении ее качества, которое представляет для рабоче-крестьянской власти и для нашего советского строя такую безусловную необходимость»¹⁷.

В это время ЦКК РКП(б) видела целью своей работы усиление авторитета ЦК РКП(б), снятие с него ответственности за решение «склочных» и иных сомнительных вопросов, которое могло поколебать авторитет большевистского Центрального комитета. По свидетельству одного из руководителей Центральной контрольной комиссии М.Ф. Шкирятова, «никакого вмешательства» в деятельность ЦКК «со стороны ЦК не было»: совсем напротив — решение «всех более или менее важных вопросов»¹⁸ согласовывалось Центральной контрольной комиссией «с ЦК (Оргбюро и Секретариатом. — С.В.)... в области исключения... и... перемещения того или иного» партийца, «когда ЦКК рекомендовала» перестановки «с советской работы на хозяйственную и обратно. Работа, которая подлежала ведению и разбору ЦКК, никогда не разбиралась ЦК, а всегда передавалась в ЦКК»¹⁹. Однако Шкирятов умолчал о том, что ЦКК никогда Центральному комитету не противоречила²⁰. Более того, в повестке дня заседаний Оргбюро благополучно рассматривались постановления Центральной контрольной комиссии. Оргбюро решало, согласиться с постановлениями высшего партийного контрольного органа или не согласиться²¹.

Властным органом на момент написания Лениным своей работы ЦКК не являлась, что ясно следует из анализа персонального состава ее вспомогательного аппарата: в нем числились 18 человек, среди которых было два беспартийных. Основным аппаратом комиссии был следственный в составе 7 человек с партийным стажем: у одного — с 1906 г., у одного — с 1907, у двух — с 1918, у двух — с 1919 и у одного — с 1920 года. Из семи человек двое были рабочими.

Лиц с высшим образованием — ни одного. Профессиональных юристов не было. Большинство — со средним образованием²². Работников контрольных комиссий было сложно подбирать: по мнению Шкирятова, тут требовался «особый подход»²³. На несовершенство вспомогательного аппарата ЦКК РКП(б) прямо указывала в 1923 г. Центральная ревизионная комиссия, избранная XI партийным съездом²⁴.

Ленин запланировал для начала провести коренную реорганизацию ЦКК, а затем возложить на этот орган тотальный контроль за деятельностью Политбюро — в том числе за подготовкой материалов к работе этого органа: «Нарком Рабкрин совместно с Президиумом ЦКК должен будет устанавливать распределение работы ее членов с точки зрения обязанности их присутствовать на Политбюро и проверять все документы, которые так или иначе идут на его рассмотрение...»²⁵. Исследователь Назаров сделал вывод, что Ленин, лучше других осознавая, что с его уходом с политической арены увеличится опасность раскола, и «с целью предотвращения нависшей угрозы попытался провести реорганизацию в партийном аппарате. Одновременно при помощи реорганизованного Рабкрин он надеялся активизировать борьбу с бюрократизмом. Для решения этих задач Ленин предложил превратить Рабкрин в орган совместного партийно-государственного контроля»²⁶.

На наш взгляд, суть предложения Ленина была куда более радикальной: под эгидой ленинского Совнаркома и под руководством преданного Цюрупы должен был появиться настоящий партийно-государственный монстр, противостоящий Центральному комитету РКП(б) и его аппарату с генеральным секретарем во главе. Ленин предложил то, что во второй половине 1920-х гг. Сталин обязательно окрестил бы «альтернативным» или «параллельным» ЦК. Именно поэтому у собравшихся на заседание членов и кандидатов Политбюро и возникла 24 января крамольная идея о напечатании ленинской статье в «Правде» в единственном экземпляре, чтобы скрыть от партии послание ее основателя, как справедливо отмечает сам Назаров²⁷. Не вполне понятно только одно: прекрасно осознавая, что его главным оппонентом является Сталин, Ленин не уточнил, что ЦКК должна будет установить аналогичный контроль над Оргбюро и Секретариатом. Очевидно, серьезно ограниченный в своих возможностях, он не вполне владел информацией о реальных козырях, к тому времени находившихся в сталинских руках.

25 января, тем не менее, ленинская статья вышла сразу в трех периодических изданиях — «Правде», «Петроградской правде» и «Красной газете»²⁸. Понимая, что, назвав вещи своими именами, он поставит публикацию своих предложений под вопрос, Ленин намеренно постарался написать статью так, чтобы по итогам первого прочтения статья даже видным государственным и партийным деятелем была «не понятна... тем более при воспоминании, какое значение Рабкрин... вообще имел раньше» (цитируется П.А. Богданов)²⁹. Вождь делал ставку на внимательных читателей. По итогам выхода статьи из печати он пытался понять, насколько ясен смысл его целенаправленно туманно изложенных построений, причем не массам, как уверяли читателей советской прессы в 1925 г., а руководящим советским работникам, то есть той самой свите, которой предстояло, что называется, «делать короля» в Совнаркоме, — ближайшим соратникам³⁰. Относительно понимания предложений Ленина его наркомками и рядовыми партийцами следует выделить статью «На партийные темы», напечатанную в ходе предсъездовской дискуссии Г.И. Петровским в харьковской партийной газете «Коммунист». В сводках Секретариата ЦК РКП(б) ее содержание резюмируется следующим образом: «Главный вопрос сейчас национальный. Нужно урегулировать взаимоотношения между частями федерации. Вопрос о Рабкрине нужно отделить от вопроса о ЦКК. Последнюю нужно

расширить, увеличить число членов Политбюро и Оргбюро — и этим ограничиться»³¹.

Ленин не мог узнать об интерпретации его работы, данной в начале марта 1926 г. В.В. Осинским — весьма оригинальной и вполне обоснованной: «Понятно, что у Политбюро остается мало времени для чисто партийных вопросов и даже для крупных политических вопросов. Понятно, что Политбюро не может правильно разбираться в тех *совершенно* конкретных, но крайне важных вопросах, где конкретная экономика переходит в колоссальную, важную политику. Понятно, почему стоящий за сохранение Политбюро в нынешнем его виде т. Ленин хочет подпереть его подготовительной комиссией “Рабкрин ЦКК”, которая могла бы проверить документы и вообще добиться *безусловной осведомленности и строжайшей правильности дел*»³². Осинский увидел в ленинских письмах Двенадцатому съезду РКП(б) ни что иное, как переработку опыта, накопленного в рамках установления взаимоотношений партийных и советских органов на местах: «Спросим товарищей, знающих местный советский быт 1918—1919 гг., что напоминает им эта обрисованная весьма мягкими терминами картина. Не правда ли, как две капли воды она похожа на взаимоотношения президиума губисполкома и президиума губкома в те допотопные времена. Чем была излечена болезнь? — Подпорками и боковыми пристройками, или правильным расчленением функций, установлением тесной персональной связи между партийными и советскими органами»³³. Вот какой побудительный мотив нашел Осинский в последних статьях Ленина и какие выводы он предложил делегатам съезда.

12 апреля 1923 г. в Политбюро ЦК РКП(б) проект собственных дополнений к тезисам «Комиссии ЦК о государственном аппарате и задачах РКИ и ЦКК» направила редакция «Экономической жизни», которая писала высшему партийному руководству: «Использование советской и партийной печати как в целях изобличения и раскрытия всякого рода преступлений, разгильдяйства, взяточничества и т.д. и систематических обходов намечаемой партией основной линии в деле реорганизации аппарата власти, так и изучения и подытоживания всего опыта партии и Советов в деле организационного строительства, с выделением бытовых моментов, с подчеркиванием успехов, [с] широким оповещением о них и строгой критикой неудач, упущений, бюрократизма, преступлений в этой области и т.д. В целях более тесного привлечения к своей повседневной работе печати и наблюдения за ее выступлениями желательно установление персональной связи с крупнейшими центральными и местными органами печати путем выделения для этого специальных членов из состава ЦКК и РКИ и привлечением редакторов указанных органов печати на объединенные заседания ЦКК и РКИ (с правом совещательного голоса)»³⁴.

Совершенно очевидно, что руководство печатного органа Совета труда и обороны РСФСР поняло ленинские предложения съезду очень по-своему. Ленин несомненно, порадовался бы словам старого большевика Д.Б. Рязанова, сказанным им на втором заседании «Комиссии XII съезда РКП(б) по рассмотрению жалоб, апелляций, заявлений, поступающих на XII съезд», атакованного за оппозиционную деятельность Политическим бюро ЦК 29 июня 1922 года. Выступление старого большевика 18 апреля 1923 г. было буквально проникнуто духом «реорганизации Рабкрин». Рязанов начал с предложения «Центр[альную] КК... упразднить», поскольку для ее существования не имелось в послевоенный период «никакого основания»³⁵. Аргументировано обвинив ЦКК в зажиме внутрипартийной демократии³⁶, Рязанов сделал четкий вывод: «ЦКК может быть совершенно свободно замещен[а] простым парт[ийным] судом.... Если член партии провинился в преступлениях уголовного свойства, именно (даже лучше) для престижа партии судить его всенародным судом. Раз обвинен

— механически выбрасывается из партии. Партсуд остается для членов партии, вступающих в конфликт или склоку, совершающих партийное преступление, но для этого должен быть партсуд, а ЦКК долж[на] уступить место настоящей контрольной комиссии, которая не играет роль гувернантки в штанах или в юбке, а, если у нее хватит смелости — проверяет, действительно ли ЦК проводит в жизнь все постановления съезда. Тогда не нужно будет выбирать ревизионных комиссий с таким великолепным ревизором, как Ногин»³⁷. Рязанов не упомянул поздние ленинские работы ни единым словом, однако это было ни к чему, поскольку все собравшиеся — Я.Э. Рудзутак, Е.И. Бумажный, И.М. — Москвин, И.Т. Морозов, С.И. Комиссаров, Э.И. Квининг, Д.Е. Сулимов, В.М. Михайлов, М.В. Фрунзе, М.Ф. Шкирятов, И.Ф. Стуруа, Н.А. Кубяк, Дзержинский, Б. Кун, Н.А. Угланов и А.А. Сольц — прекрасно поняли намек.

В материалах одного из столичных районных комитетов ВКП(б) за 1934 г. отложились данные о фракционной деятельности двух партийцев — Новожилова и Храпцова, среди которых значится следующие: «В другой бесед[е] НОВОЖИЛОВА [с] ХРАПЦОВЫМ ХРАПЦОВ заявил, что ЦКК была создана по идее т. Ленина как [структура] параллельная, равноправная с ЦК и даже как бы над ЦК партии, и одной из задач ЦКК было не допускать возможности раскола в партии. С преобразованием ЦКК в Комиссию партийного контроля при ЦК ВКП(б) под руководством одного из секретарей ЦК ВКП(б) — она не будет самостоятельной и будет зависеть от ЦК ВКП(б). И с этим положением ХРАПЦОВА НОВОЖИЛОВ согласился»³⁸. Формально, таким образом, угроза Центральному комитету и его аппарату со стороны ЦКК была ликвидирована через несколько лет после утверждения сталинской диктатуры — в 1934 году. Но и тогда поздние ленинские идеи жили в умах большевиков, что свидетельствует о широком резонансе статьи «Как нам реорганизовать Рабкрин» не только в верхах РКП(б), но и в партийной массе в 1923 году.

26 января Ленин, ощутив прилив бодрости, вызвал Л.А. Фотиеву и дал ей поручение сказать Цюрупе, который после Сталина возглавил неожиданно признанный важнейшим наркомат Рабкрин, его заместителю В.А. Аванесову и члену коллегии РКИ А.И. Свидерскому, что если они согласны с его статьей «Как нам реорганизовать Рабкрин», то пусть проведут ряд совещаний якобы по вопросам научной организации труда. Очевидно вождь рассчитывал на принципиальность Цюрупы и изощренность прошедшего свердловскую школу Аванесова, которому выпал редкий шанс вернуть себе расположение верхов.

27 января против Ленина объединились «наличные члены Политбюро и Оргбюро ЦК РКП»: А.А. Андреев, Бухарин, Дзержинский, Калинин, Каменев, В.В. Куйбышев, Молотов, Рыков, Сталин, М.П. Томский, Троцкий. В губернские и областные комитеты РКП(б) цекисты отправили «строго секретное письмо», ставившее целью якобы «...не давать врагам возможности путем ложных сообщений о состоянии здоровья т. Ленина вносить смуту и замешательство»³⁹. Местным партийным руководителям постарались внушить, что ленинская статья представляет собой размышления, никакого отношения к действительности не имеющие: «Возвращение т. Ленина к *чрезвычайно напряженной работе* (здесь и далее в цитате курсив мой. — С.В.) после болезни привело к переутомлению. Врачи признали необходимым на известный период *предписать т. Ленину абсолютный покой* (при внимательном чтении сложно не заметить, что первое и второе выделенные курсивом утверждения друг другу противоречат. — С.В.), даже без чтения газет.... Само собой разумеется, что т. Ленин не принимает участия в заседаниях Политбюро и ему даже не посылаются, опять-таки в строгом соответствии с предписанием врачей, протоколы заседаний Политбюро и Оргбюро. Врачи сочли, однако, возможным разрешить т. Ленину, ввиду невыносимости для него полной умственной бездеятельности, вести нечто вроде

дневника, куда он заносит свои мысли по разным вопросам, причем части этого дневника, по указанию самого т. Ленина, появляются на страницах печати». Вывод ясен: по заявлению 11 подписантов, уже «внешние условия написания статьи “Как нам реорганизовать Рабкрин” свидетельствуют о том, что предложения, заключающиеся в этой статье, вызваны не какими-либо осложнениями внутри ЦК, а общими соображениями т. Ленина о трудностях, которые еще предстоят партии в предстоящую историческую эпоху»⁴⁰.

Естественно, послание было «совершенно секретным» — в особенности для вождя, который, впрочем, достаточно хорошо знал «железную фалангу верных» соратников, чтобы не удивиться, узнав, что его письма представляются местным партийным организаторам не более, чем дневниковыми записями теоретического характера. Радек на Бауманской районной конференции РКП(б) 7 января 1924 г. дал официальную трактовку ленинского послания, которой придерживались, без преувеличения, все члены коллективного руководства, хотя она и была приспособлена для разгоревшейся осенью 1923 г. дискуссии Троцкого с властной группировкой Политбюро: «...Владимир Ильич в своей статье о Рабкрине первый бросил вдруг слова “опасность раскола”. Многие из нас были прямо ошеломлены, когда прочли в статье Владимира Ильича слова “опасность раскола”. Тогда все члены Политбюро (вернее, члены и кандидаты Полит- и Оргбюро. — С.В.) послали Владимиру Ильичу письмо, в котором заявили, что работают дружно и будут дружно работать, чтобы он не беспокоился. Когда Влад[имир] Ильич ставил вопрос об опасности раскола, то он его ставил не с той точки зрения, что Троцкий — большой драчун, что Зиновьев — человек с большим темпераментом, а Сталин — очень крепкий человек (определения самого Радека, которые он дал, исходя из собственного представления о личных качествах высших партийных руководителей. — С.В.); а он ставил этот вопрос с точки зрения соц[иальных] опасностей, угрожающих Советской республике. Он в своей статье сказал следующее: что в нашей Советской республике социальный строй основан на сотрудничестве двух классов — рабочих и крестьян, в которо[е] теперь допущены на известных условиях и нэпманы, т.е. буржуазия. Если возникнут серьезные классовые разногласия между двумя классами, тогда раскол будет неизбежен. Но в нашем социальном строе не заложены необходимые основы такого раскола, и главная задача ЦК, и ЦКК, и нашей партии в целом состоит в том, чтобы внимательно следить за обстоятельствами, из которых может вытечь раскол, предусматривать их, ибо в последнем случае судьба нашей республики будет зависеть от того, будет ли между крестьянским классом и рабочим классом сотрудничество и доверие к нам или обстоятельства дадут возможность нэпманам (новой буржуазии) разлиться — и тогда нам будет грозить раскол»⁴¹. Соображения о судьбе партии и ее ЦК в контексте нэпа, конечно, имели место в послании съезду, однако члены коллективного руководства сильно упростили суть поздних работ вождя.

Ленинская угроза заставила высшее партийное руководство выступить единым фронтом. Два года спустя, в 1925 г., Сталин напомнил товарищам по ЦК РКП(б) обстоятельства обсуждения ленинского письма и составления собственного разъяснения губернским и областным партийным комитетам: «во-первых, план Ленина, развитый в этой статье (о Рабкрине. — С.В.), не обсуждался тогда по существу;... во-вторых, Политбюро было созвано тогда в связи с известными словами в статье Ленина о возможном расколе в ЦК, которые могли вызвать недоумение в партийных организациях... Политбюро было тогда же решено разослать партийным организациям одновременно с напечатанием статьи Ленина специальное письмо Оргбюро и Политбюро ЦК о том, что статья не должна давать повода думать, что в ЦК имеются элементы раскола». В-третьих, «как решение о немедленном напечатании статьи Ленина, так и пись-

мо членов Оргбюро и Политбюро об отсутствии факта раскола внутри ЦК были приняты единогласно»⁴². Автором проекта постановления большевистского ЦК был Троцкий⁴³, прекрасно понимавший, что Ленин в случае своего выздоровления полностью обновит состав высшего партийного руководства, лишив шансов на удержание власти всех без исключения своих соратников-оппонентов. Если Троцкий и мог выступить единым фронтом с ненавистным Сталиным и презираемым им Зиновьевым, так только против Ленина, который в гневе был опасен для всех. Сделанное 11 видными членами высшего партийного руководства заявление было совершенно справедливым: в условиях ленинской угрозы от «опасений «раскола»»⁴⁴ в ЦК не осталось и следа. Из того факта, что среди 11 подписавших послание были два ленинских заместителя по руководству советским правительством — Рыков и Каменев — ясно следует: в выздоровление вождя уже никто не верил. Даже его ближайшие сподвижники в правительстве признали возвращение центра власти из Политбюро ЦК РКП(б) в СНК РСФСР абсолютно неприемлемым.

17 апреля 1923 г. реорганизация Рабкрин была предложена Двенадцатому съезду РКП(б) Сталиным в интерпретации, которая никакого отношения к письмам основателя партии не имела, зато на долгие годы стала официальной трактовкой ленинского наследия для советских историков: «реорганизованный ревизионный аппарат» превратить «в рычаг для перестройки всех составных частей машины, для замены старых негодных частей новыми, если мы действительно хотим [государственную] машину двигать туда, куда ей надлежит двигаться»⁴⁵. Таким образом, речь шла исключительно о преобразовании государственного аппарата, но не партийного руководства.

19 апреля 1923 г. съезд утвердил предложение председательствующего Каменева передать «проекты, касающиеся организации центральных учреждений партии, а равно практические предложения о реорганизации ЦКК в связи с предложением Ленина... на рассмотрение в Организационную секцию», организацию которой поручить Президиуму⁴⁶.

Чтобы еще больше увести делегатов от сути ленинских предложений, ЦК замыслил в Организационной секции «основную работу по партийной линии» поручить Молотову, а «по советской» — Дзержинскому. На вечернем заседании 20 апреля по предложению Президиума съезда, озвученному его членом А.С. Енукидзе, секцию по Организационному вопросу доверили первому, «по ЦКК и РКИ» — второму⁴⁷. Несомненно, деление неделимого не могло не отразиться на результате работы важнейшей секции Двенадцатого съезда. Не обошлось и без фарисейства вождей, старательно делавших вид, что персональным подбором новых цекистов будет заниматься съезд⁴⁸.

25 апреля 1923 г. состоялось заседание Секции по организационному вопросу, которой, в соответствии с решением Пленума ЦК РКП(б) от 15 апреля, были переданы тезисы под названием «Госаппарат и задача РКИ и ЦКК. (Предложение Комиссии ЦК по вопросу о реорганизации РКИ и ЦКК, вносимые ею в Организационную секцию XII съезда.)», к реальным предложениям Ленина отношения не имевшие. Задачей «организационно связанных между собой» ЦКК и РКИ было «усовершенствование государственного аппарата», причем НК РКИ должен был стать «абсолютн[ым] авторитет[ом] для остальных наркоматов»⁴⁹, то есть партийно-государственным аппаратом давления на советско-хозяйственный аппарат. Остальные тезисы окончательно превращали Рабкрин в инструмент подавления советско-хозяйственной альтернативы развития политической системы.

Что касается самой Секции по организационному вопросу, то Молотов, Дзержинский, а также М.М. Харитонов, доизбранный секцией в Президиум, со своей задачей справились блестяще. Молотов, перейдя к ЦКК РКП(б), зая-

вил, что в проект тезисов о комиссии вкралась ошибка, связанная с излишне поспешным его составлением. Правая рука Сталина для начала предложил «эту ошибку... поправить в том смысле», что ЦКК будет решать, с одной стороны, свою прежнюю задачу: содействовать «авторитету и единству партии», а с другой стороны, — «новую и важнейшую задачу», которая определялась секретарем ЦК следующим образом: «содействие партии» и ее руководящим органам «в выпрямлении партийной линии, [усилении] партийного влияния во всех советских органах», «в более правильном и систематическом влиянии партии на работу сов[етских] органов». Затем Молотов развил свои предложения таким образом, что к партийному контролю ЦКК РКП(б) иметь какое-либо отношение перестала: «Таким образом, новая ЦКК, очевидно, будет иметь три основных задачи:... во-первых, улучшение советского аппарата; во-вторых, усиление влияния партии в сов[етских] органах и, в-третьих, контроль,... который, невзирая на лица, мог [бы] заглянуть в любой уголок советского аппарата»⁵⁰. Естественно, первой практической задачей Молотов признал «Улучшение техники, упрощение ее, удешевление аппарата, сокращение до самых необходимых размеров», а со временем — «изменение качественного состава работников и усиление этого аппарата коммунистическими силами». Главным во всем этом процессе было «проникновение» партии «во все уголки сов[етского] аппарата» для ее «полного и всестороннего влияния»⁵¹ (хотя прямо это не заявлялось) на все составляющие советской политической системы.

Дзержинский развил тезисы Молотова в духе критики «умопомрачающего бюрократизма, который имелся в царское время в России и который перешел к нам и не изжит до сих пор»⁵², и вставил фразу, которая неоднократно встречалась в выступлениях и воспоминаниях партийных, советских и военных деятелей в первой половине советской истории⁵³: «Мы знаем, все руководители и хозяйственники это скажут, что не мы управляем своим аппаратом, а наш аппарат управляет нами». Кадровый состав руководящих работников государственных предприятий, по выражению Дзержинского, был «враждебен тем заданиям, которые даются ему советской властью. Правда, среди высококвалифицированных работников... есть известный процент преданных, работающих с полной преданностью товарищей, но этот процент незначительный и (вы отметьте, товарищи) то, что этот процент найдется более всего там, где он непосредственно связан с производством»⁵⁴.

Сосредоточившись на тех указаниях Ленина, которые были связаны не с сутью «реорганизации Рабкрин» начала 1922 г., а с борьбой с бюрократизацией начала 1921 г., Дзержинский и подал ту интерпретацию ленинских планов преобразования ЦКК РКП(б) и НК РКИ СССР, которая стала хрестоматийной и навсегда вошла в советскую историографию. «РКИ — это было детище [наподобие] всего остального аппарата, — заявил нарком путей сообщения и пояснил: такой же бюрократизм, такой же формализм, который характеризует и все наши хозяйственные учреждения. Какой же должен быть [НК] РКИ? [НК] РКИ не должен гнаться за каждым рублем, за каждой копеечкой, ибо он в этой погоне потеряет все. Он должен работать над изучением недостатков и дефектов нашей системы, разрабатывать вопросы и изыскивать в реальной жизни те силы и те методы, которые могут возродить наше хозяйство»⁵⁵. Рабоче-крестьянской инспекции Дзержинским ставились следующие задачи: «изыскивать причины [преступлений хозяйственников]; зан[иматься] подбором людей, наме[ча]ть командные высоты, наме[ча]ть т.н. унтер-офицерский состав, запл[о]нить высоты своими людьми»⁵⁶.

Вопрос о механизме взаимодействия ЦКК РКП(б) с НК РКИ СССР был, судя по стенограмме, вопреки заявлению Дзержинского, не «довольно ясен», а вообще не ясен. Цитируем фрагмент его выступления: «ЦКК как таков[ая]

непосредственно в смысле административном, в смысле распорядительском не касается, а занимается РКИ, а те товарищи из ЦК, которые командированы для работы государственным аппаратом непосредственно, они действуют по улучшению государственного аппарата именно как сотрудники, как уполномоченные РКИ, т.е. советского аппарата, ибо смешение в жизни непосредственно советского и партийного аппарата надо избегать, потому что не известно, кто и за что отвечает. Надо выполнять партийные резолюции XI съезда»⁵⁷. Если Ленин, когда писал свои поздние работы, был не очень здоров и опасался прямо изложить предложения, которые просто утаили бы от партийцев, то Дзержинский явно не знал, что именно ему следует предложить. Потерявшие нить рассуждений члены Секции по организационному вопросу, очевидно, вопреки собственным ожиданиям, поняли, а потому и встретили аплодисментами последний тезис Дзержинского о том, что Наркомат РКИ в его нынешнем составе необходимо «совершенно» ликвидировать, а «новый РКИ и ЦКК» — «совершенно заново организовать[ь]»⁵⁸. В дальнейших прениях вопрос о подоплеке ленинского письма к съезду не поднимался: вносились корректировки отдельных фрагментов предложений Молотова и Дзержинского, однако принципиальных изменений не было. Особо показательно то обстоятельство, что М.Ф. Шкирятов, партийный статус которого находился в прямой зависимости от проведения или отклонения ленинских предложений, ограничился в своем выступлении вопросами деятельности местных контрольных комиссий⁵⁹. Более того, Шкирятов предложил расширить «активную часть» ЦКК — ее Президиум — с 9 до 11 членов, с тем чтобы «остальные члены ЦКК (не члены Президиума)» работали «под руководством РКИ»⁶⁰.

Завершилось обсуждение выступлением Цюрупы, осознавшего к тому времени, что суть предложений Ленина находилась в иной плоскости: «Товарищи, я не буду говорить н[и] о старом РКИ, ни о величине задачи, поставленной Ильичом, потому что в той спешности, которая у нас сейчас имеется, обсуждать эти вопросы нельзя»⁶¹. Исполнитель первых указаний Ленина по борьбе с бюрократизацией советского правительства прекрасно понимал, что ни о какой единовременной реформе Ленин речи не вел: «Если Владимир Ильич был бы здесь, на съезде, он сделал бы этот вопрос гвоздем съезда, он заострил бы его со всей силой, а мы не имели на съезде даже доклада: доклад по этому вопросу проходит в секции и идет наравне со всеми другими организационными вопросами (что как раз было верно, с точки зрения духа ленинских предложений. — С.В.). Я обращаю ваше внимание, товарищи, что сейчас с этой трибуны говорилось о важности задачи, стоящей перед нами, и один говорил об одних задачах, другой о других. Между тем, это важнейший вопрос, и надо на чем-нибудь определенно остановиться, остановиться так, чтоб что-нибудь вышло. Мы очень быстро проводим важнейшую реформу, о которой сам Ильич сказал, что ее нужно проводить годы.... Я уже говорил в комиссии, что Ильич со свойственной ему дальновзоркостью указал задачи, которые формулировал в общих чертах, но перед нами большая задача конкретизировать эти вопросы. Если меня спросят, как конкретизировать, я отвечу: не знаю. Как организационно подойти — не знаю. Какими методами осуществлять — также отвечу: не знаю. Я думаю, что каждый из нас ответит также, если будет отвечать добросовестно. И если в таком же порядке мы будем... вести работу, то мы провалим дело и дискредитируем самую идею Владимира Ильича, которая имеет колоссальное значение... Вопрос так широк, что в понимание его вкладываются самые различные вопросы, и здесь необходимо столкнуться»⁶², поскольку «даже те, кто работали по должности по этим вопросам», и «то разно понимают» суть ленинских предложений. Цюрупа предложил «выделить особую подсекцию, в которой и обсудить обстоятельно все эти вопросы». Большинство

поддержало предложение «разбиться на подсекции»⁶³, однако никого эффекта от деятельности подсекций не было.

На вечернем заседании Двенадцатого съезда 25 апреля 1923 г. Молотов и Дзержинский сделали отдельные доклады. Молотов сразу сказал: «Организационная секция сегодня заслушала два доклада. Первый доклад касался вопросов партийных, организационных, и в частности ЦКК. Второй доклад касался вопросов, связанных с реорганизацией Рабкрин. Я буду докладывать только по первой части и только те поправки, которые были приняты в тексте, имеющемся у вас на руках. Вторую часть доклада будет делать т. Дзержинский»⁶⁴. Ленинские предложения о реорганизации ЦКК РКП(б), помимо расширения ЦК, были сведены к следующей фразе: «Президиум ЦКК избирается Пленумом ЦКК в количестве 9 товарищей высокого во всех отношениях стажа, т.е. работников, примерно (это уже не ленинское. — С.В.), цекистского типа. Наркомрабкрин назначается ЦК партии по возможности из состава Президиума ЦКК»⁶⁵. Ни о каком приоритете ЦКК перед Политбюро, Оргбюро или Секретариатом в итоговом проекте не говорилось. В докладе Молотова косвенным образом, в докладе Дзержинского открытым текстом говорилось, что организационная связь ЦКК РКП(б) и РКИ РСФСР будет «на почве... усовершенствования государственного аппарата»⁶⁶.

Однако, по крайней мере, один верный ленинец в зале заседаний съезда нашелся. В стенограмме зафиксирован некий героический «голос с места», причем не рядового работника, а члена Секции по организационному вопросу: «Во-первых, в тезисах т. Молотова о ЦКК все было изъято. Я работал в комиссии, могу такую справку дать. Во-вторых, здесь говорится о том, что нужно помочь ЦКК наладить работу по линии РКИ, а по линии борьбы с партийными болезнями ничего. Выходит, таким образом, что работа ЦКК сосредоточивается исключительно на улучшении советского аппарата»⁶⁷. Был ли это Цюруппа или кто-нибудь другой, мы уже не узнаем, однако этот человек был верен ленинской идее до конца. Каменев сделал вид, что вообще не услышал ремарки. В стенограмме особенно удивляет отсутствие фиксации тех, кто голосовал против предложенного от лица секции проекта резолюции⁶⁸.

Сталинские любимцы прекрасно поняли смысл ленинских предложений. Не случайно в 1930 г. Ворошилов написал Сталину то, что сам он по определению придумать не мог: «Ленин и в нынешней обстановке сидел бы в СНК и управлял бы партией и Коминтерном»⁶⁹. Это — концентрированное выражение ленинской модели социалистического строительства, управления партией и руководством мировой революцией.

Примечания

1. НАЗАРОВ О.Г. Сталин и борьба за лидерство в большевистской партии в условиях НЭПа. М. 2000.
2. ПАВЛЮЧЕНКОВ С.А. Орден меченосцев. М. 2008.
3. САХАРОВ В.А. «Политическое завещание» Ленина. Реальность истории и мифы политики. М. 2003.
4. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 50, оп. 1, д. 6, л. 198об.
5. Е.А. Преображенский. Архивные документы и материалы. Т. 1. М. 2006, с. 349—350.
6. Цит. по: САХАРОВ В.А. Ук. соч., с. 132.
7. Там же, с. 133.
8. Двенадцатый съезд РКП(б). М. 1968, с. 413.
9. РГАСПИ, ф. 50, оп. 1, д. 46, л. 25, 27.
10. ГЕНКИНА Э.Б. Протоколы Совнаркома РСФСР как исторический источник для изучения государственной деятельности В.И. Ленина. М. 1982, с. 100, 148; ЛЕНИН В.И. Полное собрание сочинений. Т. 44. М. 1974, с. 112—114, 544 (примеч.).

11. ЛЕНИН В.И. ПСС, т. 44, с. 356.
12. Там же, с. 357.
13. Там же, с. 578 (примеч.).
14. Там же. Т. 45. М. 1978, с. 152.
15. Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. М. 1995, с. 25.
16. Большеви́стское руководство. Переписка. Т. 1. М. 1996, с. 275—277.
17. ЛЕНИН В.И. ПСС, т. 45, с. 385—386.
18. Двенадцатый съезд РКП(б), с.246—247.
19. Там же, с. 247.
20. РГАСПИ, ф. 50, оп. 1, д. 59, л. 1 и след.
21. Там же, ф. 17, оп. 112, д. 365, л. 5.
22. Двенадцатый съезд РКП(б), с. 80.
23. Там же, с. 248.
24. Там же, с. 81.
25. ЛЕНИН В.И. ПСС, т. 45, с. 384.
26. НАЗАРОВ О.Г. Ук. соч., с. 78.
27. Там же.
28. Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 12. М. 1982, с. 569.
29. Двенадцатый съезд РКП(б), с. 368.
30. К примеру, В.Н. Каюрову и К. Орлову, с которыми общалась Н.К. Крупская. См.: Владимир Ильич Ленин, т. 12, с. 569.
31. РГАСПИ, ф. 50, оп. 1, д. 5, л. 3—4.
32. Там же, д. 6, л. 198.
33. Там же.
34. Там же, д. 80, л. 79—79об.
35. Там же, ф. 50, оп. 1, д. 59, л. 17.
36. Там же, л. 2—16.
37. Там же, л. 17.
38. Центральный архив общественно-политической истории Москвы (ЦАОПИМ), ф. П-63, оп. 1, д. 748, л. 8.
39. Письма И.В. Сталина В.М. Молотову, с. 22.
40. Там же, с. 21.
41. ЦАОПИМ, ф. П-63, оп. 1, д. 273, л. 30.
42. Письма И.В. Сталина В.М. Молотову, с. 20.
43. НАЗАРОВ О.Г. Ук. соч., с. 79.
44. Письма И.В. Сталина В.М. Молотову, с. 21.
45. Двенадцатый съезд РКП(б), с. 61.
46. Там же, с. 237.
47. Там же, с. 207, 352.
48. Эту мысль высказал 19 апреля 1923 г. Г.Е. Зиновьев. Там же, с. 226.
49. РГАСПИ, ф. 50, оп. 1, д. 46, л. 63—71.
50. Там же, л. 16—17.
51. Там же, л. 17—19.
52. Там же, л. 21.
53. См., напр., цитату из воспоминаний К.А. Мехоношина: ЛЕОНОВ С.В. Рождение Советской империи. М. 1997, с. 142—143.
54. РГАСПИ, ф. 50, оп. 1, д. 46, л. 22.
55. Там же, л. 30.
56. Там же, л. 30—31.
57. Там же, л. 32.
58. Там же, л. 33.
59. Там же, л. 42—43, 57—58.
60. Там же, л. 58.
61. Там же, л. 60—61.
62. Там же, л. 61—62.
63. Там же, л. 62.
64. Двенадцатый съезд РКП(б), с. 636—637.
65. Там же, с. 637.
66. Там же, с. 645.
67. Там же, с. 649.
68. Там же.
69. Цит. по: ХЛЕВНЮК О.В. Хозяин. М. 2010, с. 76.

Артельный наем в промышленности России в конце XIX — начале XX в.

В.В. Волков

В нашем обществе уже относительно долгое время превалирует идея о безальтернативности частнокапиталистического пути развития. Данная позиция реализуется не только в поиске современных стратегий, но и в исторической ретроспективе. При этом часто забываются или замалчиваются сведения о серьезных успехах другой экономической модели — модели кооперативного хозяйства. Это, в свою очередь, порождает непонимание у читающей аудитории того потенциала, который скрыт в кооперации и феномене русской артели.

Артель, как форма коллективной взаимопомощи русских крестьян издавна была распространена в России, но носила, в большей мере, натурально-хозяйственный характер¹. Однако в условиях буржуазной модернизации, с развитием рыночных отношений она приобретала качество организации коллективной самозащиты общинников от наступавших буржуазных порядков². Одной из форм такой самозащиты стал артельный наем.

Вопрос об артельном найме в отечественной дореволюционной исторической литературе специально рассматривался лишь в работах В.П. Воронцова, который показал его происхождение, двойственный характер, внутреннее устройство артелей для найма, размер, формы и характер оплаты труда артельщиков, их взаимоотношения с нанимателями и подрядчиками³. Однако, исследование Воронцова имело хронологические и отраслевые ограничения — оно завершается концом XIX в. и не рассматривает артельный наем, который осуществлялся многими государственными ведомствами. Об артельном найме можно также получить отрывочные сведения или из работ, посвященных положению рабочего класса и крестьянства России⁴, или в трудах об артельном производстве⁵. Для советской историографии эта проблема вообще не была актуальной. Пожалуй, только К.Н. Тарновский в своей фундаментальной работе, посвященной мелкой промышленности, попутно осветил сюжеты артельного найма⁶. В постсоветское время, благодаря работам Т.В. Зиминной, А.М. Белонюхой, И.А. Новикова⁷, а также стараниям петербургского исследователя В.П. Большакова⁸ изучение проблемы русской артели возобновилось. Однако и на новом этапе артельный наем рассматривается лишь мимоходом через упоминание отрывочных сведений о данном феномене.

Волков Вячеслав Викторович — кандидат философских наук, доцент ВУНЦ ВМФ «ВМА». Санкт-Петербург.

В связи с этим возникает необходимость рассмотреть артельный наем более подробно. При этом мы затронем не только наем артелей, но и наем артелями, что позволит глубже понять влияние складывавшихся капиталистических отношений на русскую артель.

Вообще, наем рабочих в промышленности России в конце XIX — начале XX в. происходил двумя способами: хозяйственным (непосредственно хозяином, администрацией предприятия) и подрядным, то есть через подрядчика. И в первом, и во втором случае отношения на рынке труда складывались в виде индивидуального или артельного найма⁹. Последний осуществлялся или через договор с независимой артелью, созданной самими рабочими, или — с кулаком-ростовщиком (городским подрядчиком), закабалившим до этого артель крестьян-промысловиков¹⁰. При этом подрядчик, если это вызывалось производственной необходимостью, иногда нанимал и индивидуальных рабочих (чаще всего поденных), и не всегда закабленных¹¹.

В начале XX в. сформировались официальные представления властей об артельной форме организации производства. В ст. 89 Устава торгового определялось, что «артелями называются общества работников, по добровольному между собой условию составленные, для отправления служб, работ и промыслов, силам одного человека несоразмерных»¹². В дополнение к этому использовалось и определение артели, сформулированное А.А. Исаевым: «*Артель* есть основанный на договоре союз нескольких равноправных лиц, совместно преследующих хозяйственные цели, связанных круговой порукою и участвующих, при ведении промысла, трудом или трудом и капиталом»¹³. Наличие хозяйственной цели, ее реализация личным трудом или трудом и капиталом, равноправие артельщиков, их участие в управлении, круговая порука и договорное начало — вот, что отличало артель, как от общественных организаций, так и от других хозяйствующих субъектов.

Следует подчеркнуть, что в законодательстве об артелях существовало много пробелов, что вызывало разночтения в их классификации и затрудняло возникновение артельных предприятий. Нормы, регулирующие правовые отношения артельщиков, содержались в различных законодательных актах: в Уставе о цехах 1799 г., в положении о биржевых артельщиках Устава торгового изд. 1887 г. (ст. 89—91), в положениях о лоцманских товариществах, об артелях штуров, об артелях бурлаков, в узаконениях о рабочих артелях на сибирских золотых приисках. Артельный наем предполагался также основными законодательными актами о найме — Положением о найме на сельские работы от 12 июня 1886 г., Правилами о надзоре за фабричной промышленностью, о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих и об увеличении числа чинов фабричной инспекции от 3 июня 1886 г., Уставом горным изд. 1893 года.

Учитывая неурегулированность законодательства, тормозившего начавшееся во второй половине 1890-х гг. оживление в деле организации различных промысловых товариществ, государственные структуры предприняли ряд шагов по исправлению создавшейся ситуации. В 1899 г. вышел проект Гражданского уложения, разработанного соответствующей редакционной комиссией. В книге V проекта был подробно описан институт кооперации. В нем, в частности, понятие «артели» было сужено и под ним следовало понимать «лишь те товарищества, которые возникают для исполнения личным трудом по поручению третьих лиц всякого рода работ». От артелей предполагалось отличать производительные товарищества, которые выносили на рынок уже не рабочую силу артельщиков, а результаты их труда. Однако данный проект так и не был реализован. Параллельно с этим в 1899 г. Особое совещание Департамента торговли и мануфактур Министерства финансов подготовило свой проект законодательного акта об артелях, который и был принят Государственным сове-

том и Высочайше утвержден 27 мая 1902 г. в качестве Положения об артелях трудовых¹⁴. Согласно нему, трудовой артелью признавалось «товарищество, образовавшиеся для производства определенных работ или промыслов, а также для отправления служб и должностей личным трудом участников, за общий их счет и круговую их порукою» (ст.1 Положения об артелях трудовых)¹⁵. То есть, исходя из признака «трудового единения членов», товарищества, продающие рабочую силу и товарищества, реализующие на рынке результаты своего труда, были объединены в одном понятии — трудовых артелей¹⁶, со всеми вытекающими из этого правовыми последствиями: рабочая артель для найма стала обладать правами юридического лица (ст. 12)¹⁷. Кроме того, Государственный совет установил одинаковые для всех участников членские взносы, а распределение заработка — «соразмерно с участием каждого в работах артели личным трудом» (ст. 17).

Кроме трудовых артелей, в торговле и на транспорте функционировали артели биржевые, «отправляющие разные работы на бирже, при таможене, при городских амбарах и буянах, в рядах и тому подобных торговых помещениях» (ст. 92 Устава торгового)¹⁸.

Для нашего исследования очень важно подчеркнуть, что и биржевые, и трудовые артели в конце XIX — начале XX в. могли прилагать свой труд, как в наемной форме, так и в форме самостоятельного производства и предпринимательства, и порой грань между этими формами стиралась. Законодатель в применении к трудовым артелям это выразил в ст.3 Положения об артелях трудовых: «Артель трудовая образуется на основании уставов или на основании существующих постановлений о договорах»¹⁹. Следовательно, все рабочие артели на местных и отхожих промыслах подпадали под действие данной статьи.

В 1880-х гг. исследователи насчитывали до 60 отраслей, в которых присутствовало артельное начало²⁰. Артельный же наем широко использовался в добывающей промышленности и частично в обрабатывающей, на транспорте, в строительстве, в лесной промышленности, на кирпичных заводах. Артелям передавали исполнение отдельных операций на предприятиях вперемежку с индивидуально нанятыми рабочими или отдавали в разработку отдельные участки, шахты и прииски²¹. Характеризуя использование артели стекольщиков (244 чел.) на Старском стекольном заводе, принадлежавшем С.И. Мальцову, автор обзора о мальцовских заводах верно отметил, что «подобного рода ассоциации возможны только в более простых производствах и более однородных, каковы литейные, стекольные и т.п., в более же сложном деле, как, например, механическом, где существует переход отдельных материалов из одной стадии в другую и где становится необходимостью более сложный учет, — подобная ассоциация едва ли имеет будущность»²².

При возникновении артелей действовала следующая закономерность: чем менее сложным и более древним был промысел, чем меньше он требовал предварительных затрат, чем легче было достижение хозяйственной цели, чем кратковременнее было общение, тем легче возникала артель, тем скорее устанавливалось соглашение между участниками, тем большей простотой отличался уклад жизни союза, тем сильнее было влияние обычая²³. Поэтому рабочие артели для найма возникали проще и быстрее, чем самостоятельно хозяйствующие товарищества. В.П. Воронцов установил, что некоторые наемные артели, являлись, по своей сути, «бытовыми», то есть «выросшими самостоятельно, как бы органически, без заметного сознательного воздействия в этом смысле на народ со стороны других классов общества». Они очень легко возникали и также легко исчезали после решения своих задач в тех отраслях промышленности, которые не требовали «прочно-установленного разделения труда» и при условии незначительности капитальных затрат²⁴.

Серьезным препятствием на пути образования и деятельности независимых артелей являлось засилие подрядчиков-посредников и тесно связанных с ними волостных правлений и ростовщиков. На многие промыслы крестьяне, попавшие в затруднительное материальное положение, нанимались приказчиками нанимателей или десятниками подрядчиков. Последние соединяли нанявшихся в артели, отправляли их к месту работы или продавали сформированную артель лицам, нуждающимся в рабочей силе²⁵. Фигура подрядчика выходила на первый план чаще всего при увеличении отдаленности места работы отхожей артели и усилении бедности потенциальных артельщиков²⁶.

Наниматели были заинтересованы в артельном найме, так как при нем они сильно экономили на административных расходах, а круговая порука давала им уверенность в выполнении подряда. Однако так было не везде и не всегда. Например, в городах в некоторых строительных производствах (плотники, каменщики и др.) нанимателям было выгоднее иметь дело не со свободными артелями, а с крупными известными подрядчиками, которые также использовали труд артелей, но уже в закабаленной форме. В Вятской губернии к концу XIX в. по этой же причине лесопромышленники при организации работы пильщиков стали все чаще обращаться к услугам подрядчиков, вытеснявших самостоятельные артели²⁷.

С другой стороны, организация артелей при найме предоставляла много выгод и артельщикам. Находясь в коллективе с круговой порукой, получая обязательные задатки, они могли обеспечивать надежность своего заработка, несколько повышая его и при этом конкурировать за подряды с крупными подрядчиками²⁸.

Свободная наемная артель воплощала в своей организации три принципа: каждый должен работать столько, сколько другие; каждый должен расходовать средств, столько, сколько другие; каждый должен был получать из заработков столько, сколько другие²⁹. Однако в реальности эти принципы оставались лишь идеалом, к которому стремились или от которого часто отступали в той или иной мере.

В свободных и многих зависимых артелях для найма рабочие выбирали или выдвигали старшего (атамана, батыря, старшину, большака, старосту, рядчика³⁰, «подрядчика», «настоятеля», уставщика), который выполнял самую ответственную, но не самую тяжелую работу, а также ведал кассой и организацией работ, связывался с нанимателем. За это ему полагался дополнительный пай, или небольшая денежная надбавка, или даже просто угощение. За проступки перед артелью его могли заменить другим рабочим. Однако всегда существовала угроза того, что при определенных условиях староста-рядчик превратится в стоящего над артелью подрядчика. В свободных артелях общее собрание являлось высшей инстанцией, ее постановления не подлежали обжалованию. Коллектив любого мог исключить из своих рядов или, наоборот, принять. В несамостоятельных артелях (кабальных или зависимых от государственных структур) рабочие зачастую не могли решать многие внутриартельные вопросы без согласования с подрядчиком, хозяином или соответствующим чиновником³¹.

Распределение заработка у промысловых артельщиков чаще всего осуществлялось поровну, но встречались системы оплаты, с помощью которых товарищество стремилось учесть трудовой вклад участников: по сделанной продукции (количеству, расстоянию при транспортировке и др.) или по трудовому участию (по количеству топоров, конных пар, человеческих и конских голов)³². Например, в артелях плотников Дорогобужского уезда Смоленской губернии плотники первой руки (исполняли самые трудные работы), второй руки (могли делать срубы) и третьей руки (могли только обтесывать бревна) получали в пропорции 12:10:8 или 14:12:9³³.

С увеличением количества артельщиков, с ростом специализации работ, разницы имущественного вноса участников, тяжести выполнения обязанностей на различных должностях и неравенства рабочего времени артельщиков росла и дифференциация в оплате³⁴. Она в определенной мере уравнивала возникающее в некоторых артелях первоначальное неравенство по принципу: «труд всех артельщиков в одну и ту же единицу времени ценится одинаково»³⁵. На некоторых промыслах (например, рыбных, моржевых, лесных) при расплате с артелями наниматели часто прибегали к обману, обсчету и выплате заработка продукцией, которую тут же мог купить сам наниматель, но по сниженной цене³⁶.

Заработок свободных артельщиков был в целом выше, чем у рабочих, нанятых подрядчиком, за исключением искусных мастеров. Так, обычный годовой заработок артельного плотника в Дмитровском уезде Курской губернии колебался от 60—80 руб. до 120—140, а работающего по найму — от 40—50 до 80—90; каменщика в артели — от 90—100 до 140—160, а у подрядчика — от 40 до 90—110 рублей³⁷.

У фабрично-заводских рабочих, нанятых артельно, сочетались как регрессивные формы оплаты труда (при сдельной оплате старшие рабочие оплачивали работу подручных из своего заработка), так и прогрессивные (деление общего сдельного заработка поровну; бригадно-аккордная система — деление общего сдельного заработка пропорционально времени и жалованью, указанному в расчетной книжке; урочно-сдельная система — деление общего сверхурочного сдельного заработка пропорционально времени и окладному жалованью).

Распределение дохода между вложениями капитала и труда происходило или из общей массы средств, или из отдельных фондов. В части артелей в общий доход шел не только продукт основной деятельности, но и все личные доходы участников³⁸.

И договорные, и еще чаще уставные артели сами использовали наемный труд. Склонность нанимать рабочих более всего была присуща тем обществам, которые пользовались экономической самостоятельностью и получали значительный доход от своего промысла. Число рабочих, нанимаемых артелью, зависело от размеров ее оборота. При этом встречались даже случаи субнайма. Например, в 1870—1880 гг. артели заугорцев, нанятые петербургскими биржевыми артелями, сами нередко нанимали рабочих³⁹. Наем рабочих наемными артелями встречался на лесозаготовках, на сплаве леса, в смолокурении, в рыбном промысле, на транспорте при погрузочно-разгрузочных работах в артелях крючников, при добыче золота, в строительстве.

Рабочие нанимались либо индивидуально членами артелей, либо их должностными лицами от имени всей организации. Артели, возлагая на нанятых рабочих часто самую тяжелую работу, не допускали их к управлению и нередко дискриминировали в оплате труда⁴⁰. Так, на белужьих промыслах наемные рабочие получали $\frac{1}{2}$ пая нанявшего их члена⁴¹; в петербургских биржевых артелях средняя плата поденного рабочего составляла в 1873—1874 гг. 65 коп. в день, то есть до 200 руб. в год, а средний годовой заработок артельщика превышал 350 рублей⁴². В 1880—1890-х гг. на лесозаготовках в Царевококшайском уезде Казанской губернии артельщики получали 60 коп. в день, а нанятые ими рабочие — 18—20 коп., но зато при этом последние за убытки артели ответственности не несли⁴³. В «меньшем размере, чем действительные члены» получали посуточную зарплату или от куля нанятые рыбинскими артелями крючников рабочие⁴⁴. Там, где члены артели получали за свой труд определенную плату, а весь излишек составлял прибыль на капитал, вознаграждение наемных рабочих было равно плате членам артели.

Наем артелями рабочей силы был отрегулирован в Образцовом уставе трудовой артели, утвержденном министром финансов 30 сентября 1904 г. и под-

твержденным 1 июня 1912 года. В нем в параграфе четвертом отмечалось: «Наемный труд в артели допускается лишь для выполнения работ, требующих особых познаний и не составляющих предмета обычных занятий членов артели, а также временно, в виде исключения, в случаях, когда для исполнения срочных работ или заказов оказываются недостаточными наличные рабочие силы членов артели. Наем таких рабочих, а также прием учеников производится на общих законом установленных основаниях»⁴⁵. Как видно, причины, позволяющие артелям нанимать рабочих, были достаточно размытыми, а условия найма общепринятыми, то есть капиталистическими по характеру.

Рабочие наемные артели на местных и отхожих промыслах, в силу ничтожности имущественного положения участников, кратковременности и относительной несложности работ, чаще всего делили оборотный капитал с нанимающей стороной и при этом не теряли своей самостоятельности. В совершенно другой ситуации они оказывались при использовании кабального ростовщического кредита, а еще в более худшем положении — при включении в силу необходимости в состав образованного общества кулака-ростовщика, подрядчика или хозяина основных средств производства. В этом случае артель теряла самостоятельность и разлагалась⁴⁶.

О том, как конкретно осуществлялся наем артелей можно узнать из различных правовых актов.

Согласно узаконению о штурах 1830 и 1831 гг., вошедших в торговый устав (ст. 2190 прим. изд. 1842 г. и ст. 2421 изд. 1857 г.) и подтвержденных Высочайше утвержденным положением Комитета министров от 22 марта 1885 г.⁴⁷, было разрешено учреждать артели «особых для нагрузки и выгрузки кораблей мастеровых»⁴⁸. Для штуров вводилась круговая порука и такса на их работы. Староста штуров и список артельщиков утверждались таможенным начальством и местной полицией; губернскому и таможенному начальству предоставлялось право требовать исключения из артели неблагонадежных членов, а губернскому начальству, кроме того, — право роспуска товарищества. Из этого видно, что власть при организации артельного дела побаивалась его, и поэтому изначально ориентировалась на полицейскую регламентацию и круговую поруку артельщиков.

По положению о бурлаках, принятому в 1836 г., занятие бурлацким промыслом также признавалось только при ответственности круговой порукой, то есть артелью (ст. 324). Письменные условия при этом считались излишними, а интересы хозяина ограждались точными определениями закона: во-первых, наличием шнуровой тетради, недоступной контролю со стороны артели, но передаваемой в дистанцию и расправу, в которую заносился список рабочих, размеры их зарплаты, харчей и задатков, наказания по приговору артели; во-вторых, рекомендацией нанимателю пользоваться круговой порукой при побеге бурлаков; в-третьих, предписанием артелям формироваться в одном селении, волости или городе; в-четвертых, обязанностью артели в большинстве случаев принимать на себя расходы по лечению больных (ст. 315—324). В случае с бурлаками законодатель еще не перешел на капиталистические принципы и продолжал исходить из обычаев артельного найма. Так, статьи 326 и 341 Устава путей сообщения изд. 1857 г. предписывали бурлакам избирать старших с помощниками и делить прибыли и убытки поровну между всеми, служащими на судах артельщиками⁴⁹.

В середине XIX в. в горнозаводской промышленности Устав горный поощрял частных предпринимателей нанимать рабочих преимущественно артелями (ст. 2486) и даже нанятых единолично в одной местности предписывал отправлять одной артелью, которая выбирала из своей среды старшего с двумя помощниками. Артельщики должны были вручать ему паспорта и другие виды

на жительство, принимая на себя круговую поруку о неотлучке от артели (ст. 2496). По прибытии на место, рабочие вручали нанимателю паспорта и получали от него расчетные листы с условиями найма. Наниматель имел право разделять рабочих на новые артели, назначая в каждую от себя старосту, а артель — двух выборных (ст. 2500). Этой артельной расправе предоставлялось право наказывать артельщиков, но с ведома хозяина. Если его не устраивала работа артели, он мог жаловаться горному исправнику и горному ревизору (ст. 2502). Артель же была обязана беспрекословно исполнять распоряжения хозяина или его приказчика⁵⁰.

К началу XX в. ситуация с артельным наймом коренным образом не изменилась, но в законодательство были внесены некоторые уточнения.

В Правилах о найме рабочих на частные золотые и платиновые промыслы (Приложение к ст. 661 Устава горного) отмечалось, что артели здесь образуются на основании положения о найме на сельские работы, что «договор о найме артели заключается с артельным старостою» и в нем оговаривается ее внутренний порядок управления и ответственность (п.5, 9)⁵¹. В соответствии с Правилами о порядке найма рабочих на казенные горные заводы рабочие также могли наниматься артелями (Приложение к ст. 821¹ Устава горного, п.7)⁵².

9 марта 1892 г. было Высочайше утверждено мнение Государственного совета «О надзоре за благоустройством и порядком на частных горных заводах и промыслах и о найме рабочих на эти заводы и промыслы». В нем указывалось, что при сдаче работ артели должен был заключаться письменный договор, в который вносился список артельщиков, основания их взаимного расчета и условий найма⁵³. 16 января 1895 г. эти положения были конкретизированы в утвержденных присутствием по горнозаводским делам при Горном Департаменте «Правилах, касающихся отношений к управлениям горных заводов и промыслов артелей рабочих»⁵⁴. Артели при найме получали от заводского или промыслового управления одну общую расчетную книжку, в которую вносились условия найма, общая сумма зарплаты и сумма вычетов. Она хранилась у выборного артели. Сроки выдачи заработной платы устанавливались по особому соглашению с артелью. Сама выдача производилась каждому члену в отдельности по представленному выборным списку, но взыскания за неисправную работу налагались на всю артель, которая уже потом раскладывала его между участниками. Правила внутреннего распорядка, установленные на заводе или промысле, были обязательны и для артельных рабочих. Таким образом, на казенных горных заводах артельный найм переплетался с капиталистическими принципами: выдача зарплаты была индивидуализирована, а ответственность оставалась на круговой поруке, что, безусловно, было выгодно начальству, так как заметно приглушалась самая важная сторона артельной жизни — общий доход и борьба за него.

Подробную информацию об алгоритме найма мы находим в Дополнительных правилах для сдельных рабочих на кирпичных заводах, работавших артельно, изданных в 1899 г. Санкт-Петербургским губернским по фабричным делам присутствием: «Для найма рабочих... в сдельную работу и для выдачи им задаток контора кирпичного завода высылает на место жительства рабочих свое доверенное лицо, которое, прибыв в ближайшее волостное правление, приглашает туда крестьян, желающих поступить на работу на изложенных ниже условиях и правилах.

Каждый рабочий, нанявшийся на основании сего в сдельную работу и получивший задаток, обязан вручить доверенному лицу свой годовой паспорт и получить от него расчетную книжку с условиями о найме и правилами внутреннего распорядка.

Все рабочие, нанявшиеся на каждую отдельную работу, составляют отдельную артель, с круговой друг за друга порукой и записываются поименно в

отдельный для каждой артели список, который свидетельствуется волостным правлением...». «По прибытии на завод каждая отдельная артель сдельных рабочих выдвигает из своей среды старосту и в помощь ему двух уполномоченных лиц...»⁵⁵.

Старший фабричный инспектор Санкт-Петербургской губернии С.А. Лебедев 23 мая 1899 г., докладывая в Санкт-Петербургское губернское по фабричным делам присутствие, писал, что «на кирпичных заводах практикуется наем рабочих артелями с круговой порукою и в течение последних 13 лет» и, что он, «наблюдая за кирпичными заводами по реке Неве, не получил ни одной жалобы со стороны рабочих на этот способ найма»⁵⁶.

В этом же рапорте Лебедев высказал свои соображения и о мотивах использования нанимателями и рабочими артельной формы найма: «Круговая порука артельщиков друг за друга необходима, главным образом, как гарантия: 1) выдаваемым рабочим вперед задаточным деньгам и 2) прибытия на завод именно того числа рабочих, которое нанято, хотя часто вместо нанявшегося рабочего приходит на завод его родственник. Когда рабочие прибыли на завод, круговая порука важна одинаково как для заводчика, так и для самой артели, потому что она дает возможность старательным и добросовестным членам артели влиять на своих... менее добросовестных товарищей угрозою ответственности на основании круговой поруки»⁵⁷.

Сообщает Лебедев и еще очень важную деталь. Оказывается, «контингент... рабочих при кирпичесжигательных печах..., больше приближающихся к заводским рабочим», никогда не нанимался артелями и не работал сдельно⁵⁸. То есть тем самым подчеркивался более низкий статус артельной работы и сдельной оплаты.

В начале XX в. артельный наем в некоторых отраслях стал исчезать. Так, в 1902 г. в речном флоте на Волге артельных рабочих уже не нанимали, и только харчевание носило артельную форму⁵⁹. По данным И.М. Козьминых-Ланина в фабрично-заводской промышленности Московской губернии из 245 814 рабочих артельно-нанятыми среди них были только 5,37%⁶⁰. Однако, при этом пришлые рабочие продолжали широко использовать потребительские артели, то есть временные коллективы, с помощью которых осуществлялось харчевание, получение заработной платы и удовлетворение повседневных нужд⁶¹. Такие артели составлялись по различным признакам: по роду деятельности, по количеству заработка, по полу, возрасту, цехам и корпусам. Каждая артель избирала артельного старосту, который заведовал харчевым продовольствием, вел артельную «бухгалтерию» и предоставлял в контору реестр, где указывал причитающиеся с рабочего за харчи и другие услуги суммы денег.

В связи с тем, что выдача заработной платы очень часто происходила только 4—6 раз в год, должность старосты становилась ключевой в отношениях между рабочими и администрацией предприятия. Не имея наличных денег, рабочие обращались за помощью к старосте, а тот, в свою очередь, ссужал их своими или хозяйскими деньгами по мелочам за определенный процент (обыкновенно, 10—20 коп. с рубля от счета до счета, а в течение года от 40 до 100%). Потом это все вычиталось из заработков должников. Таким образом, рабочие находились в постоянной зависимости от старост и укреплению этого института фабриканты уделяли особое внимание, зачастую влияя на исход выборов старост в артелях. По подсчетам П.А. Пескова только на одной суконной фабрике Носова за год старостами раздавалось около 9000 рублей под 20% от счета до счета (счетов в году было 5), что давало возврат в контору вдвойне⁶².

Тенденция к уменьшению артельного найма переплеталась с тенденцией все большего возникновения самостоятельных трудовых артелей и их транс-

формации. В 1913 г. в России насчитывалось более 600⁶³ производительно-трудовых артелей, большинство из которых возникло в начале XX века⁶⁴.

Обследования московских артелей, производимые в 1908, 1909, 1911 и 1913 гг. И.З. Сапожниковым, показали, что с 1909 г. по 1911 г. число производительно-трудовых артелей возросло почти в 2 раза. При этом использование артельщиками учеников выросло в 1,5 раза (47% артелей в 1909 и 73% — в 1911 г.), а наемного труда почти в 3,5 раза (24% артелей в 1909 и 81% — в 1911 г.). В 1913 г. учениками пользовались почти 84% артелей, а наемным трудом — около 81,4% артелей⁶⁵.

Данные Сапожникова несколько корректируются результатами обследования Н.Г. Брянского. Из 86 московских трудовых артелей в 1912 г. действительно 16 или 18,6% вообще не пользовались наемным трудом, однако были еще 14 артелей, в которых наемные рабочие составляли незначительный контингент — только 1—2 человека. К этому можно прибавить еще пять артелей, в которых эксплуатировалось по 3—5 рабочих при общем числе членов от 11 до 20. Поэтому всего чистыми по характеру оставались 35 артелей или 40,7% с 52,7% от общего числа членов. Наиболее широкое применение наемных рабочих наблюдалось в 40 артелях (44%). Из них 14 артелей с числом рабочих свыше 15 при 172 членах имели 536 наемных рабочих или около 63% от общего числа наемных рабочих в артелях. Число учеников в обследованных Брянским артелях с года их основания по 1912 г. возросло со 129 до 270 человек или на 109%⁶⁶.

Причины описанных трансформаций Сапожников видел в совокупности факторов. Рост ученичества вызывался объективными обстоятельствами обеднения крестьянства, отсутствия профессиональных школ, а также потребностью артелей в подготовке профессиональных кадров и в дешевой рабочей силе. Наемный труд стал широко использоваться в связи с тем, что не все желающие работать в артельном хозяйстве отвечали трем главным требованиям к членам артели: наличие высокой квалификации, возможность внести материальные средства и высокая сознательность. Многие наемные рабочие и сами не хотели быть артельщиками, так как заработная плата, условия труда и отношения между работниками не сильно отличались от того, что было в кругу членов артели⁶⁷.

Эти выводы Сапожникова, который сам был артельщиком, то есть лицом заинтересованным, лишь частично подтверждаются более основательным исследованием Брянского. Если по продолжительности рабочий день наемных рабочих и учеников не превышал рабочий день артельщиков, а в некоторых артелях был даже ниже, то по оплате труда ситуация была несколько иная. Средняя минимальная плата артельщику по 72 товариществам была равна 1 руб. 72 коп., а наемному рабочему — 1 руб. 40 коп., то есть ниже на 20%. Средняя максимальная плата артельщику — 2 руб. 35 коп., а наемному рабочему — 1 руб. 96 коп. или ниже на 23%. И наконец, средняя зарплата всех артельщиков была равна 2 руб. 8 коп., а наемных рабочих — 1 руб. 78 коп. или ниже на 17%. Однако, эти данные фиксируют лишь заработную плату без учета распределения прибыли. Если принимать ее во внимание, то можно увидеть, что в чистых трудовых товариществах артельный труд оплачивался на 33,7 — 47,8% выше наемного, а в 51 артели — на 68%. Но даже при таком существенном разрыве зарплата наемных рабочих в артелях была выше заработка фабрично-заводских и кустарных рабочих в частном секторе. Например, в производстве мрамора и гранита — на 49,5%, в столярном и паркетном производстве — на 63,5%. В целом, заработок выше 2 руб. в день на фабриках и заводах имело 5,8% рабочих-мужчин, в артелях — 26,3%, выше 1,5 руб. — 19,3% и 71,9% соответственно⁶⁸.

Таким образом, возраставшие ученичество и наемный труд приводили к размыванию в артелях трудового начала, причем, с двух направлений: и со стороны капитализма, и со стороны кабальных отношений.

О буржуазной трансформации артелей свидетельствует динамика распределения заработной платы артельщиками. В 1909 г. поровну распределяли заработок 55% московских артелей, а «по трудоспособности» — 45%. В 1911 г. поровну распределяли уже 36%, а «по трудоспособности» — 64%⁶⁹. В 31 артели с одинаковой оплатой и в тех товариществах, в которых считали, что заработной платой полностью вознаграждался труд артельщиков, прибыль делилась поровну. В других прибыль распределялась пропорционально числу рабочих дней, в незначительной группе артелей — пропорционально заработной плате⁷⁰.

Изучая экономическую деятельность московских трудовых артелей, Брянский зафиксировал любопытный факт отказа от употребления наемного труда в 9-й артели серебрянников по причине признания наемного труда убыточным. В ходе обследования удалось установить, что это было не случайно. Анализ величины денежных оборотов в зависимости от числа наемных рабочих (после отсека самых низкодоходных и самых высокодоходных артелей) выявил три группы артелей: в первой, с числом наемных рабочих до 5 чел., на одного члена артели приходилось 1218 руб., во второй группе, с числом наемных рабочих от 6 до 15 — 1044 руб., в третьей группе, с числом наемных рабочих свыше 15 — 937 рублей. Очевидно, что наемный труд понижал производительность артелей⁷¹.

Экономическая неэффективность наемного труда в артелях существовала подспудно, артельщики ее очень часто не осознавали, и поэтому для них более значимым и очевидным был целый ряд доводов за применение наемничества: желание получить прибавочную стоимость, созданную рабочими; надежда избежать психологических проблем, возникающих с приходом новых членов; возможность быстро принять на работу, но и также быстро уволить наемного рабочего при смене конъюнктуры⁷².

Некоторые ведомства сами вводили на своих предприятиях артельные начала.

В конце 1860 — начале 1870 гг. на Нижнетурином казенном заводе Гороблагодатского округа Пермской губернии успешно действовали три товарищества: артель по изготовлению ударных трубок, артель кричников и артель листокатального цеха. Первая из названных артелей с 1867 по 1872 г. изготовила 782 тыс. трубок и 172 тыс. боевых винтов на сумму 326 657 рублей. Заработок артели составил 194 442 руб. или 260 руб. на артельщика в год. Причем казне работа артельщиков обходилась по 37—38 коп. за трубку, а до образования артели — по 50—70 копеек. По примеру нижнетуринецов на Верхнетурином заводе образовалась артель по производству гранат, на Кувшинском заводе — артель по выплавке чугуна и артель литейщиков, на Екатеринбургской механической фабрике — артель по производству лафетов. Во всех указанных товариществах производство было поставлено гораздо эффективнее и дешевле для казны⁷³.

Успех артельных начинаний в тяжелой промышленности способствовал трансформации артельного найма в артельную аренду. В октябре 1906 г. вступил в силу договор об условиях аренды бывшего казенного Нижне-Исетского металлургического завода с трудовой артелью рабочих и кустарей того же завода. За 1908 г. артель из 207 членов реализовала сортового железа и поковок на 167 835 руб. 71 коп., чугунных и медных поковок — на 13 485 руб. 91 коп., механических поделок и машин — на 41 723 руб. 09 коп., столярных изделий — на 3400 руб. 65 коп. и получила прибыль в размере 7421 руб. 24 коп. В 1908 г. в аренду рабочим было также передано еще одно казенное предприятие — Дедюхинский солеварный завод, расположенный в Пермской губернии⁷⁴.

В 1905 г. Отдел сельской экономики и сельскохозяйственной статистики Министерства земледелия и государственных имуществ совместно с интендантским ведомством Военного министерства осуществил наем и отправку на Дальний Восток в район боевых действий 320 кустарей-портных Тульской губернии в составе 16 артелей, 400 артельщиков-сапожников из Тверской губернии, 328 кустарей-обозников Воронежской губернии в составе 14 артелей ⁷⁵.

После долгого изучения вопроса Министерство путей сообщения стало постепенно вместо подрядного способа создавать рабочие артели по содержанию и ремонту водных коммуникаций: сначала в 1886 г. под Тихвином, затем в Киевском округе путей сообщения, а в начале XX в. и в Казанском округе. Причем на практике было установлено, что подрядный способ был дороже артельного примерно на 40% ⁷⁶.

В конце XIX в. на шахтах Донецкого бассейна артели и одиночные рабочие также нанимались или от подрядчика, или хозяйственным способом, то есть непосредственно администрацией. По исследованиям, произведенным в 1886 г. в Славяносербском уезде Екатеринославской губернии, оказалось, что от конторы была нанята 31 артель с 798 рабочими, которые обошлись рудникам в 17 562 руб. в месяц (22 руб. на одного рабочего), а через подрядчиков — 15 артелей с 237 рабочими с расходами в 8976 руб. в месяц (37 руб. на одного рабочего). При найме отдельных рабочих от конторы был нанят 271 рабочий, которые обошлись рудникам в 5779 руб. (21 руб. на одного рабочего), а от подрядчика — 262 человека с расходом 5985 руб. в месяц (23 руб. на одного рабочего). Из этого следует, что, во-первых, наем рабочих артелями на шахтах происходил в 2 раза чаще, чем отдельных рабочих, так как был гораздо удобнее, производительнее и выгоднее. Разница в один рубль на одного рабочего с излишком окупалась уменьшением расходов на администрацию. Во-вторых, наем от конторы происходил почти в 2 раза больше, чем от подрядчика и был дешевле ⁷⁷. Подрядчик на шахте получал «львиную долю барышей, эксплуатируя по плантаторски рабочих и разоряя рудник» столбовым способом выемки угля ⁷⁸.

О большей эффективности артельного способа, по сравнению с подрядным, свидетельствуют данные о работе курских артелей плотников и каменщиков. В Полтавской, Черниговской и Киевской губерниях, куда они убывали в отход, купцы предпочитали нанимать самостоятельные артели, так как те брали за работу дешевле и исполняли ее добросовестнее ⁷⁹.

Артельный наем оказывал заметное влияние на материальное благосостояние членов независимых артелей: круговая порука способствовала повышению их заработка, выгоды приносило совместное потребление, кооперация труда и использование в складчину дорогостоящих средств производства повышали эффективность артельной деятельности. В большинстве случаев самостоятельная артель улучшала нравственный климат среди рабочих, приучала их к самоуправлению, формировала коллективистские настроения, развивала умственные способности и интеллектуальные потребности. Однако, чем зависимее была артель от хозяев, ростовщиков, подрядчиков и начальства, тем менее в ней проявлялись указанные черты ⁸⁰.

Таким образом, свободный артельный наем в российской промышленности представлял собой довольно распространенное явление, особенно в технологически несложных производствах. С помощью него работы производились быстрее, качественнее и дешевле, чем при обращении к услугам подрядчиков, которые также использовали артельную организацию в своих интересах.

Развитие капитализма не прошло без последствий для артельного начала при коллективном найме русских рабочих. Степень влияния нового способа производства была на тот момент такова, что не привела к утверждению полно-

ценного рынка труда, но оказалась достаточной для подчинения артельного найма интересам капитала, что отразилось на внутренней жизни артелей и психологии их членов. В целом артельные начала испытывали серьезный натиск, как со стороны капитализма, так и со стороны кабального способа производства.

Свободная артель по своей сути являлась одним из способов приспособления общинников к товарно-денежному хозяйству. Она получила распространение только в силу сложившихся обстоятельств. Если бы на возникающем буржуазном рынке не сформировался спрос на соответствующую деятельность, если бы крестьяне не попали в тяжелое материальное положение, и если бы им не была выгодна коллективная форма труда, то артель, как форма коллективной самозащиты крестьян от наступления буржуазных отношений в виде массового явления русской жизни, не состоялась бы. Итогом стала особая двойственность артели: внутренняя трудовая коллективность сочеталась с духом предпринимательства и наживы. Исходя из этого, свободный артельный найм занимал промежуточное положение между классическим капиталистическим наймом и подрядным договором. Как вид найма он носил антикапиталистический характер, так как устранял конкуренцию рабочих и повышал их зарплату, а как вид подрядной деятельности приобретал буржуазную сущность. Именно в этом заключалось главное политэкономическое противоречие артели, порождавшее все противоречия ее организации — между духом коллективизма и духом индивидуализма.

Примечания

1. КУЛИШЕР И.М. Обзор русского и иностранного законодательства о кооперативных товариществах. СПб. 1906, с. 220.
2. ЕВРЕИНОВА А.М. Договорная земледельческая артель, ее роль и значение в экономической жизни народа. Одесса. 1895, с. 5.
3. В.В. Артели для подрядных и наемных работ. — Новое слово. 1895, № 1; 1896, № 11; ЕГО ЖЕ. Артельные начинания русского общества. СПб. 1895; ЕГО ЖЕ. Артель в кустарном промысле. СПб. 1895.
4. ГВОЗДЕВ Р. Кулачество-ростовщичество. Его общественно-экономическое значение. СПб. 1898; КОЗЬМИНЫХ-ЛАНИН И.М. Артельное харчевание фабрично-заводских рабочих Московской губернии. М. 1915; ЭНГЕЛЬГАДТ А.Н. Письма из деревни. М. 2010, с. 287—352.
5. ИСАЕВ А.А. Артели в России. Ярославль. 1881; ЕФИМЕНКО П.С. Артели Архангельской губернии. Сборник материалов об артелях в России. СПб. 1873—1875; АНОСОВ А.В. Рабочие артели. Краткий обзор деятельности ремонтных артелей в Казанском округе п. с. за десятилетие 1903-1914 гг. Сборник Казанского округа путей сообщения. Казань. 1914.
6. ТАРНОВСКИЙ К.Н. Мелкая промышленность России в конце XIX — начале XX в. М. 1995, с. 144—153.
7. ЗИМИНА Т.В. Артель как форма внутрипроизводственной демократии (опыт исторического анализа производственных артелей на Урале). — ЭКО. 2004, № 5, с. 161—177; БЕЛОНОВСКАЯ А.М. Оценка значимости исторического опыта производственных кооперативов (артелей) в современной хозяйственной практике. — Экономический журнал. 2010, № 18; НОВИКОВ И.А. Артели в России во второй половине XIX — начале XX в.: социально-экономическая сущность и ее трансформация. Дисс. канд. ист. наук. Томск. 2011.
8. БОЛЬШАКОВ В.П. О том, чего не было. Раздел 7. На началах добра и истины (производственные и потребительные артели. // <http://www.istprof.atlabs.ru/578.html>).
9. ЭДЕЛЬШТЕЙН В.И. Биржи труда. Организация посредничества по приисканию работы и рабочих на Западе и в России. Пг. 1916, с. 123—124.
10. ГВОЗДЕВ Р. Кулачество-ростовщичество. Его общественно-экономическое значение. СПб. 1898, с. 108, 113; В.В. Артели для подрядных и наемных работ, с. 33—49.
11. НАР-СКИЙ Н. Подрядчики и инженеры. Из воспоминаний десятника Поморцева. Оренбург. 1913.

12. Свод законов Российской империи: В 16 т. Т. XI. СПб. 1900, ч. II, с. 583.
13. ИСАЕВ А.А. Ук. соч., с. 21.
14. КУЛИШЕР И.М. Ук. соч., с. 236—237.
15. Высочайше утвержденное Положение об артелях трудовых. Собрание узаконений. СПб. 1902, отд. II, № 69, с. 705.
16. Для того, чтобы отделить друг от друга существовавшие в одном понятии два вида артелей, исследователи чаще всего стали первые называть рабочими артелями, а вторые — производительно-трудовыми.
17. КУЛИШЕР И.М. Ук. соч., с. 236—237.
18. Свод законов Российской империи, т. XI, ч. II, с. 583.
19. Высочайше утвержденное Положение об артелях трудовых, № 69, с. 705.
20. Ук. соч., с. 286.
21. В.В. Артели для подрядных и наемных работ. Там же, 1896, № 11, с. 46; Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб), ф. 569, оп. 1, д. 996, л. 1—1об.; д. 257, л. 1—1об.; ф. 253, оп. 3, д. 4717, л. 54, 77, 87, 117—117об.
22. Н.М. С.И. Мальцов и мальцовские заводы. Описание фабрик и заводов. Приложение к журналу «Технолог» 1903 г. Одесса. 1903, с. 14—15.
23. ИСАЕВ А.А. Ук. соч., с. 103—104.
24. В.В. Артельные начинания русского общества, с. 14—16.
25. ЕГО ЖЕ. Артели для подрядных и наемных работ. Там же, 1895, № 1, с. 77—78, 94.
26. ЕГО ЖЕ. Артельные начинания русского общества, с. 10.
27. Там же, с. 77—81, 90.
28. Там же, с. 80—81.
29. В.В. Артель в кустарном промысле, с. 183—184.
30. Со временем термин «рядчик» стал использоваться как синоним «подрядчика».
31. ИСАЕВ А.А. Ук. соч., с. 171—173; В.В. Артели для подрядных и наемных работ. Там же, 1896, №11, с. 38—44.
32. В.В. Артели для подрядных и наемных работ. Там же, 1895, №1, с. 85—101.
33. В.В. Артель в кустарном промысле, с. 179.
34. ИСАЕВ А.А. Ук. соч., с. 221—223; В.В. Артель в кустарном промысле, с. 178.
35. НЕМИРОВ Г.А. Биржевые артели в С.-Петербурге. (Очерк их организации и современного состояния). СПб. 1876, с. 87.
36. В.В. Артели для подрядных и наемных работ. Там же, 1895, № 1, с. 87; ЕФИМЕНКО П.С. Артели Архангельской губернии. Сборник материалов об артелях в России. СПб. 1873—1875, с. 34.
37. В.В. Артель в кустарном промысле, с. 181.
38. ИСАЕВ А.А. Ук. соч., с. 225—234.
39. Там же, с. 181—183.
40. Там же, с. 184—185.
41. ЕФИМЕНКО П.С. Ук. соч., с. 59.
42. НЕМИРОВ Г.А. Ук. соч., с. 26.
43. В.В. Артели для подрядных и наемных работ. Там же, 1895, № 1, с. 83.
44. Там же, 1896, № 11, с. 40.
45. Образцовый устав трудовой артели. СПб. 1914, с.1.
46. ИСАЕВ А.А. Ук. соч., с.209—219.
47. ПСЗ РИ. Собр. 3-е. Т. V, № 2833.
48. КУЛИШЕР И.М. Ук. соч., с. 225.
49. Свод законов Российской империи: В 16 т. Т. XII. СПб. 1900, ч. I, с. 27—28.
50. Свод законов Российской империи: В 14 т. Т. VII. СПб. 1857, с. 436—439.
51. Свод законов Российской империи: В 16 т., т. VII, с. 110; Артели биржевые и трудовые с разъяснением Правительствующего Сената и Приложением. М. 1907, с. 69.
52. Свод законов Российской империи: В 16 т., т. VII, с. 119.
53. ПСЗ РИ, т. XII, № 8402.
54. Артели биржевые и трудовые с разъяснением Правительствующего Сената и Приложением. М. 1907, с. 75—76.
55. ЦГИА СПб, ф. 1229, оп. 1, д. 79, л. 63—63об.
56. ЦГИА СПб, ф. 1229, оп. 1, д. 79, л. 61.
57. Там же, л. 61—61об.
58. Там же, л. 61об.
59. НИКИТИН А.Ф. Условия найма судорабочих на Волге (по расчетным книжкам). СПб. 1902, с. 31.
60. КОЗЬМИНЫХ-ЛАНИН И.М. I. Семейный состав фабрично-заводских рабочих Московской губернии. II. Сословный состав. III. Формы найма, расчет и отпуска. IV. Сроки

- расплаты и время (рабочее или нерабочее) выдачи заработной платы. V. Способы вознаграждения (формы заработной платы). М. 1914, с. V.
61. ЕГО ЖЕ. Артельное харчевание фабрично-заводских рабочих Московской губернии. М. 1915, с. 5.
 62. ПЕСКОВ П.А. Санитарное исследование фабрик по обработке волокнистых веществ в г. Москве. Труды комиссии, учрежденной г. Московским Генерал-губернатором князем В.А. Долгоруковым для осмотра фабрик и заводов в Москве. М. 1884, с. 80—83.
 63. Для сравнения следует указать, что в 1890-х гг. в Англии насчитывалось около 175 производительных товариществ, в Германии — около 150. В.В. Артели для подрядных и наемных работ. Там же, 1895, № 1, с. 66.
 64. БРЯНСКИЙ Н.Г. Московские производительно-трудоуые артели. По данным обследования 1913 года. Пг. 1915, с. 139.
 65. САПОЖНИКОВ И.З. Ученики и наемный труд в производительно-трудоуых артелях. Киев. 1913, с. 2—3.
 66. БРЯНСКИЙ Н.Г. Ук. соч., с. 32—33.
 67. САПОЖНИКОВ И.З. Ук. соч., с. 4—12.
 68. БРЯНСКИЙ Н.Г. Ук. соч., с. 81—86.
 69. САПОЖНИКОВ И.З. Ук. соч., с. 6.
 70. БРЯНСКИЙ Н.Г. Ук. соч., с. 96.
 71. Там же, с. 35, 61.
 72. Там же, с. 24—25.
 73. В.В. Артельные начинания русского общества, с. 94—99.
 74. ЗИМИНА Т.В. Ук. соч., с. 173—175.
 75. ТАРНОВСКИЙ К.Н. Мелкая промышленность России в конце XIX — начале XX в. М. 199, с. 144—153.
 76. АНОСОВ А.В. Ук. соч., с. 1—5.
 77. БОГУЦКИЙ Э.Ф. Положение горнорабочих в Донецком бассейне. — Юридический вестник. 1890, том VI, с. 454.
 78. ВЕРЕЩИНСКИЙ Л. Рабочий шахтер в Донецком бассейне. Очерк. СПб. 1893, с. 14.
 79. Промыслы и грамотность центрального района Курской губернии. Курск. 1885, отд. II, с. 41—42.
 80. МАЙОРОВ И.В. Трудовое товарищество. СПб. 1907; ГЛЕБОВ А.В. Трудовые артели. СПб. 1908; В.В. Артельные начинания русского общества, с. 97; ИСАЕВ А.А. Начала политической экономии. СПб. 1905, с. 207; ФЛЕРОВСКИЙ Н. (БЕРВИ В.В.) Положение рабочего класса в России. М. 1938, с. 335, 339.

«Охота на ведьм» в Югославии в конце 40-х — начале 50-х гг. XX в.

Ю.В. Шахин

Репрессии в отношении информбюровцев, сторонников СССР в период советско-югославского конфликта, все еще остаются недостаточно изученной проблемой, как в постъюгославском, так и в постсоветском научном пространстве. Как нагнеталась «охота на ведьм», от кого исходил импульс и как он передавался — все эти вопросы пока плохо освещены. Данная работа не закрывает их, а скорее будет введением к их осмыслению.

Кампанию преследования информбюровцев вне всякого сомнения организовало Политбюро ЦК Коммунистической партии Югославии, но подробности того, как это делалось, все еще недостаточно выяснены. Известно, что на уровне ЦК КПЮ Политбюро проводило разграничение между теми, кто открыто высказался за резолюцию Коминформбюро и теми, кто не мог однозначно определиться. Первых арестовывали, как С. Жуёвича, а со вторыми Политбюро вело длительную воспитательную работу. Это касается таких людей, как Б. Нешкович, Б. Ёванович, В. Влахович, Б. Зихерл. Политбюро позволяло им невероятно долгие колебания. Так, Бориса Зихерла переубеждали несколько недель¹. Велько Влаховичу понадобился год, чтобы преодолеть сомнения. Блаже Ёванович, по мнению тогдашнего члена Политбюро М. Джиласа, твердо стал на позицию партии не ранее 1951 года. А Благое Нешковича терпели свыше четырех лет, пока в ЦК КПЮ не возобладало мнение, что он все больше склоняется к информбюровству². Но даже и в том случае, когда Политбюро считало, что человек безнадёжен, оно предпочитало представить дело как инициативу снизу. Особенно показателен здесь случай Благое Нешковича, заместителя председателя правительства ФНРЮ. Когда принималось решение исключить его из партии и отправить в отставку, Политбюро разослало на места документы, в которых пыталось представить свое решение как реакцию на сигнал снизу — от ЦК Коммунистической партии Сербии³. Хотя из воспоминаний Джиласа мы знаем, что инициатива в этом случае всецело принадлежала Политбюро ЦК КПЮ⁴.

В начале конфликта к должностным лицам, стоящим на более низких ступенях иерархии, тоже применялись аналогичные меры. Так, летом 1948 г. в

Шахин Юрий Владимирович — кандидат исторических наук, доцент Одесского национального университета им. И.И. Мечникова.

Сербии целая группа членов ЦК Коммунистической партии Сербии приехала в срез Кладово, где вся местная парторганизация поддержала резолюцию Коминформбюро. Комиссия получила директиву никого не арестовывать, а переубедить. Совсем без арестов не обошлось, но в отношении части местных руководителей этот план сработал. После покаяния их переместили на другие должности, где они продолжили свою партийную карьеру⁵. Совсем иные критерии стали применяться к нижестоящим лицам в должностной и партийной иерархии уже с осени 1948 года. С тех пор даже простое подозрение служило достаточным основанием для репрессий, а партия не медлила с их проведением.

Но и в этих новых условиях Политбюро предпочитало не афишировать свою роль. Особенно это касается личности генерального секретаря Йосипа Броза-Тито. Собранные на сегодняшний день исторические свидетельства говорят о том, что Тито никогда не ставил свою подпись под непопулярными решениями. Например, когда Верховный суд подавал ему как президенту республики (эту должность Тито занимал с 1953 г.) прошения о помиловании, Тито подписывал только положительные решения, а отказы подписывал обычно Александр Ранкович⁶. Так же было и с публичными решениями. Например, 30 марта 1953 г. правительство издало постановление, прекращавшее политику коллективизации. Оно было с энтузиазмом встречено крестьянами, но к нему с недоумением отнеслись сельские активисты правящей партии, ведь они уже пятый год сражались за торжество колхозного строя. Поэтому Тито уехал с продолжительным визитом в Великобританию, а постановление подписал замещавший его в то время Э. Кардель⁷. Аналогично обстояло дело в культурной политике: «Если нужно было осуществить какие-нибудь острые меры, Тито проявлял государственную мудрость, он предоставлял ближайшим соратникам, ответственным за культуру и искусство, чтобы они публично “таскали каштаны из огня”»⁸. Поэтому маловероятно, что в распоряжении историков когда-нибудь появится хотя бы один документ, прямо удостоверяющий причастность Тито к репрессиям против информбюровцев.

В силу того, что архивы союзных спецслужб, унаследованные Сербией, все еще закрыты, причастность членов Политбюро ЦК КПЮ к тем или иным репрессивным мерам часто устанавливается лишь на основании устных свидетельств. Так, историк Владимир Дедиер собрал сведения, из которых вытекает, что идею создать отдельный лагерь для изоляции информбюровцев предложил член Политбюро Кардель. Когда идея была принята, место для создания лагеря союзная УДБа⁹ поручила подыскать министру внутренних дел Хорватии И. Краяичичу. Он-то и выбрал для него Голый остров. Однако роль Тито в этом процессе реконструируется чисто гипотетически. Дедиер уверяет, что тогдашний политический механизм исключал принятие столь важных решений без согласия Тито — и только¹⁰.

Благодаря публикациям новых источников партийного происхождения современный исследователь может составить более развернутое представление о той роли, которую играло в репрессиях против информбюровцев Политбюро ЦК КПЮ, если проследить отдельные эпизоды, когда оно считало необходимым прямо вмешиваться в республиканские дела. Как это происходило, видно по имеющимся в нашем распоряжении материалам из Хорватии и Словении. Это протоколы заседаний Политбюро соответствующих республик. Причем важно учесть, что информбюровцы там имели разную степень влияния. Кроме того, следует принять во внимание, что протоколы хорватского Политбюро более обширны, чем словенские, и содержат больше информации, тогда как словенские отличаются крайним лаконизмом.

В Хорватии информбюровцы были достаточно заметным явлением. Если мы будем рассматривать дело Р. Жигича и Д. Бркича как один эпизод, тогда

прямое давление Политбюро ЦК КПЮ с целью усиления кампании против информбюровцев в протоколах хорватского Политбюро отразилось четыре раза. Первый раз оно фиксируется в марте 1949 года. Член Политбюро ЦК Коммунистической партии Хорватии, организационный секретарь Антун Бибер доложил своим товарищам о состоявшемся у него в Белграде разговоре с членами Политбюро ЦК КПЮ Э. Карделем, А. Ранковичем, Б. Кидричем и М. Джиласом. Ранкович потребовал активизировать идеологическую работу против сторонников Коминформбюро в прессе, разоблачать их деятельность «как антипартийную и антинародную, и антигосударственную», а также наконец открыто заговорить о роли СССР в разворачивающемся конфликте¹¹. Политбюро, разумеется, предприняло требуемые шаги.

3 июня 1949 г. первый секретарь ЦК КПХ и член Политбюро ЦК КПЮ Владимир Бакарнич ознакомил участников заседания с решениями Политбюро ЦК КПЮ, которое обсуждало состояние партийной организации в Хорватии. Среди прочего он сообщил: «Подчеркнуто, что борьбу против Информбюро нужно обострить». Таким образом, сигнал к обострению репрессий исходит непосредственно от Политбюро ЦК КПЮ. Хорватское Политбюро реагирует на это. На том же заседании Иван Краячич, министр внутренних дел, требует активнее привлечь к гонениям партию: «Подчеркивает, что самое большое бремя в обнаружении информбюровцев неслышима УДБа, и поэтому нужно перед партийной организацией поставить [вопрос], чтобы она обострила борьбу против Информбюро, чтобы партийная организация и массовые организации активнее и бдительнее разоблачали и хватили все эти вражеские элементы»¹². Вслед затем, 14 и 15 июня, Политбюро ЦК КПХ в очередной раз перетряхнуло парторганизацию Загребского университета, а 1 июля обсудило положение с информбюровцами на новых землях, присоединенных по договору 1947 г. от Италии. Там особое внимание уделили нагнетанию обстановки в Риеке.

Важно подчеркнуть, что Иван Краячич (известный также под партийной кличкой Стево, которая почти вытеснила его родное имя) — фигура не случайная. Во второй половине 1930-х гг. с согласия ЦК КПЮ он работал на советскую разведку. А в послевоенное время входил в ближайшее окружение Тито, хотя не был членом Политбюро ЦК КПЮ. По сведениям, собранным В. Дедером, в 1945—1955 гг. он посещал Тито чаще, чем кто бы то ни было. Именно он познакомил Тито с Ёванкой Будисавлевич, которая стала его последней женой. Согласно тем же источникам, Тито часто советовался с Краячичем по важным внутривластным вопросам¹³. Потому кампания, развернутая в июне 1949 г. с подачи Бакарнича и Краячича, могла начаться не просто с ведома Политбюро, но и Тито лично.

Следующий случай вмешательства Политбюро ЦК КПЮ произошел в августе и сентябре 1950 года. Он связан с делом Р. Жигича и Д. Бркича. Радован (Раде) Жигич был министром промышленности в правительстве Хорватии, Душан (Душко) Бркич — заместителем председателя Совета министров Хорватии. Кроме них в деле оказался замешан Станко (Чаница) Опачич — министр строительства, деревообрабатывающей промышленности и лесного хозяйства. Еще одной крупной жертвой по их делу в декабре 1950 г. стал министр генеральной дирекции сельскохозяйственных имений Душан Эгич. Все четверо были по национальности сербами.

Весной у Жигича возник конфликт с большинством Политбюро ЦК КПХ, при этом к нему сочувственно отнеслись Бркич, Опачич и Эгич. Опубликованные документы дают основание для вывода, что в основе конфликта лежало обострение сербско-хорватских трений в республике. Жигича не устраивала экономическая политика, проводимая в сербских краях Хорватии (индустриализация фактически обходила их стороной). Кроме того, у него возникло недо-

вольство поведением партийного руководства. Наконец, этих сербов угнетало, что пропагандистская война с СССР приняла к тому времени антирусские черты. Дело, по-видимому, усугубил резкий и прямолинейный характер Жигича, который не стеснялся высказывать упреки своим коллегам.

С июня 1950 г. поползли слухи, что Жигич — информбюровец, о чем написали доносы 6 человек из высшего партийного руководства (но не члены Политбюро). Летом телефон Жигича стали прослушивать, его начали игнорировать партийные комитеты и УДБа в местах, которые он посещал. В ЦК КПЮ была создана специальная комиссия, которая расследовала дело¹⁴. Впрочем, никаких доказательств, что Жигич был информбюровцем, ни тогда, ни позднее найдено не было. И тем не менее, требуемый диагноз был поставлен. Сделано это было на заседании Политбюро ЦК КПХ, которое состоялось 26, 27 и 29 августа с участием членов Политбюро ЦК КПЮ Ранковича и Карделя. Александр Ранкович заметил, что Жигич своей критикой подрывает авторитет руководителей партии в народе: «Это тактика Коминформбюро. Какая-то подоплека здесь есть. Не случайно, что это происходит сейчас. В этих трудных условиях осуществляется нападение на единство руководства, а с этим и на единство партии. ...Так делают все фракционеры...». Силлогизм Ранковича предполагает, что информбюровцы это фракционеры. Но именно так предложил сводить с ними счеты член Политбюро ЦК КПЮ и первый секретарь ЦК КПХ Владимир Бакарнич еще летом 1948 года¹⁵. По-видимому, это был общий метод союзного партийного руководства.

Ранкович, Кардель и член Политбюро ЦК КПХ Звонко Бркич усмотрели еще одно преступление Жигича в намерении уйти в отставку. Этим он якобы тоже хотел подорвать единство руководства. Ранкович вообще определил это намерение как единственный и беспрецедентный случай в партийной практике борьбы с Коминформбюро¹⁶.

Среди участников заседания Жигича поддержал только Душан Бркич. Его тут же поставили под контроль УДБы. 1 сентября он подал заявление об отставке с должности заместителя председателя правительства. Отставку конечно же не приняли: член сталинистской партии, не согласный с линией большинства, имел перед собой лишь одну альтернативу — или все-таки согласиться или пасть жертвой. И 3 сентября в присутствии Ранковича стали разбирать его деятельность. Между Ранковичем и Бркичем произошел следующий диалог, ярко иллюстрирующий политическую культуру сталинизма: «Товарищ Ранкович: разве в партии можно подавать в отставку? Душко Бркич: Нет»¹⁷.

Это и послужило отправной точкой для последующих рассуждений. Но на этот раз диагноз «информбюровец» по методу Ранковича поставил Звонко Бркич: «Они [Жигич и Д. Бркич] хотят играть в какой-то оппозиционный блок, который отстаивает интересы народа. Это форма деятельности Информбюро. Информбюро направило острие на использование личного недовольства и мещанства. И Душко Бркич держится линии Комиинформа и сейчас этой линии держится. Подача такой отставки это по меньшей мере дезертирство, это линия Информбюро, это предательство партии»¹⁸. Выступавшие вслед за ним члены хорватского Политбюро повторяли и развивали один и тот же тезис: Д. Бркич отставкой хочет нанести вред партии, следовательно, он информбюровец. Немного дополнил их общую логику Миле Почуча. Говоря о Жигиче и Д. Бркиче, он заметил: «Видно, что они по линии сербства хотят создать фракционность, а эта фракционность находится на линии Информбюро»¹⁹. В итоге Д. Бркич разделил судьбу Жигича. Оба они, а также Опачич и Эгич, были отправлены на Голый остров без суда.

Показательно, что Иван Краячич знал реальную картину. Мато Райкович, бывший начальник загребского отделения ОЗНы, заявил Дедиеру: «Стево Кра-

ячич объяснил мне, в одном из многочисленных разговоров, что ни Жигич, ни Бркич, также как и Чаница Опачич, не были сторонниками СССР». Но ЦК КПЮ верил или делал вид, что верит в их вину. На одном из заседаний ЦК (вероятно на III пленуме в декабре 1950 г.) Ранкович сделал доклад, где назвал арестованных нелегальной группой, а Тито посетовал: «Вот, мы Жигичу и Бркичу доверяли, и видите, что у нас приключилось»²⁰. Что это: самообман или лицемерие Политбюро ЦК КПЮ или интриги хорватских руководителей, убравших чужими руками часть своих коллег? Вопрос пока не имеет однозначного ответа.

В четвертый раз вмешательство союзного Политбюро фиксируется в январе 1952 года. З. Бркич отчитывался на заседании Политбюро ЦК КПХ о встрече, состоявшейся в ЦК КПЮ. Там рассматривалось положение в вузах и было отмечено, что «демократизация понята так, что всякий делает, что хочет, враг оживился, не замечаются методы работы ИБ. Большинство информбюровцев проповедует, что не будет заниматься политикой». Поскольку речь шла в основном о бывших информбюровцах, которые пытались возобновить обучение после выхода из лагерей, Политбюро ЦК КПЮ приняло ряд решений и в частности такое: «Каждого информбюровца подвергнуть контролю, все мермераша²¹ не могут быть приняты на факультеты»²². Хорватское Политбюро ограничилось тем, что приняло эту информацию к сведению.

Таким образом, все четыре случая, когда Политбюро ЦК КПЮ непосредственно занималось информбюровцами и доносило свою позицию до хорватского руководства, характеризуются нагнетанием обстановки и усилением репрессивного курса.

То же самое наблюдалось в Словении. В этой республике информбюровцы не отличались особой активностью. Поэтому в нашем распоряжении есть только два примера влияния из союзного центра — один косвенный, другой прямой.

Первый случай датируется концом 1950 года. 14 ноября на заседании Политбюро ЦК Коммунистической партии Словении присутствовал член Политбюро ЦК КПЮ Борис Кидрич. Скорее всего, его приезд был связан с разбором националистического поведения словенского писателя Э. Коцбека. Тем не менее, он принял участие в заседании, где был поставлен более широкий вопрос — о внутреннем положении Словении. Протокол не фиксирует, чтобы Кидрич непосредственно говорил об информбюровцах. Инициативу на себя взяла выступавшая с докладом Лидия Шентьюрц. Она констатировала мягкое и терпимое отношение к информбюровцам и предложила его ужесточить, усилить бдительность, углубить в партии политическую работу, бороться с прослушиванием информбюровских радиостанций²³. В резолюции Политбюро так и записало: «Сильно обострить борьбу против влияний информбюровской пропаганды и жестко обратить внимание с[резных] к[омитетов], чтобы заново проанализировали информбюровские влияния и не убаюкивали себя, что информбюровцев нет»²⁴. К тому времени в Словении исключили из партии за поддержку Коминформбюро только 317 человек, и по-видимому, кому-то это число показалось слишком незначительным. Не прошло недели, как 20 ноября 1950 г. на новом заседании Политбюро ЦК КПСл еще более жесткие призывы огласил министр внутренних дел Б. Крайгер: «Вопрос Информбюро. Во всей нашей борьбе недостаточно остроты, нужно поставить эту проблему.... Есть много признаков скрытых информбюровцев, а партийные организации их не раскрывают, потому что борьба против информбюровцев шаблонная». По мнению Крайгера, если врага не обнаружили, значит, не искали. Политбюро не возражало против этой установки на шпиономанию и постановило: «6. Против всех форм деятельности Информбюро обострить бдительность, особенно в молодежных и партийных организациях»²⁵.

Второй случай, когда Политбюро ЦК КПЮ стимулировало кампанию охоты на информбюровцев в Словении, однозначен. В январе 1951 г. был арестован Душан Майцен — полковник, начальник кафедры артиллерии высшей Военной академии в Белграде. По происхождению он был словенцем. Это самая высокопоставленная жертва среди словенцев-офицеров за весь период репрессий²⁶. В том же месяце закончила работу группа ЦК КПЮ, изучавшая обстановку в Словении. В итоге в январе 1951 г. состоялось заседание Политбюро ЦК КПСл с участием таких членов союзного политбюро, как Кидрич, Мома Маркович, М. Джилас и Ранкович. К сожалению, в протоколе не сохранилась точная дата заседания, и мы можем сказать лишь, что оно прошло между 20 и 31 января.

Маркович заявил: «Информбюровские лозунги нашли в массах благоприятную почву». Затем отметил «убаюканность по вопросам Информбюро. Не видят работы Информбюро в информбюровских лозунгах». Джилас тоже призвал к усилению борьбы против информбюровцев, указав на бюрократию, как на целевую группу репрессий. Свой посильный вклад в дело внес и Ранкович: «Информбюровских проявлений было меньше всего в Македонии и Словении, но нужно бороться, чтобы не было никаких оснований для ИБ. Заострить также в вопросе прослушивания радио информбюровских станций»²⁷.

Получившие толчок со стороны Политбюро ЦК КПЮ словенские политики уже 2 февраля собрались на заседание республиканского Политбюро, где обсудили отчет о деятельности информбюровцев и обнаружили стремление броситься в решительный бой. Хотя докладчик Борис Крайгер продемонстрировал с помощью фактов, что никакой проблемы информбюровцы не представляют, и речь идет лишь об изолированных индивидах, которые ничего не делают, его выводы резко контрастировали с содержанием доклада. «По информации УДБы есть проявления Информбюро во всех срезам и предприятиях. Зарегистрировано около 500 информбюровцев, находящихся на свободе. Мы должны были бы их арестовать, потому что они связываются, выражают и распространяют информбюровские вести. Есть и различные функционеры, которые проявляются не явно, но только в закрытых обществах. Среди них большинство трусы и оппортунисты, а также социал-демократические элементы. Выявлено около 200 русских агентов, которые действуют в различных учреждениях, которых не арестовывают, потому что мы не можем им доказать [вину], чтобы их суд легко осудил, хотя признаки совершенно ясны. Причина — отчасти объективные условия, важный фактор и факт, что политической борьбы против Информбюро было очень мало, поэтому они легко скрываются». Последнюю мысль Крайгер повторил еще раз: «Расследование и диагностика информбюровцев тяжелы... потому что они очень осторожны»²⁸. Крайгер призвал привлечь к охоте членов партии, а не ограничиваться усилиями одной УДБы. В итоге Политбюро приняло резолюцию с призывом «усилить боевую бдительность». Любопытно, что по устным сведениям, которые собрал Дедиер, за Крайгером закрепилась репутация человека, который стремился спасти каждого, на кого пала тень подозрения в сочувствии Информбюро²⁹.

Необходимо отметить, что Политбюро ЦК КПСл устраивало кампании «охоты на ведьм» и без прямых импульсов из Белграда. Первый раз оно это сделало в начале августа 1948 года. Министр внутренних дел Крайгер выступил в качестве докладчика: «Также необходимо... заострить нашу линию в отношении всех колеблющихся элементов, которые обнаружили особенно в связи с резолюцией Информбюро. Всем этим колеблющимся элементам мы не должны позволить залечь на дно и замаскироваться, но должны с ними энергично расправиться. Это касается особенно наших агитационно-пропагандистских кадров, партийцев в различных редакциях и прочих просветительных учреждени-

ях, которые в целом в связи с последними событиями показали себя наиболее колеблющимися и несолидными»³⁰. Специальных решений принято не было, но против предложений Крайгера никто не возражал. Наиболее масштабную акцию в просветительных учреждениях Политбюро инициировало в январе-феврале 1949 г., когда устроило погром в Люблянском университете. С его подачи университетская парторганизация была распущена, затем прошли аресты некоторых преподавателей. В ходе этой кампании Иван Мачек сокрушался, что процент исключений из партии за Информбюро слишком мал, что парторганизации слишком мягки и либеральны. Крайгер требовал массивного общественного давления на потенциальных сторонников Информбюро и сомнительных типов в университете при том, что после роспуска парторганизации только один человек высказался за СССР, а еще один позволил себе роскошь иметь собственное мнение, за что и был записан во фракционеры³¹.

18 февраля 1949 г. Политбюро ЦК КПСл озаботилось положением в профсоюзах. В ходе дискуссии оно коснулось информбюровцев. Было высказано предложение усилить борьбу против них, обратив внимание на профсоюз учителей, потому что «здесь вопрос ИБ наиболее жгучий и его нужно обострить и жестко поставить, только по партийной линии этого недостаточно». Решено было привлечь к кампании и профсоюзы. Затем, в дискуссии было высказано мнение, что все противники режима действуют теперь под покровом Информбюро. Автор этой мысли в протоколе не отмечен, но ее поддержали в Политбюро. В решениях заседания было указано: «В плохом отношении к работе, в транжирстве материала, в нарушении дисциплины, в сопротивлении введению норм и в других подобных вредительских деяниях нужно усматривать действие всех возможных классовых врагов от остатков социал-демократизма и до клерикализма, которые все служили всевозможным антинародным режимам, оккупантам, агентам западного империализма и т.д., которые и сейчас обычно прячутся под покровом Информбюро. Углубление фронта борьбы против всех явлений, которые затрудняют выполнение плановых заданий, нужно рассматривать как борьбу с Информбюро»³². Эта формулировка позволяла подвести под деятельность Информбюро все негативные явления на производстве и любые проступки. Тем самым понятие «информбюровец» растягивалось до бесконечности, и его можно было использовать для запугивания кого угодно. Но даже при такой сверхрасширительной трактовке за все время репрессий арестовали по линии Информбюро не более 567 словенцев³³.

Значительную инициативу по усилению «охоты на ведьм» проявляло Политбюро ЦК КПХ. Поскольку в Хорватии информбюровцев было больше, чем в Словении, кампании республиканского руководства отличались куда большим размахом. Первый признак шпиономании в протоколах Политбюро ЦК КПХ фиксируется уже 3 июля 1948 года. В первичных организациях обсуждалось решение ЦК КПЮ об исключении из партии обвиненных в поддержке СССР членов союзного руководства А. Хебранга и С. Жуёвича. Политбюро пришло к выводу, что в Загребе и Дубровнике среди партийцев были колебания врагов и обиженных. При этом открыто никто из этих лиц не высказался, «но их выдает их неуверенное поведение»! Таким образом, если член партии не принимал решений руководства с бурной решимостью, он уже находился под подозрением³⁴.

13 июля 1948 г. организационный секретарь ЦК КПХ Антун Бибер выступил на Политбюро с докладом о реакции в партии на резолюцию Коминформбюро. Бибер считал, что не время публично осуждать информбюровцев как «нездоровые элементы». Ему возразил первый секретарь Бакарич. Он призвал к ужесточению политики в отношении информбюровцев, предлагая подводить

их деятельность под фракционную работу. «В конце он выделяет, что тех, кто не согласен с линией партии, нужно выгнать из партии». Указания Бакарича были оперативно воплощены в жизнь, и уже через три дня начались гонения на факультетах Загребского университета. Обвиняемым в поддержке Коминформбюро вменялась в вину именно фракционность. В августе 1948 г. Политбюро занялось искоренением информбюровцев в Риеке и Истре, где у них были сильные позиции. В Риеке начали искать мифический центр, в Ровине обратили внимание на недопустимую мягкость парторганизации: вместо того, чтобы осудить и исключить из партии обвиняемых в поддержке Коминформбюро, там по каждому человеку устроили голосование. Возмущенный таким подходом Бакарич предложил «изучить всю организацию»³⁵.

25 сентября Политбюро ЦК КПХ разработало «Постановление о мерах, которые нужно предпринять для успешного ведения борьбы против антипартийных элементов, которые активизировались по линии резолюции Коминформбюро». Этот документ почему-то подшит к протоколу за 22 октября 1948 года. Он фактически определил направления борьбы с информбюровцами в республике на ближайшие годы.

«1. Заострить позицию всей партийной организации в отношении антипартийных элементов, как врагов партии и государства, вести борьбу за их полную изоляцию от членов партии и прервать любые связи с ними — личные, дружеские и т.п. Поддержание связей с антипартийными элементами нельзя оправдать ничем, и исходя из этого и личной дружбой.

2. Заострить борьбу в отношении деятельности тех элементов, которые выпали из партии до резолюции Информбюро или после того как высказались за резолюцию Информбюро.

4. Воспрепятствовать любому взаимному связыванию по линии Коминформбюро, как было в случае с Цриквеницей, в Загребском университете. Такие связи нужно предотвращать всеми мерами, перемещениями и т.д. Студентов, которые проявят активность в антипартийной деятельности, нужно исключить из университета. Так же нужно поступить и с учениками.

5. Усилить бдительность в отношении т.н. колеблющихся, которые позволяют себе по несколько раз ставить тенденциозные вопросы и дискутировать о них с другими членами партии и таким путем оказывать негативное влияние на молодых членов партии. Перед членами партии нужно поставить открыто и ясно — кто не защищает позицию нашего ЦК, который³⁶ пассивно наблюдает деятельность антипартийных элементов — тот не придерживается твердо линии нашей партии»³⁷.

12 января 1949 г. Политбюро ЦК КПХ обсуждало политическую обстановку в республике. Реферат, подготовленный к заседанию, упоминал о единичном случае деятельности информбюровцев: в Пуле раскрыли группу, состоявшую из членов партии. Однако информбюровской тематике участники заседания отвели очень много места. Бибер, который видимо и подготовил доклад, воспевал пользу от заострения разбирательства с колеблющимися элементами, поскольку такой курс позволил выявить затаившегося врага. Он заявил: «...Сторонники Комиинформа все больше активизируются и связываются между собой. Стремятся замаскироваться, остаться в партии и действовать по линии Информационного бюро. У них главная линия — собирать данные о различных нарушениях, делать пассивными массы и систематически разрушать авторитет партийных руководителей»³⁸. Обстановку продолжал нагнетать Иван Крайчич: «...Нужно во всех сферах развить бдительность и посмотреть вокруг себя: не прячутся ли колеблющиеся вражеские элементы. На совещании секретарей комитетов³⁹ нужно остро поставить линию и задачи. Факт, что сторонники Информационного бюро становятся все более активными и скрываются». Их поддер-

жал Жигич: «По вопросу сторонников Информационного бюро коммунисты недостаточно остры и терпят различных колеблющихся и вражеские выпады»⁴⁰. Информбюровцы в тот период действительно проявляли повышенную активность и формировали сеть подпольных групп. Однако в оценках Политбюро ЦК КПХ ярко проступает логика шпиономании: поскольку давление на колеблющихся было усилено, возросло количество репрессированных, и этот результат усиления «охоты на ведьм» подавался как разоблачение реальных действий реального врага. Причем не только подавался, но и воспринимался так самими членами Политбюро. Следствие всерьез выдавалось за причину.

4 февраля 1949 г. Политбюро занялось единичными случаями. М. Белинич и Бибер доложили об отдельных людях, вызвавших у них подозрение по линии Информбюро. Всего они назвали 11 человек, по которым Политбюро решило провести расследование, но интересно, почему некоторые из них попали под подозрение. Были три женщины, чьих мужей арестовали как информбюровцев или советских шпионов. Одну из них потом признали виновной и исключили из партии. Под подозрение попал помощник министра просвещения Ёсип Лукатела. Политбюро решило: «Нужно подготовить материал для реорганизации министерства и чистки всех тех, в ком есть сомнение, что они скрывают свое отношение к Коминформбюро»⁴¹. И здесь у югославских сталинистов повторилась логика советских коллег: если начальник под подозрением, то и его подчиненные тоже. Впоследствии Бакарич сообщил, что к сентябрю 1950 г. министерство просвещения пережило пять чисток⁴².

18 февраля Политбюро вновь подтвердило курс на чистку Министерства просвещения. Затем раскритиковало Агитпроп: «В нашей печати, как враждебные элементы, так и неопытные наши товарищи, писали вещи, которые соответствуют линии Информбюро». Затем получили удар работники радиостанции за то, что там информбюровцев выявила УДБа, а не парторганизация. Стимулируя «охоту на ведьм», Бакарич предложил «привлечь к ответственности партийную организацию» за отсутствие бдительности. Наконец еще одно проявление шпиономании, доходящей до абсурда, продемонстрировал член ЦК КПХ Мика Шпиляк. Он пожаловался, что в университете, средних школах, ПТУ и даже в партизанской гимназии проявляется «небдительность» к информбюровцам. По словам Шпиляка: «Допускается свобода вражеской критики». 1 июля 1949 г. Политбюро обратилось к проблемам Риеки. Член горкома Риеки Ливьо Стечич высказал следующее мнение о врагах-информбюровцах: их кампанейски похватили и они затаились⁴³. Таким образом, если враг себя не проявляет, это не значит, что его нет. Эту точку зрения мы уже видели у республиканского руководства, теперь ее усвоили и на уровне горкомов. На том же заседании Мика Шпиляк, который был секретарем загребского горкома партии и не имел никакого отношения к Риеке, выразил мнение, что в Риеке обнаружено слишком мало информбюровцев, и «партийной организации следует заострить бдительность по этому вопросу»⁴⁴.

Затем в нагнетании «охоты на ведьм» у Политбюро наступил перерыв. Новый раунд связан с 1950 г., когда в середине года группа ЦК КПХ обследовала положение в Далмации. После этого там начали заострять линию в отношении Информбюро⁴⁵. Новый импульс пришел в конце года. 16 декабря Анка Берус доложила об очередном обследовании обстановки в Далмации. При этом она выдала два примера шпиономании. «Есть небдительность к Информбюро... Есть исключенные [из партии] информбюровцы на местах, и не ведется борьба против них. Борьба против Информбюро рассматривается как дело УДБы. Этим сужена база борьбы против них». Следующее высказывание Берус — это яркий образец полицейской логики: «Суды мягко наказывают за разные нарушения,

а когда и вынесут наказания, они очень часто не выполняются. Верховный суд очень часто отменяет наказания, вынесенные низшими судами. Адвокаты имеют большое влияние на судей. Прокуратура понимает свою роль как защитника народа от власти, а не помощника власти в осуществлении ее задач»⁴⁶.

Кампания преследования информбюровцев в Далмации активно нагнеталась Политбюро ЦК КПХ с декабря 1950 вплоть до марта 1951 года. Параллельно проходила зачистка от информбюровцев в Удбине, родном крае Жигича. Секретарь далматинского обкома Анте Рое своим рвением в борьбе превзошел УДБу. Он стремился провести беспорядочные аресты, а УДБа его сдерживала⁴⁷. В протоколах Политбюро ЦК КПХ это единственное подобное замечание! Обычно наблюдались стандартные жалобы, что партия менее активна, чем спецслужбы. Их было много и в период далматинской кампании. С особым вдохновением призывы к всенародной «охоте на ведьм», к которой бы подключились и партия, и общественные организации, и широкие народные массы, озвучивали Иван Краячич и Звонко Бркич⁴⁸.

Как стимулировалось это участие, показывает следующий пример. Некто Панза Брнэ — секретарь парткома в котаре Синь попал под подозрение как информбюровец. Он знал об этом. И чтобы отвести от себя подозрение и избежать ареста, вынужден был усердствовать в преследовании информбюровцев в своем котаре, в результате чего пострадала масса невинных людей. Тогда в Синьском котаре «арестовывали, исключали, наказывали кого-либо, по кому не было каких-либо убедительных доказательств»⁴⁹. Показательно, что об этом случае знало высшее руководство республики, но ничего не сделало, чтобы ограничить травлю людей в Сине. А когда в июне 1953 г. коллеги из парткома обвинили Брнэ во вредительстве, в том что он информбюровец и специально подрывал авторитет партии немотивированными репрессиями, Исполком ЦК Союза коммунистов Хорватии взял его под защиту, а Бакарич даже перенаправил удар. По мнению Бакарича на партконференции в котаре Синь нужно разобраться не в том, является ли Брнэ информбюровцем, а как вообще его додумались в этом обвинить. Для справки отметим: против Панзы Брнэ свидетельствовали три бывших «мермераша» и приписывали ему «вербальный деликт»: якобы в его присутствии пели русские песни⁵⁰. Конечно, в октябре 1953 г. активная фаза «охоты на ведьм» уже прошла, но в разгар кампании Политбюро вело себя иначе. В той же Далмации оно совершенно не смущалось, когда обвиняло тех или иных людей в поддержке Информбюро просто на основе слухов⁵¹.

В ходе далматинской кампании остро встал вопрос об отношении к информбюровцам, вышедшим из лагерей. Повод для нагнетания подал член ЦК КПХ Анте Юрьевич, более известный по партийной кличке Бая. На городской партконференции в Сплите он примирительно отозвался об освобожденных информбюровцах, а затем повторил свою позицию в обкоме. Во время критики на заседании Политбюро 16 января 1951 г. Антун Бибер изложил позицию Баи-Юрьевича и прокомментировал ее так: для него «главное, что коминформовец сейчас хорошо работает, и ему неважно, какое он имел прошлое. Этого не достаточно. Нужно знать, что это люди, которые уже однажды отошли от нашей партии»⁵². В тогдашних условиях это был настораживающий намек. Но Бакарич поспешил успокоить Юрьевича и секретаря обкома Рое, что Баю не подозревают в сочувствии информбюровцам, просто обком не имеет четкой линии.

На последующих заседаниях Политбюро постаралось, чтобы эта четкая линия появилась у всех. 2 февраля Звонко Бркич несколько раз призвал ужесточить отношение к «мермерашам»: разоблачать, усилить гонения и не смотреть на них как на политические жертвы, или как на реабилитированных. А вот более развернутая оценка: «Всякий тот, кто прошел “Мрамор”, но не выдви-

нулся в работе больше, чем другие, поскольку недостаточно, чтобы он просто работал как остальные, он должен своим трудом и политической активностью, разоблачением империалистической политики СССР доказать, что действительно исправился. Этих «мермерашей» необходимо посылать на физические работы на малые фабрики. С ними могут проводиться и групповые встречи и открыто им и ясно говорить, поскольку Информбюро укрепляется в их среде, что они не стремятся, а обещали нам, что будут стремиться работать, и если неактивны, тогда их нужно снова отправить на “Мрамор”»⁵³. Таким образом, запугивание информбюровцев не должно было прекращаться после выхода из лагеря.

А вот как творчески восприняли курс, провозглашенный З. Бркичем, в Истре. 26 апреля 1951 г. Бакарнич доложил, что там сложился такой «метод руководства» информбюровцами: «Существует классификация информбюровцев: I группу арестовать, II избить, III изолировать, IV учет. Информбюровцев вызывали в комитет и колотили их»⁵⁴.

Следующая крупная кампания прошла в ноябре 1951 — январе 1952 года. Она была направлена на Славонию. 21 ноября 1951 г. М. Шпиляк, С. Комар и З. Бркич осудили местные парторганизации, которые считали, что информбюровцев в Славонии нет, и отдали инициативу выявления информбюровцев УДБе. 9 января 1952 г. Милка Куфрин выступила с критикой парторганизаций в Осиеке и Славонской Пожеге. Особенно досталось Пожеге: «Мы считаем, что к[отарский] к[омитет] своей толерантностью к информбюрашам, своей примирительностью к ним объективно помогал этим врагам и что своей политикой спасения отдельных информбюровцев привел к их распространению и пропаданию партийной организации. Члены КП потеряли перспективу и деморализованы, когда против откровенных врагов ничего не предпринималось»⁵⁵. Видимо, чтобы облегчить задачу, Куфрин предложила связываться с их деятельностью не только возгласы за Сталина, но и «распространение деморализации, разброда, пассивности и неверия в наши силы, распространение шовинизма и т.д.»⁵⁶.

С весны 1952 г. Политбюро ЦК КПХ надолго утратило интерес к информбюровцам. Последний всплеск внимания к ним был уже не у Политбюро, а у Исполкома ЦК Союза коммунистов Хорватии в декабре 1954 — январе 1955 года. Поводом послужил беспрецедентный случай. Осенью в Кострене (район Риеки) был выявлен информбюровец Смоквина, скрывавшийся от ареста с 1949 г.! Горком Риеки по привычке метал молнии: «Характерны были представления членов С[оюза] к[оммунистов], что обнаружение Смоквины дело не членов [партии], и не людей из Кострены, а кого-то другого»⁵⁷. Горком предложил распустить парторганизацию Кострене, но Исполком ЦК проявил мягкость и решил сначала разобраться. В январе Исполком еще раз вернулся к информбюровцам в связи с их принятием в партию, и на этом упоминания о них прекратились.

Кампания охоты на информбюровцев очень сильно напоминает советскую практику 1930-х годов. Логично было бы предположить, что она увенчается показательными судебными процессами. Они действительно были, но сильно уступали по размаху советским.

В июне 1950 г. суду были преданы Владимир Дапчевич — полковник, политический комиссар Военной академии и Бранко Петричевич (партийная кличка Каджя) — генерал-майор, заместитель начальника Главного политуправления Югославской армии, обвиняемые в попытке бегства за границу. Попытка была предпринята еще в 1948 г., вина обвиняемых не вызывала сомнений, но суд состоялся спустя два года. Показательный процесс тогда не удался. Дапчевич, убежденный, что нужно бороться с режимом Тито, использовал его как трибуну для деклараций и разоблачений⁵⁸.

Следующая попытка устроить судебный спектакль была предпринята через год. Она была успешной, но ее жертвами оказались гораздо более скромные фигуры. 5 октября 1951 г. начался судебный процесс по делу 14 человек во главе с инженерами Б. Путником и Н. Турудичем. Им поставили в вину шпионаж в пользу СССР. Но, пожалуй, центральным на процессе было обвинение в саботаже, на который якобы вдохновляли обвиняемых советские спецслужбы. Этот саботаж, по версии следствия, воспрепятствовал своевременному завершению строительства двух железнодорожных веток. Обвиняемые были признаны виновными, а Путник и Турудич приговорены к смертной казни, но помилованы. Впоследствии выяснилось, что они были невиновны, а весь процесс сфабрикован⁵⁹. Процесс был открытым, широко освещался, на нем присутствовали даже иностранные журналисты. Причины его проведения именно осенью 1951 г. легко понять. Еще в 1950 г., учитывая экономические трудности, поразившие страну, Союзная Скупщина на год продлила выполнение первого пятилетнего плана, превратив его в шестилетний (1947—1952 гг.). Но в 1951 г. стало ясно, что плановые задания все равно не могут быть выполнены. Партия и правительство провалили пятилетку и теперь пытались свалить вину на мифический саботаж мифических советских агентов, шпионов и диверсантов.

Оставлял ли репрессивный механизм какие-нибудь возможности для сопротивления идущему сверху давлению? Этот вопрос требует более детального разбора, но предварительный ответ будет скорее негативным. По информации советских дипломатов, уже в начале конфликта с СССР во все парторганизации были назначены уполномоченные УДБы. «Перед ними ставилась задача выявлять на местах сторонников Информбюро»⁶⁰. Такую задачу перед ними действительно поставили с началом конфликта, но есть данные, что начальник УДБы соответствующей административной единицы входил по должности в местный партийный комитет еще до этого события⁶¹. В начале конфликта партийные руководители настаивали, что УДБа по всей стране работает под контролем партии и, в частности, ее коллегиальных органов⁶². Возможно, что в 1948 г. так и было, однако в дальнейшем мы видим иное соотношение. Стенограмма заседания Политбюро ЦК КПХ, на котором в августе 1950 г. разбирали дело Жигича, показывает, что контроль над УДБой был лишь у одного человека в Хорватии — первого секретаря ЦК КПХ Владимира Бакарича. Бакарич прямо опирался на спецслужбы и не ставил в известность о своей работе с ними даже членов Политбюро. Он даже мог распорядиться провести обыск в квартире члена Политбюро без ведома республиканского ЦК, как, например, это случилось у Марка Белинича. То, что сам Бакарич называл обыск у Белинича всего лишь «визитом», значения не имеет⁶³. По-видимому, такое же положение сложилось и в других республиках.

На местном уровне спайка партийных функционеров и спецслужб была не менее тесной. Известны шокирующие случаи, когда партия, УДБа и гражданские органы власти взаимно покрывали друг друга.

9 июня 1950 г. Политбюро ЦК КПХ разбирало самоуправство нового секретаря котарского комитета Джаково Стевы Шимича. Секретарь отличался избиением крестьян и запугиванием членов парторганизации. Рукоприкладством занимались и его подчиненные. Как отметила комиссия: «Создается впечатление, что в котаре Джаково не считали революционным никого, кто не бил крестьян при хлебозаготовках». Шимича поощрял в его произволе член обкома Осиецкой области Матия Буневац. Сочувственно взирал на происходящее котарский прокурор. Аналогичные явления были отмечены и в соседней Беловарской области. Члены Политбюро ЦК КПХ осудили эту практику. Жигич заявил: «У граждан начинается оформляться мнение, что высокие руководители и члены КП не подвластны закону». А Антун Бибер повторил: «Многие члены

партии все еще думают, что они не отвечают перед законом как остальные граждане»⁶⁴. Решения, принятые Политбюро по этому случаю, являются наглядной иллюстрацией их правоты. Во-первых, более строгое наказание Политбюро вынесло нижестоящему чиновнику, а не тому, кто его поощрял. Во-вторых, через несколько дней С. Комар возмутился судьбой Шимича: «Сейчас, когда он арестован, было сказано, что он может получить 3—4 года принудительных работ. А через несколько дней (менее чем через четыре. — Ю.Ш.), когда я говорил с товарищем Звонко [Бркичем] об этом случае, он сказал, что его могут наказать несколькими месяцами»⁶⁵. Да и сам Комар, как выяснилось на заседании, задолго до этого знал о произволе Шимича и делал ему последнее предупреждение вместо того, чтобы сразу поставить вопрос перед Политбюро. Закон и впрямь для членов партии не всегда имел силу.

22 марта 1951 г. Политбюро ЦК КПХ столкнулось с новым доказательством этой истины. В Славонском Броде секретарь котарского народного комитета изнасиловал девушку. Она подала в суд. Прокурор выступил на его стороне, сфальсифицировал доказательства, запугал свидетелей, и жертву осудили за клевету. ЦК КПХ частным путем узнал об этой истории, и лишь благодаря этому оказалось возможным восстановить справедливость⁶⁶.

Разумеется, во всех приведенных примерах речь идет о крайних случаях. Но они рельефно показывают, что в случае беззакония непосредственных исполнителей, подкрепленного прямыми стимулами сверху, невинно пострадавший едва ли мог рассчитывать на справедливость. Его жалобы разбились бы о круговую поруку государственных и партийных чиновников.

У нижестоящих органов власти и УДБы нередко обнаруживались свои особые мотивы придать размах репрессиям. Дело было не только в стремлении отвести от себя подозрения в поддержке информбюровцев. Возникали и дополнительные мотивы. Обвинение противника в поддержке Коминформбюро позволяло присвоить себе его имущество. Так весной 1952 г. в реферате «Проблемы законности и правосудия» Политбюро ЦК КПХ получило такую картину произвола УДБы в предшествующие годы: «Случаи обыска квартиры без ордера, изъятие вещей, которые не имеют отношения к уголовному делу, распоряжение вещами, на которые наложен арест, до конечного решения о конфискации и т.п., стали достаточно редкими, хотя они еще есть в отдельных случаях. Большое число жалоб граждан на эти нарушения относится к случаям, которые происходили раньше, а сейчас их граждане тянут назад, ссылаясь на общий курс законности или на правила, которые тем временем приняты»⁶⁷. Так, из воспоминаний А. Раштегорца известно, что присвоением имущества арестованных информбюровцев не брезговал даже начальник союзной УДБы Светислав Стефанович-Чеча и другие люди из окружения Ранковича⁶⁸.

Бывало, что раздувание кампании против информбюровцев осуществлялось, чтобы уйти от кары за какие-нибудь другие преступления. Так в Словении в срезе Чрномель торговый инспектор Ё. Мацеле выявил нарушения и злоупотребления у членов местного народного комитета и парткома. Они пользовались своим служебным положением для личного обогащения. В ответ на разоблачения 9 января 1953 г. срезный партком исключил его из партии с формулировкой «информбюровец»⁶⁹. Бывало, что обвинения в информбюровщине возникали в ходе сведения счетов. В 1951 г. неуживчивый судья Верховного суда Хорватии А. Старчевич обвинил пятерых работников суда в том, что они информбюровцы. Те выдвинули встречное обвинение в адрес обидчика, но в Политбюро ЦК КПХ поверили не им. В результате Старчевич успешно избавился от тех, с кем у него был личный конфликт⁷⁰.

Руководители местных парторганизаций и органов власти нередко подавляли любую критику в свой адрес. В этой связи характерен пример котара

Джаково, где в апреле 1949 г. партийная комиссия ЦК КПХ выявила самоуправство местного секретаря горкома. «Эта комиссия в связи с проведением встреч с партийными организациями установила диктаторство со стороны отдельных членов комитета. Так, секретарь городского комитета [Джакова] Кавалин пригрозил, что расквасит морду тому, кто будет критиковать руководство, поскольку членов к[отарского] к[омитета] и г[ородского] к[омитета] нельзя критиковать, и никого не нашлось, чтобы опровергнуть такую позицию Кавалина. Члены партии боятся критиковать, вместо этого между собой шепчутся о нарушениях, о которых уже и граждане открыто говорят.

Это явление особенно выразилось в партийных организациях в городе Джаково»⁷¹. Стоит напомнить, как в 1937 г. лично Йосип Броз-Тито написал статью, где провозглашал троцкистом любого члена партии, который невпопад критикует партийное руководство⁷². Это был общий партийный стиль, поэтому методы Кавалина регулярно воспроизводились в партии. В феврале 1951 г. Вицко Крстулович сообщил своим коллегам из Политбюро ЦК КПХ о методах управления в Далмации: «В Книне я видел у некоего офицера ряд писем, в которых народ жалуется на фюрерство»⁷³.

Из-за подобной системы люди на местах, восстающие против несправедливости, часто не могли апеллировать к местным органам власти, и у них оставался один выход — отправлять жалобы наверх, минуя непосредственное начальство. В протоколах Политбюро ЦК КПХ мы обнаруживаем в этой связи интересную закономерность. Партийное руководство крайне плохо воспринимало критические сигналы, поступившие в обход партийной и должностной иерархии. В таких случаях более серьезное наказание нес критик, а не обвиняемое им лицо⁷⁴. Поэтому у недовольных оставался только один безопасный путь — анонимные жалобы. К информации, поступившей наверх от анонимов или случайным путем, Политбюро ЦК КПХ относилось терпимо, видимо потому, что нарушение субординации не поддавалось в этих случаях диагностике.

Но даже если информация с мест о злоупотреблениях доходила до руководства партии, это не означало, что она будет адекватно воспринята. В партийных верхах Хорватии наблюдалось то, что можно назвать синдромом токующего тетерева. Ярче всего он проявился в одном из высказываний Бакарича. 25 мая 1950 г., когда Политбюро рассматривало политическую обстановку после Цазинского восстания, Бакарич заявил: «...Ситуация не ясна некоторой части наших активистов. Они часто приходят с мест смущенные различными явлениями и приходят с различными чуждыми взглядами, которые им навязывают места»⁷⁵. Применительно к информбюровцам это означало: если на местах понимают, что установки ЦК абсурдны, то ЦК их не исправит, а будет косо смотреть на самих активистов. Что эта трактовка верна, подтверждает высказывание председателя президиума Сабора Хорватии Карло Мразовича на заседании Политбюро 2 февраля 1951 года. Он отметил, что «массы одобряют некоторые дела, не зная, что это формы активности Информбюро»⁷⁶. То есть не будучи знакомы с представлениями партийной верхушки об этой активности, они, в отличие от Политбюро, не способны адекватно понять ситуацию.

Но даже в таких неблагоприятных условиях известны несколько случаев сопротивления репрессивному механизму на местном уровне. В протоколе заседания Политбюро ЦК КПСл от 2 февраля 1951 г. Борис Крайгер отметил: «В некоторых с[резных] к[омитетах] есть недоразумения между членами бюро, особенно между организационными секретарями и уполномоченными УДБы, что очень утяжеляет борьбу против реакции и Информбюро. Против информбюровцев невозможно бороться иначе, чем с помощью агентуры, и ясно, что офицеры УДБы должны искать данные также среди партийцев»⁷⁷. Таким обра-

зом, в некоторых срезях Словении секретари срезкомов противодействовали деятельности всемогущих спецслужб, защищая своих подчиненных.

Чрезвычайно интересен отчет о положении в Загребском университете, представленный 14 июня 1949 г. на заседание Политбюро ЦК КПХ. Его автором очевидно был секретарь университетского парткома Марко Шарич. В разгар «охоты на ведьм», когда из университета исключили 297 человек, он осмелился подвергнуть этот курс критике прямо перед его инициаторами. Разумеется, Шарич очень осторожно подбирал выражения: «В некоторых партийных организациях, особенно там, где было относительно много информбюровцев, стала ощущаться в отдельных случаях тенденция превышения меры в отношении отдельных людей. Так ошибки индивидов иногда неоправданно трактуются по линии резолюции Информбюро, что негативно влияет на внутреннее положение в организации и создает нездоровый психоз»⁷⁸. Мы не знаем, удалось ли Шаричу смягчить репрессии в университете, но в любом случае его попытка заслуживает уважения.

В июне 1950 г. два прокурора (В. Жижич и Лакич) и два судьи (Крджич и Лакович) отказались участвовать в судебном процессе над Дапчевичем и Петричевичем. Все они были отправлены на Голый остров⁷⁹.

Еще один пример, правда индивидуального сопротивления, мы находим в протоколе допроса Станко (Чаницы) Опачича в начале сентября 1950 года. Его ответы комиссии, заподозрившей, что он вместе с Жигичем и Д. Бркичем стал информбюровцем, раскрывают нам позицию человека, который отказался играть по установленным правилам театра абсурда и отверг сложившиеся в партии ритуалы, понимая, чем ему это грозит⁸⁰.

Не следует думать, что репрессии из центра нагнетались непрерывно и равномерно. В истории Югославии импульсы к «охоте на ведьм» перемежались с призывами к отрезвлению и внесению законности применительно к тем или иным группам населения, подвергавшимся репрессиям.

Первый такой пример мы находим уже в 1948 г. в Черногории. 5 августа местный крайком разослал директивное письмо, положившее начало так называемой акции «спасения людей». Письмо призывало индивидуально подходить к каждому, разъясняя конфликт с Коминформбюро всем, кому суть дела не ясна. В то же время письмо предлагало «чистить из партии» тех, кого не удается убедить⁸¹. Потому очень быстро акция «спасения людей» переросла в обычные репрессии.

Следующий случай связан с деятельностью лично Й. Броз-Тито и касался не отдельной территории, а профессиональной группы. В начале 1949 г. Тито заинтересовался настроениями в армии и, в частности, почему офицеры выступают за Информбюро. Тито выяснил, что представленная ему картина приукрашена, лично изучил 8 судебных дел офицеров и 25—29 марта 1949 г. провел на Брионях встречу с «высшей делегацией ЮА». Журналист и бывший офицер Д. Маркович, имевший доступ к секретным источникам, уверяет, что перед высшим армейским командованием Тито озвучил три тезиса: «первое: мы должны вести битву за каждого человека; все должно быть ясно и твердо доказано; никто невинный не смеет пострадать; второе: на следствии и в суде не смей «доказывать вину», но объективно устанавливать все факты и всесторонне их оценивать, принимая во внимание все доводы; третье: в человеке всегда видеть человека, его достоинство, его человеческую сущность. Если виновен, пусть будет наказан, но без всякого самоволия»⁸².

Тито и дальше проявлял интерес к судьбе офицеров: «В следующем году (1950) он требовал, чтобы ему представляли отчет обо всех военных тюрьмах, и чтобы военный прокурор ЮА каждые три месяца обходил все тюрьмы и письменно извещал об этом. По некоторым случаям он и лично вмешивался...»

Впрочем, Маркович тут же приводит параллельные примеры «охоты на ведьм» и в армии. Также стоит напомнить, что среди репрессированных офицеры составили одну пятую — намного больше их удельного веса в обществе. Созданная партией атмосфера оказывалась сильнее благих пожеланий.

Дальнейшие импульсы к ослаблению «охоты на ведьм» проводились в условиях комплексных реформ, начатых в 1950 г. и в частности в рамках политики демократизации. Эта политика предполагала постепенное ослабление репрессивного давления государства на общество. Уже 3 февраля 1950 г. состоялся III пленум ЦК компартии Черногории. Пленум констатировал, «что в борьбе против Информбюро не проводилось различие между теми, кто сознательно поддержали Резолюцию ИБ и теми, кто были жертвами “фронтальной атаки против информбюровцев”, а всех свели в “ряды врагов новой Югославии”». Сделано замечание партийным организациям, что не “вели битву за каждого честного человека, чтобы его политически и идейно привлечь на свою сторону, чтобы тем самым исключить враждебное влияние на этих людей”⁸³. Вслед за тем, 28 февраля 1950 г., ЦК КПЮ разослал по республикам циркуляр по организационным вопросам. Там была отдельная глава о задачах и положении прокуратур. Обсуждение этого циркуляра вызвало активную реакцию в Политбюро ЦК компартии Словении. На своем заседании словенское Политбюро поставило вопрос о нарушениях и аморальных поступках в работе УДБы, о давлении на прокуратуру и суд, о тесной связи государственных органов с УДБой. Все это было осуждено: «Борьба против этих методов одна из главных задач партийной организации в УДБе и милиции»⁸⁴.

5 марта 1950 г. Тито заявил, что «диктатура пролетариата не может быть самоцелью, не может применяться против народа, против самих рабочих...». Он воспроизвел ленинскую идею о том, что диктатурой власть пролетариата является только по отношению к классовым врагам, а для сторонников социализма никакой диктатуры нет⁸⁵. В связи с этим, в июне 1950 г. генеральный секретарь призвал умерить подозрительность, захлестнувшую югославское общество, и не смешивать бдительность с практикой бездоказательного навешивания обвинений⁸⁶. В феврале 1951 г. Тито публично высказал свое мнение непосредственно по проблеме информбюровцев. Это произошло на партконференции гвардейской дивизии, в которой перестарались в борьбе с информбюровцами и теперь разбирали скандал — самоубийство одного из офицеров. Тито фактически предложил бороться с информбюровским движением путем самоисправления⁸⁷. Исправив «ошибки», улучшив общее положение дел в стране, бюрократия рассчитывала нейтрализовать антиправительственные настроения, выбить у них почву из-под ног. Тем самым Тито подтвердил, что информбюровцы — это не просто ослепленные сталинизмом догматики, а движение с социальными корнями.

В феврале 1951 г. был утвержден новый Уголовный кодекс, где были точнее определены формы нарушения закона, отменено наказание за покушение на контрреволюционную деятельность, за подготовку к бегству через границу, за недонесение по уголовному делу⁸⁸. Продолжением линии на укрепление «социалистической» законности стал IV пленум ЦК КПЮ, состоявшийся 3 июня 1951 года. Ранкович, контролировавший спецслужбы страны, сделал доклад «О дальнейшем укреплении правосудия и законности», где подверг критике работу подведомственной ему УДБы. Он останавливался только на общих признаках проявления беззаконий и говорил далеко не обо всем, что имело место в действительности. Критика нарушения законности раздавалась порой и раньше, но в докладе Ранковича ответственность за это впервые возлагалась на высшее партийное руководство: «Иногда явно незаконные инструкции и решения высших государственных органов толкают нижестоящие орга-

ны на путь беззакония...»⁸⁹. Как пример были приведены планы хлебозаготовок. По сравнению с предыдущим временем это был колоссальный шаг вперед. Действительно, тот же Шимич из Джакова едва ли бил бы крестьян, если бы сверху не требовали выполнить план хлебозаготовок любой ценой.

С решениями IV пленума партийные руководители сверяли свою позицию и в последующие годы. 24 апреля 1952 г. Политбюро ЦК КПХ разбирало вопрос о состоянии законности в республике. Это было сделано в порядке подготовки к очередному пленуму ЦК. На заседании Н. Секулич, З. Бркич и Ё. Брнчич дружно заявили, что в произволе на местах виноваты не столько власти котаров, сколько республиканское руководство, включая аппарат ЦК, откуда исходят разные непродуманные директивы. В подготовленном к заседанию реферате констатировалось, что произвол УДБы начал ограничиваться. Правда информбюровцев Политбюро не коснулось⁹⁰.

Начиная с 1951 г. появились случаи, когда высшее руководство республик стало смягчать линию в отношении информбюровцев, и по-видимому, не всегда речь шла о целенаправленных кампаниях, вдохновленных ЦК КПЮ. 14 мая 1951 г. В. Бакарич неожиданно изменил себе и сказал, что «есть случаи, где за кампанией против информбюро скрываются нарушения партийных комитетов в отношении людей...», то есть охота на информбюровцев служит заметанию следов преступлений. 21 ноября 1951 г. тот же Бакарич смягчил наступательный настрой своих коллег по Политбюро, которые призывали усилить борьбу с информбюровцами в Славонии⁹¹. В январе 1952 г., как уже упоминалось, ЦК КПЮ призвал усилить преследование информбюровцев, вернувшихся из мест заключения в вузы, где они были арестованы. Однако Политбюро ЦК КПСл 23 апреля 1952 г. выдало неожиданное предложение. В отношении студентов-информбюровцев, возобновивших обучение после лагерей, Б. Крайгер предложил «дать им возможность полной реабилитации»⁹². 12 октября 1953 г. на заседании Исполкома ЦК Союза коммунистов Хорватии Бакарич высказался в том духе, что подозрение в информбюровщине — это еще не повод для ареста⁹³.

В 1954 г. отношение к информбюровцам в партии стало смягчаться и на низовом уровне, причем темп смягчения был столь велик, что это вызывало недовольство у высшего руководства. Так, 28 января 1955 г. на заседании Исполкома ЦК СКХ раздалась критика в адрес партийных организаций, которые стали принимать назад в партию бывших информбюровцев. Всего были приведены примеры из девяти котаров — в каждом по одному случаю⁹⁴.

В начале 1980-х гг. Дедиер опубликовал воспоминания одного из работников лагерной администрации Голого острова — печально известного следователя А. Раштегорца, который заявил, что система взаимных издевательств заключенных на Голом острове возникла стихийно — в результате раскола и конфликта между самими узниками⁹⁵. Конечно, в ответ можно возразить, что администрация лагеря как минимум ничего не делала, чтобы положить конец этой системе. Но проблема как соотносилась «инициатива» снизу и сверху этим возражением не снимается. Политические репрессии в Югославии еще ждут своих историков.

Примечания

1. DEDIJER V. Novi prilozii za biografiju Josipa Broza Tita. T. 3. Beograd. 1984, s. 457.
2. DJILAS M. Rise and fall. San Diego-N. Y.-L. 1986, p. 196, 200, 209—210, 211.
3. MITROVIĆ M. Dr Blagoje Nešković — ibeovac. — Токови историје. 2006, № 1—2, с. 259.
4. DJILAS M. Op. cit., p. 221.
5. DEDIJER V. Op. cit., s. 454.

6. Ibid., s. 31.
7. БОРНЕВИЋ М. Седам левих година. Београд. 2000, с. 473.
8. DEDIJER V. Op. cit., s. 217.
9. УДБа (Управа државне безбедности) — принятое в то время сокращенное название Управления государственной безопасности.
10. DEDIJER V. Op. cit., s. 464—465.
11. Zapisnici Politbiroa Centralnog komiteta Komunističke partije Hrvatske. Zagreb. 2006, sv. 2, s. 74—75.
12. Ibid., s. 140, 144.
13. DEDIJER V. Op. cit., s. 31—32, 98—100.
14. DJILAS M. Op. cit., p. 232—233.
15. Zapisnici Politbiroa Centralnog komiteta Komunističke partije Hrvatske, sv. 2, s. 472, 491—492.
16. Ibid., s. 477—478.
17. Ibid., s. 485.
18. Ibid., s. 487.
19. Ibid., s. 490.
20. DEDIJER V. Op. cit., s. 455, 459.
21. Мермераш — информбюровец, отбывший заключение. Слово образовано от названия «Мрамор» — так в партийных документах обозначали Голый остров, основное место заключения информбюровцев. Использовалось еще несколько синонимов для обозначения информбюровца: «информбираш», «коминформовец», позже появился «ибеовец».
22. Zapisnici Politbiroa Centralnog komiteta Komunističke partije Hrvatske, s. 919— 920.
23. Zapisniki Politbiroja CK KPS/ZKS, 1945—1954. Ljubljana. 2000, s. 229.
24. Ibid., s. 231.
25. Ibid., s. 234—235.
26. GABRIČ A. Inforbijevstvo na Slovenskem. — Prispevki za novejšo zgodovino. 1993, № 1—2, s. 169.
27. Zapisniki Politbiroja CK KPS/ZKS, s. 251, 260.
28. Ibid., s. 261—263.
29. Ibid., s. 264, 458.
30. Ibid., s. 115.
31. GABRIČ A. Op. cit., s. 164—165. Zapisniki Politbiroja CK KPS/ZKS, s. 126—127, 131.
32. Zapisniki Politbiroja CK KPS/ZKS, s. 139—141.
33. MARKOVIĆ D. Istina o Golom otoku. Beograd. 1987, s. 17; RADONJIĆ R. Izgubljena orijentacija. Beograd. 1985, s. 76—77.
34. Zapisnici Politbiroa Centralnog komiteta Komunističke partije Hrvatske. Zagreb. 2005, sv. 1, s. 487.
35. Ibid., s. 491—492, 502—503, 505, 507—509.
36. Так в тексте. По смыслу должно быть «кто».
37. Zapisnici Politbiroa Centralnog komiteta Komunističke partije Hrvatske. Zagreb. 2005, sv. 1, s. 538—539.
38. Ibid., 2006, sv. 2, s. 31.
39. Речь идет о совещании секретарей городских и котарских партийных комитетов, прошедшем 12—13 февраля.
40. Zapisnici Politbiroa Centralnog komiteta Komunističke partije Hrvatske, 2006, sv. 2, s. 32—33.
41. Ibid., s. 45.
42. Ibid., s. 481.
43. Ibid., s. 48—49, 53, 55, 168.
44. Ibid., s. 169.
45. Ibid., s. 619; Zapisnici Izvršnog komiteta Centralnog komiteta Saveza komunista Hrvatske, Zagreb, 2008, sv. 3, s. 98—99.
46. Ibid., 2006, s. 562—563.
47. Ibid., s. 648.
48. Ibid., s. 622—623, 627, 629.
49. Zapisnici Izvršnog komiteta Centralnog komiteta Saveza komunista Hrvatske, sv. 3, s. 99.
50. Ibid., s. 98—101. Случай П.Брнэ мы описали так подробно потому, что среди ортодоксальных сталинистов по-прежнему встречаются попытки взвалить вину за репрессии на «врагов народа», которые специально уничтожали невинных людей. В действительности, как показывает изложенный пример, за этим может стоять сознательное использование страха потенциальных жертв высшим руководством.
51. Zapisnici Politbiroa Centralnog komiteta Komunističke partije Hrvatske, 2006, sv. 2, s. 622.
52. Ibid., s. 622.
53. Ibid., s. 628—630, 636.

54. Ibid., s. 735.
55. Ibid., s. 876, 878, 885.
56. Ibid., s. 882.
57. Zapisnici Izvršnog komiteta Centralnog komiteta Saveza komunista Hrvatske, sv. 3, s. 185.
58. CURUVIJA S. Ibeovac: Ja Vlado Dapčević. Beograd. 1990, s. 148.
59. ДАНИЛОВИЋ П. Употреба непријатеља. Политичка суђења 1945—1991 у Југославији. Ваљево. 1993, с. 101—102. Данилович создает у читателя впечатление, что Б. Путник был казнен, но в действительности это не так. Путник остался жив и еще в середине 1990-х гг. добивался своей реабилитации.
60. Москва и Восточная Европа. М. 2008, с. 588.
61. Zapisnici Politbiroa Centralnog komiteta Komunističke partije Hrvatske. Zagreb. 2005, sv. 1, s. 464—467. Дело, которое там разбирали, началось задолго до июня 1948 года.
62. Zapisnici Izvršnog komiteta Centralnog komiteta Saveza komunista Hrvatske. Zagreb. 2008, sv. 3, s. 302, 326.
63. Zapisnici Politbiroa Centralnog komiteta Komunističke partije Hrvatske, 2006, sv. 2, s. 448, 451.
64. Ibid., s. 371, 375, 385.
65. Ibid., s. 389.
66. Ibid., s. 698.
67. Ibid., s. 992.
68. DEDIJER V. Op. cit., s. 480.
69. GABRIĆ A. Op. cit., s. 169.
70. Zapisnici Politbiroa Centralnog komiteta Komunističke partije Hrvatske, 2006, sv. 2, s. 813, 824—836.
71. Ibid., s. 103.
72. Tito o trockizmu. Jugoslavija, 1918—1984. Zbirka dokumenata. Beograd. 1985, s. 339.
73. Zapisnici Politbiroa Centralnog komiteta Komunističke partije Hrvatske, 2006, sv. 2, s. 651.
74. Zapisnici Politbiroa Centralnog komiteta Komunističke partije Hrvatske, 2005, sv. 1, s. 464—467; 2006, sv. 2, s. 93—94, 106—111.
75. Zapisnici Politbiroa Centralnog komiteta Komunističke partije Hrvatske, 2006, sv. 2, s. 357.
76. Ibid., s. 633.
77. Zapisnici Politbiroja CK KPS/ZKS, 1945—1954. Ljubljana. 2000, s. 263.
78. Zapisnici Politbiroa Centralnog komiteta Komunističke partije Hrvatske, 2006, sv. 2, s. 155.
79. DAPČEVIĆ V. Ibeovac: Ja Vlado Dapčević. Beograd. 1990, s. 146—147.
80. Zapisnici Politbiroa Centralnog komiteta Komunističke partije Hrvatske, 2006, sv. 2, s. 496—497.
81. KOVAČEVIĆ B. O Informbirou u Crnoj Gori. 1948. Jugoslavija i Kominform: pedeset godina kasnije. Beograd-Podgorica. 1998, s. 135.
82. MARKOVIĆ D. Op. cit., s. 96.
83. KOVAČEVIĆ B. Op. cit., s. 137.
84. Zapisnici Politbiroja CK KPS/ZKS, 1945—1954. Ljubljana. 2000, s. 199—200.
85. БРОЗ-ТИТО Ј. Говори и чланци. Загреб. 1959, књ.V, с. 43, 46.
86. Ibid., с. 218.
87. Ibid., с. 392.
88. Ibid., с. 290, 359; DJILAS M. Op. cit., p. 277; KULJIĆ T. Tito: sociološkoistorijska studija. Beograd. 1998, s. 121; Zapisnici Politbiroa Centralnog komiteta Komunističke partije Hrvatske, 2006, sv. 2, s. 993.
89. Referat Aleksandra Rankovića «Za dalje jačanje pravosuđa i zakonitosti» na Četvrtom plenumu CK KPJ. Jugoslavija 1918—1984. Zbirka dokumenata. Beograd. 1985, s. 827.
90. Zapisnici Politbiroa Centralnog komiteta Komunističke partije Hrvatske, 2006, sv. 2, s. 970—971, 992.
91. Op. cit., s. 759, 879.
92. Zapisnici Politbiroja CK KPS/ZKS, 1945—1954, 2000, s. 302.
93. Zapisnici Izvršnog komiteta Centralnog komiteta Saveza komunista Hrvatske, 2008, sv. 3, s. 98.
94. Zapisnici Izvršnog komiteta Centralnog komiteta Saveza komunista Hrvatske, 2010, sv. 4, s. 61, 70—71.
95. DEDIJER V. Op. cit., s. 475—476.

Отношения между Израилем и Иорданией в контексте арабо-израильского конфликта

С.М. Гасратян

Отношения между Израилем и Иорданией всегда носили особый характер. По мнению израильских аналитиков, Иордания была единственным арабским государством, заинтересованным в существовании и укреплении Израиля.

Тем не менее отношения Израиля и Иордании не всегда были хорошими. В ходе арабо-израильской войны 1948—1949 гг. Трансиордания явилась одним из основных участников вооруженной борьбы против государства Израиль. Ей удалось захватить Западный берег р. Иордан (включая Восточную часть Иерусалима со Старым Городом), населенным преимущественно арабами.

3 апреля 1949 г. на о. Родос было подписано соглашение о перемирии между Израилем и Трансиорданией. В апреле 1950 г. королевство, переименованное в Иорданию, объявило оккупированные области своей территорией, а их жителей — своими подданными¹.

Иордания в период с 1947 по 1967 г. успешно выполнила задачу присоединения палестинских территорий к своему небольшому государству и удерживала их на протяжении почти 20 лет, вплоть до арабо-израильской войны июня 1967 года².

При выработке политики в ближневосточном конфликте руководство страны исходило из интересов Хашимитской династии в регионе, ее внешнеполитических планов переустройства Ближнего Востока. Фактор династических амбиций был особенно важен в период правления Абдаллы (1921—1951 гг.).

Со времен возникновения эмирата Трансиордания его главу не устраивало положение властителя одного из самых бедных, отсталых и небольших арабских государств, практически не имевшего самостоятельной политической истории. Считая себя потомком пророка Мухаммада, один из руководителей арабского восстания против Османской империи в Хиджазе во время первой мировой войны, Абдалла ставил цель объединить арабские территории в крупное государство под управлением Хашимитской династии³.

После второй мировой войны на Ближнем Востоке стала рушиться Мандатная система, и Трансиордания получила шанс хотя бы частично реализовать свои внешнеполитические задачи за счет присоединения Палестины⁴. Иорданские короли исходили из необходимости территориального компромисса и со-

Гасратян Светлана Манвеловна — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН.

трудности с Израилем для сохранения итогов первой арабо-израильской войны.

В свою очередь, сионисты также были заинтересованы в переговорах с иорданской стороной, так как это позволяло облегчить процесс образования еврейского государства в условиях военного противодействия арабских государств и палестинских арабов.

В 50—60-е гг. XX в. особый подход Израиля к Иордании подразумевал заинтересованность в сохранении там монархического строя, что с учетом ориентации Иордании на Запад было гарантией безопасности восточной границы израильского государства⁵.

Особенности подхода Иордании к ближневосточному конфликту порождали противоречия с арабскими странами, в первую очередь, с государствами, стремившимися к лидерству в регионе. Иорданское руководство, как правило, официально провозглашало свою солидарность с позицией арабских государств и палестинских организаций в ближневосточном конфликте, которые настаивали на исключительно арабском характере всей территории Палестины и ликвидации Израиля⁶.

Более полное сотрудничество между Израилем и Иорданией было восстановлено королем Хусейном в 1958 г. — сразу после революции в Ираке, в которой погибли его близкие родственники. Хусейн послал своего армянского советника по вопросам Разведки в Израиль. Сотрудничество с Израилем осуществлялось исключительно армянскими или черкесскими функционерами королевства. Охрана короля Хусейна состояла из черкесов, и считалось, что этот факт выгоден Израилю⁷.

Иордания до последнего момента надеялась, что арабский мир избежит крупномасштабной войны с Израилем, имея в виду пример Суэцкого кризиса 1956 года. Но ситуация накануне Шестидневной войны отличалась от Суэцкого кризиса. На этот раз конфликту предшествовало длительное нагнетание напряженности, а противостояние имело более четкие региональные (арабо-израильские) рамки. Монархическая Иордания уже не пользовалась поддержкой Ирака, где Хашимитская династия была свергнута в июле 1958 года.

Палестинцам удалось создать Организацию Освобождения Палестины (ООП) и ФАТХ, претендовавшие на то, чтобы стать самостоятельными игроками в ближневосточном конфликте. Палестинские подданные короля Хусейна были крайне политизированы и недовольны его недостаточно жестким курсом по отношению к Израилю и холодностью в отношениях с египетским президентом Г.А. Насером, стоявшим в авангарде антиизраильской борьбы. Это побудило Амман пойти на риск сближения с Египтом, чтобы сохранить стабильность в стране. Восприятие Израилем арабских военных пригрозивших как свидетельство неминуемого нападения подтолкнуло к началу превентивной войны, в том числе и против Иордании как участника антиизраильского фронта. Поражение арабской коалиции в июне 1967 г. вызвало потерю Иорданией ее территориальных приобретений и положило начало новому этапу длительного ближневосточного конфликта⁸.

Кроме территориальных потерь, важным итогом Шестидневной войны стало выдвигание палестинцев и ООП в качестве самостоятельного участника арабо-израильского противостояния. Это не только привело к попытке палестинцев формировать курс Иордании в отношении Израиля, но и создавало атмосферу двоевластия. Король Хусейн в ходе военной операции против военизированных палестинских организаций в 1970 г. заставил их покинуть страну. В результате, деструктивное влияние конфликта на внутривосточное положение Хашимитского королевства удалось ограничить: Хусейн смог сохранить свою власть и возможность продолжать укреплять молодую иорданскую государственность.

Иордания оказала большое влияние на формирование и эволюцию палестинской проблемы, создание тех разделительных линий, которые существуют в Палестине в настоящее время и учитываются в различных вариантах урегулирования палестино-израильского конфликта. Тем не менее, чтобы лучше понять позицию Иордании по палестинской проблеме и ее взаимоотношения с Израилем, следует отметить, что Организация Освобождения Палестины, опекаемая рядом арабских государств и частных «филантропов», оказалась многофракционным образованием, которое первоначально возглавлял Ахмед Шукейри⁹.

В 1969 г. основная деятельность ООП проходила в лагерях беженцев на территории Иордании. Здесь они были влиятельны, перемещались по стране как самостоятельная военная сила, имея свое вооружение, транспорт, собирая налоги с беженцев, занимаясь вербовкой молодежи, пропагандой.

В этой ситуации две фракции ООП — «Народный Фронт за освобождение Палестины» Жоржа Хабаша и «Народный демократический фронт за освобождение Палестины» Наифа Хаватме выдвинули лозунг: «Дорога на Тель-Авив лежит через Амман». Реальный смысл лозунга сводился к свержению династии Хашимитов, захвату власти в Иордании и превращению страны в собственность ООП¹⁰.

К лету 1970 г. обстановка в Иордании накалилась. Это побудило короля Хусейна издать запрет бойцам ООП появляться вооруженными на улицах столицы, но ответные массовые демонстрации вынудили его отменить указ. Чувствуя себя победителями, ООПовцы немедленно потребовали увольнения ряда министров¹¹.

Таким образом, различные вооруженные группировки ООП, действовавшие самовольно и образовавшие своего рода «государство в государстве», начали представлять непосредственную опасность для королевской власти. Конец частым стычкам отрядов ООП с армией Иордании был положен в сентябре 1970 года. Речь идет о так называемом «черном сентябре», когда они были разгромлены и изгнаны из страны, а в июле 1971 г. ликвидированы базы ООП на территории Иордании¹².

По заявлению Хусейна, он принял участие в Шестидневной войне не затем, чтобы «получить свою долю пирога», — по его словам, он не верил в победу, — но единственно из-за обязательств по отношению к арабскому миру¹³.

В марте 1972 г. король Хусейн выступил с планом присоединения Западного берега р. Иордан к Израилю на федеративных началах. Но этот план был отвергнут как Израилем, так и арабскими странами¹⁴.

На внешнеполитический курс правительства Иордании долгие годы влияла позиция западных держав. С самого начала своего существования Иордания получала значительные субсидии от английского казначейства. После второй мировой войны в процесс оказания помощи стране активно вмешались США. Поскольку экономические возможности королевства были весьма ограниченными, правящие круги Иордании, вольно или невольно, следовали в фарватере внешнеполитического курса своих западных «покровителей».

В 1974 г. отказ Израиля рассмотреть предложение США о разъединении с Иорданией ослабил имидж Хусейна как лидера, который мог бы вернуть занятые арабские земли. Отказ Израиля также помог усилить пан-арабскую поддержку требования Организации Освобождения Палестины быть единственным представителем палестинцев Западного берега реки Иордан. Позже главы арабских государств, встретившиеся на высшем уровне в Рабате (Марокко), согласились признать право ООП создать независимое государство на Западном берегу реки Иордан, как только последний будет освобожден от Израиля¹⁵.

Несмотря на это, Хуссейн продолжал надеяться, что Иордания возвратит себе Западный берег Иордана. Его надежды подпитывал отказ Израиля иметь дело с Организацией Освобождения Палестины. Иордания стремилась сохранить традиционные связи с Западным берегом, что фактически осуществлялось с молчаливого одобрения Израиля. Этому способствовала политика «открытых мостов», продолжение (до 1988 г) выплаты зарплат палестинским чиновникам, укрепление экономических связей, увеличение импорта с Западного берега, выплата грантов развития и ссуд палестинским фирмам на Западном берегу реки Иордан ¹⁶.

После 1977 г., когда президент Египта Анвар Садат начал прямые переговоры с Израилем, которые привели к сепаратному «мирному соглашению», Хуссейн не пожелал следовать за ним без широкой арабской поддержки. Он отказался участвовать в Кэмп-Дэвидском процессе и скептически относился к плану президента Рейгана.

Шимон Перес, став премьер-министром Израиля, в сентябре 1984 г. предложил вести переговоры непосредственно с Иорданией без участия Организации Освобождения Палестины. Хусейн призывал к проведению мирной конференции, в которой участвовала бы объединенная делегация Иордании и ООП. Он рассматривал международный форум, который объединял бы США и СССР, основные арабские государства и Израиль, как защитный зонтик, под которым он мог бы вступить в переговоры с израильтянами ¹⁷.

Перес, возглавлявший Лейбористскую партию, был готов рассмотреть израильский вывод войск, по крайней мере, из части Западного берега реки Иордан, и поддерживал идею Хусейна созыва мирной конференции, которая прозвучала в его речи в октябре 1985 г. перед ООН. Впоследствии он начал секретные встречи с Хусейном, чтобы обсудить процедуру созыва такой конференции и возможность присутствия на ней ООП ¹⁸.

Хусейн не смог получить от Израиля надежной поддержки, потому что партнер по коалиции Переса, лидер блока «Ликуд» Ицхак Шамир выступал против созыва конференции и препятствовал тому, чтобы правительство достигло «согласия по этой проблеме».

После того как Шамир стал премьер-министром в конце 1986 г., Перес, как министр иностранных дел, продолжал свои дипломатические усилия по созыву международной конференции, но у него не было достаточной поддержки со стороны своего собственного правительства. Хусейн сделал беспрецедентный шаг во время израильских выборов 1988 г., объявив, что, если Лейбористская партия победит, то это будет лучше для мирного процесса ¹⁹.

В 80-е гг. XX в. иорданское правительство в принципе соглашалось на переговоры с Израилем. В то же время в Аммане исходили из того, что любые сепаратные соглашения с Израилем по палестинской проблеме, достигнутые без ООП, не будут жизнеспособными, а само участие иорданского правительства в такой сделке неизбежно приведет к негативным для него последствиям на арабской политической арене ²⁰.

11 февраля 1985 г. было подписано соглашение между палестинским лидером и королем Иордании. В нем вновь подтверждалось, что Организация Освобождения Палестины является «единственным законным представителем палестинского народа» ²¹.

Иорданский монарх выступал сторонником создания иордано-палестинской конфедерации при условии сохранения автономии для палестинцев. Арафат же считал, что «иорданский вариант» означает возможность создания сначала палестинского государства, а лишь затем, возможно, конфедерации с Иорданией. Для участия в мирной конференции по Ближнему Востоку было принято решение создать совместную иордано-палестинскую делегацию ²².

Между тем Иордания и Египет под давлением США усилили натиск на Арафата, требуя от него официального признания резолюции № 242 Совета Безопасности ООН. Палестинский вождь всячески уходил от ответа. «Я бы с радостью признал эту резолюцию, но, поймите, в ней Палестина даже не упоминается...» — заявлял Арафат ²³.

11 февраля 1985 г. король Хусейн заключил соглашение с Арафатом, призванное дать новый импульс решению палестинской проблемы. Они согласились на план из пяти пунктов, который мог стать рамками для переговоров. Важным элементом плана было согласие сторон на самоопределение палестинцев в контексте конфедеративного арабского государства Иордании и Палестины. Впервые эта идея была официально высказана королем Хусейном в речи 15 мая 1972 года. Тогда он предложил союз Восточного и Западного берегов под именем Объединенного арабского королевства ²⁴. Королевство должно было состоять из двух автономных районов, обладающих идентичными институтами в рамках общего федеративного управления. Восточный Иерусалим и Амман стали бы соответственно столицами Палестины и Иордании, а столицей общего государства провозглашался Амман ²⁵.

ООП переживала тяжесть потерь во время войны в Ливане и была склонна к компромиссному подходу. В декабре 1983 г. Организация восстановила отношения с Египтом и, казалось, даже была близка к официальному принятию резолюций № 242 и 338 ²⁶.

Однако иордано-палестинское сближение не получило ни общеарабской, ни международной поддержки. Вскоре исполком ООП высказался за реализацию права на самоопределение в полностью независимом государстве. Через год после соглашения король в очередной раз прервал связи с ООП. В июле 1986 г. он приказал закрыть офис Организации в Аммане ²⁷.

Таким образом иордано-палестинское соглашение, заключенное в 1985 г., просуществовало менее года. В феврале 1986 г. король Хусейн под надуманным предлогом несоблюдения палестинцами договорных обязательств его аннулировал. Начались новые гонения на палестинцев. 25 из 26 палестинских представительств в Иордании были закрыты, а видные деятели ООП, включая Абу Джихада, изгнаны из страны ²⁸.

Интифада, начавшаяся в 1987 г., привела к значительному изменению политической обстановки на Ближнем Востоке. Кроме того, что был налажен прерванный контакт с Дамаском, важные подвижки в отношении палестинцев произошли и в соседней Иордании. Иорданский монарх не пожелал более выступать в качестве «короля для всей Палестины». Арафат был на седьмом небе от счастья — он взял реванш за «черный сентябрь». Король Хусейн считал, что только на ООП лежит ответственность за освобождение Палестины.

На очередной сессии Лиги арабских государств (Алжир, июнь 1988 г.) за палестинской делегацией было закреплено право самой принимать участие в мирных переговорах по Ближнему Востоку. Иорданский представитель заявил, что его страна отныне не претендует «даже на клочок палестинской территории, каким бы малым он не был». Было также объявлено, что власти Аммана разрывают все административные и юридические связи с органами местного самоуправления на Западном берегу реки Иордан и в секторе Газа, что означало отказ Иордании от своего суверенитета над этой территорией ²⁹.

В то же время летом 1987 г. была организована встреча бывшего главы правительства Израиля Шамира с королем Иордании Хусейном. В одну из резиденций короля в Англии прибыли глава израильского правительства, начальник канцелярии премьер-министра Й. Бен-Аарон, личный секретарь главы правительства. Э. Рубинштейн ³⁰. По мнению Шамира, встреча прошла в очень теплой обстановке. «Очень важная была встреча. Королю была понятна пози-

ция Израиля. Он не позволил себе ни одного враждебного высказывания. В государственных делах он всегда вел себя честно и справедливо»³¹.

Шамир пытался объяснить, что «Ликуд» — вовсе не противник мира, как это принято было думать. Он сказал, что Израиль стоит за мир, который может быть достигнут при помощи двусторонних переговоров и при котором интересы Израиля не будут ущемлены³².

В те дни Шамир выступал против международной конференции. Уговорив Хусейна отказаться от этой идеи, он надеялся тем самым заставить американцев принять возможность двусторонних переговоров как альтернативу.

Хусейн считал, что мирное урегулирование должно было опираться на резолюцию ООН № 242 и проходить при поддержке международной конференции с участием пяти стран — постоянных членов Совета Безопасности. Шамир объяснял Хусейну, почему он против такой конференции.

США также перестали настаивать на международной конференции, учитывая, что СССР в то время был настроен весьма отрицательно к Израилю и односторонне поддерживал ООП³³. В 80-е гг. XX в. СССР открыто выступал в поддержку палестинцев и был весьма заинтересован в участии в мирной конференции, с тем чтобы получить доступ на Ближний Восток.

По мнению Шамира, участие СССР в создании палестинского государства шло вразрез с интересами Иордании, так же как и Израиля. Поэтому, по его мнению, лучшим путем к мирному урегулированию были прямые переговоры между Израилем и Иорданией без посредников. Хусейн же, со своей стороны, предпочитал советское участие американскому. Он считал, что Америка, Египет и другие страны постоянно выступали против Иордании, и что Иордания никогда не получала достаточной поддержки, ни экономической, ни военной³⁴.

Хусейн был согласен на двусторонние отношения. Король критиковал Садата, который, по его словам, пошел на сепаратное соглашение с Израилем, обойдя остальной арабский мир. «Он вывел Египет из порочного круга войн, — сказал Хусейн, — а других оставил ни с чем»³⁵.

Шамир высказался против участия ООП в переговорах из-за принципиального неприятия палестинцами мира с Израилем, как это было зафиксировано в Палестинской хартии. В отношении границ 1967 г. король Хусейн считал, что этот вопрос Израиль должен решать с палестинцами³⁶. По мнению Шамира, обмен был продуктивным. Обе стороны запланировали встречи на будущее и установили каналы связи.

Эта встреча помогла Шамиру глубже изучить позицию Иордании. Хусейн, со своей стороны, понял что для Израиля приемлемы только прямые переговоры и что ему нечего ожидать от международной конференции.

В 1988 г. король Хусейн отказался от притязаний Иордании на Западный берег р. Иордан и Иерусалим с явной целью расчистить путь для Организации Освобождения Палестины, чтобы она могла беспрепятственно настаивать на обретении полной независимости палестинской нацией.

Иордания стремилась снять с себя ответственность за очень сложную ситуацию, которая сложилась на Ближнем Востоке в конце 80-х гг. XX века.

В 1989 г. Иордания все еще воздерживалась от установления дипломатических отношений с Израилем. Однако это не помешало двум странам сотрудничать по разнообразным направлениям, имеющим отношение к Западному берегу реки Иордан, территории, оккупированной Израилем, палестинское население которой сохраняло иорданское гражданство до 1988 года. Цель Хусейна состояла в том, чтобы в конечном счете восстановить власть над Западным берегом реки Иордан, чего не удалось достичь к 1988 г., когда он оказался от своих требований в отношении этих территорий³⁷.

Международная конференция в Мадриде в 1991 г. по ближневосточному урегулированию способствовала сближению позиций Израиля и Иордании и создала предпосылки для восстановления межгосударственных отношений.

В начале 90-х гг. XX в. из 3,5 млн населения Иордании две трети являлись палестинцами. Лишь в 13 лагерях беженцев проживало около миллиона палестинцев. Приблизительно столько же осело в Иордании после переселения с Западного берега р. Иордан в течение XX века.

Тем не менее, далеко не все палестинцы принимали идею создания палестино-иорданского государства под эгидой Хашимитской династии. Сторонники исламской республики также возражали против этого плана. В то же время многие палестинцы и значительное большинство иорданцев стали считать короля Хусейна единственной фигурой, способной обеспечить стабильность на оккупированных территориях.

Следует подчеркнуть, что позиции Иордании и ООП совпадали по главным моментам: приверженность мирному урегулированию ближневосточного конфликта на основе резолюций СБ ООН № 242 и 338 на базе формулы «Мир — в обмен на землю», требование запрета строительства израильских поселений на оккупированных арабских землях.

Важно отметить также то, что Советский Союз перестал быть источником «угрозы» западным и особенно американским интересам в регионе. Этот факт лишил Израиль самого важного преимущества, а именно «быть стратегическим союзником США в конфронтации с Советским Союзом».

Около 15% иорданцев находились под влиянием идей исламских фундаменталистов и воинствующих националистов. Они считали, что король Хусейн идет на мир с Израилем в силу обострившихся внутренних политических и экономических проблем. По их мнению, мирная конференция «не принесет облегчения Иордании и палестинцам». По мнению исламистов необходимо было продолжать борьбу против Израиля до полного удовлетворения прав арабов.

Вместе со своими союзниками — радикально настроенными националистами и демократами — исламисты попытались организовать митинги протеста против участия Иордании в мирной конференции. В результате, в ноябре 1991 г. в Иордании разразился правительственный кризис. Его главная причина — неприятие влиятельным исламским блоком курса правительства на мирные переговоры с Израилем.

Тем не менее, Иордания продолжала занимать умеренную позицию в ближневосточном конфликте. Министр иностранных дел страны Камаль Абу Джабер осудил заявление премьер-министра Шамира о том, что Израиль не уступит и клочка оккупированной арабской территории.

В то же время Абу Джабер расценил резолюцию израильского кнессета о том, что Голанские высоты не могут быть предметом переговоров, как часть «израильских провокаций», которые противоречили американским гарантиям и обязательствам сопредседателей мирной конференции, а также резолюциям Совета Безопасности ООН № 242 и 338 и принципу «земля — в обмен на мир».

Одновременно Иордания расширяла контакты с арабскими странами с целью добиться продвижения в арабо-израильских переговорах. В ноябре 1991 г. Иордания провела консультации с Сирией и палестинцами с целью координации шагов на предстоящем втором раунде переговоров с Израилем. Посредническая роль Иордании состояла в том, чтобы смягчить жесткую позицию Сирии на двусторонних и многосторонних переговорах с Израилем.

Король Хусейн опасался, что заключение конфедеративного союза с палестинцами обернется иммиграцией палестинских беженцев со всего арабского мира в Иорданию, что привело бы к непредсказуемым последствиям. По мнению Аммана, вопрос о конфедерации должен был быть поставлен после урегу-

лирования всех аспектов арабо-израильского конфликта, возвращения территорий и решения проблемы палестинских беженцев.

После прихода к власти в июне 1992 г. умеренного правительства И. Рабина, выступавшего за компромиссное решение арабо-израильского конфликта по формуле «мир — в обмен на территории», возникли предпосылки для более успешного продвижения арабо-израильских переговоров. На повестке дня стоял вопрос об автономии палестинцев на оккупированных территориях. На иордано-израильских переговорах представители Аммана подняли вопрос о судьбе находившихся на территории Иордании палестинских беженцев, численность которых составляла 1,3 млн человек.

Израильцы считали, что вопрос о беженцах не является политическим и должен рассматриваться в ходе третьего этапа мирной региональной конференции в рамках многонациональных переговоров. По мнению иорданцев, напротив, этот вопрос должен был быть включен в повестку двусторонних переговоров, так как необходимо было решить, примут ли беженцы участие в выборах в органы автономного управления на оккупированных территориях или нет.

В конце ноября 1992 г. начался новый раунд переговоров между участниками арабо-израильского конфликта. Между Иорданией и Израилем были достигнуты договоренности о повестке дня дальнейших переговоров о мире.

В совместном заявлении иорданских оппозиционных партий — Демократической партии народного единства, Социал-демократической и народной демократической партий — говорилось, что соглашение Аммана и Тель-Авива о принципах двустороннего диалога «подорывает национальные основы Иордании и открывает путь к заключению сепаратного договора с Израилем». Партии считали, что подобные действия иорданского правительства снижали историческую роль Иордании в укреплении арабской солидарности и ослабляли ее поддержку восстания палестинцев.

Мусульманские фундаменталисты в Иордании резко критиковали наметившийся прогресс в отношениях Иордании и Израиля. Они провозглашали: «Нет — правительству, нет — миру». Этим самым иорданские исламские фундаменталисты проводили свою линию на вооруженную борьбу с Израилем до его «полного уничтожения», на «освобождение Палестины от берегов реки Иордан до Средиземноморского побережья».

Следует учитывать, что Иордания после Ирака и Кувейта больше всех других стран региона пострадала от кризиса в Персидском Заливе. Она понесла моральный урон, так как ее позиция поддержки Ирака негативно была истолкована арабскими нефтедобывающими странами и Западом. Иорданию поразил тяжелый экономический кризис, ставший прямым следствием событий в Заливе.

Характерно, что Шимон Перес в своей книге «Новый Ближний Восток» особо отмечал отношения между Израилем и Иорданией. Так, он писал: «С Иорданией у Израиля де-факто существовали добрососедские отношения, и непреодолимых разногласий между двумя делегациями не было».

В 1993 г. были подписаны Норвежские соглашения между Израилем и ООП³⁸. Премьер-министр Израиля Рабин и министр иностранных дел Перес сообщили королю Хусейну, что после соглашений в Осло с ООП Иордания может «остаться вне игры».

Хусейн провел консультации с президентом Египта Хосни Мубарак и президентом Сирии Хафезом Асадом. Мубарак поддержал его, а Асад посоветовал только «поговорить» с Израилем, а не подписывать какие-либо соглашения. США в лице президента Билла Клинтона вынуждали Хусейна начать переговоры и подписать мирный договор с Израилем, обещая ему, что иорданские долги будут прощены³⁹.

Совместные усилия увенчались успехом. 25 июля 1994 г. Рабин, Хусейн и Клинтон подписали «Вашингтонскую декларацию». В ней говорилось, что Израиль и Иордания объявляют о конце официального состояния вражды и начале переговоров с целью достижения «конца кровопролития и скорби», а также справедливого и прочного мира ⁴⁰.

26 октября 1994 г. Иордания и Израиль заключили исторический мирный договор, и президент Израиля Эзер Вейцман пожал руку королю Хусейну. Это произошло в присутствии президента Билла Клинтона, сопровождаемого госсекретарем США Уорреном Кристофером ⁴¹.

Египет приветствовал соглашение, а Сирия полностью проигнорировала его. Группа ливанских боевиков «Хезболлы» в знак протеста за 20 минут до начала церемонии подписания договора обстреляла населенные пункты северной Галилеи минометными снарядами и ракетами. Израильские жители, которые были вынуждены эвакуироваться в бомбоубежища, взяли с собой радиоприемники и переносные телевизоры, чтобы не пропустить момент подписания второго в истории Израиля договора с арабским государством.

В этой связи следует отметить, что, по мнению израильтян, король Хусейн давно бы заключил мир с Израилем, если бы не считал, что это может вызвать новый «черный сентябрь».

Ратификация мирного договора между Израилем и Иорданией состоялась 10 ноября 1994 года. В Обращении короля Хусейна при ратификации договора во время его первого официального визита в Израиль, в частности говорилось: «Премьер-министр Рабин, мои дорогие друзья.

Я благодарю Бога, Всевышнего за то, что он дал возможность увидеть заключительный этап нашего долгого и объективного пути.

...для меня является честью и удовольствием обменяться документами и разделить с Вами те чувства, которые прошли долгие испытания и определили пути, которые привели нас к достойному для всех нас решению,... к миру» ⁴².

«Мы надеемся и молимся, чтобы это важное событие было одним из многих с целью поиска приемлемого мира в этом районе и борьба за лучшее будущее является нашим правом» ⁴³.

«Это почетный мир». «Мир, который будет длительным...» «Я разделяю Ваши обязательства бороться за сохранение мира, как мы боролись в прошлом в поисках его. Я уверен, что будущее поколение достроит то, что мы основали» ⁴⁴.

В обращении премьер-министра Израиля Ицхака Рабина говорилось: «Ваше Величество Король Хусейн, Крон-Принц, премьер-министр Моджали, ваши коллеги, мои коллеги...

Наш мирный договор с Вашей страной, Ваше Величество, был ратифицирован, еще до того, как мы подписали его. Для этого существовал национальный консенсус из 105 членов кнессета от самых больших партий. Они поддержали его и это явилось выражением редких добрых отношений, восхищением вашим руководством как короля Иордании и это было нашей мечтой, нашей надеждой подписать с Вами мирный договор, для большинства населения Израиля это превратилось в реальность» ⁴⁵.

«...мы должны все сделать для того, чтобы реализовать его, сделать его жизнеспособным для установления новых взаимоотношений между нашими странами и нашими народами» ⁴⁶.

«У меня нет никакого сомнения, что это уникальный исторический день». «Это показывает нашу добрую волю, решимость и мужество, мир достигим. Я надеюсь, что он послужит примером другим странам, с которыми мы ведем переговоры — Сирия, Ливан». «Мы стремимся, чтобы Ближний Восток, в котором соседствуют арабские страны и палестинцы разрешили между собой свои проблемы и получили совершенно другой Ближний Восток — Ближний Вос-

ток, в котором все мы будем жить в мире, построим новую эру, новые взаимоотношения, сотрудничество во всех аспектах жизни стран и народов»⁴⁷.

Договор содержал следующие основные принципы.

1. В качестве утвержденной границы была установлена река Иордан и условлено, что, если ее русло изменится, Иорданская граница последует за новым руслом. Кроме того, Израиль передал Иордании 300 квадратных километров в том числе так называемый «остров мира», а также 2850 дунамов (2,85 кв.км) в пустыне Арава.

Кусок границы от Эйн-Геди до Бейт Шеана не был установлен, поскольку Иордания заявила, что Палестинская администрация должна быть партнером для установления этой границы.

2. Полная нормализация отношений, установление дипломатических отношений и открытие посольств, предоставление туристам виз, открытие воздушных сообщений, свобода доступа к морским портам и создание свободных торговых зон и промышленных парков в Араве.

3. Уважение суверенитета и территориальной целостности каждой из сторон, ненарушение границ без разрешения. Сотрудничество в борьбе с терроризмом и совместные усилия по борьбе с террором, в том числе защита от нападений и нарушения границ контрабандистами. Каждая страна обязана предотвращать любые враждебные действия против другой стороны и не сотрудничать с какой-либо террористической организацией.

4. Иерусалим: Иордании будет отдаваться предпочтение в качестве опекуна или хранителя мусульманских святых мест, когда пойдет речь о положении мусульманских святых мест в городе в рамках каких-либо будущих мирных соглашениях с палестинцами.

5. В рамках справедливого разделения воды реки Иордан и подземных водных ресурсов пустыни Арава, Израиль согласился предоставлять Иордании 50 млн кубов воды в год (Иордания требовала 100 млн) и долю в реке Ярмук. Обе страны будут также развивать другие водные ресурсы и водохранилища и помогать друг другу в годы засухи.

6. Израиль и Иордания будут сотрудничать с тем, чтобы облегчить страдания беженцев, в том числе в четырехстороннем комитете (Израиль, Иордания, Египет и палестинцы), который будет пытаться работать в направлении решения проблемы⁴⁸.

Месяц спустя после подписания в Аравии договора о мире две стороны объявили о своем решении установить дипломатические отношения на посольском уровне. Правительство государства Израиль и государство Хашимитского Королевства в Иордании установили 27 ноября 1994 г. дипломатические отношения на посольском уровне⁴⁹.

После соглашения Израиль и Иордания открыли свои границы для туристов. Несколько пограничных переходов были установлены по всей границе, что облегчило туристические, торговые и рабочие поездки между двумя странами. Израильские туристы начали посещать Иорданию, многие из них ездили, например, посмотреть на «Села Ха-Адом» («Красный Камень») в Петре — вырезанный из камня город времен Набатейского царства, который очаровал израильтян еще в течение 50-х и 60-х гг. XX в., когда они тайно проникали в Иорданию посмотреть на него⁵⁰.

Таким образом, мирный договор в 1994 г. стал важным этапом во взаимоотношениях между двумя странами.

Примечания

1. Краткая еврейская энциклопедия, Т.3. Иерусалим. 1986, с. 772.
2. ДЕМЧЕНКО А.В. Политика Иордании в контексте ближневосточного конфликта: 1947—1967 гг. Автореф. дис. к.и.н. М. 2007. — <http://dissercat.com/content/politika-iordanii-kontekste-blizhenewslochnogo-k...>
3. Там же.
4. ДЕМЧЕНКО А.В. Ук. соч.
5. Там же.
6. Там же.
7. The Foreign Policy of Israel, August 1994 —<http://www.radioislam.org/islam/english/jeuishp/jordan-shahak.htm>.
8. Там же.
9. Новости недели. Израиль. 9 августа 2001, с. 5.
10. Там же.
11. Там же.
12. Краткая еврейская энциклопедия, с. 773.
13. Вести — 2. 10 февраля 1994, с. 7.
14. Краткая еврейская энциклопедия, с. 774.
15. <http://atheism.about.com/library/FAQS/islam/countries/bl-Jordan-Israel.htm>.
16. Там же.
17. http://atheism.about.com/library/FAQS/islam/countries/bl_Jordan/israel.htm.
18. Там же.
19. Там же.
20. Государство Израиль в 80-е годы. М. 1992, с. 195.
21. БОРОВОЙ Я. Человек с тысячью лиц. Ясир Арафат. М. 2009, с. 99.
22. Там же.
23. Там же, с. 99—100.
24. ЗВЯГЕЛЬСКАЯ И.Д. История Государства Израиль. М. 2012, с. 231.
25. Там же.
26. Там же.
27. Там же.
28. БОРОВОЙ Я. Ук. соч., с. 100.
29. Там же.
30. Вести — 2. 10 февраля 1994, с. 7.
31. Там же.
32. Там же.
33. Там же.
34. Там же.
35. Там же.
36. Там же.
37. http://atheism.about.com/library/FAQS/islam/countries/bl_Jordan/Israel.htm.
38. ПЕРЕС Ш. Новый Ближний Восток. М. 1994.
39. <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%98%D0%B7%D1%80%D0%B0%D0%B8%D0%...>
40. Там же.
41. Там же.
42. Israel's Foreign Relations, Selected Documents 1992—1994. Jerusalem. 1995, vol. Fourteen, p. 885.
43. Ibidem.
44. Ibid., с. 885—886.
45. Ibid., с. 886.
46. Ibidem.
47. Ibidem.
48. <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%98%D0%B7%D1%80%D0%B0%D0%B8%D0%...>
49. Israel's Foreign Relations, Selected Documents, 1992—1994, p. 895—896.
50. <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%98%D0%B7%D1%80%D0%B0%D0%B8%D0%...>

Генерал Р.Ф. Унгерн-Штернберг и восстановление независимости Монголии

Л. Дугаржав, С.А. Филин

Правительство Российской империи в начале XX в. сохраняло в Монголии преобладающее влияние. При монгольском правительстве состоял русский финансовый советник, контролировавший народное хозяйство страны. Однако после Октябрьской революции 1917 г. и начавшейся затем гражданской войны влияние России в Монголии резко упало. Монголия фактически лишилась поддержки со стороны России. В этих условиях китайское правительство Дуань Цижуня взяло курс на ликвидацию монгольского ханства: летом 1918 г. Кяхтинский договор был нарушен вмешательством Китая во внутренние дела Внешней Монголии, пекинское правительство ввело в ее столицу — Ургу — ограниченный контингент войск. При этом ни Китай, ни Монголия не признали советскую власть и поддерживали отношения с правительством адмирала А.В. Колчака в Омске через прежнюю российскую миссию в Пекине.

Монгольский вопрос в начале 1919 г. приобрел особое значение в связи с возникшим панмонгольским движением. Эту идею наиболее активно отстаивал один из руководителей Белого движения в Забайкалье, на Дальнем Востоке и в Монголии, генерал-лейтенант Российской армии, атаман Сибирского казачьего войска Григорий Михайлович Семёнов, который хотел возродить державу Чингисхана и создать «Великую Монголию» на территории от Китая до Забайкалья. Состоявшийся в конце февраля — начале марта 1919 г. в г. Чите под руководством Семёнова съезд панмонголистов провозгласил создание независимого объединенного Монгольского государства, включавшего Внешнюю и Внутреннюю Монголию и Бурятию, и избрал временное правительство во главе с влиятельным ламой из Внутренней Монголии Нэйсэ-гэгэном Мэндэбаяром, однако фактическое руководство осуществлял сам Семёнов. Хотя Внешняя Монголия отказалась участвовать в этом временном правительстве, соответствующие документы были направлены на Версальскую мирную конференцию. Временное монгольское правительство негативно отнеслось к Советской власти и поддерживало отношения с Сибирским временным правительством и сменившим его в ноябре 1918 г. правительством А.В. Колчака в Омске, выступавшими за сохранение Кяхтинского соглашения и автономию Внешней Монголии. Временное монгольское правительство сформировало войска из бурят, монголов Внутренней Монголии и баргутов¹, которые временно были расквартированы в районе железнодорожной станции Даурия.

Дугаржав Лувсанцэрэншин — доктор исторических наук, профессор Улан-Баторского филиала ФГБОУ ВПО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова»; *Филин Сергей Александрович* — доктор экономических наук, профессор Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова.

Официальный Пекин крайне негативно отнесся к подобным планам, и летом 1918 г. ввел в Ургу батальон китайских войск. В апреле 1919 г. умер Председатель совета министров хан Т.-О. Намнансурэн. В Ургу стали прибывать новые китайские войска. Китайский корпус под командованием генерала С. Шучжэна под предлогом противодействия оккупации Монголии войсками атамана Семёнова и опасности «занесения в Китай большевистской заразы» в июле 1919 г. оккупировал столицу Монголии Ургу и заставил правительство Богдо-хана признать суверенитет Китая над Монголией.

Китайские власти взяли курс на постепенную ликвидацию монгольской автономии. Осенью 1919 г. в Монголии был установлен китайский военно-политический режим. Президент Китайской республики Сюй Шичан 22 ноября 1919 г. расторг русско-монгольские соглашения 1912 г. и Кяхтинский договор 1915 г., определявшие статус Монголии как автономной части Китая. В свою очередь, Советское правительство также денонсировало договоры с Японией и Китаем в 1918 и 1919 годах.

Декретом китайского президента от 22 ноября 1919 г. автономия Монголии была отменена. В течение полугода все ее институты были расформированы: монгольское правительство в декабре 1919 г. было распущено, монгольская армия — разоружена и расформирована. Монгольский монарх, Богдо-гэгэн VIII был лишен власти. Таким образом, пекинское правительство силой оружия ликвидировало автономию Внешней Монголии и по существу превратило ее в китайскую провинцию ².

Китайская оккупация Монголии вызвала недовольство широких слоев монгольского общества, кроме части коллаборационистски настроенной высшей знати. Наибольшее недовольствие выражали буддийское духовенство и бывшие государственные и военнослужащие. В Урге в 1919—1920 гг. образовалось две подпольные антикитайские группы, позже получившие названия «Консульский холм» и «Восточное хурэ» ³. Первую из них возглавлял высокообразованный 35-летний лама, работавший при Богдо-хане в российском консульстве в Урге, Догсомын Бодоо. Группа «Восточного хурэ» сформировалась в середине ноября 1919 г., когда часть членов нижней палаты монгольского хурала, включая бывшего служащего Министерства финансов Солийн Данзана и Дансрабилэгийн Догсома из Военного министерства (ставших руководителями группы), тайно встретилась на следующую ночь после его роспуска китайским генералом С. Шучжэном и решила противодействовать китайцам.

Группа «Восточного хурэ» планировала захватить ургинские армейские арсеналы и уничтожить С. Шучжэна, она дважды обращалась к Богдо-хану с просьбой о его благословении на вооруженное восстание, и каждый раз получала совет: «хранить терпение». Усилия правительства Богдо-гэгэна VIII, направленные на получение помощи из Японии и США для освобождения Монголии от китайской оккупации, провалились.

По рекомендации Коминтерна летом 1920 г. группам удалось выработать совместную программу и 25 июня 1920 г. они объединились в Монгольскую народную партию (МНП), приняли партийную клятву и назначили делегатами С. Данзана и Х. Чойбалсана ⁴, которые в начале июля 1920 г. прибыли в Верхнеудинск — столицу созданного РСФСР буферного государства — Дальневосточной республики, где встретились с представителем Коминтерна Б.З. Шумяцким. В Ургу была послана шифрованная телеграмма, уведомившая МНП о необходимости официального письма с просьбой Богдо-хана о советской помощи против китайцев. Такое письмо удалось получить через приближенного к Богдо-гэгэну VIII да-ламу Пунцагдоржа. По прибытии в Омск новой монгольской делегации с официальным письмом Богдо-хана ее отправили в Москву, куда С. Данзан, Д. Догсом и Лосол добрались к середине сентября 1920 года. В Москве они встречались с советскими и коминтерновскими чиновниками, в том числе и с В.И. Лениным, но не получили никаких конкретных обещаний.

Хотя Богдо-гэгэн VIII был арестован китайцами, он, находясь под домашним арестом, несколько раз обращался к командующему Азиатской конной дивизией Унгерну с просьбой освободить Ургу от китайцев.

Роман Федорович Унгерн (1886—1921) происходил из старинного немецко-балтийского (остзейского) графского и баронского рода ⁵, включенного в дворянские мат-

рикулы трех российских прибалтийских губерний. По словам Унгерна, в его жилах текла немецкая и венгерская кровь, и он являлся потомком Великого хана гуннов Атиллы ⁶.

У российского генерал-лейтенанта Унгерна было особое отношение к Монголии. После его производства в сотники в 1912 г. он в июле 1913 г. подал в отставку и уехал в Кобдо (Монголия), чтобы участвовать в национально-освободительном движении монголов против Китая. Но ему разрешили служить только сверхштатным офицером в конвое русского консульства. Получив известие о начале первой мировой войны Унгерн сразу выехал в Россию. Он поступил в 34-й Донской казачий полк, действовавший на Австрийском фронте в Галиции. За время войны 5 раз был ранен, но возвращался в строй с незалеченными ранами. За подвиги, храбрость и отвагу был награжден орденами: Святого Георгия 4-й степени, Святого Владимира 4-й степени, Святой Анны 3-й и 4-й степеней, Святого Станислава 3-й степени.

Унгерн являлся одним из руководителей Белого движения в Забайкалье и Монголии, командующим Азиатской конной дивизией в войсках Семёнова (узнав об Октябрьской революции, Семёнов и Унгерн уехали в Читу, оттуда — на ст. Даурия в Забайкалье) ⁷. В Даурии 1 сентября 1918 г. была сформирована Отдельная конная туземная бригада, на основе которой позже был образован Туземный конный корпус, преобразованный в Азиатскую конную дивизию под командованием Унгерна ⁸. Унгерн фактически стал властителем Даурии и прилегающего к ней участка Забайкальской железной дороги. В ноябре 1918 г. он получил чин генерал-майора.

Унгерн участвовал в разработке плана восстановления монархий и борьбы с революциями в Евразии, начиная от Маньчжурии, Монголии и Китая и далее на запад, являлся автором идеи реставрации империи Чингисхана от Тихого океана до Каспия. В рамках реализации этого плана в феврале-сентябре 1919 г. он ездил в Маньчжурию и Китай, где налаживал контакты с монархическими кругами. В Харбине в июле 1919 г. он по православному обряду вступил в брак с представительницей свергнутой династии Цин — принцессой Цзи, получившей имя Елена Павловна Унгерн-Штернберг. Цель брака была политическая: Цзи была родственницей командующего китайских войск западной части КВЖД и губернатора Хайлара генерала Чжана Куйву ⁹.

В 1920 г. Унгерн приступил к реализации планов по воссозданию державы Чингисхана — независимого объединенного Монгольского государства, включающего Внешнюю Монголию, Внутреннюю Монголию и Бурятию, которое должно было противостоять как западной культуре, так и мировой революции. Накануне выступления в поход на Ургу Унгерн дал обет трезвости и ввел сухой закон в Азиатской конной дивизии ¹⁰.

Теснимая наступавшей Рабоче-крестьянской Красной Армией, Азиатская конная дивизия под командованием Унгерна 1 октября 1920 г. ¹¹ вошла в Халху из Даурии у поселка Усть-Букукун, направилась на юго-запад и в конце октября осадила Ургу. Унгерн и его дивизию в Урге с надеждой ждали многие: для монголов он был символом возрождения независимости, русским же колонистам он нес освобождение от китайского ига ¹². Унгерн умело использовал национально-освободительное движение монгольского народа, направленное против китайского господства: в составе его дивизии были монгольские части.

Подойдя к Урге, Унгерн вступил в переговоры с китайским командованием. Все его требования, включая разоружение китайских войск, были отвергнуты. Войска Унгерна пошли на штурм города, но потерпели поражение, понеся значительные потери. Китайцы ужесточили режим в Урге, установив контроль религиозных служб в буддийских монастырях, занявшись грабежами и арестами русских и монголов, рассматриваемых как «сепаратисты».

Советское правительство было вынуждено принять решение о содействии военным соединениям монгольских революционеров в разгроме Унгерна силами РККА ¹³. Однако когда стало известно, что китайский гарнизон Урги успешно отразил штурм, советская стратегия менялась: было решено оставить единственную на востоке 5-ю армию, уже значительно демобилизованную, в пределах границ России, и 28 ноября 1920 г. решение о вступлении в Монголию было отменено ¹⁴. Советское правительство пыталось предложить военную помощь против Унгерна Китайской республике, однако в начале 1921 г. китайская сторона отвергла это предложение ¹⁵.

После поражения части Унгерна отошли в верховья р. Керулен в аймаке Сэцэнхана в восточной части Монголии. Здесь Унгерн получил поддержку всех слоев монгольского населения. Материальное положение дивизии улучшалось, в том числе за счет захвата караванов, направлявшихся из Китая для снабжения китайского гарнизона Урги. Дисциплина держалась на заботе о личном составе и жестоких наказаниях (вплоть до казней мародеров, дезертиров и воров). Дивизия пополнялась за счет отдельных частей российских войск Белого движения, проникавших из Забайкалья.

Унгерн захватывал китайские караваны, монголы помогали ему лошадьми, провиантом. Унгерн был необычной личностью: отчаянно храбрый и неординарно мыслящий, он обладал огромными знаниями в области религий и культов, философии, выучил монгольский язык, принял буддизм¹⁶, монгольское подданство и стал носить монгольскую одежду. Он был идеалистом. Благодаря своей дипломатичности, умелому использованию обычаев монголов и китайцев, принципов идеологии, он перестал быть иностранцем в Монголии.

Монголы считали Унгерна воином Шамбалы¹⁷ и за храбрость дали ему прозвище «Бог войны». По их мнению¹⁸, он был «не уязвим для пуль».

Хотя монгольские князья, в том числе Г. Лувсанцэвээн, организовали мобилизацию монголов, монголы понимали, что их собственных сил недостаточно, а Япония, Советская Россия и страны Запада Монголии не помогли. Вследствие этого именно Азиатская конная дивизия Унгерна с присоединившимися к ней монгольскими отрядами фактически трансформировалась в армию Монгольского государства¹⁹.

Унгерн назначил сбор войск на 28 января 1921 г. в У-Булане к юго-востоку от Урги, с помощью монголов вступил в контакт с теократическим монархом Монголии — Богдо-гэгэном VIII, находившимся под китайским арестом. Посланец 29 января тайно доставил Унгерну благословение Богдо-гэгэна VIII на изгнание китайцев из Монголии²⁰.

Согласно М.Г. Торновскому²¹, ко времени решающего штурма Урги численность Азиатской дивизии составляла 1460 чел., численность китайского гарнизона — 7 тысяч. Китайцы имели большое превосходство также в артиллерии и пулеметах, создали систему окопов в Урге и вокруг нее.

Полковник Дубовик, присоединившийся к Унгерну в Монголии, составил доклад с приложением диспозиции взятия Урги, которую Унгерн, его ближайший помощник Резухин и старшие офицеры приняли с некоторыми поправками²².

В ночь на 1 февраля 200 тибетцев, монголов и бурят во главе с Ц.Ж. Тубановым, баргутом Лувсаном и тибетцем Саджа-ламой направились из долины У-булан, юго-восточнее Урги на юго-западный склон горы Богдо-ула (южнее Урги) с целью освободить из-под ареста Богдо-гэгэна VIII. Главные силы Унгерна двинулись на город. В тот же день отряд под командованием Резухина захватил передовые позиции китайцев южнее Урги. Две сотни казаков (под командой Хоботова) подошли к городу с юго-востока. 2 февраля войска Унгерна захватили остальные передовые позиции китайцев и часть Урги. Во время боев унгерновский отряд освободил Богдо-гэгэна VIII из-под ареста и доставил его в монастырь Манджушри-хийд на горе Богдо-ула. Это оказало деморализующее воздействие на китайцев.

После продолжительной осады 1-я конная бригада российского генерала Унгерна²³ 4 февраля предприняла решающий штурм Урги с востока, захватив китайские казармы, и после ожесточенных боев город был освобожден. Часть китайских войск покинула Ургу. Китайская администрация Ховда и Улсутая выехала в Синьцзян. Урга была освобождена, и в тот же день Унгерн провозгласил независимость Монголии.

Урга встретила войска Унгерна как освободителей. Однако в городе начались грабежи брошенных лавок, богатых домов и китайского банка. В них участвовали представители всех национальностей. Унгерн жестко пресекал грабежи, и через два дня они прекратились²⁴.

Эти новости вновь изменили советские планы. На пленарной сессии Коминтерна в Иркутске 10 февраля была принята резолюция о «...помощи в борьбе монгольского народа за свободу и независимость деньгами, оружием и военными инструкторами»²⁵.

22 февраля в Урге состоялась торжественная церемония повторного возведения Богдо-гэгэна VIII на трон великого хана Монголии ²⁶, Богдо-ханская монархия была реставрирована. Унгерну Семёнов присвоил чин генерал-лейтенанта.

Богдо-хан в начале марта 1921 г. сформировал правительство Автономной Внешней Монголии. В это время Унгерн не было в Урге: он был в походе на юге, где сражался под Чойри-Сумэ. В состав правительства вошли: Джалхандза-хутухта Дамдинбазар — первый министр и министр внутренних дел (вскоре, в связи с его отправкой в Западную Монголию, министерская печать была передана Донкор-Манджушри-гэгэну Цэрэндоржу), Шанзав Дашцэвэг — министр иностранных дел, Бишерельту-ван Доржцэрэн — военный министр, Лувсанцэвээн — министр финансов, бэйсэ (князь 4-й степени) Чимэддорж — министр юстиции. Хатан-Батор Максаржав стал командующим монгольскими войсками.

Унгерн не стал ни диктатором, ни ханом Монголии, он остался командующим Азиатской конной дивизией. После того как Богдо-хан вновь взошел на престол в Халхе, он не стал вмешиваться во внутренние дела Монголии, хотя и помогал монгольской власти. Он занялся подготовкой следующего этапа своего грандиозного плана — похода в Китай с целью восстановления династии Цинь.

За заслуги перед страной Унгерн был пожалован высшим титулом в Монголии — дархан-хошой-чин-вана в степени хана; многие его подчиненные получили титулы монгольских князей ²⁷. Но всю полноту власти осуществлял Богдо-гэгэн VIII и его правительство, Унгерн действовал с санкции монарха. Только на решения, не относящиеся к внутримонгольским делам, влияние Унгерна в течение 4 месяцев было определяющим: ни одно серьезное решение не принималось без его согласия. Тем не менее, он, особенно в первое время, стремился действовать через Богдо-хана и министров, выступая своего рода нейтральным арбитром ²⁸.

В этот период, несмотря на фактическую изоляцию, в Монголии был осуществлен ряд прогрессивных мер: открыты военная школа в Урге, национальный банк, улучшено здравоохранение, административная система, промышленность, связь, сельское хозяйство, торговля. После освобождения Урги Унгерн предпринял следующие меры: очистил город от мусора, накопившегося за много лет, установил дисциплину и порядок, разбил полностью войска китайского генерала Сюй Шучжэна и изгнал их остатки за пределы Монголии.

К негативным моментам этого периода можно отнести то, что комендантом Урги стал начальник контрразведки Азиатской дивизии подполковник Л.В. Сипайло, которым со ссылками на приказы Унгерна в Урге было убито 38 колонистов-евреев ²⁹; были убиты также врач Цыбыктаров и члены революционного комитета русских граждан в Урге: Кучеренко, Гембаржевский и другие. Общее же число казненных (за пределами Монголии и в Монголии) разных национальностей (не монголов) составило 846 человек ³⁰. Факты говорят о том, что репрессий от воинских частей Унгерна было во много раз меньше, чем, например, от действий в России и Монголии воинских частей других российских генералов Белого движения и командиров РККА или монгольских командиров в Монголии. Унгерн не был жестоким, но описания одних и тех же репрессий по политическим соображения или вследствие ошибок и искажений (как, например, в мемуарах Б.Н. Волкова) были многократно увеличены, широко растиражированы и приписаны именно Унгерну с целью его дискредитации, а не тому же Сипайло ³¹.

В Кяхте (ДВР) 1—3 марта 1921 г. состоялся I Учредительный съезд МНП. Втайне от китайских властей, на 1-й сессии встретились 17 чел., на 2-й — 26. Был избран Центральный Комитет Монгольской Народной партии во главе с С. Данзаном и одним представителем Коминтерна и принят манифест МНП ³².

Одновременно с I Учредительным съездом в Кяхте состоялось совещание командиров монгольских партизанских отрядов и революционных групп. Было утверждено создание Монгольской народно-революционной армии во главе с Д. Сухэ-Батором, к которому были прикомандированы 2 советских советника (начштаба с апреля 1921 г. — П.И. Литвинцев).

Войска Унгерна 11—13 марта захватили укрепленную военную базу китайцев в Чойрыне на юге Монголии; другую базу, в Дзамын-Удд (несколько южнее), китайс-

кие солдаты оставили без боя. Вскоре (18—21 марта) МНРА численностью до 400 чел. под командованием Д. Сухэ-Батора выбила 2-х тыс. китайский гарнизон из торговой слободы Маймачен в северной Монголии, который отошел в район п. Бухулей и Ибицик. Китайские войска, отступившие на север Монголии, попытались обойти Ургу и пробраться в Китай. Помимо этого, большое число китайских солдат двинулось в том же направлении от Маймачена, оставленного китайскими войсками после боев 18—21 марта с МНРА. Русские и монголы восприняли это как попытку вновь захватить Ургу. Несколько сотен казаков и монголов встретили несколько тысяч китайских солдат в районе тракта «Урга-Улясутай» у р. Тола в центральной части Монголии. Бои шли с 30 марта по 2 апреля. Китайцы были разбиты, часть их сдалась, а часть прорвалась на юг в Китай³³.

Избранный на съезде ЦК МНП сформировал 13 марта новое Народное Временное правительство Монголии в составе 7 чел., которое переехало в освобожденный Маймачен. Монгольской народной партией было выпущено воззвание, объявившее о создании правительства, изгнании китайцев и обещание созвать съезд народных представителей для выборов постоянного правительства. Север Монголии заполнили листовки МНП с призывом к уничтожению Азиатской конной дивизии.

Богдо-гэгэн VIII поддержал стремление революционеров изгнать китайцев, но не их желание захватить власть в Монголии. Поэтому Богдо-ханское правительство убеждало население, что революционеры намереваются уничтожить монгольское государство, и «потрясают» самые основы «желтой веры»³⁴.

Из Маймачена ЦК МНП 10 апреля обратился к РСФСР с просьбой о военной помощи. Численность МНРА в апреле 1921 г. возросла до 800 человек.

Планы похода Унгерна в Китай не были реализованы, ресурсы Монголии не позволяли обеспечить долгое содержание Азиатской дивизии, ухудшались отношения с местным населением и дисциплина в войсках от длительного бездействия, вследствие чего у Унгерна не оставалось другого выхода, как выступить против ДВР³⁵.

Как и раньше, Унгерн действовал по собственному плану и не выполнял заданий ни Г.М. Семёнова, ни Японии, ни других стран, надеясь на восстание населения против Советской власти³⁶. 21 мая Унгерн издал приказ «русским отрядам на территории Советской Сибири», которым объявил о начале похода на советскую территорию. Хотя цель данного похода лежала в контексте возрождения империи Чингисхана, в приказе, в частности, говорилось: «...в народе мы видим разочарование, недоверие к людям. Ему нужны имена, имена всем известные, дорогие и чтимые. Такое имя лишь одно — законный хозяин Земли Русской Император Всероссийский Михаил Александрович...».

Весной 1921 г. Азиатская дивизия была разделена на 2 бригады: одна под командованием генерал-лейтенанта Унгерна, другая — генерал-майора Резухина. Бригада Унгерна включала, по данным Торновского³⁷, 2100 бойцов, 20 пулеметов и 8 орудий, бригада Резухина — 1510 бойцов, 10 пулеметов и 4 орудия, части, оставленные в районе Урги, — 520 человека³⁸. В Азиатской дивизии служили представители более 16 национальностей, в основном русские, монголы, буряты, китайцы, татары, составлявшие национальные отряды. Кроме того, Унгерн устанавливал связи с частями российских войск Белого движения Н.Н. Казагранди, И.Г. Казанцева, А.П. Кайгородова, А.И. Шубина, отступившими из России в западные районы Монголии, и подчинил их своему командованию. Общая численность войск Унгерна и его соратников достигла примерно 11 тыс. человек³⁹.

Бригада Унгерна выступила из Урги 21 мая в рейд в Советскую Бурятию к западу от р. Селенга и 28 мая заняла п. Карнакайка (базу МНРА) у р. Хара, а 7 июня г. Троицкосавск. Красная Армия, перебросив войска с разных направлений к границе с Монголией, получила многократный перевес в живой силе и вооружении и в боях 11—13 июня части Народной революционной армии (НРА) ДВР выбили бригаду Унгерна из Троицкосавска.

Бригада Резухина перешла границу 1 июня у п. Желтуринский на левом берегу Селенги. Ей удалось разбить несколько отрядов РККА. В одном из боев отличился К.К. Рокоссовский, получивший за это 2-й орден Боевого Красного Знамени. В результате действий РККА создалась угроза окружения и 8 июня Резухин, не имея свя-

зи с бригадой Унгерна, с боями отступил в Монголию. Это был тот «благоприятный момент», которого ждало советское правительство. 16 июня Политбюро ЦК РКП (б) приняло постановление о военном походе в Монголию.

После небольшого отдыха бригады на р. Иро Унгерн повел ее на соединение с Резухиным. После чего Азиатская дивизия уже в составе 2 бригад 18 июня двинулась в свой последний поход — на Мысовск и Верхнеудинск. Силы Азиатской дивизии к моменту выступления во 2-й поход составляли 3250 бойцов при 6 орудиях и 36 пулеметах.

Одновременно в Иркутск 18 июня поступила Директива помглавкома по Сибири о создании Экспедиционного корпуса Константина Августовича Неймана для похода в Монголию⁴⁰. На корпус возлагалась задача — во взаимодействии с монгольскими народными войсками осуществить разгром Унгерна. 28 июня экспедиционный корпус в составе около 10 тыс. бойцов⁴¹, в который входили соединения и части 5-й армии РККА и народно-революционной армии ДВР, отдельный кавалерийский полк под командованием Рокосовского и особая часть под командованием сибирского партизана П.Е. Щетинкина, пересек границу Монголии, и, не встречая какого-либо сопротивления, вошел 6 июля, приветствуемый, согласно традиции, начальником личной стражи Богдо-хана, в оставленную частями Унгерна Ургу⁴².

Унгерн, ликвидировав китайское влияние в Монголии, провозгласив ее независимость существенно помог Советской России установить в Монголии свое влияние.

Народное Временное правительство Монголии и ЦК МНП прибыли в Ургу 8 июля и 9 июля Богдо-хан получил письмо, в котором вожди революции уведомили его, что все порядки в Монголии, за исключением религии, будут пересмотрены и реформированы⁴³. ЦК МНП издал 10 июля распоряжение о формировании нового Народного правительства Монголии в составе: премьер-министр и министр иностранных дел Д. Бодоо, военный министр и главком МНРА Д. Сухэ-Батор, министры: финансов — С. Данзан, юстиции — Х.-Б. Максаржав, внутренних дел — Пунцагдорж, зам. главкома и комиссар МНРА — Х. Чойбалсан. Богдо-хан провозглашался ограниченным монархом и 11 июля был вновь церемониально реинтронизирован. С тех пор этот день стал национальным праздником Монголии — датой победы революции.

Вместе с тем освобождение Урги не означало конца боевых действий: Унгерн еще обладал значительной военной силой. Сравнительно крупные отряды частей российских войск Белого движения продолжали оставаться в районах северо-западной Монголии. Монгольская народная партия обратилась 12 июля к РСФСР с просьбой не выводить свои войска из Монголии до полного разгрома Унгерна и взять на себя посредничество в деле нормализации отношений Монголии с Китаем. Х.-Б. Максаржав, посланный Богда-ханом в Северо-западный край, получив известие о победе народной революции, поднял 20 июля восстание в г. Улясутае, уничтожил белые отряды Ванданова и Безродного, посланные Унгерном к г. Улясатаю⁴⁴, и со своими войсками перешел на сторону революции.

Части РККА 18 июля завязали бои с казаками Резухина за п. Ван-Хурен, однако последние прорвались из окружения и двинулись к п. Ахай-Гун-Хуре на соединение с бригадой Унгерна. 24 июля Азиатская дивизия перешла границу и повела наступление на г. Новоселенгинск. Взяв Новоселенгинск 1 августа Унгерн продолжил наступление вдоль р. Селенга на г. Верхнеудинск, 2 числа была взята станица Верхне-Убукунская в 85 км юго-западнее Верхнеудинска.

Наступление Унгерна вызвало серьезную обеспокоенность властей ДВР: обширные территории вокруг Верхнеудинска объявляли на осадном положении, была проведена перегруппировка войск, прибыло подкрепление⁴⁵, и уже 5 августа во время боя при Новодмитриевке первоначальный успех дивизии Унгерна был сведен на нет подошедшими к частям 5-й армии броневиками. Вместо плохо организованных красных партизан Унгерну противостояли многочисленные, хорошо вооруженные и организованные войска 5-й армии и ДВР, создалась угроза окружения. Вероятно также, Унгерн понял, что его надежды на восстание населения не оправдались, и 7—10 августа Азиатская дивизия с боями стала отступать на запад, в район п. Модонкуль.

11 августа Унгерн разделил дивизию на 2 бригады: с 1-й бригадой он пошел вперед, а бригада Резухина шла в арьергарде, отбивая атаки частей РККА. Хотя Ази-

атская дивизия и нанесла РККА существенные потери, изменить в корне соотношение сил не смогла.

Перевалив неприступный Модонкульский голец, Азиатская дивизия 14—15 августа вышла в Монголию. Унгерн решил вести дивизию на запад — в Урянхай «на зимовку», чтобы потом вновь начать борьбу, но, по-видимому, поняв, что это место в силу географических особенностей станет для них ловушкой, решил идти в Тибет, чтобы поступить на службу к Далай-Ламе XIII. Эти планы не получили поддержки: солдаты и офицеры были уверены, что поход в Тибет через непроходимую летом пустыню Гоби обрекает их на гибель. Как следствие, в обеих бригадах возник заговор против Унгерна, целью которого был уход в Маньчжурию.

Унгерн был предан своими соратниками: в ночь с 17 на 18 августа от рук своих подчиненных погиб Резухин, в ночь с 18 на 19 августа заговорщики обстреляли палатку Унгерна, однако он успел скрыться. Заговорщики расправились с близкими, как они считали, к Унгерну людьми, после чего обе бригады пошли через территорию Монголии в восточном направлении к Маньчжурии. При попытке вернуть свою бригаду 20 августа Унгерн был арестован монгольским дивизионом, которым командовал Бишерельту-гун Сундуй⁴⁶. В свою очередь, дивизион был взят в плен партизанским отрядом, которым командовал бывший штабс-капитан, кавалер полного банта солдатских Георгиев П.Е. Щетинкин.

Свое мнение о деле Унгерна, ставшее руководством к проведению всего процесса, Ленин 26 августа передал по телефону: «Советую обратить на это дело побольше внимания, добиться проверки солидности обвинения, и в случае если доказанность полнейшая, в чем, по-видимому, нельзя сомневаться, то устроить публичный суд, провести его с максимальной скоростью и расстрелять». Унгерну предъявили обвинение по трем пунктам: 1) действия в интересах Японии, что выразилось в планах создания «центральноазиатского государства⁴⁷»; 2) вооруженная борьба против советской власти с целью реставрации династии Романовых; 3) террор и зверства. Приговор Унгерну содержал ряд ложных обвинений: в истреблении целых селений, поголовном уничтожении евреев, действиях «на пользу захватнических планов Японии» и в том, что его действия были частью общего плана наступления на РСФСР с востока⁴⁸.

Унгерн вплоть до своей казни носил монгольский дээл желтого цвета с погонями генерал-лейтенанта и Георгиевским крестом. Генерал был расстрелян по приговору революционного трибунала 15 сентября в Новониколаевске⁴⁹. Богдо-гэгэн VIII после получения известия о казни повелел служить молебны о нем во всех храмах Монголии.

Таким образом, благодаря российскому генералу Унгерну, его полководческому таланту и Азиатской конной дивизии, в которую входили представители 16 национальностей, разгром китайских оккупантов в Урге 4 февраля 1921 г. стал важнейшим событием в восстановлении независимости Монголии. Именно Унгерн с его полным пренебрежением к опасности смог увлечь в казавшийся современникам безумным поход на Ургу горстку казаков и солдат, благодаря чему сегодняшняя Монголия является независимым государством.

Примечания

1. Баргуты — народ, проживавший, главным образом, на севере КНР (городской округ Хулун-Буир Внутренней Монголии) и востоке Монголии. Культура близка бурятам, хорчинам и халка, с которыми в Средние века делили кочевые земли к востоку от озера Байкал. В этногенезе баргутов присутствуют монгольские, южнобурятские и тунгусские компоненты.
2. БЕЛОВ Е. Как была ликвидирована автономия Внешней Монголии. Азиатская библиотека. http://asiapacific.narod.ru/countries/mongolia/avtonomia_v_mongolia.htm.
3. EWING E.T. Chronicled the history of these two groups in *The Origin of the Mongolian People's Revolutionary Party: 1920*, *Mongolian Studies*. Bloomington. 1978—1979, p. 79—105.
4. ЧОЙБАЛСАН Х., ЛОСОЛ Д., ДЭМИД Д. Монголын ардын ундэсний хувтгал анх уусэг байгуулагдсан товч туух. Улаанбаатар. 1934, I боть, х. 100—102.

5. Отец — Теодор-Леонгард-Рудольф (Федор Робертович) фон Унгерн-Штернберг — доктор философии Лейпцигского университета. Мать — Софии-Шарлота (София) фон Вимпфен — уроженка Штутгорта. См.: КУЗЬМИН С.Л. Родословная барона Унгерна. <http://kazagrandy.livejournal.com/2164879.html>. Род вел начало от Ганса фон Унгерна, бывшего в 1269 г. вассалом рижского архиепископа. См.: Унгерн-Штернберг, графский и баронский род. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб. 1890—1907.
6. Предки гуннов — хунны проживали с IV в. до н. э. на территории Монголии. Мадыяры (венгры) считают, что являются наследниками гуннов. Поскольку вторгшись в Европу гунны представляли собой свободную коалицию различных народов, возможно, что венгры были частью этой коалиции племен. До начала XX в. многие венгерские историки полагали, что Szekely («братская к венграм нация», проживающая в Трансильвании) были потомками гуннов. См.: Исчезнувшие народы. Гунны. <http://www.ischezli.ru/guny.html>.
7. КУЗЬМИН С.Л. История барона Унгерна. Опыт реконструкции. М. 2011, с. 94—96.
8. ЕГОРОВ Н.Д., ПУЛЬЧЕНКО Н.В., ЧИЖОВА Л.М. (сост.) Путеводитель по фондам Белой армии. М. 1998.
9. КУЗЬМИН С.Л. История барона Унгерна, с. 94—96.
10. КАПИЦА М.С. На разных параллелях. Записки дипломата. М. 1996.
11. В октябре 1920 г. командующий Дальневосточной Русской армией генерал Вержицкий издал приказ: «Начальник Партизанского отряда генерал-майор Унгерн, в последнее время, не соглашаясь с политикой атамана Семёнова, самовольно ушел с отрядом к границам Монголии, в район Юго-западнее г. Акши, почему генерал-майора Унгерна и его отряд исключить из состава вверенной мне армии». См.: РОЩИН С.К. Унгерн в Монголии. — Восток. 1998, № 6. То есть с этого момента Унгерн стал полностью самостоятельным.
12. ЦВЕТКОВ В.Ж. Белое дело барона Унгерна. <http://www.dk1868.ru/statii/Tstvetkov6.htm>.
13. Советско-монгольские отношения (1921—1974). Т. 1. М. 1975, с. 464.
14. The Trotsky Papers 1917—1922 (The Hague, 1971), v. 2, №. 669, p. 401—403; Документы внешней политики СССР. М. 1957, с. 55—56.
15. EWING E.T. Russia, China, and the Origins of the Mongolian People's Republic, 1911—1921: A Reappraisal. London. 1980, p. 419.
16. Из письма Унгерна одному монгольскому князю: «Единственно, кто может сохранить правду, добро, честь и обычаи, так жестоко попираемые нечестивыми людьми — революционерами, это цари. Только они могут охранять религию и возвысить веру на земле. Но люди корыстны, наглы, лживы, утратили меру и потеряли истину, и не стало царей. А с ними не стало счастья, и даже люди, ищущие смерти, не могут найти ее. Но истина верна и непреложна, а правда всегда торжествует... Самое наивысшее воплощение царизма — это соединение божества с человеческой властью, как был Богдыхан в Китае, Богдо-хан в Халхе и в старые времена русские цари». См.: БЕЛОВ Е.А. Барон Унгерн фон Штернберг: Биография. Идеология. Военные походы. 1920—1921 гг. М. 2003, с. 96.
17. Существует версия, что Богдо-гэгэн VIII, в молодости привезенный из Тибета в Монголию как «живой бог» и тулка Богдо-гэгэна VII, прошедший обучение у тибетских лам и обладавший их высшими знаниями, в благодарность за освобождение Монголии и свое спасение из китайского плена, открыл Унгерту вход в Шамбалу. Побывав там, генерал стал неуязвим для оружия противника. После одного из боев в его обмундировании и экипировке его коня насчитали 60 следов от пуль. Сам же Унгерн получил лишь незначительное ранение.
18. Существует вероятность, что Унгерн или его окружение распространяли среди монголов эти слухи.
19. КУЗЬМИН С.Л. Барон Унгерн — оккупант или освободитель. — Новости Монголии. 1.2.2008, с. 3. http://hamagmongol.narod.ru/library/kuzmin_2008b_g.htm.
20. Там же.
21. Легендарный барон. Известные страницы Гражданской войны. М. 2005.
22. КУЗЬМИН С.Л. История барона Унгерна, с. 176—177.
23. И.И. Серебряков следующим образом оценивает роль Унгерна при взятии Урги: «Знавшие барона Унгерна отмечали его большую личную храбрость и неустрашимость. Он не побоялся, например, побывать в осажденной Урге, где китайцы дорого бы заплатили за его голову. Произошло это следующим образом. В один из ярких солнечных зимних дней барон, одетый в свое обычное монгольское одеяние — в красно-вишневый халат, в белой папахе, с ташуром в руках, просто въехал в Ургу по главной дороге, средним аллюром. Он побывал во дворце главного китайского сановника в Урге Чэнь И, затем мимо консульского городка вернулся в свой стан. На обратном пути, проезжая мимо тюрьмы, он заметил, что китайский часовой мирно спал на своем посту. Это нарушение дисциплины возмутило барона. Он слез с коня и наградил спавшего часового несколькими ударами плети. Проснувшегося и страшно испуганному солдату Унгерн пояснил по-китайски, что часо-

вому на карауле спать нельзя, и что он, барон Унгерн, наказал его за это. Затем он сел снова на лошадь и спокойно поехал дальше. Это появление барона Унгерна в Урге произвело колоссальную сенсацию среди населения города, а китайских солдат повергло в страх и уныние, внушив им уверенность, что за бароном стоят и помогают ему какие-то сверхъестественные силы...»

24. КУЗЬМИН С.Л. Барон Унгерн — оккупант или освободитель.
25. Исторический опыт братского содружества КПСС и МНРП в борьбе за социализм. М. 1971, с. 217.
26. Легендарный барон..., с. 67—69.
27. КУЗЬМИН С.Л. История барона Унгерна, с. 433—437.
28. История Монголии. XX век. М. 2007, с. 60.
29. ИСТОМИН М. История Монголии — взгляд из Улан-Батора, а также монументы Чингисхана в современной Монголии и поиски его могилы, и как Золотая Орда защищала православию. <http://portalostranah.ru/view.php?id=81>.
30. КУЗЬМИН С.Л. История барона Унгерна, с. 402—413.
31. ЕГО ЖЕ. Барон Унгерн — оккупант или освободитель.
32. Монголын ардын хувьсгалт намын нэгдүгээр хурал. Улаанбаатар. 1971.
33. КУЗЬМИН С.Л. История барона Унгерна, с. 156—199.
34. EWING E.T. Op. cit., p. 419.
35. ШИРЕНДЫБ Б. История монгольской народной революции 1921 г. М. 1971, с. 54.
36. КУЗЬМИН С.Л. Барон Унгерн — оккупант или освободитель.
37. ТОРНОВСКИЙ М.Г. События в Монголии-Халке в 1920—1921 годах. В кн.: Легендарный барон: неизвестные страницы Гражданской войны. М. 2004, с. 263.
38. Легендарный барон..., 249—250.
39. Очерки истории Монгольской народно-революционной партии. Улан-Батор. 1987, с. 62.
40. Монгольская революция 1921 г. <http://www.hrono.ru/sobyty/1921mong.html>.
41. Там же.
42. КУЗЬМИН С.Л., ОЮУНЧИМЭГ Ж. Буддизм и революция в Монголии — Буддизм России. № 43, 2010—2011, с. 124—141.
43. НАСАНБАЛЖИР Ц. Революционные мероприятия народного правительства Монголии в 1921—1924 годах. М. 1960, с. 11—13.
44. АКУНОВ В. Барон фон Унгерн — белый бог войны. <http://www.likebook.ru/books/view/89083/?page=4>.
45. КУЗЬМИН С.Л. История барона Унгерна, с. 268—269.
46. Там же, с. 277—288.
47. Независимого объединенного Монгольского государства.
48. КУЗЬМИН С.Л. История барона Унгерна, с. 294—304.

К вопросу о первом российском торговом корабле в США

В.В. Ишутин

В российско-советской историографии дата первой трансатлантической торговой экспедиции из России в США издавна считается устоявшейся — 1806 год. Известно также имя купца-пионера, чьи два корабля покорили Атлантику — архангельский «слободской купец» Ксенофонт Алексеевич Анфилатов (1761—1820). Этот факт подтвержден первой профессиональной газетой империи «Санкт-Петербургские коммерческие ведомости» (начала выходить в 1802 г.). Ее заметку об одном из двух кораблей, отправившихся за океан и более-менее благополучно вернувшихся на родину¹, продублировала (более чем через полтора месяца) газета «Санкт-Петербургские ведомости» (издавалась с 1728 г.): «В прошлом 1806 году Архангельского строения корабль, св. Иоанн Бабтист, принадлежащий Слободскому купцу Анфилатову, отправясь из Архангельска в Новый Иорк (что в Северной Америке)² с разными Российскими товарами, которые там проданы с желаемою прибылью, сего Октября 8го приехал оттуда в Кронштадт благополучно с полным грузом Американских товаров.

Поход свой в означенное место совершил он в 107 дней, а на обратном пути из Нового Иорка до Христиан-Занда, что в Норвегии, пробыл 41, от сего же последнего порта до Кронштадского 22 дня. Весь экипаж оногo, состоящий в 22 человеках, возвратился в полном здорoвьe»³.

Собственно, это и есть, образно говоря, тот газетный причал, от которого и пошла в плавание небольшая «флотилия» научной и популярной литературы о первом русском купеческом корабле в Америку. Кроме работы Т.С. Минаевой, это книга Г.А. Замятина 1910 г.⁴, пара скромных заметок в научном (1946 г.) и профессиональном (1956 г.) журналах СССР⁵, глава «Установление и развитие торговых связей между Россией и США (1778—1807 гг.) в монографии 1966 г. Н.Н. Болховитинова⁶, небольшая статья популярного характера М. Чекурова в журнале «Вокруг света»⁷, кандидатская диссертация Е.А. Полиновской 1990 г.⁸, коллективная монография по истории русского морского торгового флота⁹ и, конечно, современные интернет-ресурсы¹⁰...

Процитированным газетным «ведомостям» 1807 г. о российском купеческом десанте в Нью-Йорке предшествовала публикация рескрипта императора Александра I в первом номере «Санкт-Петербургских коммерческих ведомостей» за 1806 г., где излагалась величайше облагодоленная инициатива «слободского купца» о торговле с Америкой (с ней, как оказалось, еще «в начале декабря 1805 г.» Анфилатов обратился к министру коммерции Н.П. Румянцеву¹¹: «В 29 й день Декабря истекшаго 1805 года Министр Коммерции, Граф Николай Петрович Румянцев, получил Высочайший рескрипт следующего содержания: Граф Николай Петрович! Усматривая из

поданного вам письма от Слободского купца Ксенофонта Анфилатова, что виды Российского торгующего сословия начинают распространяться, и примечая с особенным удовольствием, что сей купец первый предпринял отправить на своих кораблях российские товары в порты Американских Соединенных Штатов, Я поручаю вам объявить ему МОЕ благоволение, и принять меры, чтобы первые три корабля, в России построенные и ему Анфилатову принадлежащие, и отправляемые от него из здешнего или Архангельского порта с российскими товарами в Соединенные Штаты, отпущены были без взимания тарифных пошлин, и равным образом, коль скоро помянутые три корабля с Американскими товарами придут в которые либо порты НАШИ, пошлин с привозимых на тех кораблях товаров не брать; но предварительно обязать его Анфилатова подпискою, чтобы приходящие его из Америки корабли непременно подвержены были карантинному очищению в Христианзанде ¹², без чего и изъятия в пошлинах ему не чинить. Разумеется, что сия милость даруется ему Анфилатову на одно токмо каждого корабля отправление как в Америку, так и обратно. В прочем пребываю к вам благосклонный. На подлинном подписано собственнаго ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою; АЛЕКСАНДР» ¹³.

Следует заметить, что купеческая инициатива объявилась весьма во время: примерно за год с небольшим до газетного сообщения об императорском купцу благоволения обозначились письменные контакты глав США и России, или, другими словами, началась президентско-императорская переписка. Инициатором ее стал 60-летний Томас Джефферсон (1743—1825), автор Декларации независимости и третий президент США (1801—1809 гг.). Он обратился с письмом к Александру I (1777—1825), три с половиной года назад сменившему на российском троне отца, императора Павла I. Письмо президента из Вашингтона датировано 15 июня 1804 г. и хорошо известно в России по неоднократным публикациям с начала XX века ¹⁴. Отправка его в Петербург было вызвано событием, суть которого Джефферсон четко изложил в первом же предложении послания: «Недавно мне стало известно о вашем дружеском заступничестве в целях освобождения экипажа американского фрегата, потерпевшего крушение у берегов Триполи» ¹⁵. Но, пожалуй, неожиданно большее значение это письмо президента имело не как гуманитарно-политическая акция благодарности, а как своего рода руководство к развитию межгосударственных отношений США и России в области прямой торговли посредством моря:

«Торговые связи как в межгосударственной, так и в частной сфере могут приобретать, по-видимому, большую широту принципов тогда, когда они свободно устанавливаются, а не определяются в точности буквой договора, который, становясь обременительным, получает различные толкования, начинает означать либо все что угодно, либо ничего, порождает споры и ведет к войне. Но ваш флаг встретит в наших гаванях гостеприимство, свободу, покровительство, и ваши подданные будут пользоваться всеми привилегиями наиболее благоприятствуемой нации» ¹⁶.

Будущее время президентского глагола «встретит» в этом фрагменте является почти прямым доказательством того, что парусов российского торгового флота к тому времени — середина 1804 г. — в североамериканских портах не видали. По крайней мере, главе государства на четвертом году руководства страной об этом не было известно. Да, собственно, и на сегодняшний день научная литература по этому вопросу, вкупе с разного рода статистическими материалами ¹⁷, а также опубликованными газетными торговыми хрониками того периода, не опровергают утверждение, что российские торговцы до Северной Америки со стороны Атлантики не добрались. И, следовательно, получается, что в контексте джефферсоновского предложения о развитии торговых связей, инициатива купца Анфилатова об отправке своих судов к еще неведомым берегам США оказалась весьма своевременной.

Но, оказывается, у купца Анфилатова был предшественник из России. В той же газете, где был напечатан рескрипт о монаршей милости архангельскому купцу, через месяц с небольшим опубликовано короткое сообщение из Филадельфии от 18 октября 1805 г.: «Недавно пришел сюда Российский купеческий корабль; судно сие, сколько известно, есть первое, под сим флагом здесь явившееся» ¹⁸.

Мало того, оказалось, что на предыдущей полосе того же номера газеты напечатано в другой, прямо-таки телеграфной редакции — семь слов с двумя предложениями,

но со ссылкой уже на Лондон от 9 января 1806 г.: «В Ноябре прибыл в Филадельфию первый российской купеческий корабль»¹⁹.

Через два дня, 10 февраля 1806 г., вторая газета империи «Московские ведомости» (издавалась с 1756 г.) сообщила о прибытии российского торгового судна на филаделфийский берег. Газета ссылалась на информацию из Лондона от 20 января 1806 г.:

«В Ноябре месяце прошлого года прибыл в Филадельфию первый Российский купеческий корабль, пришедший в тамошние воды»²⁰.

Наконец, 20 февраля 1806 г., и первая газета империи процитировала это сообщение в известном уже «телеграфном» варианте (со ссылкой на Лондон от 22 января): «В Ноябре прибыл в Филадельфию первый Российской купеческий корабль»²¹.

Трудно объяснить, как или почему эта информация в трех газетах о «первом российском купеческом корабле» оказалась не только без комментария в историографии, но, полагаю, даже незамеченной: ни в одной из выше перечисленных исследовательских работ, так или иначе связанных либо с купцом Анфилатовым, либо с историей морской торговли России с США, сюжет о российском корабле из 1805 г. не упоминается. Причем, в пользу существования неопознанного пока пионера-«американца» с российским паспортом говорит даже факт незначительного разночтения в датах поступления информации (октябрь-ноябрь 1805 г.) из двух городов — американской Филадельфии и европейского Лондона.

Еще большее удивление вызывает тот факт, что в диссертации Полиновской среди «Опубликованных источников» под № 8 значится как раз газета «С.-Петербургские коммерческие ведомости. —... 1806. № 6», то есть тот номер, в котором «филадельфийская новость» о первом русском торговом судне в США публиковалась дважды. В диссертации нет никакого объяснения этому факту, а лишь повторено: «Это предприятие К. Анфилатова было первым успешным опытом прямых плаваний русских»²². Кстати, газета «Санкт-Петербургские коммерческие ведомости» перечислена и в монографии Н.Н. Болховитинова «Становление русско-американских отношений. 1775—1815» (М. 1966) в разделе «Источники и основная литература». Здесь, в отличие от диссертации Полиновской (1990 г.), нет указания на конкретно использованные номера, но информация о первом российском торговом корабле в Америке в 1805 г., увы, также отсутствует. Нет ссылки на нее и в работе Болховитинова 1980 г., посвященной этой же теме — статье «У истоков первых контактов»²³.

Интерес к четырехкратному газетному сюжету о безвестном трансатлантическом российском Одиссее с некоторых пор подогревает и то обстоятельство, что в нашей историографии оказалась неиспользованной большая статья Павла Петровича Свиньина (1787—1839) «Торговые сношения России с Соединенными Американскими Областями и взгляд на генеральную торговлю последних» в основанном им журнале «Отечественные записки»²⁴. А в ней-то как раз есть фрагмент, в котором хронология посещения США российскими торговыми судами смещается «вглубь истории» по крайней мере, еще на год — до 1804: «Ныне в коммерции с нами Американцы употребляют ежегодно более ста кораблей, подымающих от 40 до 50 тысяч ластов»²⁵. Вот наоборот записка Российских ластовых судов, посещавших Американские порты. Ласты: в 1804 — 216; 1805 — 368; 1806 — 849; 1807 — 293; 1810 — 230;...»²⁶.

Особого внимания заслуживает тот факт, что П.П. Свиньин являлся переводчиком российской миссии в Вашингтоне в 1809—1811 гг., секретарем консульства в Филадельфии в 1811—1813 гг. (а на службе в российском МИДе находился в 1806—1824 гг.). Кроме того, он был литератором (правда, с неслышанным характеристикой прототипа Хлестакова в гоголевском «Ревизоре»), художником (хорошо известны карандашные рисунки и акварели, сделанные, в частности, в США), и журналистом (за основание журнала «Отечественные записки» Свиньин даже получил титул «душки русских исторических журналов»²⁷).

Незамеченная историками-американистами работа Свиньина сопровождается коротким примечанием автора: «Статья сия заимствована из Живописного путешествия издателя по сему краю, которое дополнено им позднейшими сведениями, простирающимися до 1817 года»²⁸. Однако в похожем по названию издании Свиньина «Опыт живописного путешествия по Северной Америке», вышедшем в те годы дважды²⁹, этого труда не обнаружено. И в научной литературе, с которой мне пришлось

работать, ссылок на «Торговые сношения России...» Свиньина встретить не довелось. Лишь в публикации обзорного характера, относящейся к позднему периоду печатного наследия академика Болховитинова, есть глухое, хотя и, похоже, положительное, упоминание о ней: «Заслуживают внимания также очерк Свиньина о русско-американских торговых связях, “Письма русского путешественника по Северной Америке”, и особенно его “Взгляд на свободные искусства в Соединенных Американских Штатах”, в котором давался подробный квалифицированный обзор американской живописи, скульптуры, архитектуры и инженерных сооружений»³⁰.

Вероятно, в поиске пропавших торговых судов, вроде бы вышедших из России в североамериканском направлении в 1804—1805 гг., может помочь либо работа с архивами российских морских портов того времени, либо зарубежная печать, в частности, американская, уже в то время многочисленная и разноликая. В одной только Филадельфии, согласно справочнику «History and Bibliography of American Newspapers. 1690—1820» хронологически девять газет подходят для поиска этого судна (или этих судов). На отечественные газеты надежды, увы, нет — их в ту пору было всего три, и они процитированы здесь, что называется, в полном объеме.

Примечания

1. МИНАЕВА Т.С. К.А. Анфилатов и начало торговых связей с Америкой. Ломоносовские чтения. Тезисы докладов. Архангельск. 1992, с. 46.
2. В начале XIX в. упоминание Нью-Йорка в России еще требовало географического комментария.
3. Санкт-Петербургские коммерческие ведомости. 1807, 17 октября, № 42, с. 165; Санкт-Петербургские ведомости. 1807, 10 декабря, № 99, с. 1242.
4. ЗАМЯТИН Г.А. Ксенофонт Алексеевич Анфилатов: Очерк его жизни и деятельности. СПб. 1910.
5. ОКУНЬ С. Научный бюллетень Ленинградского гос. университета. 1946, № 8, с. 19—20; Первые русские торговые корабли в Америке (1805—1955) — Речной транспорт. 1955, № 10, с. 30—31.
6. БОЛХОВИТИНОВ Н.Н. Становление русско-американских отношений. 1775—1815. М. 1966, с. 165—182. Об Анфилатове К.А. см.: Там же, с. 213—219.
7. ЧЕКУРОВ М. Негоциация Ксенофонта Анфилатова — Вокруг света. 1977, № 10, с. 43—44.
8. ПОЛИНОВСКАЯ Е.А. Русско-американские торговые связи в XVIII — начале XIX века. Автореф. дис. к.и.н. Новосибирск. 1990, с. 17—18.
9. Под флагом России: История зарождения и развития морского торгового флота. М. 1995, с. 7. Автором предисловия (Н.П. Цах), на которое дается сноска, либо допущена ошибка, либо вкралась банальная опечатка: «первое плавание в американские порты Нью-Йорк и Бостон из Архангельска и Санкт-Петербурга», предпринятое по инициативе «предпринимателя К.А. Анфилатова», датировано в нем 1807, а не 1806 годом. Об Анфилатове и его деятельности на ниве морского торгового судоходства см.: Там же, гл. III, с. 153—156.
10. <http://sloblib.ru/slobodskoy/famous-countryman/179-anfilatov-ksenofont-alekseevich>; <http://www.vcci.ru/vtpp/adinf/detail.php?ID=3416> ; <http://www.vk-smi.ru/2006/sept06/vksep061803.htm>.
11. БОЛХОВИТИНОВ Н.Н. Ук. соч., с. 213. Вероятно, достаточно скорое императорское «добро» Анфилатову было обусловлено и тем обстоятельством, что у архангельского купца был уже опыт в международной торговле: например, торговые контакты купца с Оттоманской Портой в начале 1805 года. См.: ЗАМЯТИН Г.А. Ук. соч., с. 74—75.
12. Город и порт в Норвегии.
13. Санкт-Петербургские коммерческие ведомости. 1806, 4 января, № 1, с. 1.
14. КОЗЛОВСКИЙ В.М. Император Александр I и Джефферсон. (По архивным данным). — Русская мысль. М. 1910, № 10, с. 87—88; БОЛХОВИТИНОВ Н.Н. К истории установления дипломатических отношений между Россией и США (1808—1809 гг.) — Новая и новейшая история. 1959, № 2, с. 189; Россия и США: становление отношений. 1765—1815. М. 1980, с. 260—262.
15. Стоит обратить внимание на советский комментарий «дружеского заступничества» при публикации этого письма в 1959 г.: «Поводом для переписки (президента и императора. — В.И.) послужило в общем довольно малозначительное обстоятельство. Речь идет о предпринятом по просьбе американского консула в С.-Петербурге Л. Гарриса посредничестве русского правительства в начале 1804 г. с целью освобождения из плена команды американского военного судна “Филадельфия”, потерпевшего крушение у берегов Северной

- Африки». См.: БОЛХОВИТИНОВ Н.Н. К истории установления дипломатических отношений..., с. 152. Из комментария следует, что спасение людей, оказавшихся в беде (в данном случае это американские моряки, попавшие в пиратский плен) квалифицируется всего лишь как «в общем довольно малозначительное обстоятельство», в то время как на самом деле такая реакция, думается, является первейшей обязанностью главы любого государства.
16. Там же, с. 261.
 17. НЕБОЛЬСИН Г. Статистические записки о внешней торговле России. СПб. 1835, ч. 1—2; ЕГО ЖЕ: Статистическое обозрение внешней торговли России. СПб. 1850, ч. 1—2; ГУЛИШАМБАРОВ С.О. Всемирная торговля в XIX веке и участие в ней России. СПб. 1898; Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России. Т. 1. СПб. 1902; ВИТЧЕВСКИЙ В. Торговля, таможенная и промышленная политика России со времен Петра Великого до наших дней. СПб. 1909. В приведенной выше отечественной литературе об Анфилатове, напоминая, также нет и намека на такие прецеденты.
 18. Санкт-Петербургские коммерческие ведомости. 1806, 8 февраля, № 6, с. 22.
 19. Санкт-Петербургские ведомости. 1806, 8 февраля, № 6, с. 22.
 20. Московские ведомости. 1806, 10 февраля, №.12, с. 227.
 21. Санкт-Петербургские ведомости. 1806, 20 февраля, № 15, с. 150.
 22. ПОЛИНОВСКАЯ Е.А. Русско-американские торговые связи в XVIII — начале XIX вв. Диссертация канд. ист. наук. Новосибирск. 1990, с. 141. В разделе «Опубликованные источники» называются следующие номера «Санкт-Петербургских коммерческих ведомостей»: 3, 29, 45, 51 за 1803 г.; 6 за 1806 г.; 30 за 1807 год. Но в тексте работы я обнаружил сноски только на №№ 29 и 45 за 1803 год.
 23. БОЛХОВИТИНОВ Н.Н. У истоков первых контактов. — США: экономика, политика, идеология. М. 1980, № 11, с. 51—61.
 24. Отечественные записки. (ОЗ). 1820, № 7, с. 89—107; № 8, с. 264—276; 1821, №9, с. 87—93. Эта публикация упомянута в работе: РЕЙТБЛАТ А.И., при участии БОЧКОВА В.Н. Свиный Павел Петрович. Русские писатели. 1800—1917. Биографический словарь. Т. 5. М. 2007, с. 520. Здесь же дана, думаю, наиболее полная на сегодняшний день библиография о П.П. Свиныне (с. 524).
 25. Ласт — 40 куб. футов неотесанного леса. Русская мера веса, массы, объема сыпучих тел, вместимости торговых судов.
 26. ОЗ. 1820, № 7, с. 96.
 27. ДАНИЛОВ В.В. Дедушка русских исторических журналов («Отечественные записки» П.П. Свинына). — Исторический вестник. Т. СХLI. Пг. 1915, № 7, с. 109—129.
 28. ОЗ. 1820, № 7, с. 89.
 29. СВИНЬИН П. Опыт живописного путешествия по Северной Америке Павла Свинына. СПб. 1815, 1818 (второе издание).
 30. БОЛХОВИТИНОВ Н.Н. Российская американистика, 1814—1999. Исторические записки, 3 (121). М. 2000, с. 48, 61. Приведенная цитата с незначительными изменениями взята автором из 1-го тома «Истории США. 1607—1877», изданного издательством «Наука» в 1987 г. под его же редакцией (с. 621).

Путешествие и открытия Д.Г. Мессершмидта на р. Томи

И.В. Ковтун

«Великим неудачником» называл Д.Г. Мессершмидта обращавшийся к описанию его жизненного и научного пути В.И. Вернадский¹. О подразумеваемых Вернадским прижизненных мытарствах этого выдающегося исследователя написано немало. Но о несправедливости посмертного забвения ряда его исследований и открытий сказано гораздо меньше.

В 1730 г. в Стокгольме издали книгу Ф.И. Страленберга (Табберта) «Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia» — «Историко-географическое описание Северной и Восточной частей Европы и Азии». В ней содержится упоминание про «фигуры и письма, изсеченные или железным инструментом вырезанные на скалах... между городами Томском и Кузнецком, на берегах реки Томи (которые там и сям состоят из крутых скал)», а также опубликован рисунок данного местонахождения². Так было положено начало научному изучению сибирских петроглифов и мифу об открытии Страленбергом (Таббертом) опубликованных им наскальных изображений р. Томи.

Страленберг не поднимался по р. Томи вместе с Мессершмидтом и не видел воочию опубликованных им томских петроглифов. Ошибочность представления о пребывании Страленберга в Кузнецке отмечалась исследователями³. Дополнительные подтверждения этому содержит дневник Мессершмидта, который в 1721 г. вел Страленберг. После отъезда Мессершмидта из Томска в дневнике отразилась хроника пребывания самого Страленберга в этом городе и описание его поездок по р. Томи, в Нарым и т.д. Из дневника явствует, что 5 июля 1721 г. Страленберг отплыл вместе с Мессершмидтом из Томска и, проводив его до д. Томилово, 11 июля взял в Сосновском остроге лошадей и вернулся обратно⁴.

Расстояние от д. Тайменка до опубликованной Страленбергом писаницы составляет около 33 км речного и не менее 50 км сухопутного пути. Это не много, но выше по реке Страленберг так и не поднялся. Во всяком случае, в дневнике подобных сведений нет, как нет и данных о его знакомстве с наскальными изображениями на Томи. В свою очередь, Мессершмидт уже после отъезда Страленберга на родину оставил в дневнике собственное упоминание о комплексе наскальных рисунков, виденных и скопированных им во время плавания по Томи. Запись датирована 12 августа 1722 г. и сделана при переезде с «р. Аскыза в Юс-Бельтирские юрты». Здесь Мессершмидт обнаружил в степи могильник и большие выступающие надмогильные плиты, «на которых в полпальца в глубь были начертаны такие-же изображения разных жи-

Ковтун Игорь Вячеславович — доктор исторических наук, заведующий лабораторией Института экологии человека СО РАН.

вотных, лошадей, медведей, оленей, ланей и пр., какая замечены и срисованы у Письмагоры (Pismagorah), по правую сторону реки Томи»⁵. В изданных дневниках Мессершмидта наименование писаницы воспроизводится несколько иначе: «Pis'mo-goga [Pisannuj kamen']»⁶. На данное подтверждение находки Мессершмидтом наскальных изображений, позднее получивших наименование Томской писаницы, также обращалось внимание⁷. Это и бесспорное свидетельство авторства Мессершмидта в открытии первого сибирского петроглифического комплекса, и воспроизведение оригинального авторского названия памятника — «Письмагора», вероятно, этимологически восходящего к местному наименованию «Писаный камень».

Другим подтверждением открытия Мессершмидтом Письмагоры является его рукопись на латыни, хранившаяся в библиотеке Академии Наук, а ныне находящаяся в СПФ АРАН⁸. Эта работа с пространным наименованием «Описание Сибири или картина трех основных царств природы, наблюдаемая в течение восьмилетнего путешествия по Сибири, Киргизии, Тунгусии, Самоедии, Бурятии, Даурии и т.д....» с 1 по 27 лист содержит посвящение Петру II, указы и инструкции Мессершмидту, его рапорты, таблицу полученного и причитающегося ему жалования⁹, а главное — указатель «к чертежам, картам и рисункам, помещенным и следовавшим к помещению в рукописи», непереуведенные выдержки из которой опубликовались В.В. Радловым¹⁰. В разделе указателя «XI. Antiquitatis hactenus ignoratae Monimenta Sibirica, iconismis aliquot gerpraesentata», что переводится как: «Сибирские памятники неизвестной доныне древности, представленные несколькими описаниями», находим сведения о Писаном Камне на р. Томи. Здесь имеется запись: «73) Figurarum rupi Pissanie-Kamen ad Thom-fluvium Sibiriae insculptarum schema I-mum olim transmissum atque e litt. ad III. Facult. Med. Relator. 10-mis d. 20 Mai 1722 huc transferend»¹¹. В переводе это означает: «Первый схематичный рисунок (чертеж?) изображений, высеченных на скале Писаный Камень на сибирской реке Томь, некогда также пересланный письмом к III. Facult. Med. (вероятно, в Медицинскую канцелярию) Relator (докладчик, рассказчик?). 10-mis (?) 20 мая 1722 г. сюда передан». Вся рукопись книги подразделялась автором на три тома, и тематически описанный рисунок следовал к помещению в томе третьем: «Sibiriae perlustratae tomus III-us. Philologico-Historico-Monimentario et Antiquario-Curiosus...», содержащем сведения по археологии, рисунки древних монументов, идов, надгробных камней, наскальных изображений, предметов из раскопок, и т.п.¹². Но, согласно примечаниям Радлова, рисунка к этой подписи в рукописи нет¹³. Действительно, на листе 341 предполагался рисунок, а на листе 342 — схема Письмагоры, но их нет¹⁴.

Когда же Мессершмидт открыл Томскую писаницу — первый из ставших известным науке петроглифический комплекс Северной Азии? Между Томском и Кузнецком 520 км водного пути. Мессершмидт и его спутники отправились в плавание по р. Томи на трех стругах 5 июля 1721 года. К месту назначения путешественники прибыли 30 июля¹⁵, преодолев 520-километровое расстояние за 26 дней. Согласно указанным данным, средняя скорость их передвижения против течения реки составляла 20 км в день. Первоначально они, вероятно, продвигались быстрее, но совершали длительные остановки для обследования окрестностей. Как уже отмечалось, рано утром 7 июля экспедиция прибыла в деревню Томилово, находящуюся почти напротив Сосновского острога, на противоположном, левом берегу р. Томи, в некотором удалении от берега. Расстояние между Томском и Сосновским острогом составляет около 60 км, что указывает на среднюю скорость передвижения для данного участка, близкую к 28—30 км в день. Но 7 июля, на третий день плавания по р. Томи, экспедиция также находилась в пути не менее двух с половиной часов. С учетом данного обстоятельства и высчитанной средней скорости для всего пути преодолеваемый километраж одного маршрутного дня на большинстве участков составлял не более 25—27 км. Используя данные показатели, не сложно высчитать точную дату прибытия Мессершмидта и его спутников к Письмагоре. Из Сосновского острога они отплыли либо во второй половине дня 11 июля, либо ранним утром 12 июля. До Письмагоры им предстояло преодолеть около 100 км. Расстояние между Сосновским острогом и Кузнецком составляет 460 км вверх по Томи. Экспедиция покрыла их за 19—20 дней и, как видно, со средней скоростью 23—24 км в день. Следовательно, при устойчивой сред-

ней скорости передвижения 23—27 км в день и при отсутствии длительных остановок (подобных пятидневному пребыванию в д. Томилово) Томскую писаницу, а точнее памятник, названный им Письмагорой, Мессершмидт увидел вечером 15 июля 1721 года.

Еще до своего плавания вверх по р. Томи, находясь в Томске, Мессершмидт стал соавтором первых в истории документальных свидетельств о нынешней столице Кузбасса г. Кемерово и о местонахождении каменного угля «между Комарова и деревней Красная». По вышеупомянутой причине эти объекты не отмечены на его карте. Но на нее нанесена «Огнедышащая гора» — открытое Мессершмидтом месторождение каменного угля в устье р. Абашевой ¹⁶.

Первое упоминание о местопоселении Комарово (Кеми(е)рова) содержится в дневнике Мессершмидта и датировано 28 апреля 1721 г.:

«28 апреля 1721.

28-го (пятница) допрашивали мы лейтенанта Ээнберга, что здесь должен быть казначей по имени Вилкасельски [Великосельский?], который о всяких делах [приходящих] вокруг мог дать всевозможные справки; но его надо угостить хорошей водкой. Он также сказал, здесь возле р. Оби, между ней и Иртышом есть три соляных озера, из них сюда привозят соль. Далее, в 1,5 верстах от Верхотомста должна быть гора у деревни Мазукина (современная д. Мозжуха? — *И.К.*), там возможно находится хорошая медная руда. Также между Комарова и деревней Красная, на левой стороне реки, должно быть находится каменный уголь. У Стрельны есть Чертова гора, там стоит дом, где живет одна женщина, которая знается с дьяволом» ¹⁷.

Это документальное свидетельство сочетает самое раннее упоминание оригинального названия местопоселения с датой самого упоминания, означая веку исторического летосчисления современного города Кемерово. Здесь на правобережном участке р. Акаевой, ныне речки Крутой, и начиналась, а с 28 апреля 1721 г. документально зафиксирована деревня Комарова (Кеми(е)рова) ¹⁸. Поэтому время возникновения Кемерово следует исчислять с 28 апреля 1721 г., то есть с первого упоминания об одноименном местопоселении Комарово (Кеми(е)рова), возникшего в исторических границах будущего города до получения им данного статуса. Такая дата исчисляется либо от закладки «первого камня», либо от документально удостоверенного волеизъявления основателя, а равно, как в случае с Кемерово или, например, с Москвой, от первого упоминания уже существовавшего местопоселения в письменных источниках.

Вторым значимым предметом данного фрагмента дневника Мессершмидта представляется упоминание о каменном угле: «между Комарова и деревней Красная, на левой стороне реки, должно быть находится каменный уголь» ¹⁹.

Впервые это отмечено М.Г. Новлянской: «На страницах дневника, записанных во время пребывания в Томске, встречаются самые разнообразные данные, полученные Страленбергом от пленных офицеров... о минеральных источниках, соленых озерах, полезных ископаемых (медных и железных рудах, каменном масле, сере, красной глине)» ²⁰. К сожалению, в трудно разбираемой дневниковой рукописи из СПФ АРАН, испещренной узкими строками убористого почерка, в отличие от позднее изданного немецкого издания дневников Д.Г. Мессершмидта, «Steinkohlen» — «каменный уголь» было прочитано и переведено как «Steinöl» — «каменное масло» ²¹. Возможно, это означало «нефть» и подразумевало, вероятно, некое горючее углеводородное соединение или минерал, например, самовозгорающиеся угольные пласты на Красной (Горелой) горе.

Симптоматична и этноязыковая принадлежность информатора Мессершмидта и Страленберга — пленного шведского офицера Ээнберга. На современном шведском, то есть на его родном языке, «каменный уголь» — «Stencöl» ²² созвучен трактовке Новлянской, возможно, записанный и в оригинале дневника как «Steinöl» с немецким значением «каменное масло», а при академическом переводе 60-х гг. XX в., уточненное по смысловому контексту как «Steinkohlen» — «каменный уголь».

Миновав 15 июля Письмагору, затем Комарову, деревню Красную и другие населенные пункты Среднего Притомья, уже не упомянутые в оставшемся в Томске у Страленберга дневнике Мессершмидта, в Кузнецк экспедиция добралась к 30 июля, а

9 августа двинулась дальше «на небольших татарских челноках вверх по р. Томь до Балык-су»²³. Указанное направление маршрута подтверждает и описание путешествия Страленбергом²⁴. Подробности передвижения Мессершмидта в верховьях р. Томи в доступных письменных источниках отсутствуют. Но в работе Страленберга имеется упоминание о необычном природном феномене в Верхнем Притомье: «Также между городами Томск и Кузнецк, у абинских татар, существует такое место, где из горы извергаются дым и пламя»²⁵. Безусловно, речь идет о так называемой «Огнедышащей горе» в устье р. Абашевой. Но не побывавший в этих местах Страленберг, мог узнать о ней либо от самого Мессершмидта, либо от его спутников, поднимавшихся с ним по Томи. Отсюда и объяснимая незнанием гидрографии района ошибочная локализация «Огнедышащей горы» между Томском и Кузнецком, а не выше последнего. Хотя на карте ее местонахождение обозначено совершенно верно²⁶.

Связь угольного месторождения с этим местонахождением после самого Мессершмидта установлена в 1745 г. М.В. Ломоносовым при работе над русским переводом каталога минералов Кунсткамеры: «66. Серая земля, наподобие каменного угля, или лучше сказать: смуроватая глина; найдена при устье реки Абашовы, которым впала в Томь; за Мессершмидовым клеймом (Первоначально было — Мессершмидовой печатью)»²⁷. «150. Земля с белыми и красными пестринами, найденная в огнедышащей горе при устье реки Абашевы, которым впала в реку Томь»²⁸, и в другом разделе: «153. Каменное уголье в небольших прутиках (первоначально было — Каменистые уголья в небольших фистулах при устье Абашовы найдено). 154. Каменное уголье, светящееся слоеватое; от реки Абашовы. (Первоначально было — Каменистые уголья, светящиеся, на пластинки разделяющиеся; при реке Абашове»²⁹.

Итак, на обнаруженной в неопубликованных картографических материалах экспедиции Мессершмидта карте Кузнецкого уезда, в месте впадения р. Абашевой в р. Томь нанесено схематичное изображение горы с выходящим из ее жерла дымом³⁰. Но этот рисунок выполнен никогда не бывавшим здесь Страленбергом, а не Мессершмидтом. Поэтому не исключено, что его информация не вполне адекватно воспроизведена рисовальщиком, который со слов Мессершмидта мог принять горящий пласт юрского угля за «вулкан». Тогда как Мессершмидт, скорее всего, профессионально идентифицировал каменный уголь, первым обнаружив его не только на берегах Томи, но и на Нижней Тунгуске: «Я не сомневаюсь, что при желании здесь можно было бы устроить шахты и добывать каменный уголь»³¹.

Уже в 1739 г. А. Демидов пытался прибрать к рукам «обысканной подле реки Том под городом Кузнецким уголь»³². Это подтверждает осознанный характер находки Мессершмидта, о которой, видимо, проведал первый заводчик Урала. Вероятно, по следам Мессершмидта пошли люди Демидова, представившего в Генерал-Берг-Директориум собственные образцы угля из этих мест³³.

Итак, 28 апреля 1721 г. в дневнике Мессершмидта появляется запись об угле «между Комарова и деревней Красная», затем 9 или 10 августа им же открыта «Огнедышащая гора»³⁴, и только 11 сентября 1721 г. «доноситель[ь] Михайло Волков об[ъ]явил против своего доношения вверх по Томе реке, от Верхотомскова острогу семь верст, красную горелую гору...»³⁵. Последовавшая за этим, возможно, в феврале-апреле 1722 г. экспертиза отобранных образцов показала наличие каменного угля: «№ 1: Уголь каменной из Томска доносителя Михайла Волкова»³⁶, а само доношение «Подано июня в 4 день 1722 года»³⁷.

При этом считавшийся первооткрывателем кузнецкого угля Волков и его спутники декларировали находку не каменного угля, а «серебра» или рудопроявлений на Красной горе³⁸. Из описания местности следует, что немецкий специалист Пауль Прифцен и уктусский житель Никита Петров при повторном обследовании в сентябре 1721 г. признают Красную гору рудным месторождением, из которой предполагалось добывать металл, что требует большого количества соснового леса для древесного угля, которого «при том месте прилегло...малое число». Ни в доношениях Волкова, ни в отчете П. Прифцена каменный уголь не упомянут, что следует и из записки сибирского обер-бергамта: «3. Того ж числа прибыли суда ис Томска бергаур Павел Бривцын да уктуской житель Никита Петров да доносители Михайло Волков, Степан Костылев. И оные, Павел Бривцын и Никита Петров, объявили нам

при доношении томских медных руд признаки и тем рудам опись и их, доносителей, скаску за руками. И она руда явилась по пробе плохой, однако ж, для подлинного свидетельства оной руды не по большему куску с каждого места...»³⁹.

По «признакам», то есть образцам, привезенным экспедицией, каменный уголь диагностировали уже в Уктусе специалисты Берг- и Мануфактур-коллегии, скорее всего, — саксонец Иоганн Фридрих Блюэр 7 мая 1722 года⁴⁰.

Итак, документальное упоминание Волкова о каменном угле датировано 7 мая 1722 г. (место указано 11 сентября 1721 г.), а в документе с фамилиями Мессершмидта, лейтенанта Ээнберга и Страленберга каменный уголь упоминается 28 апреля 1721 года. Это соотношение доподлинно удостоверяет кто, где и когда первым указал на первое ставшее известным месторождение кузбасского угля.

Следовательно, Мессершмидт, лейтенант Ээнберг и, вероятно, Страленберг являются соавторами первого письменного указания на первое, документально зафиксированное месторождение кузбасского угля «между Комарова и деревней Красная», то есть на Красной горе, образцы с которой позднее получил и представил Волков. Сам же Мессершмидт, собственноручно обнаруживший угольное месторождение «Огнедышащую гору» под Кузнецком, является непосредственным первооткрывателем кузбасского угля.

Примечания

1. ВЕРНАДСКИЙ В.И. Труды по истории науки в России. М. 1988, с. 158.
2. STRAHLENBERG PH.J. Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia. Stockholm. 1730, s. 337, 339, tub.VIII, A; РАДЛОВ В.В. IX. Из сочинения Ф.И. Страленберга: Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia. Stockholm. 1730, 4). — Сибирская древности В. Радлова. Приложения. Т. 1. Вып. 2. — Материалы по археологии России, издаваемые Императорскою Археологическою Комиссиею. СПб. 1891, № 5, с. 30, 36, табл. VIII.
3. УСКОВ И.Ю., ВОЛКОВ В.Г. Михайло Волков: Опыт документальной биографии. Кемерово. 2007, с. 23.
4. MESSERSCHMIDT D.G. Forschungsreise durch Sibirien 1720—1727. Tagebuchaufzeichnungen. Teile I. Berlin. 1962, S. 121—123.
5. РАДЛОВ В.В. III. Извлечения из путевого дневника Д.Г. Мессершмидта. (Рукоп. Импер. Акад. Наук XX В. f. 3-а—3-е) — Сибирская древности В. Радлова. Приложения. Т. 1. Вып. 1. — Материалы по археологии России, издаваемые Императорскою Археологическою Комиссиею. СПб. 1888, № 3, с. 16—17.
6. MESSERSCHMIDT D.G. Op. cit., S. 295.
7. БЕЛОКОБЫЛЬСКИЙ Ю.Г. Бронзовый и ранний железный век Южной Сибири. История идей и исследований (XVIII — первая треть XX в.). Новосибирск. 1986, с. 15.
8. МЕССЕРШМИДТ Д.Г. «Описание Сибири или картина трех основных царств природы, наблюдаемая в течение восьмилетнего путешествия по Сибири, Киргизии, Тунгусии, Самоедии, Бурятии, Даурии и т.д....» (лат.). Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук, ф. 98, оп. 1, № 22.
9. Материалы по археологии России, издаваемые Императорскою Археологическою Комиссиею. СПб. 1888, № 3, с. 5—6; НОВЛЯНСКАЯ М.Г. Даниил Готлиб Мессершмидт и его работы по исследованию Сибири. Л. 1970, с. 157—158.
10. РАДЛОВ В.В. Ук. соч., с. 5—9.
11. Там же, с. 6.
12. РАДЛОВ В.В. Ук. соч., с. 5; НОВЛЯНСКАЯ М.Г., Ук. соч., с. 158—159.
13. РАДЛОВ В.В. Ук. соч., с. 6.
14. МЕССЕРШМИДТ Д.Г. Ук. соч.
15. НОВЛЯНСКАЯ М.Г. Филипп Иоганн Страленберг. М.-Л. 1966, с. 37; ЕЕ ЖЕ. Даниил Готлиб Мессершмидт..., с. 29.
16. Карта Кузнецкого уезда Д.Г. Мессершмидта. Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук, ф. 98, оп. 2, № 4.
17. MESSERSCHMIDT D.G. Op. cit., S. 93.
18. Ibid., S. 93.
19. Ibid., S. 93.
20. Ibid., S. 87, 90, 93, 95, 97, 196.
21. НОВЛЯНСКАЯ М.Г. Филипп Иоганн Страленберг, с. 36; сравн.: MESSERSCHMIDT D.G., Op. cit., S. 93.

22. Словарь технических терминов на 11 языках. М. 2004, с. 865.
23. НОВЛЯНСКАЯ М.Г. Даниил Готлиб Мессершмидт..., с. 29.
24. STRANLENBERG PH.J. Op. cit., S. 410
25. Ibid., S. 324.
26. Карта Кузнецкого уезда Д.Г. Мессершмидта. СПФ АРАН, ф. 98, оп. 2, № 4.
27. ЛОМОНОСОВ М.В. Полное собрание сочинений. Т. 5. М.-Л. 1954, с. 76.
28. Там же, с. 82.
29. Там же, с. 97.
30. Карта Кузнецкого уезда Д.Г. Мессершмидта.
31. Цит. по: НОВЛЯНСКАЯ М.Г. Даниил Готлиб Мессершмидт..., с. 56—57.
32. Открытие и начало разработки угольных месторождений в России. Исследование и документы. М.-Л. 1952, с. 108.
33. Там же, с. 108—109.
34. ТОЛМАЧЁВ И.П. Геологическое описание восточной половины 15-го и юго-западной четверти 16-го листа VIII-го ряда десятиверстной топографической карты Томской губернии. Труды геологической части Кабинета Его Императорского Величества. Т. VII. СПб. 1909, с. 5.
35. ПЕРЕВАЛОВ В.А. Новые документы о горнозаводском деле на Урале и в Сибири в первой четверти XVIII в. (по материалам ГАСО). — Уральский исторический вестник. Екатеринбург. 2003, № 9, с. 316—335.
36. Подано июня в 4 день 1722 года, записать в книгу, написав в реэстр, списав кому, а руд опробовать немедленно. По реестру № 12. В Государственную Высокоповелительную Берг-и Мануфактур-Коллегию. Доношение. Российский государственный архив древних актов, ф. 271, оп. 1, кн. 620, л. 198.
37. Там же, л. 193.
38. БОРОДАЕВ В.Б. Архивные материалы о Михайле Волкове и открытии Кемеровского месторождения каменного угля на Красной горе. Кемерово. 2008, с. 26—28; УСКОВ И.Ю. Исследования и разработка кемеровского угольного месторождения в XVIII—XIX вв. Сборник научных трудов ИЭЧ СО РАН. Кемерово. 2010, с. 49 и др.
39. РГАДА, ф. 271, оп. 1, кн. 620, л. 193.
40. Там же, л. 198об; БОРОДАЕВ В.Б. Ук. соч., с. 27.

Географический фактор христианизации Древней Руси. Конец X — середина XIII в.

Е.В. Климов

В историографии считается доказанным вывод о том, что христианизация Древней Руси является достаточно длительным процессом¹. Исследователи расходятся лишь в определении сроков ее завершения. Одни считают, что это произошло до татаро-монгольского нашествия, другие, что после. Но причины, приведшие к удлинению процесса христианизации, пока остаются неисследованными. Данная работа является попыткой объяснить продолжительность этого процесса географическими условиями Древней Руси.

После насильственного крещения населения обеих столиц и крупнейших городов перед великим князем Владимиром I и его наследниками встала жизненно важная задача осуществления христианизации населения огромной страны, раскинувшейся от Прибалтики на севере до среднего течения Днепра на юге, от Карпат на западе до Волги на востоке. Эта задача состояла из двух частей: первая — строительство церквей, монастырей и храмов; вторая — создание церковной структуры и подготовка церковных служителей, которые и должны были нести слово божие в народ.

Первая была технической, и для ее решения необходимо было значительное количество специалистов, так как строительство церквей и храмов требует знания определенных канонических условий; вторая — была не менее сложной, так как для обслуживания этих храмов было необходимо огромное количество священнослужителей. Владимир I, возвращаясь из Корсуни, взял с собой «и Анастаса, и священников Корсунских с мощами святого Климента, и Фива, ученика его, взял и сосуды церковные и иконы на благословение себе»². Эти священники и крестили киевлян. Если бы в Киеве в то время были христианские священнослужители и церкви, то они обязательно приняли бы участие в этом историческом событии, и летописец с радостью сообщил бы об этом. Но он молчит, и это является убедительным доказательством отсутствия в Киеве и тех, и других.

В течение двух с половиной веков — от Крещения и до монгольского нашествия — на Руси велось активное церковно-организационное строительство. Количество епархий выросло в 2,5 раза и достигло 15. Рост епархий свидетельствует о распространении христианства вширь. Но достаточно ли было 15 епархий для христианизации населения, проживающего на территории такого государства, как Древняя Русь? Сделаем несложные сравнения, мы придем к отрицательному выводу. Например Константинопольский патриархат в IV в. (то есть в начале христианизации Восточно-

Климов Евгений Викторович — кандидат исторических наук, доцент Тверского государственного технического университета.

римской империи) включал «тридцать митрополий, состоящих примерно из четырехсот пятидесяти епископств...», в Болгарии в начале христианизации (нач. XI в.) было тридцать две епископские кафедры ³, хотя территория Болгарии, как и ее население, была значительно меньше, чем Древняя Русь.

Начиная с великого князя Владимира I, епископаты создавались в городах, являвшихся политико-экономическими центрами бывших племенных союзов: Новгород, Туров, Полоцк и др. Затем, по мере роста могущества и самостоятельности удельных княжеств — в новых центрах: Галиче, Владимире на Клязьме, Рязани и др. Епископы в них назначались при участии удельных князей. Вследствие этого статус древнерусского епископа значительно отличался от статуса византийского. Древнерусский епископ в условиях феодальной раздробленности приобретал фактически статус архиепископа своей епархии. И не случайно со временем некоторые епископаты реорганизовались в архиепископаты. Начало этому процессу в середине XII в. положил Новгород.

Одной из главных причин ограниченного количества епархий стал «кадровый вопрос». В начале христианизации епископов готовили в Киево-Печерской лавре. В домонгольский период из нее вышло 50 епископов ⁴. Большинство из них было боярского происхождения. Данный факт объясняется не только тем, что среди высшего сословия было больше грамотных людей, но и тем, что поставление на эту должность требовало крупных денежных сумм ⁵.

В условиях ограниченного количества епархий «организационная» работа по христианизации основной массы населения легла на плечи приходского духовенства, возглавлявшего «первичную» церковную организацию Древней Руси. Естественно, что в первые десятилетия после Крещения ощущался недостаток именно этой категории священнослужителей. В этот период приходское духовенство комплектовалось из нескольких источников. Это — вышедшие из полулегального состояния местные христиане и приехавшие приходские священнослужители (из Болгарии и Греции), а также боярские дети, прошедшие обучение при создаваемых великим князем Владимиром I и его наследниками «школах». Но все эти источники комплектования приходского духовенства не могли обеспечить потребности огромной страны.

Как считает А.В. Карташев, так обстояло дело только во времена великого князя Владимира I, но вскоре в Киевской Руси возникло «перепроизводство» этой категории священнослужителей ⁶. С этим выводом можно согласиться только отчасти, так как летописные свидетельства говорят о значительном количестве приходских священников только относительно городов и ближайшей к ним округе ⁷.

Опорными пунктами распространения новой религии и христианизации населения, как показала история других народов, являлись постоянно действующие храмы со священнослужителями. Согласно расчетам Г. Ловмянского, для эффективной христианизации в условиях ранней средневековой Польши необходимо было иметь один храм со священником на 300 кв. км. Такая плотность церковных приходов в Польше была достигнута только к концу XII века ⁸. Географическое положение Польши было более благоприятным для проведения христианизации, чем Древней Руси. Страна непосредственно граничила на западе и на юге с христианскими государствами и могла использовать их «кадровый» ресурс. В отличие от Польши Русь была отрезана от Византии степью, населенной кочевниками-язычниками, а от западноевропейских христианских центров — племенами ятвягов, пруссов и балтских славян, которые в то время вели ожесточенную борьбу с германо-католической экспансией.

Количество церковных приходов находится в прямой зависимости от такого фактора как плотность населения. Мы не имеем точных данных о плотности населения русских земель в начале II тысячелетия, но можем с уверенностью говорить о том, что она была меньше, чем в Польше. По самым примерным расчетам, для христианизации территории Древней Руси в конце X — середине XIII в. необходимо было иметь примерно 4 тыс. приходов. Такого количества ни приходских храмов, ни служителей для них не было. Тем более их не могло быть во времена Владимира I. Летописец сильно преувеличивал, когда писал, что «... и сказав это, приказал рубить церкви и ставить их по тем местам, где прежде стояли кумиры. И по другим городам стал ставить церкви и определять в них попов и приводить людей на крещение по

всем городам и селам»⁹. «По всем городам и селам» надо понимать как город и сельскую округу, тяготеющую к нему. В дальнейшем, кроме города, приходскими центрами становились княжеские домены и сеньориальные (боярские) усадьбы. Но даже в этих опорных пунктах христианизации новая религия подчас уступала традиционной. У всех русских князей было два имени: одно — христианское, другое — древнеславянское. О том, что при рождении княжеского сына к нему приглашались жрецы, кроме христианского священника, нам известно из письменных источников¹⁰. Об устойчивости дохристианской религиозной ментальности свидетельствует и «Слово о полку Игореве...», созданное через 200 лет после крещения Руси. Княгиня Ярославна в момент самого тяжелого испытания — пленения мужа — обращается за помощью не к христианскому Богу и святым, а к традиционным божествам.

Но кроме пространственного фактора на процесс христианизации отрицательное влияние оказывал ландшафт и климат Восточной Европы. Основная часть Древней Руси, от Смоленска и дальше на север, была покрыта лесами и болотами. Летом коммуникациями служили реки, зимой — зимники, проложенные по тем же рекам. Поселения, расположенные вдали от речных коммуникаций, особенно в межсезонье, становились малодоступными и слабо контролировались центральной, а в условиях феодальной раздробленности, удельной властью. При этом необходимо учитывать небольшие размеры этих поселений и значительные расстояния между ними.

В начальный период христианизации Руси центрами церковно-организационного строительства становятся Киев и В. Новгород. В землях, удаленных от них, эта деятельность протекала значительно медленнее. Примером может служить христианизация Смоленской земли. Лежавшее между Великим Новгородом и Киевом это княжество было образовано на племенной территории кривичей в середине XI века. До 1136 г. она входила в Переяславльскую епархию¹¹. За 150 лет, прошедших после крещения Руси, христианизация смоленских кривичей находилась в самом зачаточном состоянии¹². Этот процесс ускорился только после образования самостоятельной смоленской епархии, что прослеживается по росту доходов епископии. В начале своего учреждения она получала доходы только из княжеского домена и «десятину» от тех же княжеских даней. Через 80 лет епископия получала доходы уже с 12 городов, не считая Смоленска. К этому времени сложилась и территория Смоленского княжества, простиравшаяся с севера на юг, вдоль «пути из варяг в греки», на 500 км, и с запада на восток на 250 км. Для успешной христианизации этой территории необходимо было иметь примерно 600—700 приходов. Но их не было, и христианизация затянулась.

Кроме Смоленска с его 21 церковью, опорными пунктами христианизации стали еще 12 городов, в каждом из которых были построены по 1—2 церкви, а также домениальные владения смоленских князей и боярские усадьбы. Развитие домениального владения в Смоленской земле началось со второй половины XI в.¹³, а расцвет пришелся на XII — начало XIII века. Рост домена сопровождался интенсивным церковным строительством и христианизацией прилегающей округи. «Все остатки древних храмов домонгольского времени в Смоленской земле вне Смоленска находятся на домениальных землях смоленских князей»¹⁴. Административным центром домена являлся «княж двор», в который сходились все нити княжеского хозяйства и управления. «В каждом дворе была своя церковь»¹⁵. Таким образом, «княж двор» выполнял одновременно и функции религиозного центра. Таким примером является Дорогобуж. «К 1211 г., став «самостоятельным» княжеским центром, Дорогобуж с его каменным храмом из плинф оказался, видимо, и крупнейшим среди периферийных смоленских городов религиозным центром»¹⁶.

Третьим, после Смоленска и княжеского домена, опорным пунктом христианизации являлись феодальные усадьбы. Археологические исследования показали влияние, которое оказывали феодальные замки на христианизацию сельского населения. В устье реки Россожи в начале XII в. был построен феодальный замок (Ковшаровское городище). Его владелец подчинил себе всю сельскую округу, состоявшую из 19 деревень. С появлением феодального замка в округе исчезали дохристианские святилища. В то же время в верховьях Россожи, куда не распространялась власть феодала, оно продолжало функционировать. Аналогичную картину мы наблюдаем и в бассейне реки Наготи¹⁷.

Четвертым опорным пунктом христианизации в то время являлся монастырь¹⁸. Монастыри выполняли миссионерскую роль, которую трудно переоценить. В Западной Европе в начале христианизации основными ее агентами стали ирландские монахи. «На всех фронтах борьбы за христианизацию — в городах, в сельских местностях и за пределами христианского мира — монастыри играли наиболее важную роль»¹⁹. С этим выводом известного французского медиевиста не согласился Я.Н. Шапов. «Не проникая вглубь территории страны, в сельскую местность, монастыри в это время мало занимались миссионерством»²⁰. Дело в том, что жители городов и ближайшей сельской округи на момент создания монастыря были, как правило, крещены, но еще не стали христианами, и монастырь исполнял роль агента христианизации для этого населения с самого начала своего возникновения. Например, в Киеве, в котором уже в XI в. действовало 8 монастырей, христианизация шла успешнее, чем в других центрах. В Смоленске, Владимире, Суздале и Ростове, где они появились только со второй четверти XII в., христианизация населения шла более медленными темпами²¹. Монастырь представлял собой «центр религиозного воздействия, где осуществлялся аскетический идеал в поисках путей спасения. В миру считалось, что молитва инока скорее дойдет до бога, поэтому в монастыри делали значительные вклады, заботясь о загробной жизни для себя и своих близких»²².

Но не только молитва и символика одежды монахов несли сакральный характер. Архитектура монастырей также служила цели утверждения христианского восприятия мира²³. Интенсивная хозяйственная деятельность монастырей втягивала в сферы этой деятельности крестьянина, который при общении с братией или при посещении монастыря невольно проникался идеями, заложенными в его архитектуре и в быте монахов. Крестьяне использовали опыт монастырей и в организации сельского самоуправления. «В некоторых волостях вместо церквей сооружались мирские монастыри...»²⁴.

Во всех вышеперечисленных опорных пунктах христианизации Смоленской земли обязательно строились церкви и храмы и создавались приходы. Но даже к началу XIII в. их явно не хватало для того, чтобы создать достаточную плотность церковных приходов и священнослужителей для успешной христианизации всего населения Смоленского княжества. Так, именно смоленская земля являлась центром изготовления дохристианских амулетов-подвесок в домонгольский период²⁵. И, конечно же, подтверждением незавершенности христианизации является погребальный обряд. Нельзя говорить о ее завершении, если он не соблюдается. Группа курганов у деревни Колпеница (XII — первая половина XIII в.) доказывает, «что внедрение новых христианских признаков здесь только начиналось и существенной роли не играло»²⁶. Этот курганный комплекс находился всего в 20 км от Рославля, одного из крупных домениальных центров Смоленской земли, в котором на рубеже XII—XIII в. было 2 каменные церкви²⁷.

Этот пример подтверждает правильность расчетов Ловмянского о том, что для успешной христианизации необходим приход с радиусом не более 10 км²⁸. За пределами этой десятикилометровой зоны эффективность миссионерской и проповеднической деятельности приходского священника резко падала, что подтверждается все тем же погребальным обрядом. «Так у г. Рославля засвидетельствованы три группы курганов..., но здесь в меньшей степени сохраняются элементы языческого погребального обряда, а резко выступают элементы, связанные с христианизацией»²⁹.

Такими же темпами христианизировалась и новгородская земля. О.П. Кузьмина пришла к выводу, что в отличие от города, «в сельских поселениях новгородской земли православие было осознано как религия лишь к 14 в., когда повсеместно начали строиться монастыри, сельские церкви, и христианство пошло вширь, охватывать дальние территории... сельское сословие на Руси... начало называть себя “христиане”- крестьяне только в конце 14 в.»³⁰.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что на христианизацию Древней Руси огромное влияние оказывали такие факторы, как пространство, ландшафт и климат Восточной Европы. Только города, княжеские и боярские владения в домонгольский период были обеспечены необходимым для успешной христианизации количеством приходских священников и храмов. Отдаленные от городских, домени-

альных и боярских владений сельские поселения, особенно на северо-западе и северо-востоке Древней Руси, испытывали острый недостаток храмов и священнослужителей. Это и было одной из причин медленных темпов христианизации населения древнерусского государства.

Примечания

1. Всемирная история. Т. III. М. 1957, с. 253; РЫБАКОВ Б.А. Стригольники — русские гуманисты XIV столетия. М. 1993, с. 67; НОВОСЕЛЬЦЕВ А.П. Христианство, ислам и иудаизм в странах Восточной Европы и Кавказа в средние века. — Вопросы истории. 1989, № 9, с. 31.
2. БЛДР. Т.1. ПВЛ. Т. 1. СПб. 2000, с. 161.
3. ГИЙУ А. Византийская цивилизация. Екатеринбург. 2005, с. 184—185.
4. КАРТАШЕВ А.В. Очерки по истории русской церкви. М. 1991, с. 186.
5. Там же, с. 187.
6. Там же, с. 208—209.
7. Там же, с. 209.
8. ЛОВМЯНСКИЙ Г. Религия славян и ее упадок. VI—XII вв. СПб. 2003.
9. БЛДР. Т. 1. ПВЛ, с. 163.
10. Там же, с. 197.
11. АЛЕКСЕЕВ Л.В. Смоленская земля в IX—XIII вв. М. 1980, с. 240.
12. ТИХОМИРОВ М.Н. Древнерусские города. М. 1956, с. 335; АЛЕКСЕЕВ Л.В. Смоленская земля в IX—XIII вв. М. 1980, с. 239; СЕДОВ В.В. От язычества к христианству. — Российская археология. М. 1995, № 4, с. 225.
13. АЛЕКСЕЕВ Л.В. Ук. соч., с. 125.
14. Там же, с. 131.
15. Там же, с. 132.
16. Там же, с. 130.
17. СЕДОВ В.В. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли. Материалы и исследования по археологии СССР. 1960, вып. 92.
18. Там же.
19. ЛЕ ГОФФ Ж. Цивилизация средневекового Запада. Екатеринбург. 2005, с. 155.
20. ЩАПОВ Я.Н. Монашество на Руси в XI—XIII веках. В кн.: Монашество и монастыри в России. XI—XX века. Исторические очерки. М. 2005, с. 23.
21. БЪЛХОВА М.И. Монастыри на Руси XI — середина XIV в. Ук. соч., с. 50—56.
22. КОЛЫЧЕВА Е.И. Православные монастыри второй половины XV — XVI в. В кн.: Монашество и монастыри в России XI—XX вв. М. 2005, с. 111.
23. Там же, с. 97.
24. ПАВЛОВ-СИЛЬВАНСКИЙ. Феодализм в России. М. 1988, с. 205—206; ЮШКОВ С.В. Очерки по истории приходской жизни на севере России в XV—XVII вв. СПб. 1913.
25. РЯБИНИН Е.А. Языческие привески-амулеты Древней Руси. Древности славян и Руси. М. 1988, с. 55—63.
26. ШМИДТ Е.А. Некоторые особенности погребального обряда смоленских кривичей в период перехода от язычества к христианству. Древности славян и Руси. М. 1988, с. 93.
27. АЛЕКСЕЕВ Л.В. Ук. соч., с. 183.
28. ЛОВМЯНСКИЙ Г. Ук. соч.
29. ШМИДТ Е.А. Ук. соч., с. 97.
30. КУЗЬМИНА О.П. Республика святой Софии. М. 2008, с. 62—63.

К вопросу о достоверности источников информации о прошлом

В.О. Шпаковский

Что можно отнести к достоверным источникам информации о прошлом? Конечно же, это в первую очередь артефакты, потом изображения на плоскости (будь то древние манускрипты или настенные росписи), барельефы и скульптура. Недостатком любых изображений является отсутствие в них объема и значительная доля условности. А вот барельефы и скульптура во многом заменяют нам археологические источники, либо существенным образом их дополняют. Однако и к ним, порой приходится относиться с определенной долей осторожности, поскольку их объемность отнюдь не гарантия их полной достоверности.

Рассмотрим для примера раскрашенный рельеф из гробницы царицы Хатшепсут, находящийся в Королевском музее в Эдинбурге, на котором изображены египетские воины со щитами, закругленными в верхней части, бронзовыми топорами и копьями в руках, причем показательно, что никто из них доспехов не имеет, тогда как их командир облачен во что-то вроде полупрозрачной рубашки с рукавами «в три четверти» и поясом на талии, а у лучника, идущего вместе с ними, нет щита ¹. Поскольку подобные изображения на барельефах встречаются неоднократно и существуют фигурки египетских воинов, найденные в гробницах, то этим изображениям мы, безусловно, может доверять.

Столь же достоверными (и к тому же проработанными до мелочей) являются и ассирийские барельефы из дворцов Ниневии и Нимруда. Например, на барельефе IX в. до н.э. со сценой охоты царя Ашшурнасирапала из Британского музея в Лондоне очень точно переданы все детали и конской сбруи и вооружение самого царя, включающее колющий меч на португее у пояса и даже топор в колчане вместе со стрелами. Причем по внешнему виду он ничем не отличается от томагавка североамериканских индейцев XIX века. Столь же реалистическими и достоверными являются и другие барельефы, в частности изображения воинов из дворца Тиглатпалассара в Нимруде, изображающие лучников в шлемах и в доспехах из квадратных металлических пластинок, нашитых на ткань, а также всадников в пластинчатых доспехах до пояса. Интересно, что воины «гвардии» царя Ашшурбанипала на барельефах в Ниневии, относящихся к середине VII в. до н.э. (Лувр, Париж), имеют щиты практически в рост человека, причем как прямоугольные с закругленной верхней частью, так и напоминающие своей формой вьетнамскую либо японскую соломенную шляпу — то есть в виде очень большого тупого конуса ². И хотя сказать, из чего они были сделаны, по рельефам нельзя, очевидно, что такие щиты, равно как и шлемы, и все прочее вооружение, у них в это время имели место быть.

Шпаковский Вячеслав Олегович — кандидат исторических наук, доцент Пензенского государственного университета.

В то же время ассирийцы на барельефах далеко не всегда представлены только в конических либо в полусферических шлемах с небольшим гребнем наверху. Присмотревшись, например, к фигурам двух пращников со стены дворца царя Ашшурбанипала в Ниневии, можно заметить, что на головах у них совсем не шлемы, а шитые из нескольких полос ткани или войлока конические шапки с наушниками. Впрочем, вполне возможно, именно из таких шапок как раз и появился древнеассирийский металлический конический шлем, который оказался настолько удобным, что разошелся по всему свету. При внимательном изучении этих барельефов и, в частности, барельефа, изображающего всадника с копьем в левой руке и без щита, нельзя не заметить, что линии пластинок панциря у него на руке словно являются продолжением «брони» на груди, чего, разумеется, не могло быть. То есть, будучи точным в деталях, ваявший его скульптор, видимо, поленился вырезать их в поперечном по отношению к руке положении и изваял заодно с рядами пластинок на груди. Или же... он был очень рассеянным человеком.

Кстати, то, что шлемы ассирийцев, известные нам по многочисленным барельефам из ассирийских дворцов, были очень похожи на более поздние кельтские шлемы, отмечает также британский историк Эварт Окшотт³. По его мнению, такие шлемы существовали в древней Месопотамии еще до возвышения Ассирийской державы. Причем именно они — металлические или кожаные (точнее по изображению не определить) — представлены и на фигурах с триумфальной «Стелы коршунов» (ок. 2500 г. до н.э.) — небольшой по размеру (всего 75 см) каменной плиты, посвященной победе правителя города Лагаша Эанатума над соседним городом Умой⁴. На ней мы, прежде всего, видим древнейшую в мире фалангу: ряды воинов, прикрытых от шеи до щиколоток огромными прямоугольными щитами, в шлемах (или кожаных шапках) на голове, причем такой формы, что открытым у них остается только лишь лицо. Кстати, такой английский исследователь, как Доун Доусон считает, что реально щиты этих воинов должны были иметь всего по одному умбону, а шесть умбонов на каждом символизируют построение в шесть рядов⁵.

О периоде военной истории Рима с 100 по 200 г. н.э. подробных исторических исследований не сохранилось. Так что, изучая этот период, историкам приходится опираться исключительно на такой исторический источник, как колонна на форуме Траяна в Риме, созданная архитектором Аполлодором Дамасским в 113 году н.э. Ствол этой мраморной колонны 23 раза огибает по спирали лента длиной 190 м с рельефами, изображающими эпизоды войны Рима и Дакии в 101—102 годах. Из него, как это замечает известный британский историк Питер Конноли, можно почерпнуть массу ценных подробностей относительно того, как выглядело римское войско во время этой кампании.

Например, на ней хорошо видно, что римские легионеры облачены в доспехи *logica segmentata* из железных полос, а римские вспомогательные войска, как всадники, так и пехотинцы, — в кольчуги *logica hamata*⁶. Удивительно, однако, наблюдать очень малую длину кольчуг у некоторых всадников, зубчатый подол у которых лишь чуть-чуть ниже пояса и практически совсем не закрывает пах. Это вызывает определенные сомнения в достоверности изображаемого, особенно на фоне достаточно длинных (и точно таких же фестончатых кольчуг) у восточных лучников с луками в руках⁷. Пехотинцы тоже носят точно такие же и очень короткие кольчуги. Правда, судя по овальным щитам, пехотинцы в коротких кольчугах — это именно ауксилиарии — воины, принадлежавшие к вспомогательным римским войскам. Но все же такая малая их длина сомнительна. То есть это или небрежность скульптора или же так было сделано сознательно, ну, скажем, с целью «героизации» римских воинов. Впрочем, у всадников, показанных здесь же, кольчуги столь же коротки, и может быть, так делалось специально, для большего удобства именно всадников. А раз так, то почему бы не предположить, что пехотинцы в коротких кольчугах это... именно спешенные либо лишившиеся коней всадники? Впрочем, здесь мы вступаем на зыбкую почву домыслов, показывающих, что суть даже очевидных предметов может быть объяснена совершенно по-разному. Между тем, кольчуги (и чешуйчатые панцири) всадников на рельефе из Мантуи в долине реки По начала I в. н.э. имеют вполне реалистическую длину до середины бедра, то есть очевидно, что такие всаднические кольчуги в римской армии существовали. Впрочем, по конструкции — наличие пеле-

рины вместо рукавов — они сложнее «траянских», на что также указывает тот же Питер Конноли⁸. Этот барельеф показателен тем, что и кольчуга первого всадника, и чешуйчатый доспех второго имеют один и тот же покрой, хотя, безусловно, технологии их изготовления серьезно различались.

На колонне Траяна показаны также и всадники-сарматы (союзники даков) одетые в чешуйчатые доспехи. Однако если мы посмотрим на них, а также на их коней, то достоверным можно будет признать, как это ни странно, только лишь сам факт наличия у сарматов чешуйчатой брони, поскольку то, что мы видим на колонне, есть не что иное, как досужий вымысел скульптора. Дело в том, что и сами всадники, и их лошади изображены одетыми в чешуйчатые «одежды», типа... трико, чего на самом деле быть не могло. По мнению британского историка Рассела Робинсона, скульптор, который выполнял этот барельеф, воспользовался литературными описаниями сарматских всадников, в которых говорилось, что они с головы до ног защищены чешуйчатыми доспехами, и воспроизвел их так, как это он себе представлял⁹.

В то же время на колонне императора Траяна множество всадников показано в простых кольчугах с зубцами на плечах и по подолу. Отмечается, что такая кольчуга весила около 9 кг. При этом очевидно, что их использовали не только всадники, но и римские лучники эпохи траянской кампании в Дакии, вот только их кольчуги с фестончатыми рукавами и подолом были почему-то длиннее¹⁰. Шлемы у них были более похожи на ранние ассирийские, урартские и мидийские образцы, а также на более поздние готские, скандинавские и славянские,

По мнению Р. Робинсона, все отличие их заключалось в том, что шлемы у них были тоньше, чем римские, и всегда выделялись из отдельных сегментов, как и шлемы (*sprangenhelm*) более поздних варваров, использовавшиеся в Европе в IV—XII веках¹¹.

Щиты у всех без исключения римских воинов на колонне Траяна очень малы по размерам, хотя, судя по их реконструкциям на основании тех же находок из Дура Европос, им следовало быть значительно больше¹². Легионеры на марше изображены на колонне со щитами, которые они несут, как и полагается слева, но на наплечном ремне. Потому что, долго так, держа щит просто в руке, нести его было бы вряд ли возможно. Однако щиты изображены открытыми, хотя из записок Цезаря известно, что обычно щит переносился в кожаном чехле. Найдено несколько подобных чехлов, так что их использование сомнения не вызывает. Причем в чехлах спереди было сделано отверстие для умбона, однако на колонне — скорее всего только лишь ради того, чтобы показать украшения на щитах, — они везде показаны расчехленными¹³. Таким образом, целый ряд изображений и на колонне Траяна и на похожей на нее колонне Марка Аврелия необходимо воспринимать с изрядной долей сомнения по отношению ко многим деталям, поскольку они грешат не только против имеющихся у нас исторических знаний, но и против всякого здравого смысла.

Интересным источником является рельеф в Тадж-и-Бостане 620 г. н.э., в котором очень точно и достоверно переданы доспехи шаха Хосрова II, на которых видно не только буквально каждое кольцо его кольчуги, но и места их стыковок¹⁴. Здесь же в Иране на огромных наскальных рельефах в Фирузабаде изображен персидский правитель Ардашир I (224—241), сражающийся с парфянским правителем Артабаном V. Многие историки считают это изображение иллюстрацией боя при Хормиздагане 227 г., когда Арташир окончательно утвердил свою власть над большей частью Ирана.

На голове у Ардашира, поражающего своего противника копьём, нет шлема, причем его голова дана в профиль, а посажена на туловище анфас. Его волосы убраны в специальное сферическое приспособление, которое можно обнаружить на всех коронах царей этой династии, а также стянуты налобной лентой, концы которой развеваются у него за спиной. Он одет в облегающую рубашку-кольчугу с длинными рукавами, прикрывающую бедра. Изображение ног не сохранилось, но вполне можно высказать предположение, что и они точно также защищены такими же изогнутыми пластинами, как и те, что носит его сын и побежденный им воин. Показательно, что копьё шах держит двумя руками, что говорит о том, что, несмотря на фактически полное рыцарское вооружение, он пользуется седлом без стремян. Поэтому он и не использует принцип куширования копьё и поэтому у него и нет щита. Плохо то, что под одеждой воинов не видно конского седла. Скорее всего, то, что его заменяло, давало воину достаточную опору для того, чтобы использовать двуручный хват ко-

пья, а также меч, но вот держать копьё, как более поздний рыцарь, он не мог, так как при сильном ударе рисковал просто слететь с коня ¹⁵.

На принце Шапуре надет простой круглый шлем и такая же кольчуга, как и на его отца. Его грудь защищена широким щитком с двумя наплечными украшениями в форме гранатов. Места соединения наголенников из полос металла так же хорошо видны, как и узорчатая конская попона и подвешенный у бедра всадника колчан со стрелами, причем подобным же образом защищены и другие парфяне. Что касается персидского воина, то на нем шлем с султаном и доспехи, похожие на найденные в Дура-Европос. Он защищен сплошным нагрудным доспехом с длинными кольчужными рукавами, а на ногах — чешуйчатые поножи ¹⁶. Интересно, что и на голове коня шаха и у него на плечах изображены какие-то сферические украшения, чем-то напоминающие средневековые рыцарские щитки — айлеты. Глядя на них, можно предположить, что и в данном случае они могли использоваться для опознавания личности шаха в бою, а сделаны они могли быть из надутых воздухом и, соответственно, высушенных и позолоченных бычьих пузырей. Хотя о том, из чего на самом деле могли быть изготовлены эти украшения, мы можем, разумеется, только лишь гадать. Интересно, что, по мнению иранского историка Хабиба Аллаха Айата Аллахи, в этом изображении нет и следа реализма, а все детали ограничиваются достаточно тонким изображением волос, одежды, оружия воинов, седел и уздечек коней. «Было ли дело в том, что мастер не был знаком с техникой портрета или же он намеренно создал образы, которые должны были пережить века, повествуя и далеким будущим поколениям о победе Ирана над его врагами?» ¹⁷ — таков в данном случае его вывод, однако то, что эти барельефы являются прекрасным историческим источником — несомненно.

Средневековые барельефы и скульптура также являются ценными источниками в области изучения оружия и доспехов, однако, обращение к ним зачастую приводит к совершенно неожиданным выводам. В частности, речь идет о так называемых «псевдокольчугах», несколько типов которых были даже подробно описаны Виолле-Дюком на основании изучения их изображений на надгробных скульптурах (эффигиях) и гравированных на меди надгробиях (брэсс) ¹⁸. И на эффигиях, и на металлических надгробных пластинах брэсс обычно очень хорошо воспроизведена фактура кольчужного полотна, что в свое время способствовало рождению целого ряда остроумных гипотез относительно возможных типов кольчуг, которые на них изображены. Однако сегодня считается, что реально существовал только один вид плетеной кольчуги, а изображенные на скульптурах «полосы» на самом деле всего лишь показанные таким образом варианты плетения — например, не стандартный вариант 1:4, а более плотный 1:8. В отдельных случаях это мог быть и кожаный ремень, пропущенный через ряды колец для большей жесткости и прочности кольчужного полотна, но не более, во всяком случае, так считают английские историки и, в частности, К. Блэр, основываясь на изучении большого количества эффигий, сохранившихся в Англии ¹⁹. То есть «разнообразие» в изображениях кольчуги на статуях эпохи Средних веков, по его мнению, связано всего лишь с манерой художников и скульпторов того времени, суть которой заключалась в экономии времени и усилий.

С этим мнением нельзя не согласиться, однако обращение к этим скульптурам не только позволяет подтвердить эту точку зрения, но и задать целый ряд новых вопросов. Например, известно, что рыцари под кольчужный капюшон надевали чепец-подшлемник — куаф. Однако на эффигии Роберта де Рооса (ум. в 1227 г. Лондон. Тампл) он изображен со спущенным капюшоном и прической каре с волнистыми локонами. Чепца на голове нет, и возникает вопрос: является ли это актом художественного творчества, чтобы показать умершего во всей красе, или же документальное свидетельство того, что кольчужные капюшоны иногда носили и «просто так»?

На правой скульптуре западного фронтона кафедрального собора в Уэльсе (около 1230 г.) можно увидеть рыцаря, на голове которого изображен простеганный чепец с ободком или валиком для удобства посадки шлема на голову ²⁰. Однако если посмотреть на эту фигуру внимательно, то создается впечатление, что этот чепец надет... поверх кольчужного капюшона, часть которого отчетливо видна и закрывает ему рот и, более того, он еще зачем-то дополнен жестким по виду «нашейником», завязывающимся спереди. Самое интересное, что подобная «система» защиты не встречается больше ни на одной из скульптур.

Выше уже отмечалось, что характерные полосы на скульптурах показывают особенности плетения тех или иных кольчужных доспехов и не более того. Так, на некоторых эффигиях, например, скульптуре Томаса де Кантелупа (ум. в 1282 г. Герфордский кафедральный собор) отчетливо видны вертикальные линии плетения на рукавах, а, соответственно, на эффигии Уильяма Фиц Уильяма Ле-Боудела (ум. в 1227 г. Граппенхолл, церковь Св. Уилфреда) — и такие изображения наиболее часто встречаются, — ряды колец показаны строго горизонтально, с четкими углубленными линиями между ними. С другой стороны, есть немало псевдореалистических изображений кольчуг, на которых можно различить даже отдельные кольца и, тем не менее, достоверным источником их при этом считать нельзя.

Таково, например, изображение Джона де Абернона (ум. в 1277 г. Церковь Абернона) на котором кольца кольчуги заходят одно в другое в шахматном порядке, то есть так, как реально на лежащей на плоскости кольчуге они никогда не лежат. Точно так же на брэсс Роберта де Сетванса (ум. в 1306 г. Церковь Св. Марии, Чатэм) кольчугу изображают ряды полуколец, причем в одном ряду они смотрят вершинами вверх, тогда как в других рядах — вниз²¹. И это притом, что сами они прорисованы везде очень тщательно.

С другой стороны, реалистичность некоторых статуй такова, что на них показаны даже швы кольчужного плетения. В частности, такой долевым шев, идущий от подбородка и вдоль шеи, можно рассмотреть на скульптуре Рогера Корбета (ум. в 1290 г. Чаддеслей)²². Следует отметить и тот факт, что изображения позднего времени выполнены в более условной манере, чем ранние, что связано, видимо, с тем, что мастерам стало просто лень стараться там, где в принципе можно было этого не делать. Пример — фигура Эдмунда Пикока (ум. 1400 г.) из церкви в Сент-Олбансе²³, хотя она всего лишь одна из очень многих.

Таким образом, рассматривая барельефы и скульптурные изображения минувших эпох в качестве одного из источников наших знаний о прошлом, не следует забывать о субъективной составляющей этого творчества, мастерстве (либо отсутствии оно) древних мастеров, а также множестве иных привходящих факторов, в той или иной степени влияющих на достоверность того или иного источника.

Примечания

1. DAWSON D. *The First Armies*. L. 2001, p. 137.
2. *Ibid.*, p. 183, 187.
3. ОКШОТТ Э. Археология оружия. От бронзового века до эпохи Ренессанса. М. 2004, с. 48.
4. FIELDS N. *Bronze Age War Chariots*. L. 2006, p. 10.
5. DAWSON D. *Op. cit.*, p. 75.
6. РОБИНСОН Р. Доспехи народов Востока. История оборонительного вооружения. М. 2006, с. 11.
7. КОННОЛИ П. Греция и Рим в войнах. Энциклопедия военной истории. М. 2000, с. 222.
8. Там же, с. 234.
9. РОБИНСОН Р. Ук. соч., с. 13.
10. ROBINSON H.R. *The armour of Imperial Rome*. L. 1975, p. 25.
11. РОБИНСОН Р. Ук. соч., с. 90.
12. КОННОЛИ П. Ук. соч., с. 231.
13. Там же, с. 239.
14. РОБИНСОН Р. Ук. соч., с. 21.
15. NICOLLE D. *Rome's Enemies (5): The Desert Frontier*. L. 1991, p. 15, 37, Pl. H.
16. ХАБИБ АЛЛАХ АЙАТ АЛЛАХИ. История иранского искусства. СПб. 2007, с. 145.
17. Там же, с. 145.
18. ФУНКЕН Ф., ФУНКЕН Л. Средние века. VIII—XV века: Доспехи и вооружение. Крепости и осадные машины. Рыцарские турниры и гербы. М. 2002, с. 14—15.
19. БЛЭР К. Рыцарские доспехи Европы. Универсальный обзор музейных коллекций. М. 2006, с. 28.
20. ГРАВЕТТ К. Рыцари: история английского рыцарства 1200—1600. М. 2010, с. 30.
21. Там же, с. 106.
22. *The Medieval Combat Society. Twelfth to Fourteenth Century Armour. Monumental Effigy and Brass Timeline*. localhost/F:/12th%20to%2014th%20Century%20Armour.mht.
23. *Ibidem*.

Православная церковь в годы Великой Отечественной войны

О.В. Терёшина

После провозглашения антирелигиозниками, с санкции советской власти, в 1932 г. «пяtilетки безбожия», гонения на Церковь, как общественный институт, приобрели всеобъемлющий характер, а отношение к Церкви определялось, исходя из видения в ней «классового врага». Прибегая к различным средствам борьбы — от провокаций церковных расколов до физического уничтожения священнослужителей — накануне второй мировой войны большевистское государство практически уничтожило институт Русской православной церкви (РПЦ).

Еще в конце 1930-х гг. на большей части территории РСФСР были упразднены епархии и репрессированы их правящие архиереи. Как правило, приходы той или иной области подчинялись непосредственно патриаршему местоблюстителю митрополиту Сергию (Страгородскому). К 1941 г. РПЦ имела 3 732 действующих храма, причем из них 3350 церквей находились на территориях, вошедших в состав СССР в 1939—1940 годах. В 1938 г. в СССР не существовало ни одного официально действующего монастыря¹. Из высшего духовенства в предвоенные годы осталось четыре человека: два епископа и два митрополита, которые и составляли все управление Русской православной церкви на территории СССР. Положение местоблюстителя Сергия (Страгородского) было крайне неустойчиво.

Однако довольно ощутимая часть населения РСФСР на начало войны сохранила приверженность христианству, в основном — православию. Так, по Почепскому району Орловской области о религиозности населения накануне войны говорят следующие цифры. В селе Третьяки из 56 дворов 88 чел. при переписи 1937 г. назвали православными, 5 — баптистами, 26 — безбожниками. По участку № 3 города Почепа 86 записались православными, 5 — безбожниками, по участку № 118: 49 — православными, 3 — безбожниками². Подобное положение, согласно данным М.В. Шкаровского, наблюдалось повсеместно. В других городах РСФСР неверующими называли себя от 1 до 4% населения. Эти данные нельзя считать абсолютно достоверными, так как часть опрошенных могла скрывать свои взгляды, опасаясь репрессий, как со стороны атеистической советской власти, так и впоследствии со стороны немцев, способных, по мнению населения, отождествлять неверующих с коммунистами³.

Если советская власть считала Церковь и священнослужителей своими врагами, то нацисты рассматривали их как потенциальных союзников при осуществлении

Терёшина Ольга Викторовна — кандидат исторических наук, доцент Российского государственного социального университета.

оккупационной политики. 11 апреля 1942 г. Гитлер заявил: «Нашим интересам соответствовало бы такое положение, при котором каждая деревня имела бы собственную секту... Даже если ... возникнут шаманские культы, .. то мы могли бы это только приветствовать». ⁴ Это была лишь общая идея. Мысли о поощрении в России всякой формы религиозного разединения и раскола были высказаны Розенбергом в 1942 г.: «1. Религиозным группам категорически воспрещается заниматься политикой. 2. Религиозные группы должны быть разделены по признакам национальным и территориальным... Территориально же религиозные объединения не должны выходить за границы... одной епархии. 3. Религиозные общества не должны мешать деятельности оккупационных властей. 4. Особая предосторожность рекомендуется в отношении Русской Православной Церкви, как носительницы враждебной Германии русской национальной идеи» ⁵. Однако долгосрочной, тщательно продуманной политики взаимодействия с религиозными организациями на захваченных территориях, с подробными, обязательными для исполнения инструкциями на местах, с аппаратом, системой взаимодействия и контроля не было. Были лишь общие мысли.

Советские власти не понимали религиозных чувств, религиозного сознания и необходимость Церкви как социального института. На лицо были неверные трактовки целей патриарха, мотивов и причин его действий. Непонимание исходило из единственно верной на то время марксистской теории о религии как виде духовного угнетения.

Если говорить о немцах, то они не осознавали провальности идеи сделать из священников чиновников и превратить патриарха в служителя рейха. Преувеличивали они и степень религиозной оппозиции режиму, хотя и спекулировали на печальных страницах советской истории. Непонимание исходило из мировоззренческих постулатов: из презрения к христианству как к учению, которое не знает рас в отличие от национал-социализма, из презрения к русским, из отождествления христианства с «еврейством», а большевизма с его ребенком.

Непонимание между советским государством и Русской православной церковью не помешало найти с началом войны платформу для сотрудничества. Возможность контактов была обусловлена наличием общего врага и расчетом использовать противоположную сторону как средство решения глобальных проблем.

Патриарший местоблюститель Сергей уже в первый день войны выступил с посланием, разосланным в тот же день по всем приходам. Он сравнил нацистское нападение с прошлыми вторжениями в Россию и предупредил, что «времена Батыя, тевтонских рыцарей, Карла XII и Наполеона повторяются». Церковь всегда разделяла «судьбу народа», и «с Божьей помощью и на сей раз он развеет в прах фашистскую враждебную силу». Местоблюститель предупредил, что православное духовенство не должно оставаться в стороне от дела всего народа, это было бы «прямой изменой родине и своему пасторскому долгу» ⁶. Выступление Сергея было коротким и неоригинальным, но четко обозначило позицию РПЦ: мы со своей паствой, «Господь да дарует нам победу». Учитывая более чем два десятилетия советских религиозных преследований, разрешение опубликовать и разослать это заявление было исключительным событием. Совпадение указаний местоблюстителя с общим призывом советских властей к защите Родины — причина публикации.

В правящих кругах хорошо понимали, что в войне и государство, и народ могли выжить и победить лишь при предельной мобилизации и напряжении всех сил. Поэтому основная ставка делалась на массовое сознание советских людей. Религиозность стали рассматривать как один из источников формирования нового понятия «советский патриотизм» — предпосылки победы. Из истории страны извлекли примеры, достойные подражания: портреты А.В. Суворова и М.И. Кутузова, которых историк-марксист 1920-х гг. М.Н. Покровский клеймил как империалистов и душителей свободы, оказались в кабинете И.В. Сталина. Имена святых князей Александра Невского и Дмитрия Донского упоминались в положительном контексте, и даже о Крещении Руси в учебниках истории стали писать как о событии относительно прогрессивном ⁷. При этом задача понимания феномена религиозности, изучения его уровня, особенностей на разных территориях и у разных народов не ставилась.

Самоотверженность, готовность к самопожертвованию постепенно вытеснили классовые лозунги из пропагандистского лексикона государства, заменив их на патриотические. Духовные силы были призваны спасать положение там, где были бесспорно материальные. И здесь идейные и организационные возможности православия и Церкви по мобилизации общества на борьбу с врагом были безграничны⁸. Вновь Церковь выступила как средство решения актуальных проблем.

Уже в первый период войны произошел окончательный отказ от планов уничтожения Православной церкви в стране, практически прекратились аресты священнослужителей, были закрыты антирелигиозные периодические издания, свернута деятельность Союза воинствующих безбожников. 2 сентября 1941 г. по указанию Сталина глава союза безбожников Е. Ярославский направил в печать статью «Почему религиозные люди против Гитлера», подписав ее экзотическим псевдонимом Каций Адамиани. В статье, которая вначале предназначалась только для зарубежного читателя, высоко оценивалась патриотическая деятельность Московской патриархии⁹.

Характерным фактом было снятие в Ленинграде в 1942 г., на первую военную Пасху, запрета на ночной крестный ход вне храмов¹⁰. Не чинились препятствия массовым богослужениям; снимались ограничения на внекультовую деятельность, открывались, сначала де-факто, религиозные центры¹¹.

В то же время фактически легализовать сборы среди верующих¹² Сергию (Старгородскому) удалось лишь в 1943 г., когда на телеграмму Сталину (в ней местоблюститель сообщал о начале сбора средств на строительство танковой колонны «Дмитрий Донской») был получен ответ с разрешением открыть спецсчет в Государственном банке. Лишь указание с самого верха позволило преодолеть наружные барьеры. Советское государство видело в церкви идеологического конкурента и трактовало расширение границ благотворительности даже в суровых условиях войны как укрепление популярности политического противника¹³.

Главная проблема РПЦ заключалась в том, что на протяжении 18 лет не избирался патриарх, хотя официально патриаршество не было отменено. 4 сентября 1943 г. состоялась встреча Сталина с Патриаршим местоблюстителем Сергием, Ленинградским митрополитом Алексием и экзархом Украины, Киевским и Галицким митрополитом Николаем. Иерархам предложили «высказаться об имеющихся у патриархии и у них лично назревших... вопросах»¹⁴. Митрополит Сергей указал, что в православной церкви имеется намерение создавать Собор епископов для избрания Патриарха Московского и Всея Руси и образования при Патриархе Священного Синода. Сталин заявил об отсутствии препятствий со стороны правительства, предложил помощь и настоятельно рекомендовал «проявить большевистские темпы» — организовать все за 3—4 дня¹⁵.

Также во время беседы были поставлены вопросы об открытии богословских курсов, о возобновлении издательской деятельности Московской патриархии, открытии храмов, о важности создания в епархиях мастерских по изготовлению церковной утвари, предоставлении права свободного проживания и передвижения по стране и многом другом. Практически на все пожелания представителей Церкви Сталиным был дан положительный ответ. Иерархи просили самого насущного, и это были не финансы — в начале 1940-х бедны были все — а самоуправление.

«Прием был историческим событием... оставил... большие впечатления, которые были очевидны для всех»¹⁶. Впечатление произвел резкий поворот государственного курса от политики простого давления к заинтересованности в потребностях Церкви. Советское руководство стремилось более эффективно использовать Церковь в своих целях, а знание желаний «идеологического противника» помогало его обезоружить.

Намерение Сталина изменить характер государственно-церковных отношений поставило вопрос об образовании органа, который бы проводил новую церковную политику правительства в жизнь. 14 сентября 1943 г. при СНК СССР был создан Совет по делам Русской православной церкви для осуществления связи между правительством и патриархом по вопросам, требующим разрешения правительства, и для контроля за правильным применением законодательства о культах.

Совет не должен был вмешиваться во внутреннюю жизнь Церкви. Он был инструментом контроля, инструментом эффективного использования Церкви. Председа-

телем Совета стал Г.Г. Карпов. Согласно «Должностной инструкции для работников аппарата Совета по делам Русской православной церкви при СНК СССР» от 15 января 1944 г. в круг обязанностей членов Совета входили: организация деятельности уполномоченных, контроль за патриотической работой Русской православной церкви, контроль за издательской деятельностью Синода, а также деятельностью духовных учебных заведений; организация персонального учета епископата РПЦ. Совет осуществлял контроль за самыми существенными для идеологии направлениями деятельности церкви: проповеди, публицистика, образование, кадры. РПЦ корректировала под государственный аппарат в рамках измененной церковной политики с целью использования в Великой Отечественной войне.

Согласно «Положению об управлении Русской православной церковью» от 28 января 1944 г. «патриарху в промежутках между Соборами принадлежит высшая административная и судебная власть в области церковного управления». Он «ведет сношения по церковным делам с представителями других автокефальных православных церквей», а «для решения назревших важных церковных вопросов созывает с разрешения правительства Совет преосвященных архиереев»¹⁷. Так были обозначены пределы полномочий патриарха во внешне- и внутрицерковных делах. Оговорка «с разрешения правительства» в «Положении об управлении...» встречается часто. Получить разрешение можно было лишь опосредованно — через Совет по делам РПЦ. Общаться напрямую означало для советской власти входить в положение, понимать, а это делать не считали нужным.

Из функций благочинных в епархиях не осталось ничего, что выходило бы за рамки церковной деятельности их округа («наблюдают за духовенством округа», «заботятся об удовлетворении религиозных потребностей верующих», «предоставляют отчет епархиальному архиерею в конце каждого полугодия»)¹⁸.

Порядок организации общины был примерно одинаковым во всех регионах: добровольное согласие 20 верующих с регистрацией в органах местной власти на основании заявления. На местах были уточнения: согласно «Инструкции для крайисполкомов по вопросам Русской православной церкви» Краснодарского края это должны были быть «совершеннолетние ... не лишенные по суду избирательных прав, граждане из числа местных жителей»¹⁹. Одновременно, список должен был быть именной (чтобы стать членом общины необходимо было иметь храбрость) с прилагаемой на каждого верующего анкетой. Процедура была забюрократизирована до предела.

Храм и церковная утварь согласно «Положению об управлении...» предоставлялись общине по «особому договору», при этом было «поручено наблюдение и хранение церковного имущества избранному исполнительному органу»²⁰. По «Инструкции для крайисполкомов...» культовое имущество должно было быть описано, оговаривались санитарные, строительные условия, договоры подряда, вопросы кладбища.

Почти во всех возможных действиях общины предполагались оговорки о контроле — ревизиях («в случае смерти настоятеля или перевода его к другому храму»), чеках («церковные суммы вносятся на хранение в банк ... и получают по чекам»), штампах, разрешениях местных властей²¹. «Церковный исполком» был отрегулирован законодательно до мелочей. При его регистрации давали следующую справку: религиозная община, «образованная гражданами, принадлежащими к православному вероисповеданию, в соответствии с указаниями Совета по делам РПЦ,... зарегистрирована»²². В форме оппозиционной политической партии советские власти понимали Церковь гораздо лучше.

Избранный 8 сентября 1943 г. на Поместном Соборе патриарх Сергей имел достаточно по церковным канонам полномочий, чтобы оказывать давление на религиозных противников Москвы (Католическая церковь в Польше и Западной Украине). С помощью Собора правительство могло распространять по всему миру свой новый образ терпимого защитника славян и православных христиан. Той же цели служила и опубликованная ранее — осенью 1942 г. — книга под названием «Правда о религии в России». Единственное ее назначение — пропагандистское. Книга состояла из воззваний митрополита Сергея и других пропагандистских материалов, целью которых было изображение просоветского патриотизма РПЦ. Ее распространяли на

оккупированной территории и среди общественности союзнических стран; для внутреннего пользования было напечатано лишь небольшое количество экземпляров. Советская власть посланиями патриарха хотела поднять свой престиж на международной арене, при этом полностью замалчивался тот факт, что к началу войны Церковь в СССР была почти уничтожена. По мнению митрополита Ленинградского и Псковского Алексия, которое он представил в своем письме в исполком Ленсовета 1 декабря 1942 г., книга «Правда о религии в России» «содержит много сведений о патриотических воодушевлениях среди духовенства и верующих, ... о варварском отношении со стороны немцев к нашим церковным памятникам..., но собственно говоря о жизни и деятельности в настоящую эпоху войны Ленинградской епархии в книге сказано весьма мало»²³. Митрополит предлагал издать дополнительный сборник, назначение которого также было пропагандистским, однако в нем должно было содержаться больше сведений о жизни епархии. Предлагалось дать общую характеристику общин Ленинградской области в военное время; включить послания митрополита, статьи и очерки пастырей, «рисующие положение в их приходах и участие как приходов в целом, так и отдельных лиц из прихожан в общем деле войны»; «сообщения о жертвователях»; «сообщения о... зверствах врагов»; «статьи и сообщения с мест от мирян»²⁴. Предложенный митрополитом Алексием сборник должен был показать, что конкретно делает церковь и против кого выступает. «Правда о религии в России» эту задачу перед собой не ставила.

Однако презрительное отношение к Церкви у командования армии не менялось. Так, например, словосочетания «группа попов» употреблялись в донесении командования Карельского фронта в ЦК ВКП(б) от 14 мая 1942 года²⁵.

Подобные высказывания были характерны и для других приграничных районов СССР. В Белоруссии «попы ...Лунинецкого района в первые дни войны оказывали свои услуги немцам. Проведя разъяснительную работу с этим духовенством, мы (партизаны. — *О.Т.*) доказали им, что... они изменяют своему народу, родине». По высокомерному заявлению автора документа именно разъяснения обкома стали причиной изменения позиции священников. Партизаны использовали церковь без намека на благодарность: «попу было поручено при исповеди опросить... по ряду интересующих нас вопросов», «попам было поручено провести ... молебны [которые] были направлены на разоблачение немецкой лжи о партизанах». Не называется ни имени, ни должности, хотя достижения анонимного попа были значительны: «верующее население... начало улучшать свое отношение к партизанам», сумел «спасти людей и уничтожить предателя»²⁶.

Советский режим не брезговал привлекать церковь на свою сторону и прикрываться миссионерством в международной политике. В «Обращении Собора Русской Православной Церкви ко всем христианам мира» от 8 сентября 1943 г. указывалось, что цель «героической Красной армии... уничтожение кровавого фашизма во всем мире» и движет советской армией «борьба за попираемые Гитлером идеалы христианства, за свободу христианских церквей, за свободу счастье и культуру всего человечества»²⁷. Это очень напоминало идеи крестовых походов или «экспорта революции» 1921 г., когда за красивыми лозунгами пытались скрыть истинные причины международных действий.

Уже в 1943 г. Сталин видел грядущий передел мира и взвешивал шансы СССР в условиях противостояния общественных систем. С одной стороны, имела место симпатия европейских народов, государственных и политических лидеров к СССР как к государству, спасшему человечество от фашизма. В то же время существовало и недоверие к большевистскому государству, печально известному своими репрессиями в отношении инакомыслящих и преследованием религии. Для максимального использования симпатий к Советскому Союзу Сталин решил продемонстрировать терпимость к религии и, в частности, к Православной церкви. Религия выступала как способ достижения прежде всего внешнеполитических результатов.

Хотя советское государство манипулировало Русской православной церковью в своих собственных целях, было бы неправильно считать, что церковные иерархи выступали пассивными участниками новой политики. У епископов не было уверенности в долговременных намерениях режима, и они еще не были готовы потребовать

больше, чем намеревалось дать им государство. Тем не менее, Церковь по-настоящему выиграла от новой партийной линии. РПЦ искала выгоду хотя бы в послаблении условий для существования, не претендуя на понимание. Она пошла, в том числе, и на такой обмен: привилегии в положении на идеологическую поддержку в войне.

Церковь оказала правительству значительные политические и пропагандистские услуги, а Кремль в обмен предоставил власть, чтобы избавиться от соперников: обновленческих схизматиков, украинских движений за отделение (Украинская автокефальная православная церковь), униатов и различных сект. Претендовать церкви на что-либо большее, значило переоценить свои силы. Достигнутые успехи устраивали Кремль.

Идеологических несостыковок, противоречий в редактируемой церковной политике было очень много. Все усложнялось различными трактовками любви к родине у деятелей церкви и государства. Демонстрацией идеологических трудностей и взаимного непонимания служит речь митрополита Николая (Ярушевича) 22 марта 1944 года. В ней он указывал, что «русская церковь с огромным воодушевлением собирала средства на создание своей танковой колонны»²⁸, забывая с какими сложностями был получен отдельный счет в Госбанке на сбор пожертвований и ее строительство. Митрополит указывал, что «боевые машины... несут мщение и смерть фашистским палачам... этим сатанистам — врагам культуры и народного счастья», и ставил при этом культуру и народное счастье на одну планку, не понимая, что в советской идеологии это совершенно разные вещи. Он не видел противоречий в реплике: «духом будем с вами все мы, весь наш советский народ», забывая, что советский народ по определению не мог быть православным и «пламенно молиться о победе нашего оружия»²⁹. Молиться могли верующие, а граждане Советского союза должны были быть выше религиозных предрассудков.

В апреле 1944 г. епископ Уманский Иосиф в своем воззвании к верующим поздравлял их «с освобождением от иноверцев»³⁰. Главное зло в фашистах для епископа — это иная вера. Епископ призывал внести «свою лепту» и помочь «спасти церковь от ереси и раскола»³¹. На лицо непонимание и неверная интерпретация врага, каким он был для Советской армии. Красноармейцы боролись против мирового политического противника, против захватчика и оккупанта, а не против религиозных отступников.

Корреляция деятельности Церкви как средства решения внутри и межгосударственных проблем должна была проводиться с помощью аппарата уполномоченных Совета по делам РПЦ. Новая должность вводилась при СНК союзных и автономных республик, обл(край)исполкомах и, в первую очередь, в регионах, освобожденных от гитлеровской оккупации, и там, где есть действующие церкви. Функции уполномоченных определялись «Положением о Совете...» от 7 октября 1943 года³².

В период становления своего аппарата Карпов часто критиковал областные комитеты партии за формальный подход к подбору и назначению кандидатов на должность уполномоченного Совета. Его беспокоило при наличии у кандидатов иногда ответственности, инициативности, готовности выполнить порученную работу, отсутствие таких нужных качеств, как такт, терпимость, уважение к людям, придерживающимся иного мировоззрения, и низкий уровень их образования. Все это было необходимо при работе с такой социальной группой населения как верующие и духовенство, а многие этого просто не понимали, продолжая действовать из простых постулатов классовой борьбы и религиозного угнетения.

Почти сразу в адрес Совета по делам РПЦ стали поступать жалобы на грубое обращение некоторых уполномоченных с верующими, духовенством («обратиться к уполномоченному по поводу незаконного закрытия молитвенного дома — он три закроет»), на использование уполномоченными административных методов давления («разрешу — пошлете священника на приход, не разрешу — не пошлете»). А конфликт между экзархом Украины митрополитом Киевским и Галицким Иоанном и уполномоченными Совета по УССР И. Ходченко потребовал вмешательства председателя Карпова.

Диктат, грубость, пренебрежение к вопросам, поднимаемым религиозными организациями, — все это было следствием мировоззренческой позиции многих уполномоченных, сформировавшейся в предыдущие десятилетия; результатом того, что

нормы взаимоотношений с духовенством и верующими, характерные для 1930-х гг., были перенесены ими в ситуацию 1940-х годов. Недопустимость этого не понималась в рамках реализации насущной религиозной политики.

С точки зрения краевого, областного партийного руководства именно работники, зарекомендовавшие себя и в прошлом в качестве активных борцов с «религиозным мракобесием», могли проводить «верную линию» в отношении церкви. В таком подходе проявилась и собственная позиция партаппарата к новой церковной политике правительства как к временной, вынужденной уступке во имя достижения главной на тот период цели — победы над гитлеровской Германией.

В обязанность уполномоченных входило глубоко и детально изучать происходившие в церковных кругах процессы, кадры духовенства, положение в церквях и монастырях, деятельность духовных учебных заведений³³. Методы данной работы не разяснялись, все сводилось к составлению информационных докладов. В них предполагалось отчитываться о проделанной работе: учете и регистрации действующих православных церквей, молитвенных домов, монастырей; регистрации религиозных обществ, духовенства; учете недействующих культовых зданий православной церкви; рассмотрении ходатайств групп верующих об открытии церкви или молитвенного дома³⁴.

Руководством Совета были разработаны различные формы взаимоотношений между центральным и местным аппаратами: ежеквартальные информационные отчеты, вызовы уполномоченных в Москву. За период 1944—1947 гг. в адрес уполномоченных было направлено более 40 инструктивных писем. Разъяснения требовались постоянно, так как на местах не понимали изменений в религиозной политике государства. «Инструкция для крайисполкомов по вопросам Русской Православной Церкви» Краснодарского края дана уполномоченным Кирилловым «в целях устранения возможных ошибок и нарушений законов и постановлений». Она конкретизировала и проясняла вопросы «Положения об управлении Русской православной церковью» от 28 января 1944 г. и «Постановления СНК СССР № 1325 от 28 ноября 1943 г. “О порядке открытия церквей”». Инструкция давалась: «по открытию церквей ... регистрации церковных общин»; «по наблюдению за проведением в жизнь законов и постановлений относящихся к Русской Православной Церкви»; «по закрытию церквей и ликвидации религиозных общин»; «по информированию крайисполкома»³⁵.

«Деятельность религиозных общин и служителей культа должна строго ограничиваться культовыми целями, как-то: совершением богослужений ... отправлением религиозных обрядов и треб, управлением культовым имуществом»³⁶. Именно слово «ограничиваться» являлось определяющим в инструкции. Политика запретов уже устарела, а политика разрешений была невозможна в советской стране. Понять же тонкость промежуточной позиции было сложно. Все, что допускалось, было прописано и сопровождалось постоянными оговорками, примечаниями, списками и перечислениями дозволенного. «Изготовление религиозных предметов ... решаются в каждом отдельном случае по ходатайствам патриарха, только Советом по делам русской православной церкви»; можно «сбирать добровольные пожертвования», но «на цели, связанные с содержанием молитвенного здания, культового имущества»; возможны «религиозные шествия вокруг храма», но если «не нарушают нормального уличного движения», а под открытым небом в праздник «с особого ... разрешения исполнительного Комитета городского или районного Совета депутатов трудящихся»; можно «совершать зарегистрированному священнику в пределах его прихода отдельные религиозные обряды и требы в домах верующих» и проводить молитвенные собрания (богослужения) в зданиях культа³⁷.

Церкви было «можно» немного. Религиозные общины: «не имеют права владеть собственностью. Прав юридического лица они не имеют». «Им воспрещается какая бы то ни была производственная, торговая, воспитательная, лечебная и иная деятельность»³⁸. Одновременно, деятельность священника ограничивалась его приходом, деятельность епископа его епархией, речи не могло быть о преподавании религиозных вероучений.

Зарегистрироваться, жить и функционировать, точно следуя «Инструкции для крайисполкомов...», было практически невозможно. Обязательное информирование

о деятельности «оппозиционной силы», а также уточнение, что «инструкция...для служебного пользования и знакомить с ней духовенство и верующих не разрешается», еще раз показывает, что Церковь понимали и рассматривали именно как вынужденного партийного союзника.

Информационные доклады уполномоченных опаздывали, были небрежно и с ошибками оформлены. Это затягивало принятие решений по открытию церкви и приводило к дополнительным хлопотам для верующих и их разочарованиям.

Стремясь решить вновь поставленные задачи, многие уполномоченные требовали от духовенства, религиозных общин предоставления интересующих их сведений в письменном виде, назначали ревизии в церковных приходах, контролировали содержание проповедей священнослужителей и т.д. Уполномоченный по Новгородской области Тихонов даже составил «Вопросник» для духовенства области, разослал его всем настоятелям приходов, предложив дать ответы на восемь вопросов о прохождении служб в пасхальные праздники³⁹.

В то же время измененный курс государства сыграл положительную роль в восстановлении церковной жизни. Совету по делам РПЦ было предоставлено право окончательного решения вопроса об открытии храмов, без его согласия местные власти не имели права сломать церковное здание или закрыть его для богослужений⁴⁰. У верующих и духовенства появилась возможность не только заявить о своих нуждах, но и возможность быть услышанными. РПЦ редко претендовала на что-то большее⁴¹.

Верующим передавались те здания, которые пустовали и не потеряли церковного вида. На территории страны насчитывалось 16 297 недействующих храмов, из которых 2953 пустовали, а 13 344 использовались под хозяйственные нужды⁴². Правительство СССР стремилось сдерживать открытие церквей, проводя через Совет по делам РПЦ инструктивное письмо № 2 от 20 апреля 1944 г. с изложением «законных» мотивов отклонения ходатайств верующих. Это были: отсутствие здания для богослужественных собраний; невозможность освобождения здания бывшей церкви, используемого для культурных, хозяйственных или военных целей; непригодность (ветхость, опасность обвала и т. д.) здания бывшей церкви; отсутствие требуемого законом количества верующих (не менее 20); фальсификация сбора подписей, а также спровоцированные заявления (когда подписи под заявлением собраны в результате проведения инициаторами специальной организационной работы и агитации с применением обмана). В ответах же верующим во всех случаях отклонения ходатайств уполномоченные Совета должны были ограничиваться кратким уведомлением о том, что ходатайство рассмотрено обл(край)исполкомом и отклонено⁴³. Местные органы власти широко пользовались предоставленным им правом и практически всегда отказывали верующим в открытии новых храмов.

Учитывая всю серьезность возрождения Церкви, государственные органы власти в годы войны принимали все меры, чтобы поставить под свой контроль деятельность духовенства и церковных общин. Уже в ноябре 1943 г. Совет потребовал от уполномоченных список «действующих и недействующих церквей»⁴⁴.

Согласно инструктивному письму Совета по делам РПЦ, руководителям церковных общин средства, внесенные в Фонд обороны или на подарки бойцам Красной Армии, запрещалось распределять среди семей красноармейцев, инвалидов, больных, шефствовать над госпиталями и детскими домами, так как эта деятельность могла быть использована Церковью «для усиления своего влияния на массы»⁴⁵. Высшее руководство страны не понимало мотивов действий церковных иерархов и видело в Церкви идеологического конкурента. Никто из руководства не пытался даже представить, что церковь просто хочет делать свое дело — помогать и давать утешение. На нее смотрели глазами советского политика.

Идеологическое поле ВКП(б) не собиралась уступать никому, поэтому существовала «Докладная записка заместителя наркома государственной безопасности СССР Б.З. Кобулова А.С. Щербакову⁴⁶ о принятых мерах командованием к недопущению сношений духовенства с командованием госпиталей и ранеными» от 12 мая 1943 года⁴⁷. Епископ православной церкви Питирим в г. Калуге обратился к командованию госпиталя № 2751/ФЭП № 1 с предложением о шефстве. Политотдел Западного фронта был не против. «Осуществляя шефство, церковный совет собрал среди

верующих 50 000 рублей, приобрел на них подарков... купили и передали госпиталю плакаты, лозунги, портреты руководителей партии и правительства, нанимали парикмахеров, баянистов...дважды устраивались концерты с программой русских народных песен и песен советских композиторов». Не понимая мотивов таких действий, официальные власти видели в них попытки распространить идеологически неверное влияние, а не благотворительность и шефство. Воспринимать это по-другому не желали, хотя церковный совет не выбивался из одобренной идеологической колеи: это были советские плакаты, портреты, композиторы. От РПЦ могли брать в помощь безликие деньги, стандартные простые бумажки, но не позволяли утверждать авторитет, влияние среди армии как актива населения. Личное общение — это уже выпадение человека из-под пресса советской пропаганды. Отталкиваясь от традиций марксизма-ленинизма записка требовала «недопущения впредь попыток входить в непосредственные сношения с командованием госпиталя»⁴⁸.

Руководство страны пыталось объяснить резкий подъем религиозных чувств у населения как в районах, оккупированных немцами, так и в советском тылу улучшением пропаганды со стороны РПЦ. Карпов писал: «События ...за прошлые несколько лет: избрание патриарха, численное увеличение епископата, проведение Поместного Собора, публикация в газетах серии церковных документов, теологические курсы, распространение церковного журнала — все это способствовало оживлению церкви»⁴⁹.

Власти полагали, что население в своей массе пассивно и легко управляемо, широкое распространение спонтанных религиозных актов относили за счет невежества, плохой пропагандистской работы и манипуляции простыми людьми со стороны религиозных шарлатанов. Религиозная активность говорит «об отсутствии массовой партийно-просветительной работы среди населения, — писал он. — Бродячие элементы, которые под видом больных, юродивых, странников выдают себя за “святых” и прозорливых людей, призывают к молениям и открытию церковей, распространяют всевозможные слухи. Особое влияние на религиозно настроенную массу оказывают бродячие попы, монахи, появившиеся в области после отбытия сроков наказания»⁵⁰.

Возможно, кто-то из этих священнослужителей, отбыв сроки наказания в ГУЛАГе, и был приспособленцем. Однако вряд ли можно представить себе, чтобы кто-то, думающий прежде всего о деньгах и личной безопасности, выбрал для себя в сталинском СССР карьеру служения церкви. Постоянная угроза ареста, полицейское наблюдение, гонения властей говорят о мужестве этих бродячих священников. Однако материалистическое мировоззрение мешало советским функционерам видеть в мотивации их действий что-то, кроме алчности.

Например, претензии были к стандартному исполнению В.Ф. Войно-Ясенецким (архиепископом Лукой он обозначен лишь в названии служебной записки) собственных обязанностей: «совершает религиозные обряды в служебном помещении госпиталя», «явился на ... совещание врачей... одетым в архиерейское облачение», «усиленно добивался восстановления в Тамбове т. н. “мощей”», «предъявляет требование о передаче для культовых целей здания бывшего собора». Для священника это — действия, направленные на восстановление в Тамбове дореволюционных церковных порядков, а для Карпова — «использование религиозных предрассудков верующей части населения»⁵¹. Чтобы Лука не ошибался с рамками религиозной свободы, облздравотдел должен был сделать ему предупреждение.

Советское воспитание заставляло партизан брать со священника «подписку штабу партизанского отряда, что в интересах окончательного разгрома фашизма обязуюсь работать на пользу Родине» и «нести ответственность перед Родиной»⁵². Они не понимали, что священник ответственен, в первую очередь, перед Богом. Впрочем, вариант подписки был типовым (от руки вписывалась фамилия, имя, отчество), так как не доверяли не только священнику.

Награждая священников медалями, советское руководство действовало стереотипно. При этом первоначально следовал запрос Карпова к наркому внутренних дел: «духовенство московских церковей неоднократно обращалось с вопросом, будут ли представляться к награждению медалью “За оборону Москвы” некоторые предста-

вители духовенства»⁵³. Как было указано в письме митрополита Крутицкого и Коломенского Николая (Ярушевича), награды нашли своих героев. Они были даны за «участие в тушении зажигательных бомб», «сбор теплых вещей», организацию «бомбоубежища в храме». Одновременно эти заслуги смешивались с прямым исполнением обязанностей священника: «организовывал богослужения», «укреплял веру в победу», «совершал патриотические молебны»⁵⁴.

Уступки советской власти церкви с началом войны были мотивированы желанием пресечь коллаборационизм, мобилизовать общество на борьбу с использованием ее патриотических возможностей и достигнуть значительных внешнеполитических результатов. Во всех этих вариантах религия использовалась как средство достижение цели. Инструментом реализации новой религиозной политики стал Совет по делам РПЦ и его институт уполномоченных. Патриархат оценивали как идеологического конкурента, целей его действий не понимали, расценивали и интерпретировали как политическую оппозицию и допускали в ограниченных масштабах.

Гитлер и его соратники исходили из того, что самым тяжелым ударом для человечества было пришествие Христа с его идеей о том, что перед Богом все равны, и отрицанием рас.

В перспективе же «борьба между национал-социализмом и церковью заключается в создании государственной религии: соединение музыкально-спортивных мероприятий, с одной стороны, и государственных праздников — с другой, — в форме торжественных представлений, соревнований и государственных актов». Фашисты заявляли, что государство признает только германо-нордическое религиозное движение⁵⁵.

В своих пропагандистских обращениях к русскому народу немцы, спекулируя на печальных страницах советской истории, пытались предстать в облике защитников религии, для чего восстановить некий уровень религиозной свободы. Продвигаясь в глубь советской территории, германские вооруженные силы открывали закрытые Советами церкви, разрешали проводить в них службы, снимая это на киноленту для показа мировой аудитории⁵⁶. По подсчетам историка М.В. Шкаровского, на захваченных территориях РСФСР открылось 2150 храмов: около 470 на Северо-западе, 332 — в Курской области, 243 — в Ростовской, 229 — в Краснодарском крае, 127 — в Ставропольском, 108 — в Орловской области, 116 — в Воронежской, 70 — в Крымской, 60 — в Смоленской, 8 — в Тульской и около 500 — в Орджоникидзевском крае, Московской, Калужской, Сталинградской, Брянской и Белгородской областях⁵⁷.

Часть германских вождей хотела воспользоваться религиозными претензиями украинцев и других национальных меньшинств СССР, чтобы вбить клин между Москвой и периферией. Предлагалось оказывать всемерную поддержку автокефальной церкви на Украине, в Белоруссии, Латвии и Эстонии, но эта политика проводилась непоследовательно⁵⁸.

Одновременно существовала и другая точка зрения среди германского командования. Такие деятели, как Р. Гейдрих и М. Борман, категорически возражали против любых шагов по предоставлению религиозной свободы. В гитлеровском новом порядке славянам отводилась роль рабов, и не следовало позволять им думать иначе, иметь институты, которые могут способствовать развитию национальных амбиций. Розенберг был воинствующим атеистом, ненавидевшим христианство. Он презирал все русское до такой степени, что православие считал всего лишь «красочным этнографическим ритуалом».

Была и оригинальная идея — «стремящимся к религии массам оккупированных...областей... дать какую-то форму религии»; для чего «создать новый класс проповедников, который будет в состоянии после...короткого обучения толковать народу свободную от еврейского влияния религию». Такое предложение обосновывалось тезисом: «аполитичных церквей не существует». Духовенство в восточных областях должно было ждать милости от захватчиков и не вмешиваться в националистические мероприятия⁵⁹.

Общие идеи реализовывались в слишком разнообразных мероприятиях, часто противоречащих друг другу. Высшее нацистское руководство решение религиозных вопросов переложило на плечи пониже, а те в свою очередь на «местный уровень». Со стороны германского командования были попытки сделать из Церкви нечто по-

хожее на государственный орган. 18 ноября 1941 г. Розенберг направил рейхскомиссару Украины Э. Коху секретные инструкции. Епископы должны были стать чиновниками, назначаемыми Министерством оккупированных территорий Востока. Церковный организм должен был структурно соответствовать военно-административному делению Украины: каждому генеральному округу выделялась церковная единица во главе с епископом⁶⁰. При городских управах создавались церковные отделы по руководству церковными делами. Их деятельность заключалась в подборе кадров, организации работы церквей и даже в составлении расписаний церковных служб⁶¹. Очевидна параллель с уполномоченными по делам церкви из советского государственного аппарата. Старшина церквей Орловской епархии Константинов однотипно информационным докладам уполномоченных обязан был ежемесячно представлять в городскую управу доклад с подробным описанием повседневной церковной жизни, а также следить за уплатой взносов социального страхования⁶². Немецкое руководство порой благоволило настоящим бандитам, прикрывающимся религией. Церковный подотдел Крыма, как это выяснил после его освобождения в 1944 г. протоирей А. Архангельский, возглавлялся настоящим преступником А.Д. Семёновым. Он «способствует выдвижению во священники сомнительных ...лиц... сознательно засоряет епархию чуждыми православию и Родине элементами»; «безотчетно расходует денежные средства»; «покровительствует всякого рода сектантам — штундистам, баптистам, евангелистам и т. д.»⁶³. «Хотя при Семёнове и было открыто около 70 церквей, но со стороны верующих [он] ... вызывает единодушную отрицательную оценку»⁶⁴.

Ошибалось немецкое руководство и в отношении уровня религиозности населения. Начальник группы религиозной политики К. Розенфельдер писал в меморандуме от 31 января 1943 г.: «по-советски воспитанные поколения видят в Церкви средство оглупления и порабощения... Техника и естественные науки заняли в СССР место церквей и святых»⁶⁵. В вопросе атеизации советского населения Розенфельдер скорее выдавал желаемое за действительное.

Церковная политика свелась у оккупантов к приказу: «Не вмешиваться и подождать». Оперативный приказ № 10 «О церковном вопросе в оккупированных областях Советского Союза» Гейдриха от 16 августа 1941 г. являлся первым документом, регламентирующим положение религии в оккупированных областях. Директивы указывали: «когда население ... высказает желание позаботиться о своих религиозных делах и когда... имеется в наличии духовное лицо..., то восстановление отправления церковных служб может быть допустимо. Но ни в коем случае германские органы не должны открыто поощрять церковную жизнь ...О восстановлении прежней патриархальной русской церкви не может быть и речи. Нужно следить за тем, чтобы возникшие таким образом церковно-православные общины не могли организованно объединиться и создать руководящие центры... О возвращении национализированных Советами церквей или церковной собственности церковным организациям...не может быть и речи. Разрешение этого вопроса следует отложить на будущее... Религиозные чувства военнопленных не следует ни особенно поощрять, ни поддерживать»⁶⁶. Нацистское правительство не могло дать однозначного ответа, тянуло откровенно время, и хотя указывало на безусловную важность разрешения религиозных вопросов, ничего в этом направлении не делало.

Региональное немецкое командование оказывалось более подготовленным, чем верховное. Из доклада партизана от сентября 1942 г. с оккупированных территорий очевидно и стандартная церковная жизнь («ряд церквей... восстановлены и в них проходят богослужения»), и использование немецким командованием в своих интересах религиозных настроений населения⁶⁷. Так, был организован «крестный ход — по случаю годовщины оккупации города», на котором «присутствовали представители немецкого командования», а «глава города... произнес речь, в конце которой призывал население благодарить немецкое командование за освобождение города»⁶⁸. На местах немцы не выдвигали больших проектов и не разрабатывали продуманных концепций, а прагматично использовали ситуацию в свою пользу.

С 1943 г. в германских официальных документах чувствовалось сомнение в правильности ряда аспектов выбранного курса. Расчеты на поддержку «нового порядка» со стороны угнетаемых в СССР религиозных организаций были одним из изначаль-

ных стереотипов оккупации. Поэтому идеологи рейха неоднократно выражали удивление тому, какое значительное место заняла РПЦ в патриотическом движении в Советском Союзе. Понять этого не могли ни нацисты, ни советские деятели. В бюллетене Полиции безопасности от 7 мая 1943 г. «Донесения из оккупированных восточных областей» указывалось: «Советская пропаганда сумела ловко использовать религиозные чувства населения в своих целях. Церкви и массы все в большей степени получают поощрения»⁶⁹. Не сумев найти другого объяснения, нацистское командование оправдывало свои провалы в религиозной политике советской пропагандой, а не религиозным сознанием русского народа. Преувеличение значимости идеологической работы было ошибкой как советской, так и фашистской власти.

В религиозной жизни на оккупированной территории СССР укрепился Московский патриархат: не развалился, добился уступок и привилегий, признания, избрания главы, расширения деятельности — проповеди, службы, издательства и др.

Примечания

1. Русская Православная Церковь в XX веке. М. 2008, с. 8.
2. ПЕРЕЛЫГИН А.И. Русская Православная Церковь в Ословском крае (1917—1953г.). Орел. 2008, с. 81.
3. ШКАРОВСКИЙ М.В. Крест и свастика: Нацистская Германия и православная церковь. М. 2007, с. 409.
4. ДАШИЧЕВ В.И. Банкротство стратегии германского фашизма: исторические очерки. Документы и материалы. Т.1. М. 1973, с. 66.
5. Цит. по: РЕГЕЛЬСОН Л. Трагедия Русской Церкви, 1917—1945. Париж. 1977, с. 510.
6. Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война. Сборник церковных документов. М. 1943, с. 3—4.
7. ЦЫПИН В. Не в силе Бог, а в правде! — Голос совести. 2005, № 5.
8. ГРИДИНА И.Н. Православные верующие Украины в годы Второй мировой войны. Донецк. 2006, с. 155.
9. АЛЕКСЕЕВ В.А. «Штурм небес» отменяется? Критические очерки по истории борьбы с религией в СССР. М. 1992, с. 184.
10. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб.), ф. 7384, оп. 33, д. 209, л. 156.
11. ОДИНЦОВ М.И. Русские патриархи XX века. М. 1999, с.198.
12. Были объявлены незаконными постановлением ВЦИК РСФСР «О религиозных объединениях» в 1929 году.
13. ВАСИЛЬЕВА О.Ю. Предисловие к сборнику документов «Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. М. 2009, с. 21.
14. Отчет Председателя Совета по делам Русской Православной Церкви при СНК СССР Г.Г. Карпова о приеме Председателем СНК СССР И.В. Сталиным иерархов Русской Православной Церкви. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. Р-6991, оп. 1, д. 1, л. 1—10.
15. ГАРФ, ф. Р-6991, оп. 1, д. 1, л. 1—10.
16. Там же.
17. АП РФ, ф. 3, оп. 60, д. 4, л. 58—66.
18. Там же.
19. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК), ф. Р.-1519, оп. 1, д. 1, л. 10—14.
20. АП РФ, ф. 3, оп. 60, д. 4, л. 58—66.
21. Там же.
22. Справка о регистрации религиозной общины Александро-Невского церкви пос. Волосово Волосовского района Ленинградской области от 4.07.1944 г. Ленинградский областной государственный архив в г. Выборге, ф. Р-2067, оп. 1, д. 140, л. 5.
23. Письмо митрополита Ленинградского и Псковского Алексия председателю исполкома Ленсовета П.С. Попкову с просьбой разрешить издание документального сборника по истории Ленинградской епархии в годы войны. ЦГА СПб., ф. 7384, оп. 33, д. 76, л. 150—152об.
24. Письмо митрополита Ленинградского и Псковского Алексия... ЦГА СПб., ф. 7384, оп. 33, д. 76, л.150—152об.
25. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 17, оп. 125, д. 92, л. 81—81об.
26. Из отчета Пинского обкома КП(б) Б в ЦК ВКП(б) за период с 1 апреля по 1 июня 1943 г. Там же, ф. 69, оп. 1, д. 1075, л. 1.

27. Архив Президента (АП РФ), ф. 1, оп. 60, д. 4, л. 8—11.
28. Речь митрополита Крутицкого Николая (Ярушевича) перед воинами танковой колонны имени Димитрия Донского. ГАРФ, ф. Р-6991, оп. 2, д. 3, л. 58—59.
29. ГАРФ, ф. Р-6991, оп. 2, д. 3, л. 58—59.
30. Воззвание епископа Уманского Иосифа к верующим. Апрель 1944 г. Архив Московской патриархии. Коллекция документов.
31. Воззвание епископа Уманского Иосифа к верующим.
32. ЧУМАЧЕНКО Т.А. Государство, православная церковь, верующие. 1941—1961 гг. М. 1999, с. 28.
33. Государственные архив Орловской области (ГАОО), ф. Р-1591С, оп. 3с, д. 68, л. 6.
34. ЧУМАЧЕНКО Т.А. Совет по делам Русской православной церкви при СНК (СМ) СССР в 1943—1947 гг.: особенности формирования и деятельности аппарата. //http://tuaosir.ru.
35. ГАКК, ф. Р-1519, оп. 1, д. 1, л. 10—14.
36. Там же.
37. Там же.
38. Там же.
39. ГАРФ, ф. 6991с, оп. 1с, д. 7, л. 36.
40. ГАОО, ф. Р-1591с, оп. 3с, д. 46, л. 69.
41. ЧУМАЧЕНКО Т.А. Государство, православная церковь, верующие..., с. 37—38, 40—45.
42. ОДИНЦОВ М. Хожение по мукам. 1939—1945 гг. — Наука и религия. 1990, № 8, с. 19.
43. Государственный архив Брянской области (ГАБО), ф. 1591с, оп. 3с, д. 46, л. 42.
44. ГАОО, ф. 1591с, оп. 3с, д. 41, л. 1.
45. Там же, д. 46, л. 41.
46. Первый секретарь Московского обкома ВКП(б) с ноября 1938 г. по 1 мая 1945 года.
47. РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 188, л. 13.
48. Докладная записка заместителя наркома государственной безопасности СССР Б.З. Кобулова А.С. Щербакову о принятых мерах командованием к недопущению сношений духовенства с командованием госпиталей и ранеными от 12.05.1943. РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 188, л. 13.
49. Карпов — Александрову. 30 августа 1945 г. РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, ед. хр. 131, с. 1408.
50. МАЙНЕР С.М. Сталинская священная война. Религия, национализм и союзническая политика. 1941—1945. М. 2010, с. 196—197.
51. Служебная записка Г.Г. Карпова наркому здравоохранения РСФСР А.Ф. Третьякову о нарушении советских законов архиепископом Лукой (В.Ф. Войно-Ясенецким). ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 3, л. 306—306об.
52. Подписка священника В.Д. Копычко с обязательством работать по заданиям штаба партизанского отряда. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ), ф. 3500, оп. 2, д. 136, л. 67.
53. Докладная записка Г.Г. Карпова В.М. Молотову. 15 сентября 1944 г. ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 3, л. 192.
54. Письмо Николая (Ярушевича) митрополита Крутицкого и Коломенского Г.Г. Карпову с ходатайством о награждении медалью «За оборону Москвы» духовенства г. Москвы. ГАРФ, ф. Р-6991, оп. 1, д. 3, л. 194—198.
55. ШКАРОВСКИЙ М.В. Политика Третьего рейха по отношению к Русской Православной Церкви в свете архивных материалов 1935—1945 годов (сборник документов). М. 2003, с. 38—40.
56. МАЙНЕР С.М. Ук. соч., с. 84.
57. ШКАРОВСКИЙ М.В. Германская церковная политика и «религиозное возрождение» на оккупированной территории Белоруссии, Прибалтики и Северо-Запада России. Материалы ежегодной богословской конференции ПСТБИ. М. 1997, с. 192.
58. ПОСПЕЛОВСКИЙ Д.В. Русская православная церковь в XX веке. М. 1995, с. 204.
59. Оперативный приказ № 20 Главного управления имперской безопасности: «О разрешении церковного вопроса на занятых восточных территориях» от 31.10.1941 г. РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 92, л. 23—25.
60. ЛЫСЕНКО А.Е. Религия и церковь на Украине накануне и в годы второй мировой войны. — Вопросы истории. 1998, № 4, с. 46.
61. РГАСПИ, ф. 625, оп. 1, д. 7, л. 578.
62. ГАОО, ф. Р-159, оп. 1, д. 10, л. 2—6, 8, 11, 12, 15, 30.
63. Из доклада протоиерея А. Архангельского патриаршему местоблюстителю митрополиту Алексию (Симанскому) о посещении Крыма. 13 июля 1944 г. Архив Московской патриархии (АМП). Коллекция документов.
64. Там же.
65. ВА, R6/178, В1. 57—58.
66. РГВА, ф. 500, оп. 5, д. 3, л. 57—60.
67. Из донесений генштаба Красной армии и ЦК ВКП(б) от сентября 1942 г. РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 92, л. 1296.
68. РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 92, л. 1296.
69. Цит. по: ЯКУНИН В. Н. Русская православная церковь на оккупированных территориях СССР в годы Великой Отечественной Войны 1941—1945 гг. Самара. 2001, с. 51—53.

Военнопленные Четверного союза в России

И.Б. Белова

Число оказавшихся в плену за годы первой мировой войны превосходит общее количество военнопленных за весь учтенный предшествующий период времени. В плену оказался каждый девятый от общей численности мобилизованных ¹. Еще современники событий первой мировой войны положили начало осмыслению проблемы военного плена: с 1915 г. стали появляться сборники нормативно-правовых актов, определявших положение военнопленных в Российской империи, воспоминания переживших ужасы плена. Первый этап изучения военного плена соответствует советскому периоду отечественной историографии. В 1920 г. была издана книга Н.М. Жданова «Русские военнопленные в мировой войне 1914—1918 гг.» В исследовании, кроме русских военнопленных, автор уделил внимание вопросу размещения вражеских военнопленных на территории России, осветил работу Русско-германской и Русско-австрийской смешанных комиссий по обмену военнопленными, созданных в 1918 г., после заключения Брестского мира ².

Основным направлением исследований советских авторов являлась история интернациональных формирований, созданных из бывших военнопленных, принимавших участие в Октябрьской революции и Гражданской войне в России ³. Анализу работ советских историков этой тематики посвящены статьи И. Муратова (1960 г.) и Н.В. Суржиковой (2008 г.). Основной вывод Муратова состоит в том, что рассмотренные им работы позволяют считать, что, кроме марксистских групп, в лагерях военнопленных действовали и другие политические организации, стремившиеся взять идейное руководство военнопленными в свои руки. Данные же о количественном составе интернациональных формирований автор считает «очень приблизительными» и «нуждающимися в уточнении» ⁴. Суржикова отмечает, что советские историки, занимаясь поисками классового сознания у пленных, считали случаи отказов от работ доказательствами наличия у пленных классового сознания. Автор берет под сомнение утверждение о безусловной добровольности и осознанности участия беспартийных пленных в защите завоеваний революции, когда из центра поступали требования организовать выступления военнопленных под «правильными» лозунгами, например, «долой войну!». Суржикова полагает, что статистические данные о партийности военнопленных-иностранцев в Сибири являются «довольно скромными», что массовость военно-революционных выступлений военнопленных требует точной оценки ⁵.

Советскими историками затрагивались и другие аспекты проблемы неприятельских военнопленных, но это были «непрофильные» работы. Так, в монографии А.М. Анфимова приведены

Белова Ирина Борисовна — кандидат исторических наук, доцент Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского.

данные Особого совещания по обороне об использовании труда военнопленных различными министерствами, из которых следует, что Министерство земледелия имело 57,4 %, Министерство торговли и промышленности — 17,9 %, министерство путей сообщения — 12,6 % от количества работавших военнопленных, составлявшего на 1 сентября 1916 г. 818 140 человек. В работе отмечается, что оплата труда военнопленных была ниже, чем местных сельскохозяйственных рабочих. По мнению автора, выделение крестьянам по 1—2 военнопленных для сельскохозяйственных работ создавало проблему с их охраной, которую крестьяне не обеспечивали. Автор полагает, что, с одной стороны, пленные заменяли призванных в армию, а с другой — использование труда пленных способствовало отливу рабочей силы из сельского хозяйства ⁶.

Вопрос, нашедший отражение в ряде исследований как советского, так и постсоветского периода — это вопрос о численности вражеских военнопленных. Данные Центрального комитета по делам военнопленных об общей численности иностранных военнопленных в России на конец войны, которая составила 1 782 966 чел., в том числе австро-венгерской армии — 1 587 099; германской — 152 760; турецкой — 42 988; болгарской — 199 чел., привел Жданов, но с оговоркой, что точных сведений о численности военнопленных в России не было в течение всех лет войны ⁷. Автор замечает, что, согласно картотеке Центрального Справочного Бюро, общая численность иностранных военнопленных составляла 1 950 113 человек. Е.З. Волков также приводит разные данные о численности военнопленных — 1 961 тыс. и 2 467 тысяч. Он считает более точной последнюю цифру и, исходя из нее, высчитывает процент распределения военнопленных по территории России к 1 января 1918 г.: 87,9 % — в Европейской части; 8,9 % — на Северном Кавказе; 2,3 % — в Сибирском крае; 0,9 % — на Дальнем Востоке ⁸.

И. Шнейдер численность военнопленных в России определяет приблизительно в 2 млн чел., в том числе австро-венгерской армии — 1724 тыс., германской — 187 тыс., турецкой и болгарской — 50 тысяч. Автор ссылается на «точные статистические сводки», но не указывает конкретный источник. В статье имеются данные о количестве лагерей военнопленных (410), военно-промышленных предприятий, на которых использовался их труд (1357), казенных мастерских в Европейской России и Сибири с Туркестаном (112 и 59 соответственно). Автором отмечается, что в одиночном порядке работавшие у зажиточных крестьян военнопленные официальной статистикой охвачены не были. Шнейдер также затрагивает проблему большевистской революционной пропаганды среди военнопленных и создания красногвардейских отрядов интернационалистов-военнопленных. По мнению автора, создание подобных формирований находилось в «крепких руках коммунистов». Статья содержит примеры создания интернациональных вооруженных отрядов в декабре 1919 г. в Иркутске, Черемхове и Красноярске ⁹.

История создания в Советской России Центрального комиссариата по делам мусульман вместо упраздненного Всероссийского мусульманского Совета отражена в книге М.А. Мулюкова и И.Р. Тагирова ¹⁰. Авторами отмечается, что комиссариат развернул деятельность по пропаганде и агитации среди турецких военнопленных по примеру интернациональных частей из военнопленных — уроженцев Западной Европы. Правительство Турции, как показано в работе, неоднократно выражало протест по поводу вовлечения турецких подданных в революционную деятельность.

А.Н. Попов приводит данные о численности иностранных военнопленных в России со ссылкой на первое издание Большой Советской энциклопедии — 2,3 млн пленных австро-венгерской и турецкой армий и 167 тыс. немецкой, а также на данные Международного Красного Креста — 2 342 378 человек. В статье говорится об имевших место отказах военнопленных от работ, требовавших увеличения оплаты труда и улучшения бытовых условий, наблюдавшихся с 1915 г. в разных местах Европейской России и Сибири. По мнению автора, агентам империализма удалось охватить своей антисоветской пропагандой определенный круг военнопленных ¹¹.

Ю.А. Поляков приводит численность иностранных военнопленных по данным Международного Красного Креста — более 2,3 млн чел. и по данным Центропланбежа — более 2,1 млн чел., ссылаясь при этом на сборник «Интернационалисты» (М. 1967) ¹².

В постсоветской историографии вопрос о численности военнопленных первой мировой войны затронут в работах С.Н. Васильевой и А.И. Степанова. Васильева приводит данные о количестве вражеских военнопленных в России, собранные представителями Международного Крас-

ного Креста — 2 342 378 солдат и офицеров, численность военнопленных австро-венгерской армии определяется в 2 млн 110 тыс. чел., а германской — в 190 тыс. человек ¹³. А.И. Степанов отмечает, что русская армия взяла в плен около 2 млн солдат, из них 159 390 немцев, 1 736 764 солдат австро-венгерской армии, 64 509 турок, 670 болгар. Из этих пленных к концу 1917 г. был сформирован чехословацкий, польский и сербский легионы, всего 157 тыс. человек. В 1918 г. в рядах красных и белых сражались 127 тыс. легионеров из числа бывших военнопленных и 300 тыс. интернационалистов ¹⁴.

О численности турецких военнопленных, находившихся на территории России в период первой мировой войны, пишет в своей статье В.В. Познахирев. Автор отмечает, что из 64, 5 тыс. турецких военнослужащих, взятых в плен русской армией, во внутренних ВО находились 11 тыс., а все остальные — в пределах Кавказского ВО. Пребывание турецких военнопленных обнаружено автором в разное время в Орловской, Рязанской, Воронежской, Курской губерниях в количестве от 1 до 13 чел. в каждой из губерний ¹⁵.

Еще одно направление исследований советского и постсоветского периода — различные аспекты деятельности советских эвакуационных органов. Работе органов Центральной коллегии по делам пленных и беженцев (Центропленбеж) ¹⁶ по идейно-политическому воспитанию вражеских военнопленных посвятили одну из своих работ Э.П. Нечаева и С.В. Лившиц ¹⁷. Авторы отмечают, что военнопленным Четверного союза с начала 1918 г. была предоставлена свобода, но так как миллионы русских военнопленных находились в плену, то власти снова стали собирать в лагерях и казармах тех, кто еще не уехал на родину, воспользовавшись предоставленной «совершенной свободой». Указанная мера, по мнению авторов, даже вызвала «некоторые нарекания» со стороны военнопленных-интернационалистов, усмотревших здесь отступление от социалистических принципов советской власти.

С 1 апреля 1918 г. пленным предоставили возможность стать свободными гражданами России, переименовав гражданство. Авторы в качестве примера привели численность военнопленных, пожелавших таким способом освободиться из плена в Казани, Симбирске и Саратове — 69, 168 и 260 чел. соответственно. Многие военнопленные, как считают Нечаева и Лившиц, поддавались на «провокации контрреволюционеров», что свидетельствовало о необходимости проведения серьезной работы с ними «по овладению марксизмом-ленинизмом». Проводимые органами Центропленбежа интернациональные митинги являлись, по мнению авторов, замечательной школой устной агитации и пропаганды. В качестве подтверждения эффективности политической работы приводятся данные об организации в 1918 г. отряда интернационалистов в Самаре и Пензе, в последней — численностью 100 человек. Как полагают авторы, привлечение военнопленных к восстановлению разрушенного хозяйства имело на них «революционизирующее воздействие». Деятельность иностранных комиссий попечения о пленных в России авторами называется «подрывной работой среди военнопленных» в целях шпионажа, диверсий и дезорганизации работы органов Центропленбежа. Заключительный вывод авторов состоит в том, что органы Центропленбежа, руководимые партией большевиков, проводя идейно-политическую работу среди военнопленных, содействовали упрочению советской власти в России и активизации революционного движения за ее пределами ¹⁸.

Военно-политической деятельности И.С. Уншлихта, возглавлявшего с апреля 1918 г. по январь 1919 г. Центропленбеж, посвящено диссертационное исследование М.В. Веселова. Автор отмечает, что в своей работе он впервые комплексно рассматривает не только деятельность Уншлихта, но и деятельность Центропленбежа. Автором установлено, что во время работы Уншлихта в Центропленбеже СНК более 15 раз обсуждались различные аспекты деятельности этой структуры. За этот период имеется более 20 распоряжений и резолюций В.И. Ленина в адрес Центропленбежа. В работе анализируется деятельность этой организации по пропаганде и агитации среди военнопленных и беженцев и выделяются ее основные направления. Отмечается, что более 20 тыс. иностранных военнопленных и беженцев — членов революционных организаций в России — были отправлены на родину в 1918 г. для распространения идей мира, свободы и равноправия, что в Красную армию вступило более 50 тыс. иностранных военнопленных. По мнению автора, к концу 1918 г. благодаря усилиям Центропленбежа, большая часть «временно находившихся» на территории страны была реэвакуирована в

свои государства¹⁹. Заметим, что массовое возвращение на родину в 1918 г. как иностранных, так и русских военнопленных было вызвано революционными событиями в Центральных государствах, а не усилиями Центропленбежа, и носило стихийный характер.

Смоленский историк И.П. Щеров в работе «Военная миграция в России в 1914—1922» освещает некоторые вопросы, связанные с деятельностью Центропленбежа. Говоря о политико-массовой работе в России в 1918—1922 гг., он отмечает, что для ее проведения была задействована пресса: в стране издавались газеты на иностранных языках. Щеров приходит к выводу о позитивном отношении мигрантов к советской власти, так как значительная их часть служила в Красной армии «добровольно или по мобилизации». Заметим, что не менее значительная часть иностранных военнопленных служила в Белой армии, а еще более значительная часть пленных предпочла не участвовать в Гражданской войне. Мигранты, не участвовавшие в военных действиях, по мнению автора, «в основном являлись убежденными проводниками идей большевизма среди мирного населения страны». Это утверждение, к сожалению, не подкрепляется доказательной базой. Щеров особо подчеркивает, что его материал о работе коллегий по делам пленных и беженцев является новой страницей в российской историографии, так как «материал о вышеуказанных советских организациях — “белое пятно” в изучении истории Гражданской войны в России»²⁰. Однако следует отметить, что материал о работе органов Центропленбежа не является «новой страницей» в отечественной историографии, поскольку в трех работах исследователей Нечаевой и Лившица, выполненных в 1982 г. в одной из областей Поволжья (г. Куйбышев), освещается эвакуационная и идейно-политическая работа органов Центропленбежа среди русских и иностранных военнопленных. (Указанный район Поволжья включен Щеровым в территориальные рамки своего исследования). Авторы приводят историю создания Центропленбежа, изначальный состав руководства этой организации, ее структуру. Отражен процесс организации местных органов Центропленбежа, правовое обеспечение их деятельности, круг обязанностей²¹.

А.П. Исаев, исследуя взаимоотношения российских органов управления и военнопленных противника в 1917—1922 гг. пришел к заключению, что в деятельности органов управления по привлечению военнопленных к сотрудничеству в деле воплощения планов руководства страны, были успехи и неудачи²². Совместную деятельность органов управления и организаций военнопленных по созданию вооруженных формирований для защиты советской власти в период Гражданской войны автор считает основной. Отправляя иностранных военнопленных на родину, российские власти, по мнению автора, умело использовали их для пропаганды своих революционных замыслов, в борьбе с вооруженной контрреволюцией. По примерным подсчетам автора, за период ожесточенных боевых действий в 1918—1920 гг. органам управления страны удалось обеспечить выезд за границу 1 млн иностранных военнопленных, то есть почти половины их общего числа. По мнению Исаева, это говорит о том, что управленческие структуры работали слаженно и высокоэффективно. Если это так, то почему для выезда из страны другой половины военнопленных понадобилось почти 5 лет? Кроме того, заметим, что с ноября 1918 г., после аннулирования Брестского мирного договора и до заключения (начиная с 1920 г.) соответствующих международных соглашений, обмен военнопленными не производился, поэтому отъезд большинства военнопленных в указанный период имел в основном неорганизованный характер, следовательно, о «слаженной и высокоорганизованной» работе советских управленческих структур говорить не приходится.

Разработка таких вопросов, как правовое положение иностранных военнопленных первой мировой войны в имперской и советской России, условия их труда и повседневной жизни в плену, активно началась отечественными историками с конца 1990-х годов. Следует отметить работу Васильевой, ставшую одной из первых по данной проблеме. Автором определяется предположительный национальный состав военнопленных австро-венгерской армии, исходя из национального состава, находившихся на действительной военной службе в австро-венгерской армии. В работах освещены вопросы управления лагерями, размещения военнопленных, приводится численность пленных в ВО, говорится о преимущественном расселении военнопленных славянских национальностей в Европейской России и Западной Сибири. Васильева анализирует «Положение о военнопленных», определявшее правовой статус пленных, делая

вывод, что Россия предоставила военнопленным права, полностью соответствовавшие международным нормам. По мнению автора, для «Положения о военнопленных» характерна непроработанность некоторых его статей, что требовало дополнительных распоряжений. Освещая вопрос о привлечении военнопленных к труду, Васильева приходит к выводу, что в среднем на работах использовалось около 50 % всех военнопленных, при этом наиболее активно — в 1916—1917 годах ²³.

Интерес у современных исследователей вызывает вопрос о политике российских властей в отношении военнопленных-славян, а также о вступлении военнопленных в национальные воинские части, формировавшиеся на территории России в период первой мировой войны. Так, С.А. Солнцева в статье «Военный плен в годы первой мировой войны (новые факты)», в частности, говорит о привлечении, начиная с 1915 г., военнопленных славян — чехов и словаков — в боевые соединения в составе русской армии при активном участии Союза чехословацких обществ в России. При этом процесс создания проходил негладко, а положение славян в русском плену в центральной России было незавидное по сравнению с немцами и мадьярами, которых отправляли в Сибирь и Туркестан. Автор считает, что, чем хуже были условия содержания военнопленных, тем больше было желающих служить в составе русской армии ²⁴.

Политика Временного правительства по отношению к военнопленным, по мнению Солнцевой, продолжала дореволюционную. Нововведением в марте 1917 г. стало привлечение к работам пленных унтер-офицеров по примеру Австро-Венгрии и Германии 30 июня 1917 г. военный министр утвердил «Правила, устанавливающие особые льготы для военнопленных чехов, словаков и поляков», согласно которым разрешалась переписка с национальными органами, между лагерями, создание касс взаимопомощи, библиотек, читален и т.п. Офицерам и интеллигенции разрешалось проживание на частных квартирах, военнопленные-славяне при условии их лояльности и взятия на поруки могли вступать в брак с русскими гражданками ²⁵.

Созданию воинских формирований из военнопленных-славян в годы первой мировой войны посвятил ряд статей С.Н. Базанов ²⁶. Автор отмечает, что особые национальные (чешские, сербские) подразделения в составе русской армии начали формировать главным образом по политическим соображениям, ради активизации движения против Австро-Венгрии. Сформированная Чехословацкая дружина превратилась к сентябрю 1917 г. в отдельный Чешско-словацкий корпус, состоявший из 45 тыс. человек. Сербские военнопленные составляли вначале отряд, а к октябрю 1917 г. — Сербско-Хорватско-Словенский корпус численностью 30 тыс. человек. Польские соединения появились в январе 1917 г. и к октябрю 1917 г. их численность составляла почти 25 тыс. человек ²⁷. По мнению Базанова, идеологическая политика в отношении военнопленных Царского и Временного правительств имела национальную направленность. Большевики же предпочли классовый подход, отвечавший их внешнеполитическим и внутриполитическим целям. Автор считает, что большинство военнопленных не участвовало в Гражданской войне, некоторые из них служили в Красной армии, другие — в различных антисоветских формированиях.

В.В. Нигматов отмечает, что воевать на стороне России в создаваемых национальных воинских подразделениях вызвались «немногие» военнопленные-славяне, находившиеся в Воронежской губернии ²⁸. А.Н. Курцев в статье «Миграционные процессы репрессивного характера в российском населении в 1861—1917 г. На примере Центрально-Черноземного региона» ²⁹ привел данные о вступлении в добровольческие части, воевавшие на стороне русской армии, лишь «некоторых военнопленных» из находившихся в регионе.

В.Ж. Цветков посвятил статью истории чехословацкого корпуса, созданного в России по почину организации чехов-колонистов в Российской империи ³⁰. В статье отмечается, что в октябре 1914 г. чехословацкая дружина выступила на фронт в составе 3-й армии и участвовала в Галицийской битве. Было разрешено принимать в ряды дружины военнопленных чехов и словаков. В марте 1918 г. части чехословацкого корпуса действовали вместе с Украинской советской армией против немцев. С мая 1918 г. корпус вел вооруженную борьбу с «красными». По мнению автора, главной причиной послужило нарушение советской стороной под давлением Германии соглашения, гарантировавшего чехам беспрепятственное продвижение к Владивостоку.

Участие чехословацкого корпуса в Гражданской войне рассматривает А.И. Гергилёва³¹. Автор отмечает, что чехословацкий корпус заявил о себе в период Гражданской войны в России. Он действовал совместно с вооруженными формированиями белых в Сибири, Забайкалье и Дальнем Востоке. Личный состав корпуса нес службу по охране Транссибирской железной дороги, участвовал в подавлении вооруженного восстания военнопленных в Красноярске под руководством венгерских коммунистов летом 1919 г., выполнял другие функции. Немало представителей корпуса, по мнению автора, поддержало советскую власть.

Особенности положения военнопленных в различных регионах России нашли отражение в монографиях, диссертациях, в том числе докторских, последнего десятилетия³². Так, в своей монографии ставропольский исследователь И.В. Крючков пишет об особенностях положения военнопленных стран Четверного союза в степных районах Центрального Предкавказья³³. Автор пришел к выводу, что положение военнопленных Германии и ее союзников на Ставрополье отличалось в выгодную сторону от их положения в других регионах, так как в Ставропольской губернии имелись значительные запасы продовольствия. Отсутствие в губернии крупной промышленности способствовало тому, что труд основной массы военнопленных применялся на сельскохозяйственных работах, где они находились в распоряжении крестьян, к чему всегда стремились. Падение дисциплины и производительности труда, массовый характер побегов военнопленных как проявление распада сложившейся системы распределения и управления военнопленными исследователь датирует летом 1917 года.

Положение военнопленных на Дальнем Востоке России (1914—1918 гг.) стало предметом исследования Т.Я. Иконниковой³⁴. Автор приводит численность военнопленных на территории Приамурского ВО, которая составляла 40—45 тысяч³⁵. Среди них преобладали немцы как германской, так и австро-венгерской армий. Численность военнопленных турецкой армии, прибывших с Кавказского фронта, по подсчетам автора, составляла 1 936 нижних чинов и 9 офицеров. Из-за эпидемии сыпного тифа погибло 42, 6 % от количества заболевших, составлявшего 915 человек. В работе отмечается, что серьезные затруднения возникли с организацией охраны военнопленных из-за нехватки офицерских кадров в гарнизонах. В итоге охрана военнопленных возлагалась на ополченческие части. Питание в лагерях военнопленных было вполне нормальным, как показывали проводимые проверки³⁶. Труд военнопленных применялся во всех отраслях народного хозяйства. С 1916 г. начались массовые отправки военнопленных в Центральные губернии; в нейтральные страны отправляли инвалидов. В результате к июлю 1917 г. на территории Приамурского округа оставалось 13 769 военнопленных, из них 3936 офицеров. Побег в два раза чаще предпринимались офицерами, более 70 % беглецов возвращалось в лагеря под строгий арест. Бежали в Китай³⁷. По мнению Иконниковой, с началом Гражданской войны, следуя стремлению к самосохранению, подавляющее большинство оставшихся в лагерях военнопленных принципиально не вмешивалось в кровавые внутрироссийские события³⁸. Массового перехода военнопленных в российское гражданство не наблюдалось. С осени 1920 г. военнопленных перевели на «вольное содержание» в связи с закрытием лагерей. Они были объявлены свободными гражданами Дальневосточной Республики. К середине 1921 г. при помощи иностранных консульств и миссий Красного Креста последние иностранные военнопленные покинули Владивосток³⁹.

Пребыванию иностранных военнопленных первой мировой войны на Дальнем Востоке в 1914—1922 гг. посвящены две главы докторской диссертации Е.Ю. Бондаренко⁴⁰. Автор отмечает, что из 30,5 тыс. военнопленных славяне трудились на сельскохозяйственных работах, а на строительстве Транссибирской железнодорожной магистрали, шоссежных дорог, в рудниках и на угольных шахтах использовался труд немецких, австрийских, венгерских и турецких военнопленных. Автором делается вывод, что недовольством такой дискриминацией военнопленных-неславян воспользовались в своих целях большевики. В работе показано, что венгерские военнопленные, стремясь освободиться из лагерей, временно вступали в партийные организации и Красную армию. Их репатриация началась после демобилизации в 1921 г. и продолжалась после окончания Гражданской войны. Отмечается, что основная масса военнопленных-чехословаков на Дальнем Востоке действовала против Советской власти. 2 полка были разоружены и заключены в тюрьму, их репатриация из Владивостока началась в 1920 г. и продолжалась, по мнению автора, до 1923 года.

В статье Д. Люкшина освещается положение военнопленных противника на территории Казанской губернии. Отмечается, что в 1915 г. военнопленные работали на селе в основном в помещичьих экономиях, в 1916 г. они широко использовались в крестьянских хозяйствах. Обычно крестьяне хорошо кормили своих работников-военнопленных и не проявляли к ним враждебности. Попытки побегов были крайне редкими. В 1917 г., по мнению автора, начались открытые конфликты крестьян с военнопленными, большинство которых бежало в города. Автор считает, что советское правительство постаралось избавиться от военнопленных при первой же возможности⁴¹. Заметим, что это произошло окончательно только в середине 1920-х годов.

Нигматов посвятил свою работу пребыванию военнопленных в годы первой мировой войны на территории Воронежской губернии⁴². В ней отражены численность, условия труда и размещения, величина заработной платы, взаимоотношения военнопленных с местным населением.

Различные аспекты пребывания военнопленных в Саратовском Поволжье исследует в диссертационной работе А.В. Калякина⁴³. Она отмечает, что максимальная численность военнопленных в регионе в 1916 г. достигла 32 тыс. человек. До 85 % военнопленных распределялись на работы в аграрном секторе, преимущественно в мелкие крестьянские хозяйства. До конца 1918 г. помощь иностранным военнопленным оказывали датская и шведская миссии Красного Креста в основном денежными пособиями, а с 1916 до февраля 1917 г. — американское консульство в Москве. Автор считает, что в регионе фактически отсутствовал надзор за пленными, им предоставлялась практически неограниченная свобода. Отказы от работ и побеги имели место, но массового характера эти нарушения не принимали. Калякина отмечает, что венгерские и немецкие коммунистические ячейки из военнопленных были созданы в феврале 1918 г. в Саратове, Балакове, Царицыне, они боролись с контрреволюционными настроениями в своей среде, занимались вербовкой в Красную армию. Интернациональный отряд военнопленных в Саратовском гарнизоне состоял из 400 человек. В 1921 г. военнопленные-интернационалисты участвовали в подавлении крестьянских восстаний.

Э.С. Идрисова, рассматривая пребывание военнопленных на Южном Урале, на примере Оренбургской и Уфимской губерний отмечает, что труд военнопленных с 1915 г. применялся в регионе преимущественно в аграрном секторе. Отказы от работ, побеги военнопленных не носили массового характера даже после февральских событий 1917 года⁴⁴. В годы Гражданской войны часть иностранных военнопленных была втянута большевиками в классовую борьбу на Южном Урале, где они с оружием в руках защищали советскую власть. В то же время автор отмечает, что часть иностранных военнопленных оказалась в лагере другой военно-политической силы.

Положение военнопленных на территории Западной Сибири с июля 1914 по март 1918 г., их численный состав, условия размещения, надзора и использования анализируются в исследовании А.Н. Талапина⁴⁵. Автор определяет количество иностранных военнопленных в Западной Сибири в 150—200 тыс. чел., говорит об отсутствии свидетельств намеренного лишения пленными элементарных человеческих прав, попирания их культурных, бытовых, религиозных обычаев вопреки утверждениям многих советских и некоторых современных авторов. Значительную часть военнопленных в регионе, по мнению автора, составляли славяне — до половины общего состава. Положение пленными до февраля 1917 г. в целом было удовлетворительным. Автором отмечается, что с утверждением советской власти в регионе не произошло ни освобождения всех категорий пленными, ни упразднения формально отмененного в Омском ВО термина «военнопленный». Пленные офицеры стали рассматриваться новой властью как «эксплуататоры, вредно влиявшие на иностранных пролетариев». Контрреволюционных офицеров держали в лагерях. Свобода слова, собраний означала большевистскую агитацию, которая признавалась необходимой, а всякая другая — вредной, контрреволюционной. К охране и наблюдению за группами «контрреволюционных» пленными привлекались вооруженные «революционные» пленными. Вооруженные отряды революционных пленными формировались уже с конца 1917 года⁴⁶.

Д.А. Безруков в исследовании системы управления военнопленными и использования их труда в Новгородской губернии 1914—1918 гг. при освещении советского периода плена, отме-

чает, что большевистское правительство объявило всех военнопленных свободными гражданами, «гостями трудового народа»⁴⁷. Провозглашение свободы, по мнению автора, вызвало массовое неконтролируемое перемещение тысяч военнопленных, стремившихся найти работу и питание или самостоятельно перебраться ближе к родине. В исследовании отмечается, что Всероссийский съезд военнопленных в апреле 1918 г. принял решение предоставить всем пленным право решать по своему усмотрению, оставаться ли им в России или возвращаться на родину. Автор считает, что большинство военнопленных не пожелало участвовать в Гражданской войне в России.

Австрийские историки Х. Лейдингер и В. Мориц, освещая участие военнопленных Австро-Венгрии в Гражданской войне на территории России, отмечают, что страны Антанты были напуганы перспективой союза Ленина и Гинденбурга, о чем сообщали им агенты. Это спровоцировало захват войсками Антанты Владивостока и других российских портов. Большевики объявили военнопленных братьями русских рабочих. В Петрограде к концу марта 1918 г. находилось около 60 тыс. русских военнопленных, оказавшихся там после беспрепятственного оставления ими лагерей. В книге приводится высказывание Бела Куна о том, что интернационалисты в Красной армии к марту 1919 г. составляли 30—35 тыс. чел., из них только 15—20 % оценивались как идеологически стойкие. Это говорит о том, что вступление в Красную армию было обусловлено стремлением военнопленных не упустить шанс избежать голодной смерти до возвращения на родину. Авторы считают, что роль иностранных военнопленных в Гражданской войне на территории России не следует переоценивать, но не надо и сводить к нулю, особенно в момент формирования Красной армии весной—летом 1918 г., когда боевой опыт и организованность военнопленных оказались наиболее востребованными⁴⁸.

Современные исследователи обращаются к теме лагерной жизни вражеских военнопленных. А.И. Гергилёва считает, что режим в лагерях для военнопленных в Сибири был менее строгим, чем в Центральной России. По мнению автора, большинство военнопленных направлялось на наиболее тяжелые работы, поэтому «не так уж редки» были случаи побегов с этих работ, военнопленные «широко прибегали» к стачкам как средству борьбы за улучшение условий труда. После окончания Гражданской войны они использовались для ликвидации военной разрухи⁴⁹. Крайне тяжелые условия жизни иностранных военнопленных в лагерях под Ижевском в 1915—1916 гг. показаны в исследовании В.В. Поликарпова⁵⁰.

Российскому и советскому плену как пространству неформальной коммуникации по материалам Среднего Урала посвящена одна из статей Суржиковой⁵¹. В ней отмечается, что языковой барьер между военнопленными и коренным населением успешно преодолевался, а режим плена не стал препятствием для взаимоотношений между указанными категориями лиц. Автор считает, что максимально возможное вовлечение военнопленных в трудовой процесс способствовало установлению связей между пленными и местными жителями. В другой своей статье Суржикова предприняла попытку реконструкции коллективного портрета военнопленных первой мировой войны, оказавшихся на Урале⁵².

В статье И.П. Павловой и Т.В. Ивлевой исследуется взаимное восприятие местного населения Енисейской губернии и размещенных на ее территории пленных немцев в годы первой мировой войны⁵³. Авторы пришли к выводу, что пленных немцев в Сибири не воспринимали как врагов. По мнению авторов, «высокой концентрации негативных стереотипов на образе внешнего врага» не наблюдалось. При этом пленные видели в местных жителях представителей менее цивилизованного народа.

В некоторых исследованиях новейшего периода затрагивается вопрос о времени окончания репатриации иностранных военнопленных из советской России. Так, Безруков отмечает, что последние пленные покинули Россию в 1920 году⁵⁴. А.И. Остроухов отождествляет завершение реэвакуации чехословацкого корпуса 2 сентября 1920 г. с окончанием реэвакуации чешских и словацких военнопленных с территории России⁵⁵. Васильева, расширяя рамки своего исследования «Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы Первой мировой войны», затрагивает проблему репатриации военнопленных, отмечая, что последние узники войны были возвращены на родину в течение 1922 года⁵⁶. По мнению А.И. Гергилевой, в советской России как законодательное оформление процесса репатриации, так и фактичес-

кое возвращение военнопленных на родину было затянато и продолжалось до 1925 года. Отправляли в первую очередь военнопленных — членов РКП (б) для подготовки мировой социалистической революции⁵⁷.

Подводя итог историографического обзора, можно отметить, что историками активно изучаются вопросы правового положения, управления военнопленными противника, их размещения, привлечения к труду, взаимоотношения с местным населением. Имеются работы, посвященные особенностям положения военнопленных в различных регионах России преимущественно в имперский период. Тема участия военнопленных-интернационалистов в Октябрьской революции и Гражданской войне в России по-прежнему находит отражение в современных исторических работах, но, если советскими историками были сделаны выводы о разделении большинством военнопленных под влиянием большевистской агитации и пропаганды идеи мировой революции и защиты революционных завоеваний в России, то с 1990-х гг. исследователями признается участие вражеских военнопленных в Гражданской войне в России как на стороне большевиков, так и на стороне антибольшевистских сил, а также тот факт, что большинство военнопленных стремилось избежать участия в российской междоусобице.

В ряде работ освещена тема организации в Российской империи национальных воинских формирований из военнопленных-славян, уделено внимание деятельности Центроплембежа по пропаганде и агитации среди иностранных военнопленных с целью привлечения их к вооруженной борьбе с внутренней и внешней «контрреволюцией». Разные точки зрения имеются относительно общей численности военнопленных, взятых российской армией, — от 1,7 до 2,4 млн человек, а также времени окончания репатриации иностранных военнопленных из советской России — от 1920 до 1925 года.

В отечественной историографии отсутствуют работы, посвященные проблеме репатриации иностранных военнопленных, этому многотрудному и многолетнему процессу и его составляющим — стихийному, самостоятельному движению и организованному за счет государства советскими эвакуационными органами.

Неисследованной является тема принудительной мобилизации военнопленных, находившихся в России, в армию советской Венгрии; нарушения советской стороной межгосударственных соглашений по обмену военнопленными. Требуется прояснения вопрос о результатах деятельности среди иностранных военнопленных культурно-просветительных отделов Центроплембежа и аналогичных местных отделов; вопросы о мотивах вступления иностранных военнопленных в вооруженные формирования Красной и белых армий и перемены гражданства.

Примечания

1. СТЕПАНОВ А.И. Цена войны: жертвы и потери. В кн.: Мировые войны XX века, в 4 книгах. Кн. 1. М. 2002, с. 629.
2. ЖДАНОВ Н.М. Русские военнопленные в мировой войне 1914—1918 гг. Ч. I—III. М. 1920.
3. См., например: ВЕСЕНИН Е., СВЕТЛОВ А. Миллионы друзей. М. 1940; ГОЛУБ П. Братство, скрепленное кровью. М. 1958; КОМАРОВА Ф.А. Интернационалисты зарубежных стран в борьбе за власть Советов в России. М. 1958; ЖАРОВ Л.И., УСТИНОВ В.М. Интернациональные части в боях за власть Советов. М. 1960; АНАНЬЕВ В.И. В борьбе рожденное братство. Челябинск. 1966; КРАСНОВ В.Г. Интернационалисты на фронтах гражданской войны. М. 1989; ЯКОВЛЕВ Л.И. Интернациональная солидарность трудящихся зарубежных стран с народами советской России. 1917—1922. М. 1964; ДАНИЛОВ В.А. Интернационалисты на Урале и в Сибири. Свердловск. 1972.
4. МУРАТОВ И. Из истории интернациональных формирований в СССР в 1918—1922 годах (Обзор литературы). — Военно-исторический журнал. 1960, № 5, с. 95—102.
5. СУРЖИКОВА Н.В. Военнопленные-интернационалисты и Гражданская война на востоке России в зеркале советской историографии. Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Гражданская война на Востоке России». Пенза. 2008.
6. АНФИМОВ А.М. Российская деревня в годы первой мировой войны. М. 1962, с. 95, 103—104, 194—195.
7. ЖДАНОВ Н. М. Ук. соч., с. 281.
8. ВОЛКОВ Е.З. Динамика народонаселения СССР за 80 лет. М.-Л. 1930, с. 75—77.
9. ШНЕЙДЕР И. Революционное движение среди военнопленных в России 1915—1919 гг. — Борьба классов. 1935, № 3, с. 54, 60.
10. МУЛЮКОВ М.А., ТАГИРОВ И.Р. Мулланур Вахитов. Жизнь и деятельность пламенного революционера-ленинца. Казань. 1985.

11. ПОПОВ Н.А. Революционные выступления военнопленных в России в годы Первой мировой войны. — Вопросы истории. 1963, № 2, с. 76—87.
12. ПОЛЯКОВ Ю.А. Историческая наука: Люди и проблемы. Кн. 3. М. 2009, с. 86.
13. ВАСИЛЬЕВА С.Н. Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы Первой мировой войны. Диссертация канд. ист. наук. М. 1998.
14. СТЕПАНОВ А.И. Ук. соч., с. 630.
15. ПОЗНАХИРЕВ В.В. Документы федеральных и региональных архивов об использовании труда турецких военнопленных периода Первой мировой войны (1914—1918 гг.). — Отечественные архивы. 2013, № 2, с. 54—62.
16. Центральная коллегия по делам о пленных и беженцах (Центропленбеж) была учреждена декретом СНК от 23 апреля 1918 г. в составе комиссариата по военным делам для согласования, объединения и направления деятельности всех учреждений и организаций, ведавших делами военных и гражданских пленных, заложников и беженцев.
17. НЕЧАЕВА Э.П., ЛИВШИЦ С.В. Деятельность органов Центральной коллегии по делам пленных и беженцев по идейно-политическому воспитанию военнопленных Центральных держав в 1918—1920 гг. Куйбышев. 1982 (депонированная рукопись).
18. Так же, с. 16.
19. ВЕСЕЛОВ М.В. Военно-политическая деятельность И.С. Уншлихта (1918—1930 гг.). Дисс. канд. ист. наук. М. 1991, с. 17.
20. ЩЕРОВ И.П. Военная миграция в России в 1914—1922. Дисс. канд. ист. наук. М. 2001, с. 19.
21. НЕЧАЕВА Э.П., ЛИВШИЦ С.В. Ук. соч.; ИХ ЖЕ. Деятельность органов Центральной коллегии по делам пленных и беженцев по идейно-политическому воспитанию военнопленных Центральных держав в 1918—1920 гг. Куйбышев. 1982 (депонированная рукопись); ИХ ЖЕ. Деятельность органов Центральной коллегии по делам пленных и беженцев по идейно-политическому воспитанию русских военнопленных, возвратившихся на родину (1918—1920 гг.). Куйбышев. 1982 (депонированная рукопись).
22. ИСАЕВ А.П. Российские органы управления и военнопленные противника: вопросы взаимоотношений (1917—1922 гг.). Дисс. канд. ист. наук. СПб. 1998.
23. ВАСИЛЬЕВА С.Н. Ук. соч.
24. Например: СОЛНЦЕВА С.А. Военный плен в годы первой мировой войны (новые факты). — Вопросы истории. 2000, № 4—5, с. 101—102.
25. СОЛНЦЕВА С.А. Военнопленные в России в 1917 г. (март-октябрь). — Вопросы истории. 2002, № 1, с. 146.
26. БАЗАНОВ С.Н. Формирование добровольческих национальных частей в русской армии в годы Первой мировой войны. Патриотизм — духовный стержень народов России. М. 2006, с. 79—86; ЕГО ЖЕ. Создание воинских формирований из военнопленных-славян в годы Первой мировой войны. Первая мировая война, Версальская система и современность: Сборник статей. СПб. 2012, с. 103—112; ЕГО ЖЕ. Из истории создания воинских формирований для русской армии из военнопленных-славян в Первой мировой войне. Инвалиды и война. Инвалиды Первой мировой войны: исторические и нравственные уроки: доклады и выступления участников II Международной научно-практической конференции «Инвалиды и война. Инвалиды Первой мировой войны: исторические и нравственные уроки». М. 2013, с. 40—48.
27. БАЗАНОВ С.Н. Создание воинских формирований из военнопленных-славян..., с. 110—111.
28. НИГМАТОВ В.В. Жизнь военнопленных в годы Первой мировой войны на территории Воронежской губернии. — Воронежский вестник архивиста: Научно-информационный бюллетень. Вып. 2. Воронеж. 2004, с. 100—108.
29. КУРЦЕВ А.Н. Миграционные процессы репрессивного характера в российском населении в 1861—1917 гг. На примере Центрально-Черноземного региона. Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. 2011, № 3 (19), т. 2.
30. ЦВЕТКОВ В.Ж. Мятёж. Чехословацкий корпус на полях Гражданской войны. — Родина. 2001, № 6, с. 55—61.
31. ГЕРГИЛЕВА А.И. «Многие миллионы людей были вырваны войной из привычной для них обстановки». Чехословацкий корпус и военнопленные Первой мировой войны на территории России. — Военно-исторический журнал. 2013, № 2, с. 54—60.
32. БЕЗРУКОВ Д.А. Система управления военнопленными и использование их труда в Новгородской губернии. 1914—1918 гг. Дисс. канд. ист. наук. Великий Новгород, 2001; ТАЛАПИН А.Н. Военнопленные Первой мировой войны на территории Западной Сибири (июль 1914 — май 1918). Дисс. канд. ист. наук. Омск. 2005; ГЕРГИЛЕВА А.И. Военнопленные Первой мировой войны на территории Сибири. Дисс. канд. ист. наук. Красноярск. 2006; ИКОННИКОВА Т.Я. Дальневосточный тыл России в годы Первой мировой войны. Хабаровск. 1999; БОНДАРЕНКО Е.Ю. Иностранцы военнопленные на Дальнем Востоке России (1914—1956 гг.). Дисс. докт. ист. наук. Владивосток. 2004.
33. КРЮЧКОВ И.В. Военнопленные Австро-Венгрии, Германии и Османской империи на территории Ставропольской губернии в годы Первой мировой войны. Ставрополь. 2006.
34. ИКОННИКОВА Т.Я. Военнопленные Первой мировой войны на Дальнем Востоке России (1914—1918 гг.). Хабаровск. 2004.
35. Там же, с. 21—22.
36. Там же, с. 19, 54.

37. Тема побегов немецких и австро-венгерских военнопленных на родину через страны Скандинавии освещается в статье И.Н. Новиковой (НОВИКОВА И.Н. «Россия — страна контрастов, и нигде это свойство не проявляется так ясно, как в плену...». — Военно-исторический журнал. 2006, № 2, с. 55—58). Автор называет основной причиной побегов ухудшение продовольственного снабжения.
38. Там же, с. 161.
39. Там же, с. 144, 166.
40. БОНДАРЕНКО Е.Ю. Ук. соч.
41. ЛЮКШИН Д. Немцы и австро-венгерские военнопленные в крестьянской России: особенности межкультурного опыта. В кн.: Россия и Германия в XX веке. Т. 1. М. 2010, с. 723—740.
42. НИГМАТОВ В.В. Ук. соч., с. 100—108.
43. КАЛЯКИНА А.В. Подданные стран-участниц Четверного союза в Саратовском Поволжье (1914—1922 гг.). Дисс. канд. ист. наук. Саратов. 2013.
44. ИДРИСОВА Э.О. Иностранцы военнопленные Первой мировой войны на Южном Урале в 1914—1921 гг. Дисс. канд. ист. наук. Оренбург. 2008.
45. ТАЛАПИН А.Н. Военнопленные Первой мировой войны на территории Западной Сибири (июль 1914 — март 1918 гг.). Дисс. канд. ист. наук. Омск. 2005.
46. Там же, с. 16—18, 22—24.
47. БЕЗРУКОВ Д.А. Ук. соч., с. 18.
48. ВАТЛИН А.Ю. Рец. на книгу: Х. ЛЕЙДИНГЕР, В. МОРИЦ. Плен, революция, возвращение домой. Значение проблемы военнопленных для истории коммунизма в Центральной и Восточной Европе в 1917—1920 гг. Вена. 2003. — Отечественная история. 2005, № 4, с. 183—184.
49. ГЕРГИЛЁВА А.И. Военнопленные Первой мировой войны на территории Сибири. Красноярск. 2007, с. 99—101.
50. ПОЛИКАРПОВ В.В. Военнопленные в лагерях под Ижевском 1915—1916 гг. — Вопросы истории. 2007, № 2, с. 94—105.
51. СУРЖИКОВА Н.В. Российский и советский плен как пространство неформальной коммуникации (по материалам Среднего Урала). — Российская история. 2011, № 4, с. 53—62.
52. ЕЕ ЖЕ. Военнопленные Первой мировой войны на Урале. К реконструкции коллективного портрета. — Вестник Пермского университета. 2011, выпуск 3 (17), с. 57—64.
53. ПАВЛОВА И.П., ИВЛЕВА Т.В. «Это люди, как и мы...»: немцы и местное население в Енисейской губернии в годы Первой мировой войны — взаимное восприятие. — Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 12 (38), ч. I, с. 141—144.
54. БЕЗРУКОВ Д.А. Ук. соч., с. 13.
55. ОСТРОУХОВ А.И. Военнопленные чехи и словаки в России периода Первой мировой войны. Дисс. канд. ист. наук. М. 2011.
56. ВАСИЛЬЕВА С.Н. Ук. соч., с. 22—23.
57. ГЕРГИЛЁВА А.И. Военнопленные Первой мировой войны на территории Сибири. Красноярск. 2007, с. 99—101.

Т.И. ТРОШИНА. Великая война и Северный край: Европейский Север России в годы Первой мировой войны.
Архангельск. Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова. ИД САФУ. 2014. 327 с.

Вполне закономерно, что 100-летие начала первой мировой войны, которое отмечается в 2014 г., становится основательным поводом для появления исторических трудов, посвященных одному из самых крупных военных противостояний в истории человечества. Книга доктора исторических наук Т.И. Трошиной затрагивает малоизвестные события в истории первой мировой, которые происходили на Европейском Севере России. Данная территория была удалена от районов основных сражений и нередко выпадает из общей панора-

мы, создаваемой в обзорных трудах и учебниках по отечественной истории. Между тем именно к этой территории периода первой мировой войны можно было бы применить понятие «стратегическая периферия», имея в виду то значение, которое приобрели северные порты России в связи с блокадой западных и южных морских коммуникаций противником.

Автор книги справедливо отмечает, что, в отличие от других событий начала XX в., первая мировая война почти не отложилась в опубликованных воспоминаниях россиян. Куль-

турную память «дезориентировали» революция и гражданская война — по сути, они затмили собой первую мировую. Но чем трагичнее «молчание» современников и очевидцев тех событий, тем значимее реконструкция эпохи, проводимая историками.

Цель книги заключалась в том, чтобы восполнить имеющуюся «лауну» отечественной историографии и дать как можно более детальный разбор «северным» страницам в истории войны 1914—1918 годов. На основе привлечения широкой источниковой базы, многих архивных документов Трошина подробно останавливается на вопросах флотского, железнодорожного и портового строительства, военного и гражданского управления, экономического благосостояния населения, взаимоотношения власти и общества, внутрисоциального взаимодействия и раскола и т.д.

Автор книги прибегает к тщательному описанию отдельных эпизодов того времени, которые дополняют общую картину важными штрихами. На эмоциональном уровне это помогает читателю почувствовать колорит эпохи, представить себе типические черты и образы современников событий, сострадать трагедии. При чтении книги ни на минуту не забывается общий подтекст всей работы: война стала великой драмой человеческой истории.

Автор преимущественно показывает Архангельскую губернию. Почему другие территории этого региона — Олонецкая и Вологодская губернии — получили эпизодическое рассмотрение, объяснить можно только тем, что внимание автора было приковано к стратегическим «коридорам» — архангельскому и мурманскому, по которым в годы первой мировой войны в Россию стала поступать союзническая помощь.

Трошина приходит к выводу, что произошедшая после Крымской войны военная переориентация привела к упразднению северных военных гарнизонов и Архангельского военного порта. Тем самым Север, оставшись без военной поддержки, в начале первой мировой войны не был подготовлен к отпору вражескому вторжению. При всей справедливости данного вывода, тем не менее, он нуждается в уточнении, поскольку военная переориентация России на южное направление началась гораздо раньше Крымской войны, во всяком случае не позднее утверждения России в Крыму.

Последующие неудачи России в Крымской войне скорее, наоборот, создали предпосылки для появления критического отношения уже к самой южной ориентации, что выразилось в появлении не только «транссибирского проекта», но и правительственной дискуссии о том, где лучше построить главную военно-морскую базу России — на Балтике или на Севере? Другое дело, что эти обсуждения не меняли пока реального положения, касавшегося Севера, который вплоть до начала первой мировой войны не выдерживал конкуренции с другими стратегическими окраинами России.

Автор книги показывает, что начало войны с Германией было встречено населением северных губерний патриотическим подъемом. Определенные организационные трудности с мобилизацией возникали лишь в промышленных районах, где отсутствие мужчин объяснялось их уходом на промысел. Вместе с тем, встречались и панические настроения, так как война несла не только собой привычных хозяйственных ритмов, но и угрозу разрушения и смерти.

Особое внимание в книге уделено системе управления. Автор показывает, что постоянными реструктуризациями были охвачены не только военная, но и гражданская администрации. В этом отражалось нарастание общего хаоса во всем государственном аппарате.

Боевых действий на Севере не велось, но сугубо военная составляющая тем не менее присутствовала и сводилась к обеспечению безопасности мореплавания в северных морях, где угрозу представляли вражеские подводные лодки и минные заграждения. Кроме того, как убедительно доказывает Трошина, скопление в северных портах большого количества стратегических грузов стало самостоятельным фактором, усиливающим беспокойство в отношении возможности совершения различных диверсий и способствующим введению и ужесточению мер безопасности на объектах портово-транспортной инфраструктуры.

Автор книги показывает стремительное увеличение роли северного маршрута, по которому поступала союзническая помощь, что потребовало реализации в военных условиях чрезвычайных мер: не только перешивки узкоколейной Архангельско-Вологодской железной дороги на широкую колею, но и строи-

тельства Мурманской железной дороги, обеспечившей выход России к незамерзающему порту и прозванной в западной прессе «Вторыми Дарданеллами».

Едва ли можно согласиться с автором книги в том, что «30 декабря 1914 г. Совет Министров принял решение срочно строить железную дорогу на Мурман». В действительности анализ принятых в правительстве решений показывает, что с конца 1914 г. до июня 1915 г. все надежды связывались с беломорским побережьем, но никак не с мурманским.

Принятие решения о прокладке всей линии до побережья Баренцева моря представляло собой череду промежуточных решений, не исключавших остановку проекта на любой стадии. Необратимый характер весь этот комплекс решений приобрел лишь к осени 1915 года. Затягивание данного вопроса, вероятно, было связано с дороговизной всего проекта и надеждами российского правительства вернуть контроль над проливами. Острая потребность в мурманском выходе в океан в этом случае отпала бы сама собой.

Автор монографии по-новому оценивает экономическое положение Севера, не принимая бытовавшую в советской историографии установку о всеобъемлющем «кризисе». На фоне деградировавшей в условиях военного времени северной деревни Трошина отмечает быстрый подъем отраслей, привязанных к экспорту (лесопильная промышленность, смоляное производство и др.), что, по ее мнению, вызывалось необходимостью рассчитываться с союзниками за поставки вооружения. В условиях ужесточения конъюнктуры и нарушения всех действовавших в мирное время принципов конкуренции, появлялась потребность широкого обсуждения экономических перспектив и новых проектов, которые представляли самостоятельную ценность с точки зрения накопленного опыта хозяйственной деятельности в регионе.

На Европейском Севере, не страдавшем напрямую от военных действий противника, война стимулировала развитие инфраструктуры городов и отдельных населенных пунктов. Автор, например, отмечает, что в Архангельске удалось осуществить строительство электротехнических сооружений, пустить первый городской трамвай и узкоколейную железную дорогу.

Вместе с тем, как следует из книги, даже эти позитивные изменения не смогли кардинально улучшить жизнь местного населения, вынужденного преодолевать трудности кризиса снабжения, вызванного не только упадком сельского хозяйства, но и расстройством всех ресурсных потоков в стране. Война обернулась демографическими потерями для Европейского Севера, в частности, снижением численности, сокращением естественного прироста местного населения. С другой стороны, социокультурную ситуацию в регионе изменяли прибывавшие беженцы, военнораспределенные, военнопленные, интернированные граждане неприятельских государств, рабочие-мигранты.

Автор книги, рассматривая войну как «фактор напряжения» в тылу, пишет, что военные условия приводили к ускоренному разрушению локальности северорусского населения. Разрушалась традиционная солидарность, объединявшая жителей малолюдных северных поселений; происходил постепенный отказ от благотворительности по отношению к низшим слоям и нуждающимся группам, а также эрозия привычной мирской помощи.

Все это в значительной степени стало следствием того, что население Европейского Севера в годы войны, как заключает автор, подверглось «расколу» и переоценке той системы этических норм, которые устоялись здесь еще в мирное время. Все представления о справедливости перевернул коллапс системы распределения, наступивший в условиях квартирного, топливного и продовольственного кризисов.

Еще одну причину «раскола» Трошина находит в принципах мобилизации, которые привели к нарушению равенства в некогда сплоченном поколении призывников. Например, резко определять статус мобилизуемого стал его образовательный уровень, открывавший возможность военной карьеры. У необразованных призывников было больше шансов попасть в «маршевую роту», получить увечье или погибнуть. Еще сильнее «социальную зависть» разжигало предоставление отдельным представителям призывного поколения брони («учетники», «белобилетники»), воспользовавшись которой, они могли не только не ходить на фронт, но и продолжать заниматься хозяйством, извлекая при-

быль в условиях резко изменившейся конъюнктуры. Неудивительно, что нарушенная солидарность призывников обернулась социальными конфликтами после возвращения основной массы солдат на родину, ставших одной из движущих сил революционного экспорта.

Завершая обзор, следует отметить, что книга Трошиной стала достойным вкладом в отечественную историографию первой мировой войны, свидетельствуя о появлении новых горизонтов в ее изучении.

П.В. ФЁДОРОВ

N. BLOME. *Angela Merkel — Die Zauder-Künstlerin*. München. By Pantheon Verlag. 2013. 206 S.; V. RESING. *Die Kanzler-Maschine. Wie die CDU funktioniert*. Verlag Herder GmbH. Freiburg. 2013. 223 S.

Н. БЛОМЕ. *Ангела Меркель — нерешительность как искусство*. Мюнхен. 2013. 206 с.; Ф. РЕСИНГ. *Машина канцлера: как функционирует ХДС*. Фрайбург. 2013. 223 с.

Обе книги были изданы в Германии в 2013 г., когда до парламентских выборов оставалось еще полгода, но авторы не сомневались в их исходе: победителем будет Ангела Меркель и ее партия ХДС. Так и случилось. 22 сентября на очередных выборах в бундестаг ХДС/ХСС получили 41,5% голосов избирателей, и канцлером Германии в третий раз подряд стала Ангела Меркель, возглавившая после долгих переговоров «большую коалицию» ХДС/ХСС-СДПГ. Рейтинг Меркель, как показывали опросы, был выше, чем рейтинг ХДС, что обеспечило консерваторам лучший за последние 20 лет результат на выборах.

В чем кроется секрет ее личности? На этот вопрос пытается найти ответ известный немецкий журналист, заместитель главного редактора газеты «Бильд» Николаус Бломе. Об Ангеле Меркель известно все, или почти все: ее детство, юность, учеба, начало профессиональной деятельности в исчезнувшей ГДР, а затем неожиданный шаг в большую политику — фактически сразу в Ведомство федерального канцлера. Тем не менее, как пишет автор, Меркель до сих пор остается загадкой. Канцлер всегда упорно защищала неприкосновенность своей частной жизни и не только частной. В названии каждой главы в книге заключен вопрос. Какой представляется Ангела Меркель вблизи, что думает она о своих гражданах и что думают о ней немцы?

Журналисты, сопровождавшие канцлера в ее поездках, имели возможность наблюдать

Меркель в различных ситуациях. Она может быть неразговорчивой, жесткой (после Тэтчер, «железная леди» — это Меркель), необщительной, чересчур пунктуальной, работающая как «машина». Но, замечает Бломе, ее смех заразителен, она понимает и ценит юмор, и вообще — Ангела Меркель «очень обходительная, симпатичная и нормальная личность» (с. 26).

Вместе с тем, Меркель — политик. Она любит свою работу, относится к ней профессионально, не считаясь с собственными затратами и усилиями. Германия при ней, несмотря на серьезные кризисные потрясения в Европе, смогла сохранить экономическую стабильность, лидирующее положение в ЕС, наконец, уберегла еврозону от серьезных последствий. Да, немцы не очень довольны тем, что Германия «спасает» Грецию или Португалию, но их выгрыш куда больше, чем издержки.

Как журналист, Бломе не мог пройти мимо некоторых, свойственных Меркель «причуд», как говорят в Германии. Одна из них — это ее руки, которые Меркель любит складывать в треугольник. Подобные фотографии стали появляться в журналах, на предвыборных плакатах, обложках книг. Не обошлось и без мистики: якобы канцлер таким образом «общается с инопланетянами». У известных европейских политиков, их имена перечисляет Бломе, без труда можно отыскать разного рода «привычки», но это им не мешает, скорее наоборот, позволяет проявить свою индивидуальность.

О том, как Меркель «делает политику», Бломе рассказывает в последующих главах книги. Автора интересует поведение канцлера («Die Kanzlerin») на различных саммитах, встречах с зарубежными деятелями, в деловых поездках. Он выясняет, например, есть ли у Меркель «хобби». Так как ее частная жизнь закрыта, лишь немногие близкие друзья были в ее берлинской квартире, то судить о каких-то «увлечениях» Меркель сложно. Нет, конечно, автор описывает семейную жизнь Меркель, совместные с мужем завтраки, ее футбольные пристрастия, но все это без всякой сенсационности. В этом проступает постоянная нацеленность на дело. В конце концов, избиратель голосует за Меркель, а не за ее «хобби».

Сентенция автора о том, что власть для Меркель значит многое, потому она и держится за нее, не лишена оснований. Власть расширяет возможности человека. В последнее время Европа пережила немало скандалов, имевших отношение к политикам самого высокого ранга. Меркель никогда не отличалась «подковерной борьбой», хотя серьезные конкуренты в партии у нее были, но, как говорится, «ушли». И пусть власть Меркель, пишет автор, есть «власть момента», она верна себе: «Я всегда могу сказать — этого я не хочу. Но, я никогда не скажу: это хочу я» (с. 102). С другой стороны, громкие дифирамбы в ее адрес тоже излишни. В 2005 г., когда Меркель стала канцлером, в ХДС было 550 тыс. членов, а в начале 2013 г. — 484 тысячи. При Меркель власть ХДС с 10 земельных правительств сократилась наполовину, то есть на уровне федеральных земель ХДС уступает СДПГ (с. 109). Так что новая «большая коалиция» — это не победа Меркель, а компромисс, весьма неприятный для консерваторов.

«Как долго хочет она оставаться во власти?» — задает вопрос Бломе. По его предположениям, глава правительства покинет свой пост в середине 2015 года (с.196). Однако решающее слово за однопартийцами. Именно о партии идет речь во второй книге журналиста и историка, редактора «Католического вестника» Фолкера Ресинга.

У нас не так много книг о деятельности христианских демократов в Германии. Исто-

рики и политологи чаще пишут о политиках, чем о партиях. ХДС с полным основанием можно назвать «партией власти», естественно не применительно к российской действительности, а соотнеся с немецкими реалиям. Ее председатель и первый федеральный канцлер Аденауэр в одной из своих последних речей сказал: «Нужно сделать все, что мы можем, чтобы наша партия оставалась первой партией в ФРГ». Книга Ресинга может считаться научной, хотя, и написана без архивных ссылок, в основном на опубликованной о ХДС литературе. Основная задача автора — показать направленность и содержание эволюции ХДС при Меркель. Последняя, она же первая, модернизация партии состоялась при Гельмуте Коле во второй половине 1970-х годов. Была принята Основная программа (1978), партия расширила социальную базу, выдвинула новых лидеров в своих партийных структурах, «переварила» применительно к своим доктринам восточную политику социал-демократов. Это принесло успех: в октябре 1982 г. ХДС/ХСС вернулись к власти, а кресло канцлера до выборов 1998 г. оставалось за Коле. Автор часто обращается к наследию Коля, видимо с тем, чтобы сравнить два стиля руководства партией.

Что нового привнесла в ХДС Ангела Меркель, избранная ее председателем в 2000 году? Прежние партийные установки не отражали реалий, свойственных немецкому обществу нового тысячелетия. Прежде всего, как отмечает Ресинг, Меркель вывела партию из кризиса, в котором она пребывала после скандала с «черными кассами». Пришлось «пожертвовать» даже Коле, и не им одним. Меркель было непросто в окружении таких политиков, как Штойбер, Херцог, Мерц и др., которые сомневались в способностях Ангелы, чье детство и юность прошли в ГДР. Поддержку Меркель оказал Вольфганг Шойбле, выдвигенец Гельмута Коля, который ради карьеры и в интересах партии принял ее сторону. Шойбле входил во все правительственные кабинеты Меркель. Возвращение к власти в 2005 г. не остановило партийную модернизацию. Первоочередной задачей, как показывает автор, стала разработка новой иммиграционной политики.

В ХДС не собирались превращать Германию в «страну эмигрантов». Первоочередным для руководства партии было снятие многолетнего «табу» с этой проблемы, налаживание позитивного диалога между мусульманами и немцами. Пример был подан: в декабре 2012 г. на съезде ХДС в Ганновере в президиум партии была избрана Емине Демирбюкен-Вегнер, турецкого происхождения, член правления ХДС с 2004 года. Еще трое политиков-мусульман, один из которых, марокканец, были избраны в правление ХДС. Тем самым в партии появились конкретные политики, которые будут заниматься вопросами иммиграции.

ХДС пришлось корректировать «семейную политику», изыскивать новые источники финансирования, преодолевая сугубо консервативные подходы к семье, воспитанию детей, функциям родителей и государства. Следовало ли при этом старой формуле «Семья есть там, где родители за своих детей и дети за своих родителей несут ответственность» или социал-демократическому слогану «Семья есть там, где есть дети»? Проблема не так проста, подчеркивает автор. Как сохранить консервативные ценности, когда традиционная немецкая семья исчезает? ХДС приходится оглядываться и на своего баварского союзника ХСС, консерватизм которого менее податлив новым веяниям (с. 60).

Авторитет Меркель и ее властные полномочия, несомненно, повлияли на перемены в ХДС, на принятие новых установок по широкому спектру проблем: воинской обязанности, атомной энергетике, системе образования, минимуму заработной платы, взаимоотношений с социальными комитетами и профсоюзами. Автор последовательно рассматривает каждую проблему, процесс принятия решений, внутрипартийные дебаты и дискуссии в бундестаге.

Во второй части своей книги Ресинг представляет читателям структуру ХДС, место, роль и функции партийных объединений, стиль, методы и формы руководства, перспективы программного и организационного развития. «Сердце партии» — окружные союзы, которых в ХДС примерно 356 и в которых ХДС

черпает свою силу и уверенность (с. 89). Союз в свое время, пишет автор, называли «партией Коля». Действительно, Коль, подавив в конце 1980-х гг. «путч» партийных оппозиционеров, установил на долгие годы непререкаемый авторитет.

Насколько прочны позиции Меркель? Много будет зависеть от того облика, что приобретет ХДС в ходе модернизации. Возможно, значение будет иметь продолжающаяся в ХДС дискуссия о том, сохранять ли определение «христианский» в названии союза. Меркель обязала членов правления письменно высказать свои соображения, что значит для них буква «Х» в партийном названии.

Подобная инициатива не оставила в стороне церковь, которая имеет свой вес в партии и обществе. Большинство по опросам высказалось за сохранение прежнего названия партии, но на лицо стремление части руководства освободиться от христианской идентификации.

В заключительной главе книги Ресинг, как и Бломе, рассуждает на тему о том, что будет «после Меркель». Превзойдет ли она «канцлерский рекорд» Коля — 16 лет у власти? Нужно ли это Германии? Так как автор писал книгу до выборов, анализируя высказывания и предположения политологов, то сомнений у него на этот счет немало. Однако результаты выборов в бундестаг показали: потенциал у Меркель и ХДС существует. Что касается кризисов, с Меркель или без нее, они никуда не уйдут. ХДС, как заключает Ресинг, в модернизации «должна вновь найти свой центр». Вот только где на этот раз будет находиться этот «центр»? Не придется ли партии существенно поступиться своим консерватизмом. Автор предлагает подумать над афоризмом Платона: «Я не знаю безопасного пути к успеху, но есть безопасный путь к неудаче, который хотели бы иметь все» (с. 218—219).

Обе книги, несомненно, будут полезными при изучении современной Германии, личности ее канцлера Ангелы Меркель, проблем и перспектив в политическом развитии страны.

Б.В.ПЕТЕЛИН

**Учредители: ООО «Редакция журнала «Вопросы истории»
Российская академия наук**

**Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати 11 сентября 1996 г.
Регистрационный № 894**

Главный редактор А.А. ИСКЕНДЕРОВ

Редакционная коллегия:

**М.А. Лагода, Е.П. Лебедева, Б.В. Левшин, В.В. Поликарпов, О.А. Ржешевский, В.Л. Сорокин,
В.В. Шелохаев, В.Л. Янин**

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией, ссылка на «Вопросы истории» обязательна

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция не имеет возможности вступать в переписку

«Вопросы истории» № 6, 2014

Адрес: Редакция журнала «Вопросы истории».
Малый Путинковский пер., дом 1/2, Москва, К-6, ГСП-4, 127994.
Телефон: (495) 650-96-21. E-mail: 095history@mail.ru

Оригинал-макет номера подготовлен в редакции

Подписано в печать 25.05.2014. Формат 70x108¹/₁₆. Бумага газетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 15,4. Уч.-изд. л. 18,00. Тираж 1800. Заказ 175. Индекс 70145.

ООО «Редакция журнала «Вопросы истории»

Индекс 70145

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**